
Гвардия Октября/Петроград

Петроград

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

Гвардия Октября

ББК 63.3(2)711.1
Г25

Составитель И. Г. Лупало

Г $\frac{0505030101-071}{079(02)-87}$ 130—87

Предисловие

Историю творят люди. Революции свершаются массами. Безликая история — не история. История революции без революционеров — мертва. Революция нуждается в героях, и она рождает их. Да, история знает не одну революцию, и каждая из них выдвигала множество героев — дерзновенно смелых и осмотрительных, с горячими сердцами и трезвым разумом, людей действия и людей мысли — таких разных по своим индивидуальным качествам и таких похожих — преданностью революции, любовью к народу своей страны, мечтой о счастье. Великолепную когорту талантливых, ярких борцов выдвинула французская буржуазная революция. Но такой блистательной плеяды революционеров, как в России 1917 года, история не знает. Это понятно. Чем масштабней и глубже революция, чем больше народных масс в нее вовлекается, тем шире круг руководителей, тем одаренней, тверже, целеустремленней они должны быть, тем выше требования, которые предъявляет к ним история.

Великая Октябрьская социалистическая... Такой революции человечество не видело за долгие века своего развития. Она потрясла мир. Она открыла новую эпоху, ее влияние распространилось на все континенты и страны планеты; оно продолжает сказываться и сейчас, через семь десятилетий.

«Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза.

Эту великую революцию совершили трудящиеся России во главе с героическим рабочим классом, ведомые большевистской партией. Создатель и вождь партии стал и главным героем Октября. Он провозгласил и обосновал курс на перера-

стание буржуазно-демократической революции в социалистическую, разработал стратегию и тактику партии в борьбе за победу Октября, непосредственно возглавил взятие государственной власти пролетариатом. Вместе с В. И. Лениным победу ковали коммунисты, люди, которые составили гвардию революции, ленинскую гвардию.

Вошедшие в нашу литературу понятия «герои Октября», «гвардейцы Октября», «ленинская гвардия», «гвардия революции» образны и широки. В разных книгах они трактуются по-разному. Порой речь идет о близких соратниках Ленина, в других книгах имеется в виду более широкий круг руководителей, включая членов городских, губернских партийных комитетов, большевиков, возглавивших местные Советы, профсоюзы, фабзавкомы, солдатские комитеты. А часто, говоря о гвардейцах Октября, историки и литераторы с полным основанием включают в это понятие всех членов большевистской партии, боровшихся с 1917 года за победу нашей революции.

В самом деле, кто, как не 350 тысяч коммунистов (столько было в рядах партии осенью 1917 года), были творцами Великого Октября, его солдатами и героями? Они были всюду — от западных рубежей, где тянулись окопы империалистической войны, до Тихого океана, от заполярного Мурманска до самой южной точки страны — крепости Кушка. Об их славе и делах знали и слышали в заводских цехах, на крестьянских сходках, на боевых кораблях, во фронтовых полках и дальних гарнизонах. Они были среди народа и во главе его.

Седые ветераны борьбы с капиталом и молодые партийцы, лишь вчера впервые в жизни спевшие «Интернационал», люди в рабочих куртках, солдатских шинелях, матросских бушлатах, командиры красногвардейских патрулей и революционных солдатских взводов, ораторы на бурлящих митингах — все они, члены Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), коммунисты, единомышленники, повели рабочих и крестьян России на штурм старого мира.

Понятно, что мы не сможем воссоздать в одной книге коллективный портрет этого авангарда революции. Портрет этот на протяжении 70 лет пишут историки и писатели, художники и композиторы, поэты и кинематографисты. Коллективный портрет авангарда революции на сегодня — многие тысячи научных монографий и статей, романов и повестей, рассказов и поэм, театральных спектаклей и кинофильмов, монументальных художественных полотен и мимолетных зарисовок. Портрет этот составляют извлекаемые из архи-

вов все новые и новые документы, пожелтевшие фотографии. Он складывается из многочисленных воспоминаний участников событий, которые рассказывают «о времени и о себе», о друзьях, павших в первых боях или принявших эстафету. Расширять коллективный портрет, дополнять его новыми яркими именами, делать его еще более достоверным и одухотворенным — задача современников и будущих поколений.

В данной книге рассказывается лишь о небольшой части героев Октября и лишь о некоторых событиях тех дней.

В первой книге собраны материалы о большевиках, которые вели массы к победе в вооруженном восстании в Петрограде. Вторая книга посвящена борьбе за власть Советов в Москве.

Об отдельных событиях тех дней рассказывают непосредственно их участники, о других — писатели и публицисты. Часть очерков публиковалась ранее, но, доработанные и собранные в одном издании, они дают современному читателю возможность получить важные и ценные исторические сведения, ощутить дух эпохи, составить представление о бойцах ленинской гвардии. Эта гвардия вобрала в себя цвет России. Ее составляли выходцы из рабочих, крестьян, разночинной и дворянской интеллигенции. Но из какой бы среды они ни вышли, все они до конца посвятили свою жизнь долгу рабочего класса, делу социализма. Среди них были представители разных народов России, олицетворяя своим единством непреоборимую силу пролетарского интернационализма. У всех были «мирные», «гражданские» профессии — инженеров и адвокатов, машинистов и врачей, слесарей и учителей. Но одна профессия — революционер — была общей для всех. И не было в России тех лет профессии более важной и нужной народу, не было звания более славного, судьбы более высокой, чем солдат революции.

Все они сами избрали свой путь, полный лишений и опасностей. Они шли по этому пути, теряя друзей и близких, через баррикады 1905 года, через тюрьмы, каторжные этапы, ссылки, шли за Лениным, ни на миг не опуская Красное знамя.

А когда грянул решительный бой, они, по определению Ленина, проявили максимум революционности, непреклонно отстаивали линию партии, укрепляли ее единство, твердо и уверенно шли к победе вооруженного восстания, к полновластию Советов.

В материалах этой книги показано величие дел, свершенных в октябре 1917 года, торжество революционного гуманизма, ибо герои книги боролись в октябрьские дни за победу

самых высоких, чистых нравственных принципов — идей гуманизма и социальной справедливости.

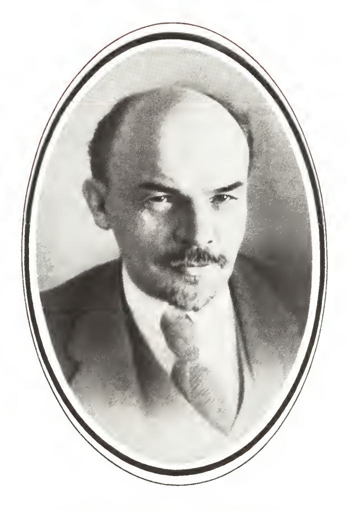
Читая и перечитывая материалы о незабываемом семнадцатом годе, о людях, прокладывавших дорогу в будущее, снова вспоминаем слова В. И. Ленина: «...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн»[1].

Мы видим и чувствуем живую связь времен, политики, революционных традиций, их созвучие с общей морально-политической атмосферой, сложившейся в нашей стране после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК, XXVII съезда партии.

Ю. Поляков,
член-корреспондент АН СССР

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

Владимир Ильич
ЛЕНИН

Ленин (Ульянов) В. И. (1870—1924 гг.) — величайший пролетарский революционер и мыслитель, создатель Коммунистической партии Советского Союза, вдохновитель и вождь Великой Октябрьской социалистической революции, основатель первого в мире государства трудящихся.

Родился в семье инспектора народных училищ, видного просветителя Ильи Николаевича Ульянова,

в г. Симбирске. Революционную деятельность начал в 1887 г., будучи студентом Казанского университета. За участие в студенческом движении был исключен из университета и выслан под надзор полиции. В 1891 г. в Петербурге сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета университета. Работал помощником присяжного поверенного в Самаре, а затем в Петербурге, где вскоре стал признанным лидером российских марксистов. В 1894 г. написал книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой первым из марксистов выдвинул задачу создания в России партии рабочего класса. В 1895 г., объединив марксистские кружки Петербурга, создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За революционную деятельность в декабре 1895 г. был арестован и в 1897 г. выслан в с. Шушенское Енисейской губернии. В ссылке написал более 30 работ, в том числе закончил книгу «Развитие капитализма в России». В 1900 г. выехал за границу, где организовал издание первой общероссийской политической газеты «Искра». В 1902 г. в труде «Что делать?» и ряде других работ сформулировал теоретические и организационные основы пролетарской партии нового типа, которая была создана на II съезде РСДРП (1903 г.), положившем начало большевизму. В 1905 г. вернулся в Петербург. В годы революции 1905—1907 гг. направлял революционную деятельность большевиков, разработал стратегию и тактику партии рабочего класса в буржуазно-демократической революции эпохи империализма. В работах этого периода на основе опыта революции им были развиты положения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и руководящей роли партии, о союзе рабочего класса и крестьянства, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и др. В годы реакции, после поражения революции, эмигрировал за границу. В 1908 г. написал работу «Материализм и эмпириокритицизм», ставшую крупнейшим вкладом в развитие марксистской философии. Вел непримиримую борьбу с ликвидаторами за сохранение революционной партии, против троцкизма, против оппортунизма в международном рабочем движении. С наступлением нового революционного подъема руководил 6-й Пражской конференцией РСДРП (январь 1912 г.), по своему значению равной съездам партии, которая разработала тактику революционной борьбы и изгнала из партии меньшевиков-ликвидаторов. Чтобы быть ближе к России, Ленин в 1912 г. переехал в Краков. В связи с усилением в канун первой мировой войны пропаганды социал-шовинизма и национализма уделял большое внимание политике партии в национальном вопросе. Во время войны, находясь в Швейцарии, решительно выступил в защиту принципов пролетарского интернационализма в работах «Крах II Интернационала», «Социализм и война» и др. Величайшее историческое значение имеет труд «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.), в котором Ленин обосновал закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и сделал вывод о возможности победы социализма в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране. Вел большую работу по сплочению интернационалистских элементов в международном рабочем движении. После свержения самодержавия в «Письмах из далека» Ленин дал оценку движущих сил и характера Февральской буржуазно-демократической революции и указал на необходимость перехода к революции социалистической. Вернувшись 3 апреля 1917 г. из эмиграции, выдвинул в Апрельских тезисах, в докладе на 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДП(б), план мирного развития революции

в условиях двоевластия под лозунгом «Вся власть Советам!», руководил борьбой партии за проведение этого курса. После июльских событий, когда власть полностью перешла в руки буржуазии, Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина, который вынужден был скрываться сначала в Разливе под Петроградом, а затем в Финляндии. Сохраняя тесную связь с ЦК, Ленин из подполья руководил всей деятельностью партии. Разработанная им в статьях «К лозунгам», «Уроки революции» и др. новая тактика легла в основу решения VI съезда РСДРП(б), взявшего курс на подготовку вооруженного восстания. В подполье были написаны «Государство и революция», крупнейший теоретический труд о государстве и диктатуре пролетариата, «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», излагавшая экономическую платформу большевиков. После разгрома корниловщины в статье «О компромиссах» Ленин вновь указал на возможность мирного развития революции, однако его предложения меньшевиками и эсерами были отвергнуты. В сентябре — октябре он написал письмо в ЦК и статьи «Марксизм и восстание», «Кризис назрел», «Советы постороннего», брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?» и др., в которых доказал, что назрел момент для штурма власти буржуазии, что большевики могут и должны победить и возглавить строительство нового общества, разработал план и тактику вооруженного восстания. В начале октября 1917 г. нелегально вернулся в Петроград. Под его руководством ЦК РСДРП(б) 10 (23) октября принял резолюцию о вооруженном восстании, подтвержденную расширенным заседанием ЦК 16 (29) октября. Ленин направлял деятельность ПВРК и Военно-революционного центра. В ночь на 21 октября (3 ноября), заслушав руководителей Военной организации при ЦК РСДРП(б), дал ряд важных указаний о тактике проведения вооруженного восстания. 24 октября (6 ноября) направил членам ЦК письмо с требованием немедленно перейти в наступление, так как «промедление смерти подобно» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 436). Вечером Ленин прибыл в Смольный, взял в свои руки руководство вооруженным восстанием. Утром 25 октября (7 ноября) Ленин написал воззвание «К гражданам России!», в котором объявлялось о низложении Временного правительства и победе социалистической революции. На втором заседании II Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) огласил написанные им Декреты о мире и о земле, принятые съездом. Съезд образовал первое рабоче-крестьянское правительство — СНК во главе с В. И. Лениным. Ленин возглавил борьбу Коммунистической партии и народа за укрепление Советской власти, за построение социализма. В. И. Ленин руководил заседаниями ЦК РСДРП(б), СНК, участвовал в заседаниях ВЦИК. С октября 1917 г. по ноябрь 1918 г. председательствовал на 166 из 173 заседаний СНК, разработал или участвовал в разработке 3 тысяч декретов; с 25 октября 1917 г. по 4 июля 1918 г. 86 раз выступал перед трудящимися. Им была написана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», игравшая до V Всероссийского съезда Советов роль Конституции. По предложению Ленина образован чрезвычайный орган по борьбе с контрреволюцией — ВЧК, подготовлен и принят декрет о создании Красной Армии. Огромные усилия были приложены Лениным, чтобы вывести Россию из первой мировой войны и заключить в марте 1918 г. Брестский мир, обеспечив необходимую стране мирную передышку. Во время мирной передышки Ленин в работах «Очередные задачи Советской власти», «О левом ребячестве и мелкобуржуазности», «Набросок плана научно-технических работ» и др.

разрабатывает план построения основ социалистической экономики, раскрывает проблемы переходного от капитализма к социализму периода. По его инициативе и при непосредственном участии разработаны и приняты декреты по продовольственным вопросам, ознаменовавшие углубление социалистической революции в деревне. Под руководством Ленина подготовлена принятая в июле 1918 г. первая Советская Конституция.

Во время гражданской войны Ленин возглавил борьбу против интервентов и внутренней контрреволюции. Даже в тяжелых условиях первых лет Советской власти он не прекращал большой теоретической работы. Осенью 1918 г. вышел труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в котором раскрывалась сущность диктатуры пролетариата как высшей формы демократии. Большое значение для международного коммунистического и рабочего движения имела написанная в 1920 г. работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», освещающая международное значение исторического опыта большевистской партии.

После разгрома интервентов и белогвардейцев и окончания гражданской войны Ленин разработал новую экономическую политику — программу восстановления разрушенного народного хозяйства, рассчитанную на полную победу социалистического уклада и вытеснение капиталистических элементов. И во время войны, и в условиях перехода к мирному строительству занимался всеми вопросами хозяйственного, государственного, национально-государственного строительства. По его инициативе подготовлен первый план развития народного хозяйства страны — план ГОЭЛРО, создан Союз Советских Социалистических Республик.

В конце декабря 1922 г.— начале 1923 г. Ленин продиктовал письма по внутрипартийному и государственным вопросам: «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и ряд статей — «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше». Эти письма и статьи по праву называют политическим завещанием Ленина. Они явились завершающим этапом в разработке Лениным плана построения социализма в СССР, осуществление которого привело к построению в СССР социалистического общества.

Трудный жизненный путь профессионального революционера, напряженная деятельность на посту главы партии и государства, тяжелое ранение во время покушения 30 августа 1918 г. подорвали здоровье Ленина. Он скончался после тяжелой болезни 21 января 1924 г. в Горках под Москвой. Смерть Ленина была воспринята как величайшая утрата всем советским народом и трудящимися всего мира. С именем Ленина связана вся современная эпоха — эпоха смены капитализма новой, коммунистической формацией. Ленинские идеи продолжают оказывать сильнейшее, глубокое воздействие на весь ход мирового развития. Его имя стало символом борьбы за социальное переустройство общества, за мир без войн и эксплуатации.

* * *

Владимир Ильич
ЛЕНИН

Рассказывают те, кто шел с Лениным к Октябрю[1]

В богатой галерее великих представителей рабочего класса, класса, призванного служить самому великому и самому спасительному перевороту, который знала человеческая история, мы все-таки не найдем, кроме самого основоположника великого учения — Карла Маркса, ни одной фигуры, которая могла бы стать рядом с Лениным и по качеству самой природы своей, и по величию дела, которое он создал.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

О Ленине можно с предельной точностью сказать, что дума о научно обоснованном и решительном революционном преобразовании нашей Родины была всепокоряющей думой его жизни. И он не щадил сил своей пламенной души на этой великой своей пожизненной вахте.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Н. К. Крупская

С первых же минут, как пришла весть о Февральской революции, Ильич решил ехать в Россию, рвались туда и другие большевики. Англия и Франция не соглашались пропускать в Россию большевиков. Во время войны проехать нелегально нельзя было никак. «Мы боимся,— писал Ильич,— что выехать из Швейцарии не скоро удастся».

Через швейцарцев начались переговоры с германским правительством. Швейцарский социалист-интернационалист Фриц Платтен заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Сопровождать русских эмигрантов обязался Платтен, никто в вагон без разрешения Платтена входить не мог. Никто не имел права контролировать ни паспортов, ни багажа едущих эмигрантов. Едущие обязались агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-венгерских интернируемых.

Тогда на основе такого соглашения рискнули ехать лишь большевики (32 человека поехали), а месяц спустя тем же путем через Германию проехало свыше 200 эмигрантов, в том числе Мартов и ряд других меньшевиков.

Перед отъездом Ильич написал в швейцарскую газету «Volksrecht» прощальное письмо швейцарским рабочим, кончавшееся словами: «Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!», написал письмо и товарищам, томящимся в плену, с которыми из Швейцарии большевики вели большую переписку.

[1] Подборка воспоминаний сделана в основном по книге: Ленин. Октябрь семнадцатого. М., 1986, т. 1—2.

Проехали благополучно. В Стокгольме торжественную встречу нам устроили шведские социал-демократические депутаты. На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию...

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, и я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались.

М. И. Ульянова

К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!»

Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствующие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором, броневик тронулся к дому Кшесинской, а Ильич, оборачиваясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружавших его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия.

Из сообщения газеты «Правда»

...Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе, указав, что пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата.

М. И. Ульянова

Во дворце Кшесинской собрались партийные товарищи. Посыпались приветствия, но Владимир Ильич очень быстро перевел разговор на деловые темы. Он обратился к собрав-

шимся с речью, в которой изложил свою точку зрения на ближайшие задачи, стоящие перед партией в связи с создавшимся положением. Он высказал те положения, которые были на следующий день изложены им на фракции Петроградского Совета рабочих депутатов и нашли свое выражение в его знаменитых Апрельских тезисах.

П. М. Быков [1]

Утром 4 апреля 1917 года мы, большевики,— делегаты Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов — узнали, что сегодня перед нами выступит вернувшийся из-за границы Ленин. Это сообщение меня очень взволновало и обрадовало.

Не теряя ни одной минуты, я поспешил в Таврический дворец. В большой комнате (буфете) на хорах, где обычно заседала большевистская фракция Петроградского Совета, к моему приходу уже собралось много большевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов и активистов петроградской большевистской организации. То там, то тут группами и по двое стояли и ходили люди, горячо обсуждая вчерашние выступления Ленина на площади у Финляндского вокзала и во дворце Кшесинской. Все говорили о том, что Ленин по-новому поставил вопрос о революции, что Ленин очень недоволен примиренческой тактикой некоторых руководителей партии. Перед началом собрания комната была заполнена до отказа.

А. М. Коллонтай

Ленин вошел на трибуну как-то незаметно и сел не за стол президиума, а на стул сзади. «Ленин...»— пронеслось шепотом по залу...

Ленин не пошел на ораторскую трибуну, а не спеша подошел к самому краю эстрады, точно хотел быть ближе к самим депутатам, точно собирался разговаривать с ними, как говорил на наших собраниях политэмигрантов в Женеве или Париже. Внимательные, ожидающие глаза депутатов на скамьях, где группировались солдаты и рабочие, впились в Ленина. Ленин начал говорить ровным, спокойным голосом, чуть картавя, удивительно просто и понятно...

[1] Быков П. М. (1888—1953) — член КПСС с 1904 года, в 1917 году председатель исполкома Екатеринбургского Совета, организатор отрядов Красной гвардии на Урале, делегат II съезда Советов, член Петроградского ВРК.

Из доклада В. И. Ленина на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, 4 апреля [1]

— В нашем отношении к войне и при новом правительстве, которое остается империалистическим, недопустимо ни малейшей уступки оборончеству. Массы смотрят на дело практически, а не теоретически. Они говорят: «Я хочу защищать отечество, а не захватить чужие земли». Когда можно считать войну своей? При полном отказе от аннексий.

Массы подходят к вопросу не теоретически, а практически. Наша ошибка — подход теоретический. На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетарий может дать согласие. С представителями солдатской массы надо ставить вопрос практически, иначе нельзя. Мы — вовсе не пацифисты. Но основной вопрос: какой класс ведет войну? Класс капиталистов, связанный с банками, никакой другой войны, кроме империалистической, вести не может. Класс рабочий — может. Стеклов, Чхеидзе все забыли. Когда читаешь резолюцию Совета Р. Д., поражаешься, как люди, заявляющие себя социалистами, могли вынести такую резолюцию...

Ввиду несомненного наличия оборонческого настроения в широких массах, признающих войну *только по необходимости,* а не ради завоеваний, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им, что кончить войну не насильническим миром нельзя без свержения капитала. Эту мысль необходимо развивать широко, в самых широких размерах. Солдаты требуют конкретного ответа — как кончить войну. Но обещать людям, что мы можем кончить войну по одному доброму желанию отдельных лиц,— политическое шарлатанство. Необходимо массы предупредить. Революция — вещь трудная. Без ошибок нельзя. Ошибка в том, что мы (не разоблачили?) революционное оборончество во всей его глубине. Революционное оборончество — измена социализму... Мы должны базироваться только на сознательности масс. Если даже придется остаться в меньшинстве,— пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве...

Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром револю-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 104—111.

ции. Это — гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве. Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе. Если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец (оборонцам),— это будет измена международному социализму. Если мы отступимся от тех людей... к нам придет всякий угнетенный, потому что его приведет к нам война, иного выхода ему нет...

Пора признать ошибку. Довольно приветствий, резолюций, пора начать дело...

Настоящее правительство — Совет рабочих депутатов. Думать иначе значит впадать в анархизм. Признанный факт, что в С.Р.Д. наша партия — в меньшинстве. Надо разъяснять массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство, еще невиданное в мире, кроме Коммуны. Что если Совет рабочих депутатов в большинстве стоит на оборонческой точке зрения? Ничего не поделаешь. Нам остается лишь разъяснять терпеливо, настойчиво, систематически ошибочность их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики, дабы избавить массы от обмана. Мы не хотим, чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок...

— *Общий итог.*

Совет рабочих депутатов создан, он пользуется огромным влиянием. Все инстинктивно ему сочувствуют. В этом институте сочетается гораздо больше революционной мысли, чем во всех *революционных фразах*. Если Совет рабочих депутатов сможет взять управление в свои руки,— дело свободы обеспечено. Если напишете самые идеальные законы,— кто будет проводить их в жизнь?— Те же чиновники, но они связаны с буржуазией...

Н. К. Крупская

Ленин в десятке тезисов изложил свой взгляд на то, что надо делать сейчас. Он дал в этих тезисах оценку положения, ясно, четко наметил те цели, к которым надо стремиться, и пути, по которым надо идти, чтобы добиться этих целей. Публика наша как-то растерялась в первую минуту. Многим показалось, что очень уж резко ставит вопрос Ильич, что говорить о социалистической революции еще рано...

Ильич выступил со своими знаменитыми тезисами в них была целая новая революционная программа действий.

М. Н. Свешникова [1]

Всем теперь известны знаменитые Апрельские тезисы Ленина. Но если б вы знали, каким великим откровением были они для нас в то время. Будто сквозь темную завесу прорвался сноп света и озарил дорогу вперед. Ясные и твердые ленинские установки нацелили партию, трудовой народ на верный путь. Ленин заклеймил грабительскую войну, которую продолжало вести буржуазное Временное правительство. Ленин, определив главное направление борьбы, говорил: республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране; конфискация помещичьих и национализация всех земель; слияние всех банков в один общенациональный банк; контроль Советов над производством и распределением продуктов. Это были самые важные первоочередные задачи, понятные и близкие рабочим.

В апреле семнадцатого года рабочим и работницам довелось впервые услышать ленинские слова, в которых отлились всенародное горе, муки и гнев трудящихся и их решимость самоотверженно бороться за свое освобождение от капиталистического ига.

Простые и мудрые ленинские слова помогали нам, большевикам, постепенно завоевывать на сторону нашей партии все более широкие массы рабочих, солдат, матросов, крестьян-бедняков.

Из статьи В. И. Ленина «О двоевластии» [2]

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие...*

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии,* сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство:* Советы рабочих и солдатских депутатов...

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над

[1] Свешникова М. Н. (1895—1975) — член КПСС с 1915 года, петроградская работница, участница Октябрьской революции.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 145—148.

массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии...

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов,— за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия,— «социал-демократы», с.-р. и пр. и пр.,— колеблется, *мешая* этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, *классовое*, соотношение сил, определяющее наши задачи.

В. Д. Бонч-Бруевич[1]

Владимир Ильич терпеливо, настойчиво, изо дня в день разъяснял свою точку зрения, и с каждым днем его сторонников все прибывало.

Выступая на собраниях, конференциях, совещаниях, беседуя с каждой отдельной группой рабочих, проводя резолюции, он таким образом исполнял сам то, о чем заявил в своем первом выступлении, что «лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики» есть единственный способ для современного момента в борьбе против того шатающегося курса, который взял Совет рабочих депутатов в лице «всех мелкобуржуазных, оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов...».

Все эти разъяснения имели колоссальное значение для рабочих фабрик и заводов. Там, где вчера при голосовании еще были в большинстве представители меньшевиков и эсеры, вдруг неожиданно для себя они оставались в меньшинстве или получали такое незначительное большинство при грозных атаках ораторов из глубины рабочих масс, что сразу становилось ясным, что Февральская революция начинает постепенно переходить на другие рельсы.

[1] Бонч-Бруевич В. Д. (1873—1955) — член КПСС с 1895 года, профессиональный революционер, соратник В. И. Ленина, активный участник Февральской и Октябрьской революций.

Н. А. Милютин [1]

На рабочих собраниях и в казармах эти тезисы обсуждались с огромным напряжением. Роль нашей партии в несколько дней возросла неизмеримо.

Вопрос о хлебе, вопрос о мире, вопрос о доказательстве того, что необходимо в конечном счете будет и рабочим и крестьянам взять власть в свои руки,— эти вопросы были сформулированы Лениным открыто и ясно.

Владимир Ильич не призывал к немедленному восстанию, он говорил лишь о необходимости готовиться к этому, необходимости повседневного разъяснения массам целей и задач борьбы.

Из заметки «Пороховский район РСДРП», опубликованной в газете «Правда»

9 апреля состоялось районное собрание (Пороховской организации РСДРП Петрограда.— *Сост.*), на котором тов. Л. Сталь прочла доклад «Современный момент и тезисы Ленина». Собрание согласилось с основными положениями тезисов Ленина и выбрало 4 делегатов на общегородскую конференцию с мандатом голосовать за эту платформу.

Из протокола собрания членов РСДРП Василеостровского района Петрограда, 10 апреля

Обсудив тезисы Ленина, собрание считает их в общем и целом правильными и поручает своим представителям отстаивать их, но в результате дебатов на конференции могут вносить те или другие частные поправки.

Из резолюции собрания членов РСДРП Петроградского района Петрограда, 11 апреля

Обсудив тезисы тов. Ленина, общее собрание в принципе присоединяется к ним в общем и целом и поручает своим представителям отстаивать данные тезисы на общегородской конференции.

Н. И. Подвойский

Знаменитая речь Ленина (Апрельские тезисы.— *Сост.*) разнеслась по всей стране. Не было в России такого завода, такой казармы, где бы она не обсуждалась.

[1] Милютин Н. А. (1889—1942) — член КПСС с 1908 года, в 1917 году — командир отрядов Красной гвардии в Петрограде

Через большевистскую прессу, а также через так называемые землячества, стихийно возникшие среди рабочих и солдат и быстро возглавленные большевиками, подхватившими инициативу масс, эта речь была перенесена на фронт и в деревню. Многие тысячи сознательных рабочих, солдат и матросов приложили все усилия к тому, чтобы ленинская правда стала достоянием самых широких масс трудящихся.

Эта речь была самой пламенной, самой агитационной, самой действенной из всех речей, когда-либо прежде произносимых перед трудящимися.

Ф. Н. Самойлов [1]

Апрельские тезисы Ленина сплотили и организовали большевиков в Питере и на местах для борьбы за дальнейшее развертывание революции.

А. А. Андреев [2]

Яростным, злобным воем встретили ленинскую программу буржуазия, меньшевики и эсеры, поднявшие на страницах своей печати травлю большевиков и их вождя Ленина.

М. И. Ульянова

Они (Апрельские тезисы.— *Сост.*) вызвали бешенство буржуазии, дикий вой меньшевиков и эсеров. «Запломбированный» вагон, проезд через Германию были широко использованы ими с целью оклеветать вождя партии В. И. Ленина, отвлечь от большевиков несознательные слои рабочих и солдат, находившихся в плену мелкобуржуазных иллюзий.

Из резолюции митинга рабочих, солдат и матросов Петрограда и Кронштадта, 16 апреля

Мы, матросы, солдаты и рабочие, решительно протестуем против гнусной травли тов. Ленина в буржуазных газетах «Русская Воля», «Биржевые ведомости», «Новое Время» и других и против всех распространителей лжи и клеветы и заявляем, что травля Ленина есть одно из покушений на свободу, защищать которую мы клянемся до смерти.

[1] Самойлов Ф. Н. (1882—1952) — член КПСС с 1903 года, рабочий-текстильщик, депутат IV Государственной думы, председатель Иваново-Вознесенского Совета.
[2] Андреев А. А. (1895—1971) — советский государственный, партийный деятель, член КПСС с 1914 года, в 1917 году — член Петербургского комитета РСДРП(б), один из организаторов Петроградского союза металлистов, активный участник Октябрьской революции.

Из резолюции заседания Центрального бюро петроградских профессиональных союзов, 19 апреля

Мы самым решительным образом протестуем против той гнусной травли, которая ведется буржуазной частью общества против тов. Ленина и других социалистических деятелей и направлена к тому, чтобы посеять рознь между рабочими и солдатами революционной армии.

Г. И. Петровский [1]

Ленин в те дни развил кипучую деятельность. Он руководил всеми делами Центрального Комитета партии, часто выступал на митингах, партийных собраниях; почти каждый день в «Правде» появлялись его статьи. Только за первые три месяца по возвращении в Петроград Владимир Ильич написал свыше ста пятидесяти статей и несколько брошюр.

Л. Д. Елкин [2]

На 10 апреля Петроградской военной организацией было назначено собрание солдат (лейб-гвардии резервного Петроградского.— *Сост.*) полка в манеже... По сообщению Подвойского, руководителя Военной организации, к нам на собрание должен был приехать Владимир Ильич Ленин. Солдаты, узнав об этом, с большим интересом ожидали его приезда.

Объявляю собрание открытым и повестку дня: «Текущий момент». Докладчик — Владимир Ильич Ленин. Он встает. Улыбается. Солдаты сидят как загипнотизированные. Их взгляды устремлены на Ленина.

Л. П. Чубунов [3]

Владимир Ильич, обращаясь к присутствующим на митинге солдатам, говорил:

— Товарищи солдаты! Вопрос о государственном устройстве стоит теперь на очереди. Капиталисты, в руках которых сейчас государственная власть, хотят парламентарной буржуазной республики, т. е. такого государственного порядка,

[1] Петровский Г И. (1878—1958) — член КПСС с 1897 года, профессиональный революционер, депутат IV Государственной думы, активный участник подготовки и проведения социалистической революции в Петрограде, а затем на Украине

[2] Елкин Л. Д. (1893—1962) — член КПСС с 1917 года, солдат гвардейского Петроградского полка, с 21 октября — комиссар этого полка.

[3] Чубунов Л. П.— член КПСС с 1914 года, на военной службе в Балтийском флоте, председатель судового комитета РСДРП(б), член Гельсингфорсского комитета партии и президиума Центробалта.

когда царя нет, но господство остается у капиталистов, управляющих страной посредством старых учреждений, именно: полиции, чиновников, постоянной армии.

Мы хотим иной, более соответствующей интересам народа, более демократической республики. Революционные рабочие и солдаты Питера свергли царизм и дочиста очистили столицу от полиции. Рабочие всего мира с восторгом и надеждой смотрят на революционных рабочих и солдат России как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса. Начав революцию, надо укреплять и продолжать ее... Вся власть в государстве, снизу доверху, от самой захолустной деревушки до каждого квартала в Питере, должна принадлежать Советам рабочих, солдатских, батрацких, крестьянских и т. д. депутатов...

Землю крестьянские комитеты должны тотчас отобрать у помещиков, строго охраняя при этом от порчи всякое имущество и заботясь об увеличении производства хлеба, чтобы солдаты на фронте были лучше обеспечены. Вся земля должна принадлежать народу.

Ф. П. Матвеев [1]

Как сейчас, помню заседание солдатской секции Совета в Таврическом дворце 17 апреля 1917 года. На этом заседании присутствовало около двух тысяч солдат и матросов...

Меньшевики и эсеры встретили Ленина враждебными выкриками, репликами, шиканьем. Кое-кто даже пытался свистеть. Меня поразило исключительное спокойствие Владимира Ильича. Казалось, он даже доволен таким «теплым» приемом. Улыбающиеся глаза Ленина как бы говорили: «Ну что — шумите, шумите, я привык, выдержу. Мою правду не заглушить никаким шумом».

Когда шум наконец стих, Ленин начал свою речь. Говорил он удивительно просто, без прикрас, речь его поражала нас своей обнаженной правдой и несокрушимой логикой.

Н. И. Подвойский

18 апреля Милюков, который был тогда министром иностранных дел, послал ноту всем союзным государствам о том, что Россия готова вести войну до победного конца и сохранить верность союзникам. 19 апреля слухи об этом стали просачиваться на заводы, в солдатские казармы, повсюду вызывая крайнее возмущение масс.

[1] Матвеев Ф П (1893—1973) — в 1917 году солдат 176-го пехотного полка, депутат Петросовета.

Центральный Комитет в резолюции от 20 апреля разоблачил империалистическую политику Временного правительства (резолюция была написана В. И. Лениным.— *Сост.*).

В тот же день (20 апреля.— *Сост.*) революционный рабочий класс Петрограда после двухдневной... демонстрации снова вышел на улицу со своими знаменами и лозунгами. Буржуазия не ожидала такого выступления, она растерялась и не сразу приготовилась к тому, чтобы воспрепятствовать этой мощной демонстрации, продолжавшейся три дня. То была первая послефевральская схватка рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, и буржуазии — с другой.

Питерский пролетариат в этой грандиозной демонстрации был уже не один: его энергично поддержали войска. Финляндский полк, 180-й запасной полк, броневой дивизион, моряки Балтийского флотского экипажа и другие вооруженные части вышли на улицу, на площади и пришли к Мариинскому дворцу, где помещалось Временное правительство. Здесь, на той самой площади, на которой в 1825 году Николаем I было потоплено в крови восстание декабристов, потомки сраженных тогда солдат потребовали от министра иностранных дел Милюкова ответа по поводу его ноты союзникам, обещавшей, вопреки воле революционного народа, продолжение войны до победного конца. Спрятанные в разных местах провокаторы начали предательски стрелять в толпу. На улицах произошли схватки между офицерскими белогвардейскими бандами и отрядами вооруженных рабочих.

Если бы по указанию Владимира Ильича предварительно не была проведена агитационная работа среди солдат, схватка могла закончиться большим поражением рабочего класса.

Н. К. Крупская

21 и 22 апреля ЦК вынес резолюции, которые ясно указывают на необходимость разоблачить Временное правительство, осуждали соглашательскую тактику Петроградского Совета, призывали к перевыбору рабочих и солдатских депутатов, призывали укреплять Советы, звали вести широкую разъяснительную работу и в то же время указывали на несвоевременность попыток немедленного свержения Временного правительства.

Из статьи В. И. Ленина «Уроки кризиса»[1]

Петроград и вся Россия — пережили серьезный политический кризис, первый политический кризис после революции...

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 324—325

Вчера, 21 апреля, вечером кризис, по-видимому, закончился или по крайней мере закончилась его первая ступень: Исполнительный комитет Совета Р. и С.Д., а затем и Совет признали удовлетворительными «объяснения», поправки к ноте, «разъяснения» правительства (сводящиеся к пустейшим, ровнехонько ничего не говорящим, ничего не меняющим, ни к чему не обязывающим фразам) и признали «инцидент исчерпанным».

Признают ли широкие массы «инцидент исчерпанным», покажет будущее. Наша задача теперь внимательнее изучить *силы*, классы, обнаружившиеся в кризисе, и извлечь отсюда уроки для партии пролетариата. Ибо великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметают прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*...

А. А. Андреев

Вопреки пророчествам и противодействию меньшевиков и эсеров, влияние большевиков в массах рабочих, солдат и матросов расширялось с каждым днем. Большевистская партия сплотилась на основе Апрельских тезисов, ее организации быстро росли. За небольшой отрезок времени численность Петроградской организации достигла 16 тысяч членов партии... В таких условиях собралась Апрельская конференция, которая, собственно, носила характер съезда партии.

Речь В. И. Ленина
при открытии конференции,
24 апреля[1]

Товарищи, наша конференция собирается, как первая конференция пролетарской партии, в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции...

На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, которое, например, в Германии нарастает изо дня в день все сильнее и сильнее. Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи.

[1] *Ленин В И* Полн. собр соч., т 31, с. 341

Из доклада В. И. Ленина
о текущем моменте,
24 апреля (газетный отчет)[1]

Тов. Ленин выступил с докладом о текущем моменте.

Обрисовав позицию партии в вопросе о двоевластии, указав на то, что формы классовой борьбы изменяются в зависимости от объективных условий, что победа вооруженного народа над царизмом и установление — явочным порядком — полнейшей политической свободы сделали излишней и даже вредной иную борьбу с классовыми противниками пролетариата, кроме борьбы посредством политического воспитания и социалистического просвещения масс (разумеется, поскольку капиталисты сами не прибегают к насилию над большинством), докладчик перешел к рассмотрению объективной обстановки, созданной войной у нас и на Западе.

В один кровавый клубок спутано все человечество и выхода поодиночке нет. Невозможно кончить с войной односторонним отказом солдат какой-либо из воюющих сторон от продолжения ее. Выход — в переходе власти из рук империалистской буржуазии в руки пролетариата и примыкающих к нему по своему классовому положению полупролетарских слоев.

Советы рабочих и солдатских депутатов, все более и более расширяющие свою сеть на всю Россию, представляют новую своеобразную организацию государственной власти, по крайней мере, в зародыше...

Сейчас власть находится непосредственно в руках организованного и вооруженного народа. Орудия силы в распоряжении большинства. Правительство держится бессознательно доверчивым отношением к нему этого большинства. Поэтому задача дня — работа просвещения, разъяснение необходимости перехода власти в руки революционного класса, привлечение масс на сторону революционной социал-демократии.

Из введения В. И. Ленина
к резолюциям Седьмой (Апрельской)
Всероссийской конференции РСДРП(б)[2]

Товарищи рабочие! Приближается время, когда от вас события потребуют нового и еще большего героизма,— и притом героизма миллионов и десятков миллионов,— чем в славные дни февральской и мартовской революции. Готовьтесь.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 359.
[2] Там же, с. 456.

Готовьтесь и помните, что если вместе с капиталистами вы могли победить в несколько дней, простым взрывом народного возмущения, то для победы против капиталистов и над ними необходимо не только это. Для такой победы, для взятия власти рабочими и беднейшими крестьянами, для удержания ее, для умелого использования ее необходима организация, организация и организация.

Партия наша помогает вам, чем может, и, прежде всего, прояснением сознания относительно различного положения различных классов и различной силы их. Этому посвящены решения нашей конференции. Без этого ясного сознания организация ничто. Без организации невозможно действие миллионов, невозможен никакой успех.

С. И. Гопнер[1]

Широчайшие перспективы революции и ее международное значение были раскрыты в коротеньком вступительном слове Ленина на конференции. Ленин... с самого начала работы конференции предотвратил опасность сужения рамок предстоящей борьбы партии, умаления ее задач. Слова Ленина... напомнили о международных обязанностях российского пролетариата... Ленин предостерег партийную конференцию от опасности национальной ограниченности. Это вступительное слово Ленина, мысли которого он развивал и в последующих выступлениях, ориентировало партию на необходимость учета новой мировой обстановки, совершенно отличной от обстановки первой русской революции.

В. Ф. Алексеева[2]

С колоссальным вниманием делегаты слушали доклад Ленина. Ленин говорил страстно, убежденно. Делегаты активно реагировали на положения Ленина, встречали его речь аплодисментами, одобрительными возгласами. На лицах многих можно прочесть, что задачи перехода к социалистической революции, о которых говорил Ленин, воспринимались как откровение. Ленин смело расширял границы кругозора на путь, который предстояло проделать партии, на путь развития революции. У людей блестели глаза. Большевики слушали своего вождя, затаив дыхание.

[1] Гопнер С. И. (1880—1966) — член КПСС с 1903 года, в 1917 году — член Екатеринославского комитета РСДРП(б), делегат 7-й (Апрельской) партконференции.
[2] Алексеева В. Ф.— член КПСС с 1914 года, в 1917 году работала в бюро печати ЦК РСДРП(б), один из секретарей 7-й (Апрельской) партийной конференции.

Н. Б. Крушкол [1]

Писать об Апрельской конференции и вспоминать о ней — значит прежде всего писать о Ленине. Тогда я впервые увидела, что значит большевистское руководство. Ленин на конференции с необычайной страстностью и силой защищал свою линию, линию партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он с беспощадной резкостью, со злым сарказмом отвечал на оппортунистические полуменьшевистские речи Каменева и Рыкова и других.

Ленин говорил с таким глубоким убеждением, такими неопровержимыми доводами убеждал других, что казалось, ни у кого не может остаться никаких сомнений. И действительно, огромное большинство делегатов целиком поддерживало его.

С. И. Гопнер

Активность, работоспособность и энергию Ленина в эти дни трудно себе представить,— он поспевал всюду. Ленин — докладчик по важнейшим вопросам повестки дня, участник прений, автор проектов почти всех резолюций конференции. Он руководил работой конференции, участвовал в работе ее комиссий, переходя из одной в другую. Ленин выступил на конференции больше 20 раз... Все время в перерывах за ним ходили группами делегаты, желавшие побеседовать с ним. Неизвестно, когда он отдыхал.

Н. И. Подвойский

После конференции (Апрельской.— *Сост.*) Владимир Ильич продолжал с неослабным упорством и терпением при каждом случае разъяснять нам стоящие перед партией задачи.

— Самое главное теперь в том,— говорил он,— чтобы мы сами как можно теснее сплотились, чтобы как можно лучше осмыслили положение. Тогда мы дальше понесем свою агитацию и пропаганду, из стен заводов и фабрик в казармы, в гущу крестьянской массы и заставим ее понять, что рабочий класс не враг ей, что революция, которая началась в феврале, еще далеко не кончилась и что мы должны непременно довести ее до конца.

[1] Крушкол Н. Б. (1898—1983) — член КПСС с 1917 года, работала в Совете Петроградского района по формированию красногвардейских отрядов, затем была библиотекарем и помощником секретаря Петроградского райкома партии

И. Н. Колбин [1]

Мне выпала честь сопровождать в числе других товарища Ленина на первомайский митинг на Марсово поле.

Марсово поле было полно демонстрантов, колыхалось море красных знамен. Красота этого зрелища была необычайна, мне впервые пришлось увидеть такую массу народа под красными знаменами.

Н. К. Крупская

Ильич... первый раз принимал участие в такой грандиозной демонстрации, демонстрации масс, охваченных революционным настроением. Он вернулся домой глубоко взволнованный. Рассказывал мало, да и трудно ведь словами передать, что в тот момент было пережито. Но лицо было взволнованное, изменившееся как-то. Оно стоит у меня перед глазами.

Ем. Ярославский [2]

В мае 1917 года собрался I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Ленин обратился к этому съезду с «Открытым письмом», в котором... указывал наш путь, путь нашей партии большевиков, путь организованного восстания рабочих и крестьян против помещиков, капиталистов, путь пролетарской революции.

Д. И. Гразкин [3]

На съезде от фракции большевиков должен был выступить Ленин. Накануне выступления мы распространили среди делегатов его «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов».

Как только эсеры узнали, что от фракции большевиков будет выступать Ленин, они начали обрабатывать делегатов-крестьян, намереваясь сорвать выступление Ленина, не дать ему говорить.

[1] Колбин И. Н. (1893—1952) — член КПСС с 1917 года, матрос Балтийского флота, депутат Петроградского и Кронштадтского Советов, один из руководителей Кронштадтского комитета РСДРП(б).

[2] Ярославский Ем. М. (1878—1943) — советский государственный и партийный деятель, академик, член КПСС с 1898 года.

[3] Гразкин Д. И. (1891—1972) — член КПСС с 1909 года, в 1917 году — один из организаторов ревкома 12-й армии, член Бюро Военной организации большевиков, редактор «Окопной правды», участник I Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

Когда правый эсер Авксентьев, председательствовавший на этом съезде, объявил: «От фракции большевиков слово предоставляется товарищу Ленину», зал замер.

Поднявшийся на трибуну Владимир Ильич объяснил делегатам съезда, что он выступает от фракции большевиков.

В этот момент один из особенно горластых эсеров, очевидно подавая сигнал к новой обструкции, крикнул:

— Вот вам Ленин землю даст!

Владимир Ильич, как бы отвечая на этот выкрик, продолжал:

— Да, мы, большевики, предлагаем крестьянам брать землю сейчас же, немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания, или по крайней мере запахать ее на один год.— И Ленин стал доказывать, почему это необходимо сделать и как это надо сделать.

Каков же был ужас эсеров, когда на каждое доказательство Ленина делегаты-крестьяне стали отвечать возгласами: «Правильно!», «Верно!», «Мы и сами так думали, так и надо сделать!»

А. Е. Васильев [1]

I Петроградская конференция фабзавкомов... открылась 30 мая в помещении Государственной думы (Таврический дворец). На ней присутствовало 568 делегатов, представлявших около 400 тысяч питерских рабочих...

Н. П. Богданов [2]

Выступление Владимира Ильича мы, делегаты конференции, слушали с большим вниманием и интересом. В своей речи Ленин поставил перед большевистской партией, перед пролетариатом России важнейшие задачи борьбы за установление рабочего контроля на фабриках и заводах, на стройках, транспорте и пр. Его речь была опубликована в «Правде» и в дальнейшем сыграла огромную роль в развязывании революционной инициативы масс в деле осуществления действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов...

[1] Васильев А. Е. (1885—1970) — член КПСС с 1904 года, потомственный рабочий путиловец, председатель завкома, член Нарвско-Петергофского райкома партии.

[2] Богданов Н. П. (1896—1981) — член КПСС с 1914 года, строитель-железнодорожник, в 1917 году — секретарь профсоюза строителей, депутат Петросовета

А. А. Осинкин [1]

3(16) июня 1917 года был открыт I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов... На съезд собрались все министры-социалисты и другие тузы-соглашатели, вроде Брешко-Брешковской и т. п. светил, «бабушек» и «дедушек» революции.

Съезд встретил их всех довольно громкими аплодисментами, но не меньше, а, пожалуй, еще больше аплодисментов раздалось в честь В. И. Ленина.

Е. А. Гилярова [2]

Из 1090 делегатов 248 были меньшевики, 285 — эсеры. Большевики вместе с поддерживавшими их объединенными социал-демократами составляли группу из 105 человек. Если учесть, что меньшевики и эсеры составляли на съезде блок, то станет понятным, что большевики не могли бы повести съезд за собой.

Я. П. Бирзгал [3]

Ярко запечатлелось в моей памяти вечернее заседание 4 июня 1917 года, когда Ленин впервые выступил на съезде.

На утреннем заседании был заслушан доклад представителя партии меньшевиков Либера по вопросу о государственной власти и задачах «революционной демократии». В разгоревшихся вечером прениях много и длинно говорил Церетели, министр почт и телеграфа коалиционного правительства.

Дойдя в своей речи до фразы: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая сказала бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», оратор как бы захлебнулся и вынул носовой платок, чтобы вытереть слюну.

В этот момент со своего места поднялся Владимир Ильич. Протянув вперед левую руку, он громким голосом, который был ясно слышен во всем зале, заявил:

— *Есть, есть такая партия!*

[1] Осинкин А. А.— член КПСС с 1916 года, секретарь исполнительной комиссии Иваново-Вознесенского комитета РСДРП(б), делегат I и II съездов Советов.

[2] Гилярова Е. А.— член КПСС с 1917 года, депутат Джевизликского Совета, затем библиотекарь Василеостровского РК РСДРП(б).

[3] Бирзгал Я. П.— член КПСС с 1914 года, в 1917 году — депутат Валмиерского уездного Совета в Латвии, делегат I и II съездов Советов.

С. И. Шульга [1]

Ленин уже давно сел на место, а зал все гудит и гудит, возглас Ленина продолжает звучать как сама правда народа.

На трибуне все стоит потерявший сразу весь свой лоск Церетели. Что-то говорит. Его не слушают.

— Ленин! Ленину слово!

И вот на трибуне Ленин. Он не министр, не представитель правительства. У него нет ни капли высокомерности, нет важной осанки, которая отличает европейских «социалистов». Он предельно близко, человечески обычен, свой, весь от народа.

Ленин говорил:

— Первый и основной вопрос, который стоял перед нами, это вопрос, *где* мы присутствуем,— что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский съезд...

Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянски-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам рабочих и солдатских депутатов...[2]

Я. П. Бирзгал

Вторично на пленарном заседании Ленин выступил 9 июня во время обсуждения вопроса о войне.

Я заметил, что еще задолго до начала заседания Владимир Ильич прошел в помещение нашей фракции и, усевшись на подоконнике, что-то усердно писал на отдельных листочках.

Поднявшись на возвышение в зале съезда, Владимир Ильич остановился не на самой трибуне, а слева от нее. В руке он держал газету и несколько листков бумаги. Газету Владимир Ильич положил на боковую полочку трибуны. Затем он вынул из жилетного кармана часы, взглянул на них и, не торопясь, взвешивая каждое слово, начал свою речь.

В этой речи Ленина не только ясно и понятно была декларирована позиция нашей партии в вопросе о войне и ее прекращении, но также выражены новые суждения и даны

[1] Шульга С. И. (1896—1980) — член КПСС с 1916 года, в 1917 году — член культсовета Выборгской районной думы, в дни Октября — секретарь бюро комиссаров в ВРК.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 263, 264.

теоретические определения сущности империализма. С помощью неопровержимых фактов и логически ясных сравнений Ленин показал империалистическое лицо так называемых социалистов-оборонцев.

Н. И. Подвойский

Соглашательское большинство съезда предложило усилить солдатский режим, чтобы «укрепить» фронт. К этому вел Керенский, который требовал восстановления против солдат прежних наказаний, в том числе и смертной казни.

Политика «крови и железа» сплотила массы против правительства и круто повернула их к единственной партии, решительно и широко ставшей на защиту рабочих и крестьянских интересов, к партии большевиков.

Солдаты стали реагировать на политику Керенского так же, как и рабочие: требованием демонстрации, которая показала бы правительству, что массы переросли соглашательский уровень революции, вполне устраивавший всех этих керенских, церетели, либеров, данов и прочих. Массы рвались на улицу, чтобы выразить свой протест против политики Временного правительства.

Владимир Ильич объявил, что наступило время, когда мы должны выступить с собственными лозунгами, за которыми пойдет народ, так как на I съезде Советов меньшевики и эсеры пошли против народа. Таким образом, здесь сталкиваются два течения, одно из которых выражает интересы всех трудящихся, а другое — настроение тех, кто обманут соглашателями и буржуазией, кто еще малосознателен, темен, неразвит, кто идет вместе со своими врагами — буржуазией и всякого рода социал-предателями.

— Нам теперь,— говорил Владимир Ильич,— необходимо демонстрировать свои лозунги мира, земли и рабочего контроля.

В соответствии с решением ЦК, ПК и Военной организации началась усиленная подготовка к демонстрации, назначенной на 10 июня.

Известие о готовящейся большевиками демонстрации дошло до заседавшего в те дни I съезда Советов. Узнав об этом и имея слишком много оснований думать, что демонстрация будет далеко не дружественной им, меньшевистско-эсеровский президиум съезда пришел в негодование, и на большевиков посыпались обвинения в заговорщичестве, в подготовке вооруженного восстания для захвата власти. От нас требовали вообще отмены демонстрации...

С. А. Заякин [1]

Для получения указаний от Центрального Комитета партии во дворце Кшесинской собрались представители от рабочих фабрик и заводов Петрограда. Было объявлено, что ЦК подчиняется постановлению I съезда Советов и отменяет назначенную на 10 июня мирную демонстрацию. Сперва это сообщение вызвало бурную реакцию, но Я. М. Свердлов и В. И. Невский, побеседовав с нами, доказали, что нужно во что бы то ни стало удержать рабочих от преждевременных выступлений, чтобы не дать контрреволюции спровоцировать революционные массы Петрограда.

Из речи В. И. Ленина на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 11 июня по поводу отмены демонстрации [2]

Недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе ЦК не мог по двум основаниям: во-первых, мы получили формальное запрещение демонстрировать со стороны полуоргана власти; во-вторых, это запрещение было мотивировано: «нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся силы контрреволюции».

В. Д. Бонч-Бруевич

Владимир Ильич все это время не только принимал деятельное участие во всей работе ЦК и ПК большевиков, но и руководил ею, разъяснял ошибки, для чего пользовался решительно каждым шагом противника.

Достаточно было меньшевикам прокламировать демонстрацию пролетариата как «процессию на могилу жертв революции», которую они назначили на 18 июня, в тот день, когда мятущийся авантюрист Керенский бросил часть русских войск в наступление, чтобы Владимир Ильич тотчас же решил эту демонстрацию-процессию превратить в демонстрацию против Временного правительства и всех его приспешников, в том числе и против меньшевиков и против эсеров.

А. А. Антонов [3]

На демонстрации (в ней принимало участие до 500 тысяч рабочих и солдат.— *Сост.*), состоявшейся 18 июня, в колонну большевиков, построившуюся в голове Обуховского завода,

[1] Заякин С. А. (1894—1957) — член КПСС с 1917 года, рабочий Путиловского завода, красногвардеец.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 330.

[3] Антонов А. А. (1896—1965) — член КПСС с 1914 года, в 1917 году — член Невского райкома партии, председатель исполкома Обуховского райсовета, депутат Петросовета.

под лозунги «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!» встало свыше 500 рабочих-обуховцев, готовых в любую минуту пойти в бой за осуществление этих лозунгов. Это было первой большой победой большевиков после выступления на заводе В. И. Ленина. Радостно и величественно звучали на демонстрации революционные песни: «Над нами наше знамя реет», «Интернационал». Восторженно встречали головную колонну обуховцев жители Невской заставы, выстроившиеся на пути шествия демонстрации. Жалко выглядела колонна меньшевиков и эсеров, шедшая с лозунгами доверия Временному правительству. Если бы не вмешательство руководителей большевистской колонны, не донести бы эсерам и меньшевикам своих лозунгов до Марсова поля.

Л. Д. Елкин

Марсово поле. Миллионная улица... Дворцовая площадь. Море людей встречает Петроградский полк бурными овациями. Здесь, на площади, с группой членов ЦК, в окружении солдат, матросов и рабочих находится великий вождь — Владимир Ильич Ленин. Лицо его озарено улыбкой; поднятой вверх рукой он приветствует солдат. Полк замедляет шаг. Все взоры солдат направлены на Ильича.

Большевики сдержали свое слово: демонстрантов встречает В. И. Ленин. Радости солдат не было границ. А яркие лозунги, развевавшиеся над их головами, ясно показывали, с кем солдаты, чего хочет пролетариат, трудовой народ России.

А. М. Коллонтай

Вечером 18 июня Ленин встречает нас, ораторов, особенно тепло.

— Эта победа поважнее выборов в городскую думу. Петроградский пролетариат показал, что на меньшее, чем на победу Советов — он не помирится.

Эти слова Ленина я твердо запомнила...

М. Л. Сулимова [1]

Шестнадцатого июня 1917 года.

Перед рядами скамей подмостки, на них стол президиума (Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).— *Сост.*). Делегаты сидят по-хозяйски, прочно, уверенно. Шелестят в ожидании начала газетными листами — преимущественно это «Солдатская прав-

[1] Сулимова М. Л. (1881—1969) — член КПСС с 1905 года, в 1917 году работала в Военной организации ПК, а затем ЦК партии, 5—6 июля укрывала в своей квартире В. И. Ленина.

да». Многие без погон, но есть и погоны, пыльные, мятые, фронтовые.

Более ста делегатов съехалось в Петроград на конференцию; на ней представлено сорок три фронтовых и семнадцать тыловых военных организаций, охватывающих двадцать шесть тысяч членов партии.

М. С. Кедров

Центральное место в работах конференции занимал, несомненно, доклад Владимира Ильича о текущем моменте, сделанный им 20 июня на утреннем заседании.

М. А. Лебедев [1]

Доклад В. И. Ленина о текущем моменте превзошел все наши ожидания. Он основывался на решениях Апрельской конференции и оценивал в их свете то новое, что приносила политическая обстановка, особенно в действиях Временного правительства, меньшевиков и эсеров. После доклада всем, даже неискушенным в политике, делегатам конференции стала ясна расстановка классовых сил внутри и вне страны.

Мы теперь ясно поняли, что буржуазия стремилась при помощи меньшевиков и эсеров захватить целиком власть в свои руки, сохранить собственность помещиков и капиталистов на землю, ее недра, фабрики и заводы и получить возможность продолжать империалистическую войну в своих корыстных целях. Ленин показал нам, что долг рабочих, солдат, крестьян заключается в том, чтобы отстоять свои интересы и никому не уступать свои права; что власть полностью должна перейти в руки Советов — это решающее условие завоевания народом мира, земли, хлеба и свободы.

Доклад Ленина произвел на нас исключительное впечатление. Росла уверенность в неизбежной победе правого дела трудящихся.

М. Г. Приезжинский [2]

В резолюции о текущем моменте, принятой по докладу В. И. Ленина, конференция указала, что большевики на фронте должны продолжать агитацию против империалистической войны, усиливать революционную бдительность, чтобы не дать возможности контрреволюции разоружить рабочих,

[1] Лебедев М. А — член КПСС с 1905 года, в 1917 году — член Киевского Совета военных депутатов, делегат Всероссийской конференции военных организаций
[2] Приезжинский М. Г.— член КПСС с 1917 года, рабочий завода «Треугольник» в Петрограде, солдат-фронтовик, делегат Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б).

расформировать революционные полки, особенно в Петрограде. Резолюция предостерегала против преждевременных, неподготовленных выступлений, которые могут сыграть лишь на руку буржуазии. В ней указывалось, что только напряженная и энергичная работа по подготовке рабочих и солдат к переходу ко второму этапу революции даст власть трудящимся и выведет страну из тупика, создаваемого войной, приближающейся экономической катастрофой и соглашательской политикой эсеров и меньшевиков.

А. А. Андреев

Энергичная работа нашей партии в массах скоро сказалась: большевики одержали серьезную победу на выборах в Советы и районные думы Петрограда. Значительное большинство получили мы в фабрично-заводских и цеховых комитетах на предприятиях. И даже там, где численный перевес имели меньшевики и эсеры, задавали тон среди рабочих сплоченные коллективы большевиков. Росло число наших депутатов в Петроградском Совете... К июлю в составе рабочей секции Петросовета они располагали большинством, а некоторые районные Советы уже возглавлялись нашими товарищами.

И. П. Флеровский [1]

Ленин, предугадывая ход событий, говорил, что буржуазия, поняв силу организации большевиков, учтя колоссальную скорость завоевания ими масс, употребит все усилия, чтобы спровоцировать массы на такое выступление, которое, вызвав репрессии, разобьет и раздавит их.

Предсказания Ленина о провокациях буржуазного Временного правительства оправдались.

Н. К. Крупская

Наступление и неудачи на фронте, угроза вывезти из Питера революционные войска привели к июльским дням...

Н. И. Подвойский

В 7 часов вечера (3 июля.— *Сост.*) Первый пулеметный полк со знаменами и оркестром выступил из казарм и явился ко дворцу Кшесинской. Исполнив «Интернационал», полк объявил о своем намерении идти к Таврическому дворцу с требованием передачи всей власти Советам.

[1] Флеровский И. П. (1888—1959) — член КПСС с 1905 года, в 1917 году — член Кронштадтского военно-революционного штаба, член Петроградского ВРК, делегат II съезда Советов

Свердлов и другие члены ЦК, руководители Военной организации выступили перед солдатами, всеми мерами стараясь удержать их от каких-либо выступлений... ограничиться посылкой в Таврический дворец делегации и здесь дожидаться ее возвращения. Но никакие убеждения не действовали: полк и слышать не хотел ни о каких отсрочках...

В тот же день в Военную организацию и в ЦК партии стали поступать от полков, от районов категорические требования вывести «весь рабочий и солдатский Петроград» на улицы. Противиться им больше не представлялось возможным, и Центральный Комитет совместно с Петербургским комитетом вынужден был, во избежание неорганизованных, разрозненных выступлений, грозящих выступающим крупными бедствиями, взять руководство движением в свои руки, известив районы и полки о том, что завтра, 4 июля, назначается мирная демонстрация, причем полки и Красная гвардия усилились прибывшими в тот день из Кронштадта 10 тысячами моряков.

И. В. Духвинский-Осипов [1]

...В тот самый момент, когда пушечный залп Петропавловской крепости возвестил жителям столицы о наступлении полудня, с площади, через раскрытые окна особняка, стали доноситься все более и более настойчивые крики демонстрантов. Я подбежал к окну, выходившему на площадь, и увидел огромную колонну кронштадтцев... От мощного матросского «у-рр-ра-а!» дрожали стекла. Вся площадь и сквер перед особняком почернели от бушлатов.

— Ленина, Ленина нам!— гремело повсюду. И, точно стая птиц, взлетели в воздух бескозырки.

Но вот подоспели оркестры, и звуки «Марсельезы» смешались с голосами.

Из окон мы видели, как алыми знаменами, яркими кофточками и платками текстильщиц Невской заставы расцвел Троицкий мост. Со всех улиц города шли к особняку все новые и новые колонны демонстрантов.

Шумят, гудят площадь и сквер. Они уже не вмещают всех желающих увидеть и услышать Ленина. И со всех концов доносятся одни и те же возгласы:

— Ленина!.. Про-сим Ленина!..

[1] Духвинский-Осипов И. В. (1895—1958) — член КПСС с 1914 года, в 1917 году — работник Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б), неоднократно встречался с В. И. Лениным

Когда объявили, что сейчас с речью выступит Ленин, огромное людское море всколыхнулось, пришло в движение и зашумело тысячами голосов.

Ленин вышел на балкон как раз в самый разгар оваций. Рукоплескания, гул, восторженные возгласы...

— Да здравствует Ленин! — слышалось повсюду...

Владимир Ильич, выжидая тишины, слегка поеживался под накинутым на плечи пальто. Но вот привычным, коротким жестом он выбросил вперед руку.

Э. А. Рахья

Умел Ильич по виду демонстрации безошибочно определить ее настроение. Воинственные матросы, красногвардейцы, рабочие с ружьями и военные в полном вооружении, с патронташами, сумками, котелками и лопатками, стуча ногами, шли и шли. День был ясный, хороший. Ильич смотрел на идущие силы, глазом их считал и измерял. И все смотрел вдаль и, видимо, хотел приблизить час, но еще было рано.

И прямо сказал Ильич всем с ним рядом стоявшим:

— Это внушительная сила, но еще мало. Рано начинать драку.

Н. И. Подвойский

...Считая, что рабочие и солдаты продемонстрировали свою волю, ЦК партии большевиков в ночь на 5 июля принял решение о прекращении демонстрации и призвал рабочих вернуться к станкам, солдат — в казармы.

Из статьи В. И. Ленина «Ответ»[1]

Мы, как представители партии революционного пролетариата, скажем, что наша партия всегда была и всегда будет вместе с угнетенными массами, когда они выражают свое тысячу раз справедливое и законное возмущение дороговизной, бездеятельностью и предательством «социалистических» министров, империалистской войной и ее затягиванием. Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4-го июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля *е щ е* возможен был мирный переход власти к Советам, *е щ е* возможно было мирное развитие вперед русской революции.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 25.

А. А. Андреев

В июльские дни закончился период двоевластия, и власть перешла в руки буржуазии. Сложился контрреволюционный блок буржуазии и мелкобуржуазных партий.

Ленин указывал: «Движение 3 и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции...

Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Историческое значение июльских событий заключается в том, что они явились переломным моментом в развитии революции.

А. В. Шотман

Цепляясь за власть, буржуазия и ее прихвостни — меньшевики и эсеры думали найти свое спасение в гибели Ленина. Просто арестовать его или убить они боялись, ибо чувствовали, что тогда им несдобровать, так как огромное большинство рабочих и солдат уже тогда беззаветно шло за своим вождем. Нужен был другой способ, чтобы избавиться от Ленина. Для этого был применен старый, испытанный буржуазный способ — клевета...

Для выполнения этого гнусного дела был выбран «бывший человек»— бывший представитель петербургских рабочих во II Государственной думе Г. Алексинский. Этот прохвост совместно с министром юстиции «социалистом» Переверзевым и с одним русским шпионом (Ермоленко — Сост.) составили документ, в котором было сказано, что Ленин является германским шпионом. Это обвинение показалось настолько диким, нелепым, что даже тогдашний меньшевистский ВЦИК запретил газетам печатать этот «документ».

Г. И. Петровский

После демонстрации собрался партийный актив большевиков Петрограда. Собрались мы во фракционной комнате Таврического дворца. Народу пришло много. Появился Ленин. Он вначале поздоровался со всеми, а потом стал переходить от одной районной партгруппы к другой. Подошел он и к той группе, в которой находился я, и спросил с обычной для него

в то время революционной веселостью и торжественным видом:

— Что вы думаете относительно последнего приказа Временного правительства?

(Ленин имел в виду распоряжение Временного правительства об аресте большевиков.)

И сейчас же сам ответил:

— Временное правительство роет нам яму, но само в нее угодит.

В это время к нему кто-то подошел и сказал:

— Владимир Ильич! Надо уходить. Подъезжают войска, дворец окружают. Вас могут арестовать.

Ленина окружили товарищи и увели.

Н. К. Крупская

7 июля Временное правительство приняло постановление арестовать Ленина... Дом Кшесинской был занят правительственными войсками.

Из воззвания
Центрального Комитета РСДРП(б)
к населению Петрограда

Против тов. Ленина выдвинуто неслыханное обвинение: будто он получал и получает деньги из германских источников на свою агитацию. Газеты уже дали этой чудовищной клевете огласку... Уже раздаются призывы к убийствам большевиков. Уже по рукам обманутых солдат ходят списки лиц, которые подлежат истреблению.

Цель ясна: контрреволюция хочет простейшим способом обезглавить революцию, посеяв смуту в массах и натравив их на наиболее популярных вождей, заслуженных борцов революции...

Н. И. Подвойский

Как только Владимир Ильич после июльских дней ушел в подполье, он сейчас же постарался дать себе во всем отчет и стал писать нам о том, чтобы мы учитывали урок, который вытекал из июльского выступления пролетариата, и готовились к решительному восстанию. Мы в июле потерпели поражение потому, что у нас еще не созрела организация для того, чтобы мы могли победить. Поэтому теперь надо употреблять все усилия, чтобы как следует подготовить партию и рабочий класс к восстанию, чтобы твердо и решительно стать на путь восстания и довести это дело до конца. Этот лозунг Владимир Ильич бросил сейчас же после июльских дней.

Сестрорѣцкій Оружейн. Заводъ.

№

Предъявителю сего ... Иванову

Дозволяется входъ въ ...

до ... 1918 года.

Примѣчаніе.

1) Билетъ всегда имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованію администраціи завода.

2) Билетъ долженъ быть предъявленъ въ контору завода для записи въ книгу.

Помощникъ Начальника Сестр. Оруж. Завода по технической части

Удостоверение В. И. Ленина
на имя К. П. Иванова

Из тезисов В. И. Ленина
«Политическое положение»[1]

1. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки...

2. Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции...

3. Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны...

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 1—5.

Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии.

4. Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912—1914 годах.

Ни единого часа легальной работы не бросать. Но ни на йоту и конституционным и «мирным» иллюзиям не верить. Тотчас всюду и во всем основать нелегальные организации или ячейки для издания листков и пр. Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии.

Ем. Ярославский

В июле *еще* нельзя взять власть. Надо изменить лозунг. Временно Ленин советует снять лозунг «Вся власть Советам». Партия усиливает работу в войсках, партия усиливает через армию, через рабочих связь с крестьянами, партия обращает более серьезное внимание на вопросы, волнующие крестьянство. Партия производит новую мобилизацию сил. Из своего подполья вождь внимательно следит за всей работой партии. Партия создает свою военную организацию, и работа этой военной организации глубоко интересует полководца, вождя восстания — Ленина... Ленин следит за успехами организации Красной гвардии, за малейшими изменениями в голосованиях в Советах.

Но Ленин так же внимательно следит за состоянием фронта противника. Его в не меньшей степени интересуют передвижения на *этом* фронте, изменения, которые происходят в социальных слоях, еще недавно поддерживавших противника. *Фронт противника и особенно его тыл, это — объект внимания вождя восстания, вождя революции. Он должен этот фронт так же знать, как и свои силы; он должен учитывать* состояние *тыла противника так же, как он учитывает* состояние *своего тыла. Он должен знать изменения в настроениях различных социальных слоев тыла противника, как он должен знать эти изменения у себя вокруг.*

Б. З. Шумяцкий [1]

Ильич был в подполье, но рука вождя чувствовалась везде и во всем. Тезисы, проекты, резолюции, директивы — все это исходило от Ильича, жившего в то время в сестрорецком шалаше.

[1] Шумяцкий Б. З (1886—1938) — член КПСС с 1903 года, в 1917 году — зам. председателя Красноярского Совета, делегат VI съезда РСДРП(б).

Н. А. Емельянов [1]

Иногда наш шалаш напоминал штаб. Почти ежедневно бывал здесь Дзержинский; очень часто наезжали к нам Зоф, Свердлов. Бывали, но реже, и другие товарищи...

Связь Ильича с Петроградом была бесперебойной, но добираться до нас не всегда было просто. Так как Дзержинский бывал в шалаше чаще всех, ему и приходилось переносить больше трудностей. Какие только меры предосторожности он не принимал, чтобы не навести ищеек на след Ильича!..

Ленин очень много работал — читал, писал. К нему часто приезжали товарищи. Два раза был Сталин, несколько раз бывал Орджоникидзе. Навещали Владимира Ильича Дзержинский и Свердлов. Скромный шалаш на берегу Разлива был подлинным штабом революции.

Н. К. Крупская

Партия большевиков перешла на полулегальное положение, но она росла и крепла; к моменту открытия VI съезда партии, 26 июля, она насчитывала уже 177 тысяч...[2] Рост влияния большевиков особенно в войсках был несомненен.

И. П. Флеровский

После политического отчета ЦК, с которым на съезде выступил Сталин, был поставлен вопрос о явке Ленина на суд. Опасность, угрожавшая вождю, волновала не только членов съезда, а всю партию. Ведь после всех зверств, свершенных агентами контрреволюции, было совершенно ясно, что отдать Владимира Ильича в руки суда правительства Керенского — значит отдать на расправу контрреволюции.

Из резолюции VI съезда РСДРП(б)
«О неявке т. Ленина на суд»
(принята единогласно на заседании 27 июля)

Съезд РСДРП выражает свой горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионски-полицейской травли вождей революционного пролетариата, шлет свой привет тт. Ленину и другим (и) надеется увидеть их снова в рядах партии революционного пролетариата.

[1] Емельянов Н. А. (1871—1958) — член КПСС с 1904 года, рабочий Сестрорецкого завода, в 1917 году — депутат Петросовета, скрывал в Разливе В. И. Ленина, активный участник Октябрьского вооруженного восстания.

[2] К VI съезду РСДРП(б) большевистская партия насчитывала в своих рядах 240 тысяч членов.

Из резолюции VI съезда РСДРП(б)
«О политическом положении»

Партия должна взять на себя роль передового борца против контрреволюции; энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом; энергично бороться за влияние на них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией.

И. П. Флеровский

VI съезд, вооруженный ленинскими идеями, нацелил партию на вооруженное восстание для ниспровержения буржуазной диктатуры и установления власти рабочих и крестьян.

Из Манифеста Российской
социал-демократической рабочей партии
«Ко всем трудящимся, ко всем рабочим,
солдатам и крестьянам России»

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!..

Н. К. Крупская

Когда Владимира Ильича перевезли в Финляндию, где он скрывался, он сносился через Выборгский район, передавал записки через финских товарищей. Первое время мы решили, что я не поеду в Финляндию, а останусь тут, буду наблюдать и потом рассказывать Владимиру Ильичу...

Сношения велись с Ильичем через тов. Ялаву, и я не раз заходила потом к нему за письмами от Ильича — тов. Ялава жил также в Выборгском районе.

А. В. Шотман

Первые сведения о революционном подъеме среди питерских рабочих после июльского поражения Владимир Ильич получил в Гельсингфорсе. Оттуда Владимир Ильич следил за выборами питерских и московских рабочих в городские и

районные думы. Как известно, наша партия на этих выборах получила большинство голосов рабочих-избирателей. С каким восторгом Владимир Ильич показывал мне составленные им таблички с подсчетами поданных на этих выборах голосов за партию большевиков!

Н. И. Подвойский

Подготовлялась военная диктатура. Подбирались генералы, которые во главе с Корниловым, «верным и испытаннейшим русским человеком», и с Калединым должны были пойти против революционного Питера...

Начался корниловский мятеж, в подготовке которого деятельное участие принимало коалиционное правительство. Победа корниловского восстания означала бы уничтожение Советов, войну до победного конца, ликвидацию солдатских комитетов и в конечном итоге гибель революции.

Выступление Корнилова, а следовательно, и всей буржуазии открыло рабочим глаза. Они увидели, что большевики поднимают все силы революции против Корнилова, чтобы не дать генералам-мятежникам осуществить военную диктатуру. Только теперь рабочий класс окончательно убедился, что большевики были правы, когда говорили, что у пролетариата с буржуазией разные дороги.

Н. К. Крупская

«Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы,* поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции»,— писал Ленин в сентябре 1917 года.

В этих словах ключ к пониманию деятельности Ленина. Верность своим принципам, умение проводить их в данной конкретной обстановке так, чтобы сделать как можно больше при данных обстоятельствах для их воплощения в жизнь, умение извлекать из поражения уроки для победного проведения в жизнь своих принципов — такова отличительная черта деятельности Ленина.

Из статьи В. И. Ленина «О компромиссах»[1]

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предло-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 134—135.

жить добровольный компромисс... нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам...

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков...

Только во имя... мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс...

Из написанного В. И. Лениным проекта резолюции о современном политическом моменте [1]

...Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д.— все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян...

...Перед рабочими и крестьянами России нет абсолютно никакого выхода кроме самой решительной борьбы и победы над помещиками и буржуазией, над партией к.-д., над генералами и офицерами, сочувствующими ей. А на такую борьбу и на такую победу может вести народ, т. е. всех трудящихся, только городской рабочий класс, если в его руки перейдет вся государственная власть и если его поддержат беднейшие крестьяне...

Ем. Ярославский

Еще задолго до 25 октября он (В. И. Ленин.— *Сост.*) в основном наметил план всей нашей дальнейшей работы, всех наших преобразований в этой невиданной еще в мире рево-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 146—147.

люции, впервые совершаемой пролетариатом такой... страны, как Россия, с таким огромным преобладанием крестьянского населения. Ленин твердой рукой повел пролетариат по пути захвата власти, по пути создания первого в мире рабочего государства. Мысль об этом государстве он продумал в особой работе — «Государство и революция»... Учение о государстве является научным (теоретическим) определением и объяснением той революции, которую совершил пролетариат в нашей стране.

Н. И. Подвойский

Владимир Ильич указывал, что для большевистской партии наступило время самой деятельной организационной работы для подготовки вооруженного восстания. Буржуазия показала свою контрреволюционную сущность. Теперь наша партия, говорил он, приобретает все большее и большее влияние на рабочий класс. Во время перевыборов Московского и Петроградского Советов большевики получили в них определенное большинство.

Это является самым верным доказательством того, писал Ленин из подполья, что рабочий класс стал вполне понимать лозунги большевиков и что теперь настал момент для восстания. Если мы теперь опоздаем, то погубим революцию, потому что буржуазия может пойти на сговор с немцами, чтобы подавить революцию...

С середины сентября Владимир Ильич требует усилить подготовку к восстанию.

Из письма В. И. Ленина Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть»[1]

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: *«восстание есть искусство»* и т. д...

Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 240—241

Владимир Ильич
ЛЕНИН

Из письма В. И. Ленина Центральному Комитету РСДРП(б) «Марксизм и восстание»[1]

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм* от *бланкизма*.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции...

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ* от *них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны...

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только* наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно;— когда только *наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции...

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 242—245.

И. М. Гордиенко [1]

...Запомнилось обсуждение письма В. И. Ленина Центральному Комитету, Петербургскому и Московскому комитетам нашей партии. Копия этого письма была получена и Выборгским райкомом партии. И вот мы, двенадцать рабочих-большевиков, собрались в маленькой комнатушке исполкома Выборгского районного Совета. Перед нами было письмо Ильича.

— Читай,— сказал председатель районного Совета Куклин секретарю исполкома.

Владимир Ильич писал, что наступил момент для захвата власти рабочим классом. Оба столичных Совета стали большевистскими. Большинство народа — за нас. Крестьяне все больше убеждаются в том, что их интересы сможет удовлетворить лишь большевистское правительство. Надо взять власть немедленно.

Б. А. Ратнер [2]

В двадцатых числах сентября актив Василеостровской партийной организации Питера, где я тогда работала, слушал письмо Владимира Ильича «Большевики должны взять власть».

Секретарь Петербургского комитета партии Г. И. Бокий достал из кармана тщательно запрятанный машинописный экземпляр письма В. И. Ленина. Мы слушали, затаив дыхание, старались не пропустить ни одного слова.

...Вождь обращался к разуму партии: надо все продумать, все предусмотреть...

Чтение письма закончено. Выступавшие затем участники совещания горячо поддержали необходимость вооруженного восстания, говорили о том, как агитировать, как организовать народ, как создавать новые отряды Красной гвардии, как работать с молодежью...

Идея свержения правительства Керенского и перехода власти к Советам овладела массами. В воздухе чувствовалось приближение решительных событий.

Г. И. Петровский

Ленин учил партию относиться к восстанию с величайшим вниманием. В своих письмах в ЦК и местные партийные организации он разработал план вооруженного восстания, кото-

[1] Гордиенко И. М. (1884—1957) — член КПСС с 1905 года, в 1917 году — рабочий завода «Новый Лесснер», член исполкома Выборгского райсовета, в дни Октября — член районного ревкома и начальник районного штаба Красной гвардии.

[2] Ратнер Б. А.— член КПСС с 1916 года, в 1917 году — член ПК РСДРП(б), участница Октябрьской революции.

рый всесторонне учитывал и политические, и организационно-технические вопросы вооруженной борьбы.

На основе ленинских указаний большевики Петрограда, Москвы, Екатеринбурга, Саратова, Иванова, Ростова-на-Дону и других городов готовили массы к решительному штурму.

Из статьи В. И. Ленина «Кризис назрел»[1]

Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем... (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране;* 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда,— а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д...

Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит *погубить революцию.*

Э. А. Рахья

Я застал его (Владимира Ильича.— Сост.) очень взволнованным, так как, по его мнению, все сообщения, которые он получал из России, приходили к нему слишком поздно, и потому он решил выехать в Петроград, несмотря на грозившую ему смертельную опасность.

Ленин сказал:

— Революция должна произойти в течение ближайших недель, и если мы к этому не подготовимся, то потерпим поражение... потому что буржуазия изо всех сил старается удушить революцию, и она сделает это с такой жестокостью, какой еще не знает мировая история...

Я предполагал выехать отсюда, с тем чтобы к вечеру прибыть на станцию Райвола... На этой станции будет ждать Ялава с поездом, идущим в Петроград, Владимир Ильич согласился с планом.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 281—282.

М. В. Фофанова

Свое последнее подполье... Владимир Ильич провел в Петрограде, на Выборгской стороне, в моей квартире, которая находилась на углу Большого Сампсониевского проспекта и Сердобольской улицы в доме № 92/1, в квартире № 41, на последнем, четвертом этаже...

В первые два дня Надежда Константиновна не покидала квартиру, а затем приходила часто, иногда оставалась ночевать. Она осведомляла Ильича обо всем, что его интересовало, уносила ленинские статьи, письма, передавала ему необходимые сведения, письма от ЦК.

Так осуществлялась бесперебойная, повседневная связь с партией. Ильич был в курсе всех событий. Он знал о том, что происходит на заводах, в солдатских казармах, на кораблях. Знал о жизни Петрограда, России, о том, как все больше и больше укреплялись связи нашей партии с народом. Ленин направлял все ее действия...

А. В. Шотман

По приезде в Петроград непосредственное руководство подготовкой Октября Ильич взял в свои руки. С этого времени ни один более или менее важный вопрос не решался в ЦК без согласования его с Владимиром Ильичем.

Из письма В. И. Ленина
Питерской городской конференции
(для прочтения на закрытом заседании)[1]

Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского.

А. М. Иткина [2]

Особое внимание делегаты (III Петроградской общегородской конференции РСДРП(б).— *Сост.*) уделили письму В. И. Ленина к Питерской городской конференции, прочитанному на закрытом заседании. В этом письме Владимир Ильич призывал разъяснить рабочим и солдатам идею о безуслов-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 347.
[2] Иткина А. М. — в 1917 году — член РК Нарвской парторганизации и ПК РСДРП(б), участница Октябрьской революции.

ной необходимости отчаянной последней и решительной борьбы против капитализма. Он писал о необходимости бороться с иллюзией, что Советы могут завоевать власть одной простой резолюцией съезда Советов.

Власть в настоящих условиях может быть завоевана только восставшим пролетариатом.

В духе этого письма и была составлена резолюция, единогласно принятая конференцией.

Из письма В. И. Ленина
к товарищам большевикам,
участвующим на областном съезде Советов
Северной области [1]

Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет девяносто девять шансов из ста привести *в несколько дней* к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.

Промедление смерти подобно.

Лозунг: «вся власть Советам» есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя.

Н. И. Подвойский

Ленин из подполья непрерывно и настойчиво торопил с подготовкой восстания, всемерно доказывал его своевременность и необходимость... Находясь еще на нелегальном положении, Ленин проверял подготовленность к восстанию Красной гвардии и воинских частей. Перед решающим шагом прощупывал пульс страны, измерял силу влияния большевиков. И вот после острейшего анализа политической и военной ситуации он с непревзойденным искусством определяет — момент назрел.

Э. А. Рахья

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу... Принимал некоторых товарищей... Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК... На этих собраниях Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 390.

Деятельность Ленина ради достижения победы рабочего класса была настолько страстной, что он забывал об опасности, постоянно грозившей ему со стороны буржуазии.

А. М. Коллонтай

Это было 10 октября 1917 года. Из Центрального Комитета партии большевиков вызвали на экстренное заседание. Адрес заседания сообщен был конспиративно. И время необычное — поздно вечером, после десяти...

Заседание уже началось. Обычное ЦК, двое приезжих из Москвы.

А кто это за столом? Владимир Ильич! Давно не был на наших заседаниях, как и сейчас-то ищейки Керенского не отыскали следов?..

Заседание страстное, напряженное. На нем решается судьба пролетарской революции, судьба трудового человечества. В порядке дня вопрос о вооруженном восстании...

Из доклада В. И. Ленина на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) 10 октября (протокольная запись)[1]

Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело.

А. М. Коллонтай

Зиновьев и Каменев выступают против Ленина, против ЦК, с подло трусливыми возражениями, с преступными дезорганизаторскими доводами.

Чего же хотят эти трусы? Дождаться Учредительного собрания. И там — оппортунистической политикой, «парламентским путем» добиться власти.

— Чепуха несусветная!— вырывается с досадой и возмущением у Ленина.

Он с трудом дослушивает изменников.

— Ваши доводы никуда не годны. Они свидетельствуют не о настроениях масс, а о вашей собственной растерянности и трусости, это — отступление от всех основных положений

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 391—392

большевизма и революционного пролетарского интернационализма.

Таковы основные мысли, какими Ленин громил изменников, разоблачая их...

Заседание 10 октября затянулось. Ночь на исходе. Решающий момент — голосование резолюции ЦК, предложенной Лениным.

Десять рук поднимаются за резолюцию. Две руки — против...

Резолюция ЦК берет курс на вооруженное восстание...

Заседание закрыто. В окна глядит рассвет... историческое решение принято. Курс ясен.

Из написанной В. И. Лениным резолюции Центрального Комитета РСДРП(б) от 10 октября [1]

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.).

Н. И. Подвойский

По принятии Центральным Комитетом решения о восстании Владимир Ильич сосредоточил особое внимание на проверке подготовки к вооруженному восстанию. В это время происходил ряд бесед Ленина с товарищами Сталиным, Свердловым, Орджоникидзе, Дзержинским и другими членами Центрального и Петербургского комитетов партии и Военной организации большевиков. Эти беседы вооружили Владимира Ильича целым рядом аргументов, которыми он воспользовался для подтверждения своей позиции...

В. П. Шуняков [2]

На заседании [3] собралось около тридцати товарищей. Среди них были представители Военной организации, фабрично-заводских комитетов, райкомов партии, профсоюзов, Исполнительной комиссии Петербургского комитета, Петроградского Совета и железнодорожников.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 393.

[2] Шуняков В. П. (1889—1957) — член КПСС с 1907 года, в 1917 году — рабочий и секретарь парткома завода «Старый Парвиайнен» в Петрограде.

[3] 16(29) октября.— *Сост.*

Ц. К. признает, что как междуна-
родное положение русской рево-
люции (восстание во флоте в Гер-
мании, как крайнее проявление
нарастания ✓ всемирной социалисти-
ческой революции, затем угроза
мира империалистов с целью
удушения революции в России)
— так и военное положение
(несомненное решение русской
буржуазии и Керенского с К° сдать
Питер немцам), — так и
приобретение большинства
пролетарской партией в Сов.
[Сов]ах, — все это в связи с
крестьянским восстанием
и с поворотом народного

✓ во всей Европе

(1 2/ доверия к нашей партии (выбо-
ры в Москве), наконец, явное
подготовление второй кор-
ниловщины (вывод войск
из Питера, подвоз к Питеру
казаков, окружение Минска
казаками и пр.), — все
это ставит на очередь дня
вооруженное восстание.
Признавая так. обр.,
что вооруж. восстание неизбеж-
но и вполне назрело, Ц.К.
предлагает всем организа-
циям партии руководиться
этим и с этой точки зре-
ния обсуждать и разрешать
все практические вопросы
(съезда Советов Сев. обл., вы-
вода войск из Питера, вы-
ступления москвичей и
минчан и т. д.).

Рукопись написанной В. И. Лениным резолюции ЦК РСДРП(б), принятой на заседании 10(23) октября 1917 г.

Я. М. Свердлов, открывая заседание, предложил принять следующую повестку дня: доклад о решении ЦК от 10 октября по вопросу о вооруженном восстании, доклады с мест и текущий момент. Председательствовал Я. М. Свердлов.

А. В. Шотман

Водворилась тишина. Владимир Ильич уселся в конце комнаты на табуретке, вынул из кармана исписанные мелким почерком листочки, по привычке поднял руку, чтобы погладить парик, и, спохватившись, улыбнулся. Все с напряженным вниманием ждали его доклада «по текущему моменту».

— Слово имеет товарищ Ленин,— произнес Свердлов.

Владимир Ильич начал с того, что назрел момент, когда перед партией стал ребром вопрос о захвате государственной

власти. Он обрисовал подробно положение дел в стране: несомненное сочувствие огромной части рабочего класса большевикам, что подтверждал с цифрами в руках, приводя результаты голосований в городские и районные думы в Питере и Москве. Из событий на фронте и в тылу ясно видно, что армия воевать не хочет, но мир стране может дать только пролетарская власть. Многочисленные случаи разгрома помещичьих имений говорят за то, что крестьянство больше ждать с землей не будет, а дать ее крестьянам может только пролетарская власть.

Речь его, продолжавшаяся около двух часов, была выслушана с величайшим вниманием. Когда он кончил, прошло несколько секунд в абсолютном молчании, все были как бы под влиянием гипноза. Много я слышал в течение двадцатилетнего моего знакомства с Владимиром Ильичем его докладов и речей, но из всех этот доклад был самым лучшим. Это тогда же подтвердили присутствовавшие на этом собрании, много лет хорошо знавшие Владимира Ильича.

Закончил Владимир Ильич этот свой доклад, повторив несколько раз, что власть надо брать немедленно, сейчас же: каждый потерянный день — смерти подобен.

— История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь же! — заявил он.

В. П. Шуняков

Явное большинство выступавших, в том числе Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, А. С. Бубнов, И. В. Сталин, М. И. Калинин, секретарь Выборгского райкома партии М. И. Лацис и другие, полностью поддержали В. И. Ленина.

Ф. З. Евсеев [1]

Как и следовало ожидать, на заседании против Ленина вновь выступили капитулянты Зиновьев и Каменев. Они явно трусили. Продолжая дуть в ту же дуду, что и на заседании ЦК 10 октября, эти отщепенцы утверждали, что, если даже рабочий класс и возьмет власть, он ее долго не удержит, потому что у контрреволюции сил больше.

[1] Евсеев Ф. З. (1886—1977) — член КПСС с 1904 года, рабочий Патронного завода в Петрограде, красногвардеец, в дни Октября — член Литейного РК РСДРП(б).

Написанная В. И. Лениным резолюция Центрального Комитета РСДРП(б) от 16 октября [1]

Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

Н. К. Крупская

Резолюция Ленина собрала громадное большинство... Вопрос был решен.

На закрытом заседании ЦК был выбран Военно-революционный центр.

Из протокола заседания Центрального Комитета РСДРП(б) 16 октября

ЦК заседает один и принимает следующее постановление:

ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета.

Н. И. Подвойский

ЦК стал главным центром восстания. По предложению Владимира Ильича из него было выделено ядро для практического руководства восстанием...

Задача момента: быстрыми действиями завершить подготовку к восстанию, разбив этим возможности контрподготовки. Сделать четкими, ясными, понятными всему руководящему составу партии и Военной организации все вопросы восстания. Провести через них это понимание в самую гущу массы, сцепив таким образом шестеренками весь фронт восстания — от Ленина до идущих на восстание колонн, сделать его легкоподвижным, по одному заводу действующей организацией.

С этого дня события стали развиваться подобно нарастающему грозному шквалу.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 397.

Н. К. Крупская

Октябрьская революция была глубоко продумана с точки зрения организации, проведена по определенному плану. Правильно был определен момент восстания, сначала было совещание ЦК. Потом было созвано широкое совещание партийных, профсоюзных организаций, проголосовала вопрос о восстании вся партийная организация, затем вопрос был обсужден с президиумом Петроградского Совета. Потом со всем Советом в целом выделен был Военно-революционный комитет, который продумал конкретный план восстания. Потом было вынесено постановление всех полков подчиняться только Военно-революционному комитету. Временному правительству оставалось либо подчиниться, либо отдать приказ об аресте Военно-революционного комитета. А когда был отдан такой приказ, начато и блестяще было проведено восстание. *Организация — важнейшая предпосылка победы.*

Письмо В. И. Ленина членам ЦК[1]

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д...

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Н. И. Подвойский

24 октября ночью Ленин прибыл в Смольный и взял в свои руки все нити по руководству восстанием. Он то и дело посылал к нам курьеров с записками, на которых было написано два-три слова: «Взята ли центральная телефонная станция и телеграф?», «Захвачены ли мосты и вокзалы?» и т. д. На словах и в записках он настаивал на том, чтобы мы проверя-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.

ли все свои распоряжения. Он спрашивал: «Действительно ли надежный человек находится в таком-то пункте?», «Такая-то улица имеет исходное положение. Занята ли она?»...

Ночью (с 24 на 25 октября.— Сост.) из казарм по секторам восстания тянутся войска. Громыхают броневые машины. Клокочут по мостовым колеса пушек... Ленин... еще загримирован. Секторы войск начали смыкаться кольцом вокруг Зимнего дворца. Он (Ленин.— Сост.) спокоен и уверен. Проходит несколько часов. Движение по секторам замедлилось.

Тов. Ленин вмешивается... доискивается причин замедления. Требует посылки на секторы эмиссаров для подгонки. Сам посылает туда людей...

С. И. Аралов [1]

Ленин лично распределял силы и назначал товарищей, ответственных за захват отрядами Красной гвардии важнейших опорных пунктов противника, то есть Временного правительства. Так, Дыбенко отвечал за взятие здания морского министерства, Антонов-Овсеенко — за захват здания военного министерства и за руководство всем внутренним фронтом, Крыленко — за внешний фронт (не дать Керенскому бросить на Петроград с фронта верные ему части, разгромить их на дальних подступах к революционной столице).

В ночь на 25 октября, точно по плану Ленина, отряды Красной гвардии вместе с рабочими и революционными солдатами одновременно захватили телеграф, телефон, мосты, вокзалы, пригородные железнодорожные станции, правительственные здания.

Уже в процессе восстания В. И. Ленин предложил Антонову-Овсеенко немедленно овладеть управленческим аппаратом Петроградского военного округа и перебазироваться со своим военным аппаратом из Смольного в помещение штаба округа. Владимир Ильич требовал только наступления — смелого, отчаянного, решительного.

С. Г. Уралов [2]

Мне необычайно повезло: совершенно неожиданно я очутился не то на заседании ЦК, не то на совещании отдельных членов ЦК... Вдруг я услышал громкий, басистый возглас:

— Владимир Ильич!..

[1] Аралов С. И. (1880—1969) — член КПСС с 1918 года, в 1917 году — член, а затем председатель большевистского комитета 3-й армии, делегат II Всероссийского съезда Советов

[2] Уралов С. Г. ([illegible]—1969) — член КПСС с 1914 года, с июля 1917 года работал в Центральном совете фабзавкомов, участник Октябрьского восстания

Ленин... быстрой походкой подошел к стоявшему прямо против двери у окна маленькому канцелярскому столику и, отодвинув старенький венский стул, сел за столик. Нельзя было не заметить, что Владимир Ильич находился в сильно приподнятом настроении.

В. И. Ленин был в те минуты заметно взволнован, но весь его облик выражал непреклонную решительность.

Без всяких вступлений и предисловий, кратко и четко изложил он текущую программу боевых революционных действий, которая, как мне запомнилось, сводилась к следующему:

«Временное правительство объявить низложенным.

Всю власть объявить переданной Советам.

Сегодня же взять Зимний дворец. Министров арестовать и посадить в Петропавловку.

Второй съезд Советов открыть вечером сегодня.

Создать рабоче-крестьянское правительство».

Без прений, при быстром обмене мнениями предложения Ленина в течение каких-нибудь 10—15 минут были приняты единодушно и решительно.

Н. И. Подвойский

Рабочие и солдатские массы ночью и утром 25 октября вышли с заводов, фабрик и казарм, твердо решив: не возвращаться без власти. За одну ночь и утро буржуазия была лишена пролетариатом в Петрограде улиц, площадей, связи, вокзалов, передвижения внутри города и по всей стране.

К утру исход восстания был уже решен. Все ключевые пункты были в руках восставшего пролетариата...

Но оставался Зимний — последняя застава на пути к власти трудящихся.

В. Д. Бонч-Бруевич

Утром 25 октября (7 ноября) Владимир Ильич сел писать первый документ Октябрьской революции. Надо было написать кратко, сжато и все сказать в нем. Владимир Ильич быстро писал и перечеркивал и вновь писал. Вскоре он закончил и прочел нам вслух это первое обращение к широким народным массам от Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Из обращения, написанного В. И. Лениным от имени Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов «К гражданам России!» [1]

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

В. Д. Бонч-Бруевич

Владимир Ильич был очень недоволен тем, что мешкают со взятием Зимнего дворца. Он не видел там сил, которые могли бы оказать значительное сопротивление.

— Почему так долго? Что делают наши военачальники?— спрашивал Владимир Ильич.— Затеяли настоящую войну! Зачем это? Окружение, переброска, перебежка, развертывание... Разве это война с достойным противником? Быстрей! В атаку! Хороший отряд матросов, роту пехоты — и все там!— и он наскоро написал приказ в полевой штаб о немедленном наступлении.

Этот приказ передали гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам.

Н. И. Подвойский

В 6 часов вечера... был послан в Зимний дворец ультиматум правительству: очистить дворец и сложить оружие, а самим сдаться на милость Военно-революционному комитету.

Было условлено, что, если в течение 20 минут, которые мы дали Временному правительству на размышление, не последует ответа, «Аврора» первая откроет огонь, моряки высадятся на набережной, а красногвардейские отряды по орудийному сигналу штурмом бросятся на Зимний дворец...

Совсем стемнело. Ответа на ультиматум не было. Войска нервничали, не слыша орудийного сигнала. Они требовали вести их немедленно к решительной битве. Сжатым кольцом судьба дворца уже была решена бесповоротно. Но внутри

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

Зимнего все еще на что-то надеялись, верили в несуществующую силу. В 8 часов во дворец была послана делегация во главе с товарищем Чудновским с последним предложением сдаться.

В штабах восстания считали минуты. Парламентеры не возвращались. Солдаты в цепи волновались, недоумевая, почему их не ведут на штурм. Усилилась перестрелка...

Чудновский вернулся из дворца без всякого ответа уже в разгар перестрелки...

Весь вечер к нам поступали записки от Владимира Ильича, требовавшего скорейшего взятия Зимнего. Солдаты, матросы, не видя дальнейшего движения восстания, нервничали. Еще утром матросы, солдаты, красногвардейцы, все жители Петрограда узнали из газет, что Временное правительство низложено, а оно и сейчас, спустя полсуток, продолжает заседать. Войска требовали немедленного штурма...

В 21 час загремел орудийный выстрел. В морозном воздухе завыл снаряд. Первый, второй, третий... Выстрелы из орудий Петропавловской крепости наполнили ночь гулом. Наши части двинулись вперед, открыли ураганный пулеметный и винтовочный огонь. Баррикады встретили их решительным отпором...

...Воспользовавшись замешательством противника, матросы, красногвардейцы и солдаты ринулись вперед.

Это был героический момент революции, грозный... но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, ураганоподобного потока.

В. Д. Бонч-Бруевич

В 2 часа 10 минут в ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) Временное правительство было арестовано и препровождено под караулом в Петропавловскую крепость...

Н. И. Подвойский

В то время как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном Ленин открывал первые страницы нарождающегося нового мира.

А. А. Андреев

С огромным воодушевлением съезд принял написанное Лениным и зачитанное на съезде А. В. Луначарским воззвание: «Рабочим, солдатам и крестьянам!»

Из написанного В. И. Лениным воззвания II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!»[1]

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Ю. П. Сергеева[2]

Второе заседание съезда Советов открылось вечером 26 октября.

Залитый морем электрического света белоколонный зал Смольного был до отказа заполнен народом. Делегаты и многочисленные гости сидели на стульях, скамейках, подоконниках, а многие и на полу.

А. А. Андреев

Когда Ленин появился на трибуне, весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уже были не только делегаты съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки...

Ленин начал доклад с указания на то, что вопрос о мире является наиболее жгучим и больным, и тотчас перешел к зачитыванию Декрета о мире, предлагаемого партией большевиков на рассмотрение съезда. В декрете призывались все вою-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.

[2] Сергеева Ю. П. (1892—1961) — в 1917 году — работница-красногвардеец, распространяла в Петрограде большевистскую литературу среди рабочих и солдат

ющие народы и их правительства начать немедленно переговоры о мире на условиях отказа от захвата чужих земель и контрибуций, немедленного заключения перемирия. Декрет провозглашал отмену тайной дипломатии и заключенных тайных договоров.

Из заключительного слова В. И. Ленина по докладу о мире, 26 октября [1]

Мы наше обращение разошлем всюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности, правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

А. А. Андреев

После обсуждения доклада, которое вылилось, по существу, в демонстрацию поддержки внесенных Лениным предложений, съезд с большим подъемом, дружно одобрил Декрет о мире. Этот декрет, написанный Лениным, замечателен тем, что в нем со всей прямотой говорилось о мирной политике Советской власти с первого же момента ее существования.

Р. И. Кисис [2]

Декрет о мире уже тогда наметил основу миролюбивой политики нашего государства, принципы политики дружбы и мирного сосуществования народов, на которые сегодня опирается весь лагерь социализма в своей борьбе за мир, за прогресс человечества.

В. И. Ленин

...Российский пролетариат *отвоевал* у эсеров *крестьянство* и отвоевал буквально *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал «декрет о земле», а в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энер-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 19

[2] Кисис Р. И. — член КПСС с 1913 года, в 1917 году — активный участник Октябрьской революции в Латвии, делегат II съезда Советов.

гией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприировал полностью и без выкупа помещиков [1].

Н. К. Крупская

Была отменена смертная казнь, введенная Керенским на фронте... утвержден был большевистский состав Совета Народных Комиссаров. Председателем СНК был назначен Владимир Ульянов (Ленин)...

...Перед глазами Владимира Ильича вырисовывался облик народного комиссара, нового типа министра, организатора и руководителя той или иной отрасли государственной работы, тесно связанного с массами,— типа, зародившегося в огне революции.

Владимир Ильич все время усиленно думал о новых формах управления. Он думал о том, как организовать такого рода аппарат, которому чужд был бы дух бюрократизма, который умел бы опираться на массы, организовывать их в помощь своей работе, умел растить на этой работе нового типа работников. В постановлении II съезда Советов «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» это выражено словами: «Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров»...

Перед Советской властью, во главе которой встал теперь Ильич, стояла задача построить невиданный еще в мире тип государственного аппарата, опирающийся на самые широкие массы трудящихся, по-новому, по-социалистически перестраивающий всю общественную ткань, все человеческие отношения.

Из обращения В. И. Ленина «К населению»[2]

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся!

Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде, рассеявши и арестовавши последние остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским. Революция победила и в Москве...

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 13.
[2] Там же, т. 35, с. 65—67.

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена...

Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации.

* *
*

Яков Михайлович СВЕРДЛОВ

Свердлов Я. М. (партийные псевдонимы — Андрей, Макс и др.) (1885—1919 гг.), один из руководителей Октябрьской революции в Петрограде, советский государственный и партийный деятель. Родился в семье ремесленника-гравера в Нижнем Новгороде. Работал учеником в аптеке. В революционном движении с 1900 г. Член Коммунистической партии с 1901 г., профессиональный революционер. Вел партийную работу в Нижнем Новгороде, Сормове, Костроме, Ярославле, Казани и других городах. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. Из 16 предреволюционных лет Свердлов был на свободе лишь четыре года. В годы заключения много времени уделял марксистскому самообразованию.

Яков Михайлович
СВЕРДЛОВ

В 1904 г. по решению Северного комитета РСДРП перешел на нелегальное положение. В 1905 г. направлен ЦК РСДРП на укрепление Уральской партийной организации, возглавил комитет РСДРП в Екатеринбурге. В июне 1906 г. арестован и приговорен к двухлетнему тюремному заключению. В ноябре 1909 г. направлен ЦК РСДРП на восстановление Московской партийной организации; в декабре арестован и выслан в Нарымский край, в июле 1910 г. бежал. Как уполномоченный ЦК РСДРП работал в Петербургской партийной организации; участвовал в подготовке издания газеты «Звезда». В ноябре 1910 г. арестован и вновь выслан в Нарым. После 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) заочно кооптирован в ЦК и введен в Русское бюро ЦК РСДРП. В декабре 1912 г. бежал из ссылки; в Петербурге был одним из руководителей газеты «Правда» и большевистской фракции IV Государственной думы. В 1913 г. арестован и выслан в Туруханский край.
После Февральской революции 1917 г., в апреле, направлен ЦК РСДРП на Урал, руководил Уральским бюро ЦК РСДРП. На 1-й Уральской областной партийной конференции избран членом обкома. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), избран членом ЦК, затем секретарь ЦК, член ВЦИК. На Апрельской конференции встретился с В. И. Лениным. Свердлов руководил Организационным бюро по созыву VI съезда РСДРП(б), на котором избран членом ЦК. Возглавил Секретариат ЦК РСДРП(б), участвовал в руководстве Военной организацией при ЦК, поддерживал постоянную связь с Лениным, находившимся в подполье; вел работу по расстановке кадров, налаживанию связи с местными организациями партии, созданию печатных партийных органов.
В октябрьские дни 1917 г. Свердлов — один из руководителей подготовки и осуществления Октябрьской революции. Был председателем на заседаниях ЦК РСДРП(б) 10(23) и 16(29) октября 1917 г. Избран членом Военно-революционного партийного центра по руководству восстанием. Член ПВРК. Делегат II Всероссийского съезда Советов, руководитель большевистской фракции съезда. 8(21) ноября 1917 г. по предложению Ленина избран Председателем ВЦИК, одновременно — секретарь ЦК РСДРП(б). Председатель комиссии по выработке Конституции РСФСР 1918 г. На VII съезде РКП(б) вновь избран членом ЦК. В 1919 г.— член Оргбюро ЦК. Скоропостижно умер 16 марта 1919 г. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Из речи В. И. Ленина памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г.[1]

Тов. Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты проле-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 74—79.

тарской революции, и именно в этом в еще гораздо большей степени, чем в его беззаветной преданности революционному делу, заключается значение его, как вождя пролетарской революции...

Товарищи! Нам, русским, особенно в тяжелые для революционеров времена, во времена тяжелой, продолжительной, иногда мучительной и непомерно долгой подготовки революции, нам приходилось больше всего страдать от расхождения между теорией, принципами, программой и делом, нам приходилось чаще всего страдать от чрезмерного погружения в теорию, оторванную от непосредственного действия.

История русского революционного движения в течение многих десятилетий знает мартиролог людей, преданных революционному делу, но не имевших возможности найти практического применения своим революционным идеалам. И в этом отношении пролетарская революция впервые дала прежним одиночкам, героям революционной борьбы, настоящую почву, настоящую базу, настоящую обстановку, настоящую аудиторию и настоящую пролетарскую армию, где эти вожди могли проявить себя. В этом отношении всего больше выделяются именно те вожди, которые сумели, как практически действующие организаторы, завоевать себе такое исключительно выдающееся место, какое завоевал и каким пользовался по праву Я. М. Свердлов.

Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, пережив и испытав различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера. В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции. В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера,— человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закаляли революционеров на долгие и долгие годы.

Но этот профессиональный революционер никогда, ни на минуту не отрывался от масс. Если условия царизма и обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятель-

ность преимущественно подпольную, нелегальную, то и в этой подпольной и нелегальной деятельности тов. Свердлов шел всегда плечо к плечу и рука об руку с передовыми рабочими, которые как раз с начала XX века стали заменять собой прежнее поколение революционеров из среды интеллигенции.

Именно в это время передовые рабочие выступили на работу десятками и сотнями и воспитали в себе ту закаленность к революционной борьбе, без которой, вместе с крепчайшей связанностью с массами, не могло бы быть успешной революции пролетариата в России. Именно этот долгий путь нелегальной работы больше всего характерен для человека, который, постоянно участвуя в борьбе, никогда не отрывался от масс, никогда не покидал России, действовал всегда с лучшими из рабочих и умел, несмотря на ту оторванность от жизни, на которую осуждали революционера преследования,— умел выработать в себе не только любимого рабочими вождя, не только вождя, который шире всего и больше всего знал практику, но и организатора передовых пролетариев. И если некоторые думали — чаще всего так думали наши противники или колеблющиеся люди,— что эта полная поглощенность нелегальной работой, что эта черта профессионального революционера отрывает его от масс, то именно образец революционной деятельности Я. М. Свердлова и показывает нам, насколько глубоко ошибочным является этот взгляд, насколько, наоборот, именно та беззаветная преданность революционному делу, которая знаменовала жизнь обошедших многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки людей, именно она создавала таких вождей, цвет нашего пролетариата. А если она сочеталась со свойством, с умением разбираться в людях, налаживать организационную работу, то только она и выковывала крупных организаторов. Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов,— только через эту практическую школу, только таким путем мог он прийти к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс.

Товарищи! Всем, кому приходилось, как приходилось мне, работать изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно было, что только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целесообразной, действитель-

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов

но организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции,— той сплоченной организованной работы, без которой у нас не могло бы быть ни одного успеха, без которой мы не преодолели бы ни одной из тех неисчислимых трудностей, ни одного из тех тяжелых испытаний, через которые мы проходили до сих пор и через которые мы вынуждены проходить теперь.

В той кипучей борьбе, какой является революция, на том особом посту, на котором стоит всякий революционер, если работа даже небольшой коллегии превращается в рассуждение, громадное значение имеет крупный, завоеванный в ходе борьбы, бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс.

Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труднейшие вопросы,

то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководящих деятелей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы,— о которой я могу сказать здесь лишь слишком кратко,— выработать в себе замечательное чутье практика, замечательный талант организатора, тот безусловно непререкаемый авторитет, благодаря которому крупнейшими отраслями работы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, которые под силу были лишь группе людей,— целиком и исключительно единолично ведал Яков Михайлович. Только ему удалось завоевать такое положение, что достаточно было в громадном числе крупнейших и важнейших организационных практических вопросов, достаточно было одного его слова, чтобы непререкаемым образом, без всяких совещаний, без всяких формальных голосований, вопрос был решен раз навсегда, и у всех была полная уверенность в том, что вопрос решен на основании такого практического знания и такого организаторского чутья, что не только сотни и тысячи передовых рабочих, но и массы сочтут это решение за окончательное.

История давно уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными. Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал себе абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный, по своим знаниям, организатор работы партии, которая создавала эти Советы и практически осуществляла Советскую власть, совершающую теперь свое тяжелое, мучительное, кровью залитое, но победоносное шествие ко всем народам, по странам всего мира.

* * *

Яков Михайлович
СВЕРДЛОВ

Организатор крупнейшего масштаба [1]

В Петроград Свердлов попал в конце марта 1917 года.

Несколько дней, проведенных им в Петрограде, были до предела насыщены. Три последних дня марта Яков Михайлович принимал участие в работе Всероссийского совещания партийных работников, был на совещании Советов России, но каждую свободную минуту он проводил в массах, среди рабочих и солдат, на заводах, в казармах.

В Петрограде Свердлов прочитал первое ленинское «Письмо из далека». Оно было опубликовано в двух номерах «Правды»— 21 и 22 марта 1917 года.

Как это уже не раз бывало у Свердлова, при чтении работ Ильича он воспринимал ленинские мысли как свои собственные. Но главное было даже не в этом. Многое в ленинском письме было откровением. Причины быстрой и внешне радикальной победы революции. Роль различных классов...

То необычное, что так внезапно и своеобразно проявилось в Февральской революции, постепенно прояснилось и занимало свое место. Двоевластие... Этот термин еще не был применен в письме Ленина. Но письмо подводило к пониманию этого необычного симбиоза. Рядом с Временным правительством возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство — Совет в Питере... Своеобразие текущего момента — переход от первого ко второму этапу революции...

Не сохранилось каких-либо документов или свидетельств очевидцев о первой встрече Свердлова с Владимиром Ильичем. Мы не знаем, о чем они говорили, каковы обстоятельства этой встречи.

...Для Свердлова встреча с Лениным была самой значительной вехой его яркой жизни. Давняя мечта осуществилась, он не только увидел Ленина, но стал работать рядом и вместе с ним, приобщаясь к грандиозной ленинской деятельности, направленной на победу социалистической революции.

В дни, когда собралась 7-я Всероссийская (Апрельская) конференция, революция переживала первый серьезный кризис. Буржуазная и оборонческая печать еще в начале апреля подняла дикую травлю Ленина, большевиков. Курс на социалистическую революцию, провозглашенный Лениным,

[1] *Городецкий Е. Н.* Восстание Из книги: *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов. М., 1971.

вызвал взрыв ненависти желтых газет. В демонстрациях 20—21 апреля, на улицах столицы, на митингах столкнулись две силы — пролетариат и буржуазия.

24 апреля в большом зале дворца Кшесинской, украшенном зелеными ветками и красными знаменами, открылась 7-я (Апрельская) партийная конференция. Солдаты броневого дивизиона, захватившие еще в феврале дворец, принесли сюда свое знамя: «Броневики на страже свободы». Рядом с ним знамя выборжцев: «Павшим борцам за свободу 1905—1917 гг.».

На конференции были представлены партийные организации столиц и центральных районов, Поволжья и Сибири, Западного края и Юга. Особенно выделялась делегация Урала.

На конференции большое значение придавалось докладам местных организаций. Ленин считал, что материал местных организаций «дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни»[1]. Первый из докладов о положении на местах сделал на конференции Свердлов. Это не было случайностью. Опыт организации крупнейшего пролетарского района, объединявшей в своих рядах шестую часть всех большевиков России, представлял особый интерес. Это было первое выступление Свердлова с всероссийской партийной трибуны.

В своем докладе Свердлов выдвинул именно те вопросы, которые имели общепартийное значение и представляли интерес для партии и ее борьбы за дальнейшее развитие революции. Он установил прямую зависимость между силой, сплоченностью, идейным и организационным единством большевистских организаций и размахом революционной борьбы, влиянием большевиков в Советах...

По просьбе Ленина Свердлов организовал его встречи с группами делегатов различных районов страны.

Доклад Свердлова о положении на Урале, доклады представителей Петроградской и Московской окружных организаций, Московской городской, организаций Поволжья, Центрального промышленного района, Донбасса, Кавказа позволили Ленину сделать вывод: «Из центра революция переходит на места». Когда Ленин указывал, что отдельные местные организации «прямо подходят к задачам социалистической революции», он имел в виду и Урал.

Конференция работала в условиях развивавшегося в стране апрельского кризиса. «Было мало времени, много рабо-

[1] VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М., 1958, с. 145

ты»,— отметил Ленин, подводя итоги конференции. Вот почему такое первостепенное значение приобретал вопрос об организации работы самой конференции. 26 апреля Свердлов предложил для подготовки резолюций конференции разбиться на секции. Ленин поддержал это предложение. Конференция создала шесть секций по вопросам — аграрному, национальному, пересмотру Программы, об Интернационале, Учредительном собрании и по организационному вопросу. Ряд резолюций по другим важным вопросам обсуждался в комиссиях, избранных конференцией.

Решения, принятые Апрельской конференцией, явились конкретно разработанной ленинской программой борьбы за победу социалистической революции в России. Конференция отвергла оппортунистическую линию Каменева, Пятакова и других, обрекавшую революцию на поражение. Конференция избрала Центральный Комитет из девяти человек во главе с Лениным. В состав ЦК вошел и Свердлов. При обсуждении кандидатуры Свердлова выступил В. В. Куйбышев: «Товарищ Свердлов — старый партийный работник, незаменимый организатор. Присутствие его необходимо в ЦК».

...Партия большевиков придавала большое значение борьбе за муниципальные учреждения — городские и районные думы, земства. При ЦК партии была создана муниципальная группа, которую возглавил Свердлов. В эту группу входили Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, В. Н. Подбельский и другие.

Еще в начале мая Центральным Комитетом были опубликованы в трех номерах «Правды» «Основные положения муниципальной платформы РСДРП(б)». Этот документ, изданный затем отдельной брошюрой, повлиял на результаты майско-июньских выборов в городскую и районные думы Петрограда и на проведение муниципальной кампании на местах.

Конечно, главным полем борьбы оказались Советы. Но большевики шли во все слои трудящегося народа. Они видели в городских и районных думах, земствах аппарат, выполнявший ряд важных хозяйственных и просветительных функций. На выборах в эти органы принимали участие самые широкие социальные слои — нужно было повести и эти слои за рабочим классом.

...Из 800 тысяч избирателей Петрограда на выборах в районные думы каждый пятый отдал свой голос за большевиков. В Выборгском районе большевики получили абсолютное большинство голосов, а в ряде других районов завоевали прочные позиции.

Свердлов был избран в состав думы Петроградского района и принимал участие в ее работе в качестве заместителя председателя думы.

Упорная борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями шла в рабочих кварталах, на заводах, в гарнизонах. Творчество рабочего класса создавало новые формы организации, и важно было ввести эти организации в общее русло пролетарской борьбы. Так возникли фабрично-заводские комитеты на предприятиях, и сразу же большевики развернули работу по превращению фабзавкомов в опорные пункты большевистской партии. Свердлов одним из первых понял значение фабзавкомов, он взялся за их объединение сначала в столице, а затем и в масштабах страны.

На I общегородской конференции фабрично-заводских комитетов были представлены более 300 тысяч рабочих столицы и ее окрестностей. Семь дней 569 делегатов, из которых 75 процентов принадлежали к большевикам, обсуждали на конференции коренные вопросы революции. Яков Михайлович принимал активное участие в подготовке конференции. Он постоянно информировал Ленина о ходе этой подготовки, получал от Владимира Ильича указания о направлении, которое нужно придавать деятельности фабзавкомов. За несколько дней до конференции от имени Центрального Комитета партии была опубликована «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой», написанная Лениным. В ленинской резолюции указывался единственный путь спасения от катастрофы — установление рабочего контроля за производством и распределением продуктов, а затем и регулирование производства и распределения с распространением этих мер на все финансовые и банковские операции, переход всей государственной власти в руки пролетариев и полупролетариев.

Ленинский проект резолюции стал основой большевистской позиции на конференции фабзавкомов. Свердлов был избран в состав президиума конференции и непосредственно руководил работой большевиков на ней. Конференция принесла большой успех большевикам. С чувством законного удовлетворения Свердлов писал Антонову-Овсеенко 4 июня 1917 года: «...конференция заводских комитетов г. Петрограда прошла под нашим исключительным почти влиянием. Вчера закончилась избранием Центра заводских комитетов из 25 человек, из них 19 большевиков...» Яков Михайлович был избран в состав Центрального совета фабзавкомов Петрограда.

Большевистские идеи все больше распространялись и в деревне. После выступления Ленина на I Всероссийском

крестьянском съезде интерес к большевистской программе решения земельного вопроса резко возрос. Свердлов организовал публикацию ленинского письма к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов в виде брошюры, и Секретариат ЦК разослал это письмо по 130 адресам.

К началу июня большевики завоевали прочные позиции на заводах, фабриках и в гарнизоне Петрограда. Настроение масс все больше накалялось. Созданное в начале мая коалиционное правительство продолжало политику Милюкова и Гучкова. Возмущение масс соглашательской политикой эсеров и меньшевиков грозно нарастало.

К 3 июля возбуждение масс достигло сильного накала. Днем 3 июля отдельные воинские части и рабочие некоторых столичных предприятий вышли на улицы. На дневном заседании Петроградской общегородской конференции появились представители Пулеметного полка, они заявили, что полк сегодня же выступает с демонстрацией. В четыре часа дня состоялось заседание Центрального Комитета, в котором участвовал Свердлов. Здесь было принято решение воздержаться от выступления. Но, несмотря на все усилия большевиков предотвратить преждевременное выступление, вечером 3 июля солдаты Пулеметного, Московского, Гренадерского и других полков гарнизона, рабочие Путиловского завода, завода «Вулкан», заводов Выборгской стороны направились к дворцу Кшесинской. Рабочие, солдаты и матросы хотели услышать слово большевиков. Ленина в этот день не было в Петрограде. Свердлов, Подвойский, Кураев, Невский и другие большевики с дворцового балкона выступили перед демонстрантами, призывая их вернуться в казармы и на заводы. Впервые массы не захотели слушать ораторов, встречали их криками «долой!». Становилось ясно: удержать выступление невозможно. Поздно вечером Центральный Комитет вместе с представителями ПК и Военной организации принял решение возглавить выступление питерских рабочих и солдат и превратить его в организованную мирную демонстрацию.

Всю ночь Свердлов и другие члены ЦК инструктировали людей, направляли их в районы, посылали агитаторов в полки и на заводы. Всю ночь во дворце Кшесинской не прекращалась ни на минуту жизнь — из штаба большевистской партии протянулись нити к охваченным революционным волнением окраинам столицы, казармам гарнизона.

4 июля до 400 тысяч рабочих, матросов и солдат вышли на демонстрацию. Они шли под лозунгами большевистской партии. Колонны демонстрантов направились к дворцу Кшесин-

ской. Ленин к этому времени вернулся в Петроград. На балконе, украшенном знаменами Центрального и Петроградского комитетов партии, стояли Свердлов и Луначарский. Обращаясь к кронштадтцам, возглавлявшим колонну, Свердлов сказал, что Центральный Комитет партии большевиков никогда не сомневался в том, что в исторические минуты революционные моряки придут на помощь питерскому пролетариату.

В те часы, когда на улицах Питера проходила мощная демонстрация, Временное правительство и эсеро-меньшевистское руководство ЦИК стало стягивать в Петроград контрреволюционные войска. К вечеру 4 июля на Невском, Литейном и Владимирском проспектах демонстрантов обстреляли отряды юнкеров и офицеров Керенского. Впервые со времени свержения самодержавия на улицах столицы пролилась кровь сотен рабочих и солдат. Контрреволюция поднимала голову. Утром 5 июля она перешла в наступление. Юнкера разгромили редакцию и типографию «Правды», арестовали и избили ее сотрудников. В Петрограде было объявлено военное положение. Телефоны всех большевистских организаций были выключены. Контрреволюционные части стали окружать дворец Кшесинской.

Июльские дни коренным образом изменили обстановку в стране. Мирный период развития революции — период двоевластия — закончился, и Свердлов вместе с ленинским ядром ЦК осознал этот факт достаточно быстро, а осознав, стал действовать.

В эти же дни Яков Михайлович пишет прокламацию, разъясняя смысл и значение июльских событий. «Контрреволюционные элементы, давно готовившиеся к походу против непримиримых классовых противников буржуазии, против большевистски настроенных масс, осуществили свое намерение. Всеобщая разруха хозяйственной жизни, тяжелый гнет войны заставляли массы вести решительную борьбу за устранение от власти представителей буржуазии. Буржуазия своими локаутами, провоцированием рабочих к отдельным выступлениям давно подготовляла расстрелы. Мы не сомневаемся ни на минуту, что и выстрелы в демонстрантов носили чисто провокационный характер».

Задача состояла в том, чтобы в условиях послеиюльского разгрома быстро восстановить потерпевшие урон большевистские организации, помочь им правильно сочетать самую широкую работу в массах с восстановлением некоторых элементов нелегальной деятельности, вынужденной новой обстановкой.

Испытанный революционный боец, он в дни натиска контрреволюции был по-особому подобран, полон энергии и веры в близкую победу. Для него июльские события были серьезным этапом борьбы. Удар, нанесенный по силам революции, был очень тяжелым, но эта борьба неизбежно должна была окончиться торжеством рабочего класса. Три недели спустя, на VI съезде партии, Свердлов скажет: «Первое время чувствовался известный распад, только в петербургском пролетариате не замечалось упадка настроения...»

ЦК возложил на Якова Михайловича руководство работой по подготовке VI съезда партии. Еще в конце июня было создано Организационное бюро по созыву съезда во главе со Свердловым. 1 июля Свердлов докладывал от имени ЦК на заседании II общегородской Петроградской конференции большевиков о подготовке съезда партии. После июльского кризиса эта работа не прекращалась. Секретариат ЦК и Организационное бюро поддерживали постоянную связь с местными партийными организациями и направляли всю работу по подготовке съезда в духе ленинских указаний, данных в статье «Три кризиса».

VI съезд партии проходил полулегально с 26 июля по 3 августа, он разработал основные вопросы развития революции на ее новом, послеиюльском этапе. В центре внимания делегатов съезда находились ленинские тезисы «Политическое положение» и статья «К лозунгам», в которых был дан исчерпывающий анализ новой обстановки и определена тактика партии в условиях краха двоевластия.

Политический отчет ЦК на съезде сделал Сталин, организационный отчет — Свердлов. Доклады на съезде, резолюции, им принятые, были проникнуты ленинскими идеями борьбы за социалистическую революцию, завоевание власти пролетариатом и беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания.

Характерным для доклада Свердлова на съезде является распределение партийных организаций по областным объединениям. Опыт революционной борьбы настоятельно требовал создания областных партийных центров. Недостаток руководящих партийных кадров, необходимость более тесной и оперативной связи Центрального Комитета с местными организациями продиктовали объединение нескольких губернских партийных организаций в одну областную. Однако эта структура к VI съезду партии еще не сделалась общероссийской. Ее закрепил принятый на VI съезде Устав.

В дни работы съезда Свердлов выступил с докладом о текущем моменте на заводском митинге у путиловцев. Он рас-

сказал о планах контрреволюции: разгромить большевистскую партию, арестовать Ленина, разогнать большевистский съезд. Свердлов призвал рабочих ответить на происки буржуазии сплочением вокруг большевистской партии. Рабочий шрапнельного цеха И. А. Турнев ответил Свердлову: «Путиловцы стойко стоят на страже революции и будут грудью защищать съезд партии большевиков. Путиловцы будут и впредь работать на вооружение революционного пролетариата, чтобы окончательно свернуть шею капиталистическому строю».

Результаты выборов на съезде не сообщались, состав избранного ЦК был объявлен Свердловым только на первом Пленуме ЦК 4—5 августа. Тут же Центральный Комитет решил избрать узкий состав из 11 человек для работы в Петрограде, а остальных членов ЦК распределить по областям. Свердлов вошел в узкий состав Центрального Комитета.

Все резолюции съезда были основаны на ленинском анализе новой обстановки, сложившейся в результате краха двоевластия. Все свои решения съезд подчинил главной цели — подготовке пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию, к борьбе за победу социалистической революции.

По поручению Центрального Комитета Свердлов возглавил работу Секретариата ЦК партии.

Секретариат — исполнительный орган ЦК партии. Его задачи определились окончательно к августу 1917 года, когда решением ЦК на Секретариат была возложена организационная часть работы. Свердлов направил работу аппарата Секретариата таким образом, чтобы он быстро и точно исполнял все решения ЦК, проявляя достаточную гибкость и инициативу в оперативном проведении этих решений.

Одна из самых важных задач Секретариата ЦК — связь с местными партийными организациями. Свердлов обратил особое внимание на полное развитие всех форм и способов этой связи. Огромное значение имел личный контакт с делегациями, ходоками с мест, инструктирование их, всемерное использование для этого многочисленных съездов, различных массовых организаций.

Огромное значение для укрепления связи партийных организаций и руководства революционными событиями имела переписка ЦК с местами. Только с марта по октябрь 1917 года Секретариат разослал около 1700 писем, многие из них написал Свердлов. Сотни писем, приходившие в ЦК, им были прочитаны, изучены, лично им же составлены ответы на десятки из них или с пометками переданы для ответа работникам

Секретариата. Эта переписка живыми нитями связывала самые отдаленные углы России, ее крупные промышленные центры, ее города и села с сердцем революции — штабом большевистской партии.

Секретариат Центрального Комитета направлял работников в районы столицы, в местные партийные организации, на важные участки фронта, в массовые союзы. Организаторы, агитаторы, лекторы направлялись во многие губернии России. Но людей в распоряжении Секретариата ЦК было крайне мало, а поток требований все ширился. Твердая вера в неисчерпаемые силы революции звучит в письмах Якова Михайловича, в его ответах на требования прислать работников. Письма проникнуты глубокой убежденностью в том, что рабочий класс, партия выдвинут работников, воспитают и вооружат их всеми качествами партийных борцов.

В августе — сентябре 1917 года Свердлов развивает особенно интенсивную деятельность Секретариата ЦК. В крупнейшие организации Центральным Комитетом направляются представители, рассылаются директивные письма. Многие из этих писем написаны Свердловым. Письма в Екатеринослав и Луганск, в Киев и Евпаторию, в Минск и Оршу, в Севастополь и Венден, в Бердянск и Томск, в Новониколаевск и Рославль... Мы ощущаем в них горячее дыхание предгрозового сентября и спокойную уверенность тех, кто направлял народную борьбу.

И во всех письмах как постоянный мотив звучит напоминание партийным организациям — во всей своей борьбе исходить из руководящих статей «Рабочего пути». А в «Рабочем пути» в эти дни второй половины сентября были опубликованы такие статьи Ленина, как «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции», в которых призыв к восстанию (хотя этого слова в статьях нет!) звучит как набатный колокол.

В сентябре 1917 года, когда руководство Петроградским Советом перешло в руки большевиков, Свердлов и другие члены ЦК, входившие в Совет, обосновались в Смольном. Секретариат ЦК продолжал оставаться на Фурштадтской, но в Смольном Я. М. Свердлов организовал отделение Секретариата. В отчете отделения за сентябрь 1917 года отмечалось: «Благодаря тому, что Смольный институт является центром, куда стекаются в огромном количестве делегаты из провинции, армии и т. п., деятельность отделения очень оживлена». Отделение Секретариата было тесно связано с большевистской фракцией Петроградского Совета, Военной организа-

цией, принимало делегатов из провинции, снабжало литературой солдат, ехавших в отпуск, и инструкторов, окончивших специальные курсы. Посланцы ЦК, получив напутствие Якова Михайловича, направлялись, как это отмечается в отчете, «во все губернии Европейской России и в Западную Сибирь».

2 октября 1917 года Свердлов писал в одном из писем местным партийным организациям: «Предстоит жестокая борьба в связи с созывом съезда Советов...» В другом письме, от 7 октября: «Мы стоим на пороге крупных событий. Не исключена возможность вызова с фронта отдельных частей, как это уже имело место в дни 3—5 июля...» В этом же письме, адресованном областному Юго-Западному комитету, содержалась просьба подробно информировать о положении в армии.

В письме Секретариата ЦК от 20 октября все тот же мотив: «Можем сказать только одно: мы несомненно стоим на пороге крупнейших событий».

Так Центральный Комитет ориентировал партийные организации, держал их в боевой готовности.

Дни и ночи слились для Свердлова воедино. Он работал в Военно-революционном центре, который должен был неусыпно следить за каждым движением врага, за каждым действием Временного правительства, контрреволюции, направлять растущий шквал народной борьбы.

Как для всякого настоящего революционера, эти дни подготовки восстания были для него подлинным праздником, он с наслаждением дышал воздухом, насыщенным грозовой энергией масс, поднявшихся на борьбу.

10 октября 1917 года. Набережная реки Карповки. Здесь в шестиэтажном доме, в комнате, окно которой задрапировано темным одеялом, собралось 12 человек. На плечах этих людей огромная ответственность за судьбы революции и страны. Со стены на собравшихся смотрят портреты поэта гнева и печали, боли и ненависти — Некрасова и рядом с ним строгий и язвительный Салтыков-Щедрин. За тяжелым дубовым столом Свердлов — он председательствует на историческом заседании Центрального Комитета партии. Это первое после июльских дней заседание ЦК с участием Ленина. Наступил час исторического решения.

Фактические данные о положении на решающих участках революции были сосредоточены у Якова Михайловича. Он доложил Центральному Комитету о положении на Северном, Западном, Румынском фронтах. На Северном фронте готовится какая-то темная история с отходом войск, говорит Свердлов. В Минске назревает новая корниловщина. Револю-

ционный гарнизон Минска окружают казачьими войсками. Между штабами фронтов и Ставкой ведутся переговоры подозрительного характера. Революционно настроенные артиллерийские части загнаны в Пинские болота. Но на всем фронте настроение за большевиков, имеется полная возможность захватить штаб и разоружить все кольцо контрреволюционных войск. Из Минска готовы послать корпус в Петроград для помощи в восстании.

Весь доклад Свердлова проникнут огромной верой не только в необходимость восстания, но и в его победу.

Центральный Комитет переходит к главному вопросу — к докладу Ленина о текущем моменте. Ленин охарактеризовал международное и внутреннее положение страны, указал на рост крестьянского движения, на пагубность тактики ожидания Учредительного собрания, на предательские планы сдачи Питера немцам. «Политическая обстановка таким образом готова,— заявил Ленин.— Надо говорить о технической стороне» [1].

Свет висячей лампы под белым абажуром падает на листок разграфленной в клетку бумаги, на котором четким ленинским почерком написано: «...вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело».

Десять членов Центрального Комитета голосуют за эту резолюцию, два — Каменев и Зиновьев — против. Итак, решение принято...

Двести тысяч красногвардейцев, революционные части Северного и Западного фронтов, корабли Балтийского флота ждали сигнала для выступления.

Резолюция ЦК 10 октября стала законом для партии. Это было торжеством ленинского курса и поражением капитулянтов.

Нужно было проверить ход подготовки восстания и сплотить вокруг решения ЦК руководящие центры массовых организаций столицы, разоблачить капитулянтство позиции Каменева и Зиновьева. 16 октября было созвано расширенное заседание ЦК.

Еще накануне Свердлов договорился с А. В. Шотманом, что заседание это будет проведено в одной из комнат Лесновско-Удельнинской районной думы, председателем управы которой был М. И. Калинин. Небольшой двухэтажный дом с шатровой башенкой, похожей на пагоду, стоял в стороне от крупных городских районов и был очень удобен для конспиративного заседания.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 392

Около 8 часов вечера здесь собрались члены ЦК РСДРП(б), представители ПК, Военной организации, Петроградского Совета, профессиональных союзов, фабзавкомов.

Ленин пришел в сопровождении Шотмана и Рахьи.

В двухчасовом докладе Ленин дал глубокий анализ международного и внутреннего положения страны. «Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием» [1],— заявил Ленин.

Яков Михайлович рассказал о положении дел на местах, о стремительном росте партии, которая объединяла к середине октября не менее 400 тысяч человек, о росте ее влияния в Советах, армии и на флоте, о положении в Москве. Контрреволюция, подчеркнул Свердлов, проводит мобилизацию своих сил. Он отметил особую опасность ее в Донецком районе, в районе Западного (Минск) и Северного фронтов.

Представители ПК, Военной организации, профсоюзов, фабзавкомов говорили о готовности к решительному бою. Однако в речах Каменева и Зиновьева снова и снова повторялись капитулянтские доводы о несвоевременности и гибельности вооруженного восстания, снова они требовали пересмотра резолюции ЦК от 10 октября, ссылаясь на то, что резолюция ЦК не есть приказ.

С решительной поддержкой Ленина и резким осуждением капитулянтов выступили Дзержинский, Калинин, Крыленко, Лацис, Скрыпник, Сталин.

Почти до утра продолжалось обсуждение доклада Ленина.

В своем выступлении председатель собрания Свердлов заявил, что резолюция ЦК — это приказ, суть дела в том, что вопрос из области политической перешел в область организационно-техническую. Он высмеял трусливое заявление Каменева о практической неосуществимости резолюции ЦК. На таком широком собрании невозможно было рассказать, что сделано. Но когда Свердлов говорил, что соотношение сил сложилось в пользу большевиков, он опирался на точные и неопровержимые собранные в ЦК данные о силах революции и состоянии лагеря противника.

Собрание приняло предложенную Лениным резолюцию, в которой одобрялось решение ЦК от 10 октября, все организации призывались к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого ЦК центра по руководству восстанием и выражалась уверен-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 395.

ность, что «ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Я. М. Свердлов, работая в составе Военно-революционного центра, много сделал для создания подчиненной ВРК и работающей под его руководством сети местных организаций: районные революционные комитеты, военно-технические комиссии на крупных предприятиях и в воинских частях, повстанческие тройки и пятерки, гарнизонное совещание. Получался разветвленный аппарат восстания, руководимый из одного центра. Все нити руководства этим аппаратом сходились к Свердлову и другим членам Военно-революционного центра. Много внимания уделялось военному обучению красногвардейцев. Военная организация направила в некоторые отряды Красной гвардии революционных офицеров и унтер-офицеров. Неподходящие командиры были заменены новыми. Раньше обучение красногвардейцев шло на заводских дворах, велось полулегально. Теперь, в середине октября, красногвардейцы вышли для обучения на улицы и пустыри, на площади заводских районов.

В Секретариат ЦК, в Смольный, в ВРК со всех сторон неслось требование: оружия! У рабочих не хватало винтовок, а вооружаться нужно было, как указал Ленин, не за счет цейхгаузов воинских частей — нельзя было лишать оружия революционных солдат,— а прямо из арсеналов и складов. Военно-революционный комитет направил своих комиссаров в крупнейшие арсеналы — Петропавловскую крепость, Новый Арсенал, Сестрорецкий завод,— с тем чтобы установить строгий контроль за выдачей оружия, прекратить снабжать оружием контрреволюционные войска и обеспечить вооружение Красной гвардии.

В разгар интенсивнейшей работы большевиков по подготовке восстания капитулянты нанесли революции предательский удар в спину. 18 октября меньшевистская газета «Новая жизнь» опубликовала заявление Каменева, в котором он от своего и Зиновьева имени выступил против секретного решения ЦК о восстании. В этом выступлении не только разглашалось решение ЦК о восстании, но и довольно ясно говорилось о сроке восстания («...За несколько дней до съезда Советов»).

20 октября вопрос о Каменеве и Зиновьеве рассматривал Центральный Комитет. Свердлов прочитал ленинское «Письмо к членам партии большевиков» и письмо в ЦК. «Я бы считал позором для себя,— писал Ленин,— если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих

больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии»[1].

Твердо звучит голос Свердлова, когда он читает ленинские слова: «Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды,— пролетариат должен победить!»[2]

Рукой Свердлова в протокол было занесено постановление ЦК: «Вменяется в обязанность Каменеву и Зиновьеву не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы».

В тот же день, 20 октября, Свердлов принял участие в заседании Военно-революционного комитета.

Бюллетень Военно-революционного комитета от 20 октября передал какую-то частицу его деятельности.

«В строевые части гарнизона, некоторые учреждения и склады для наблюдения, руководства и организации надлежащих мер охраны командированы комиссары»,— говорилось в бюллетене.

Свердлов занялся подбором комиссаров ВРК. Он широко привлекал при этом большевиков — делегатов II Всероссийского съезда Советов. В ВРК были направлены делегаты съезда И. П. Флеровский, Ф. И. Голощекин, В. А. Галкин, П. М. Быков и другие. В Смольном было установлено непрерывное дежурство членов комитета. Свердлов организовал связь Военно-революционного комитета с районными Советами и воинскими частями Петрограда и окрестностей. В Смольном находилось 47 связных и посыльных кавалерийских, технических частей и флотских экипажей, готовых в любой момент вызвать части по приказу ВРК. Поступали доклады из районов и частей о положении дел на местах. Служба связи, организованная Свердловым, давала Центральному Комитету партии и органам восстания возможность держать руку на пульсе революции, зорко наблюдать за врагом и в нужный момент и в нужном месте бросить все силы для достижения победы.

Служба связи была лишь одним из звеньев системы органов восстания, которой в эти дни отдавал Свердлов свое творчество организатора. Вторым важным звеном этой системы был институт комиссаров Военно-революционного комитета.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 420.
[2] Там же, с. 422.

Это была новая область работы для Свердлова, да и для самой революции. До этого Свердлов принимал участие в подборе, воспитании, обучении в ленинском духе партийных кадров, главным образом для внутрипартийной работы или для работы в массах.

Теперь речь шла о другом. Нужно было организовать сеть комиссаров, которые выступили бы как полномочные представители полновластного Военно-революционного комитета, организаторы вооруженного восстания. Это был новый тип революционного работника, которому поручалось исключительно ответственное, не испытанное до сего времени дело: захватить учреждения буржуазного государства, подавить сопротивление контрреволюции, сломать старый, бюрократический аппарат и построить органы пролетарской власти. Значительную часть комиссаров для воинских частей дала Военная организация при ЦК партии. Наблюдение за деятельностью Военной организации и постоянное участие в ее работе дали Свердлову возможность хорошо изучить кадры «Военки» и решительно выдвигать эти кадры на работу комиссарами.

В ночь на 21 октября ВРК назначил 51 комиссара в воинские части Петрограда и его окрестностей. Получив чрезвычайные полномочия Военно-революционного комитета, комиссары в любой момент, указанный центром восстания, могли двинуть войска на штурм Временного правительства.

22 октября в столице по призыву большевиков был проведен День Петроградского Совета. Это был день смотра готовности пролетариата и гарнизона Петрограда. Яков Михайлович выступал в этот день на митингах рабочих и солдат вместе с М. И. Калининым, А. В. Луначарским, М. М. Володарским, В. И. Невским и другими ораторами партии. Все заводы и подавляющее большинство воинских частей заявили, что готовы выступить с оружием в руках по первому призыву Военно-революционного комитета. В этот день контрреволюция предполагала устроить «крестный ход» казачества. Буржуазия натравливала казаков на солдат и призывала к разгрому Советов и Военно-революционного комитета. Однако казачьи полки отказались участвовать в контрреволюционной демонстрации, и штаб округа вынужден был отменить «крестный ход». В связи с этим В. И. Ленин писал Я. М. Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская *победа*. Ура! *Наступать* изо *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы! Ваш»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

«Ваш»... Ленин еще в подполье, он все еще строго соблюдает правила конспирации, но его энергия, энтузиазм, твердая вера в победу дышат в каждой строке.

Утром 24 октября Я. М. Свердлов был на заседании Центрального Комитета, когда пришло срочное сообщение, что в 5 часов 30 минут утра юнкера напали на помещение типографии «Рабочего пути» на Кавалергардской улице и учинили там разгром.

ЦК тут же принимает решение немедленно отправить в типографию охрану и обеспечить своевременный выпуск очередного номера газеты. Наблюдение за всеми действиями и распоряжениями Временного правительства поручается Свердлову. По предложению Свердлова принимается решение поручить Бубнову связь с железнодорожниками. Дзержинскому поручается почта и телеграф. Милютину — вопросы продовольствия. Было решено устроить в Петропавловской крепости запасной штаб и Свердлову поручить поддерживать постоянную связь с крепостью.

О решениях ЦК Яков Михайлович немедленно информировал Военно-революционный комитет. Тут же было составлено «Предписание № 1» комиссарам и полковым комитетам всех частей Петроградского гарнизона и судов Балтийского флота: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность, ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений.

Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции».

ВРК возложил почетную обязанность охраны революционных типографий на доблестных солдат Литовского полка и 6-го саперного батальона. В 10 часов утра это задание ВРК было выполнено. Вскоре вышел очередной номер «Рабочего пути».

По приказу ВРК в Смольный были немедленно высланы представители воинских частей и районных Советов. Финляндская железная дорога от Петрограда до Гельсингфорса была захвачена войсками ВРК. По всему городу были расставлены патрули, установлена охрана заводов и общественных учреждений. Красногвардейцы Выборгского района установили охрану у Литейного, Сампсониевского и Гренадерского мостов.

Мосты, мосты, мосты... Звенья, связывающие Васильевский остров и Выборгскую сторону с Петроградской стороной,

центр столицы с рабочими районами, должны быть во что бы то ни стало в руках восставших — так требует Ленин. Не допускать разведения мостов! Здесь важную роль должны были выполнить моряки.

Матрос-балтиец машинист «Авроры» 24-летний Александр Белышев еще до Февральской революции был связан с большевиками Обуховского завода. В марте 1917 года он вступил в большевистскую партию, был избран председателем судового комитета. На нем, Белышеве, и остановил свой выбор Яков Михайлович, когда зашла речь о назначении комиссара ВРК на «Аврору».

Когда авроровцы Белышев и Лукичев, вызванные Свердловым в Смольный, поднялись на третий этаж в комнату Военно-революционного комитета, Яков Михайлович сидел за столом, на котором лежала большая карта Петрограда.

Свердлов расспросил авроровцев о положении на крейсере, о настроении команды, а затем сообщил о назначении Белышева комиссаром «Авроры».

Тут же Свердлов вручил Белышеву удостоверение, что он делегируется комиссаром ВРК на крейсер «Аврора». На бланке обозначено время: 12 часов 20 минут 24 октября. В 3 часа 30 минут утра 25 октября Белышев вывел «Аврору» к Николаевскому мосту и навел ее грозные пушки на Дворцовую площадь...

Поздно вечером 24 октября Ленин приходит в Смольный и берет в свои руки непосредственное руководство восстанием.

Яков Михайлович рядом с Лениным. Он действует по указаниям Ленина и развивает поистине титаническую энергию. Ровным, спокойным голосом отдает распоряжение взорвать участки железных дорог, по которым движутся войска Керенского. Направляет агитаторов в казачьи войска. Посылает разведчиков-красногвардейцев во внутренний двор Зимнего. Разведчики выводят из строя все находящиеся там автомобили и броневики. Посылает в Псков Василия Панюшкина, и тот создает там прочный заслон на пути контрреволюционных войск. В ночь на 25 октября Свердлов посылает условную телеграмму в Гельсингфорс: «Центробалт. Высылай устав», что означало: высылайте военные корабли и отряды моряков...

Утром 25 октября на улицах столицы было расклеено написанное Лениным историческое обращение «К гражданам России!».

В духе этого ленинского обращения Свердлов направляет «всем, всем, всем» телеграмму от имени Военно-революционного комитета: «В Петрограде власть в руках Военно-рево-

люционного комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации, а поддерживать Петроградский Совет и новую, революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание». Телеграмма заканчивается призывом к немедленному действию: «Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

На II Всероссийском съезде Советов Свердлов был избран в состав Центрального Исполнительного Комитета и его Президиума.

Возглавил этот высокий орган Каменев. Однако вскоре стало ясно, что он и Зиновьев, вступив в фактический блок с левыми эсерами, дезориентировали большевистскую фракцию и пытались противопоставить ее Центральному Комитету партии.

Центральный Комитет 8 ноября принял решение об отстранении Каменева от работы Председателя ВЦИК. Ленин рекомендовал на этот высокий пост Якова Михайловича Свердлова. «Его кандидатуру,— рассказывает Н. К. Крупская,— выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. В борьбе за Советскую власть, в борьбе с контрреволюцией он был незаменим. Кроме того, предстояла громадная работа по организации государства нового типа, тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович»[1]. В тот же день Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет по предложению фракции большевиков избрал своим председателем Свердлова.

Перед ним открывалась совершенно новая область деятельности — строительство нового, социалистического государства.

* * *

[1] *Крупская Н К* Воспоминания о Ленине М., 1972, с. 348

Яков Михайлович
СВЕРДЛОВ

Энергия, спокойствие и выдержка [1]

Впервые я увидела Я. М. Свердлова на 7-й Всероссийской (Апрельской) партийной конференции, где я присутствовала в качестве гостя. Уже на конференции он проявил себя талантливым организатором. Поражали его энергия, спокойствие и выдержка. Его яркая фигура произвела на меня такое сильное впечатление, что я стала расспрашивать у товарищей, кто это. И тут мне рассказали, что это крупный партийный работник, делегат от уральской организации, вернувшийся из туруханской ссылки...

Мне, как партийному работнику (я была председателем Рождественского райкома партии, ныне Смольнинского), часто приходилось встречаться с Я. М. Свердловым. Меня всегда поражало его умение быстро разрешать, казалось бы, очень сложные вопросы, а также его знание людей и обстановки в районах.

Особенно часто мне приходилось встречаться с Я. М. Свердловым после июльских событий, во время подготовки к VI съезду партии и главным образом после VI съезда партии, который поставил перед партией задачу подготовки вооруженного восстания.

Несмотря на огромную работу, которую пришлось вести Я. М. Свердлову как секретарю ЦК партии, он поддерживал постоянную связь с райкомами Петрограда, часто вызывал работников райкомов, давал им конкретные указания по работе среди масс, по подготовке к вооруженному восстанию. организации Красной гвардии, ее вооружению. Во время этих встреч мы рассказывали Якову Михайловичу о состоянии работы в районах.

Яков Михайлович очень много выступал на городских собраниях, на крупных предприятиях. Его выступления были целеустремленными, зажигательными, конкретными, деловыми и поднимали на любой подвиг.

Работа Якова Михайловича была очень многогранной. Казалось, что он никогда не отдыхает. Он везде успевал бывать. Придешь в Петербургский комитет — обязательно встретишь Якова Михайловича; придешь в ЦК — встретишь Якова Михайловича, окруженного десятками людей.

Во время подготовки к вооруженному восстанию мне часто приходилось бывать у Якова Михайловича.

Он живо интересовался подробностями работы в районе: создана ли тройка по подготовке вооруженного восстания, ка-

[1] Из воспоминаний Соловей Е. М.— В книге. О Якове Свердлове. М., 1985.

ков состав тройки, сколько в районе красногвардейцев, как налажена связь с предприятиями и воинскими частями, сколько имеется оружия и какого, кто входит в штаб Красной гвардии, налажено ли в райкоме дежурство и т. п.

По указанию Якова Михайловича отряд Красной гвардии Рождественского района выступил против войск Керенского.

«От имени Центрального Комитета»[1]

Смольный кипел. Беспрестанно тут шли бурные собрания. В издательстве — я тогда заведовала издательством ЦК РСДРП(б) «Прибой» — мне не сиделось. Каждой возможностью я пользовалась, чтобы побывать в Смольном. Не раз в эти дни я наблюдала, с какой твердостью проводил Яков Михайлович решения ЦК, как выполнял указания Ленина, все еще находившегося в подполье, но осуществлявшего через Свердлова и других членов ЦК общее руководство всей подготовкой Октябрьского вооруженного восстания. Помню день 18 или 19 октября 1917 года. Большая, с высокими потолками комната на одном из верхних этажей Смольного. Рядами стоят стулья, посредине — узкий проход. В конце прохода, напротив входной двери,— стол, покрытый красным сукном. На столе — графин, стакан. Комната заполнена до отказа, народ сидит вплотную друг к другу, стоит в проходе, у стен. Собралось не менее ста человек. Здесь руководители «Военки» (как называли тогда Военную организацию большевиков), члены Петербургского комитета, представители партийных организаций районов, крупных заводов и фабрик столицы, делегаты от воинских частей. Обсуждается вопрос о вооруженном восстании.

Одним из первых выступает Чудновский, пламенный революционер, но не в меру горячий, не всегда умеющий вовремя разобраться в сложной обстановке. Годы войны он провел в эмиграции. Приехал в Россию в апреле 1917 года и вскоре с маршевой ротой ушел на фронт. Он недавно вернулся в Питер и сразу активно включился в работу ВРК.

Как всегда, Чудновский выступает темпераментно, страстно.

— Солдатская масса,— говорит он,— верит в Учредительное собрание и не поддержит выступления. Нет, выступать нельзя, надо ждать созыва Учредительного собрания.

[1] Воспоминания Свердловой К. Т. (Новгородцевой).— В книге: *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1985.

За Чудновским к столу выходят поочередно недавние меньшевики, лишь после июля пришедшие в нашу партию: Ларин и Рязанов. Оба опытные полемисты, известные острословы.

— Надо ждать Учредительного собрания,— настаивает Рязанов,— и выбросить из головы всякую мысль о восстании.

В зале все громче и громче начинают перешептываться. Звучат отдельные возгласы. Чувство неуверенности охватывает многих.

Во время речи Рязанова кто-то из членов Петербургского комитета встает и пробирается к выходу. Проходит несколько минут, Рязанов все говорит. Вдруг за моей спиной раздается сдержанный гул. Оборачиваюсь и вижу, как от двери к столу, между расступившимися людьми, стремительно идет Яков Михайлович. На нем полувоенный зеленый френч, на плечи накинута кожаная куртка. Так вот зачем уходил товарищ из ПК!

Яков Михайлович занимает председательское место. Он стоит, слегка подавшись вперед, опираясь руками о край стола, и, внимательно слушая Рязанова, ловит в то же время каждый возглас, каждую реплику из зала. Внешне он спокоен, и мало кому заметно, каким усилием воли сохраняет он эту невозмутимость.

Рязанов кончил. Кто-то из «Военки» начинает доказывать, что противник хорошо организован, у него боеспособные воинские части и юнкерские школы, а наши силы организованы еще слабо. Вывод: выступать рано.

Волнение нарастает, шум усиливается. Внезапно Яков Михайлович властно прерывает оратора. В зале тишина.

— Решение ЦК по вопросу о выступлении состоялось. Я здесь от имени Центрального Комитета партии и никому не позволю отменить его решения!

Взрыв аплодисментов, и опять тишина.

— Мы собрались не для того, чтобы пересматривать принятое ЦК решение,— продолжает Яков Михайлович.— Прошу выступающих высказываться по существу: докладывать, как идет подготовка к восстанию на заводах, на фабриках, в воинских частях. Как выполняются указания ЦК, как обстоит дело с оружием. А настроение рабочих и солдат Питера нам известно. ЦК верит в силы боевого питерского пролетариата и героического гарнизона Петрограда!

Снова гремят аплодисменты. Один за другим выходят к столу делегаты путиловцев, обуховцев и лесснеровцев, пролетариев Нарвской заставы и Выборгской стороны, солдат революционного Петрограда и балтийских моряков.

— Путиловский завод к выступлению готов, рабочие-путиловцы рвутся в бой!

— Обуховский завод готов!

Сестрорецкий, Пороховой, Петроградские оружейные заводы, завод «Айваз», «Торнтон», «Новый Парвиайнен», «Северный» — готовы! готовы! готовы!

Вот она, Красная рабочая гвардия, сила и гордость революционного Петрограда!

— Кронштадт ждет боевого приказа!..

Яков Михайлович изредка задает наводящие вопросы, уточняет данные. Перед ним на столе небольшая записная книжка в черном клеенчатом переплете. Иногда он бегло что-то записывает. Твердой, уверенной рукой ведет Свердлов собрание.

А двумя-тремя этажами ниже, в комнате, где работает Яков Михайлович, полным-полно. Ждут товарищи с Выборгской стороны и из Кронштадта, из Москвы и Тулы, с Урала, из Харькова, Сибири. Собрание окончено, и Яков Михайлович входит в комнату. Его обступают. Быстро, по-деловому идет беседа. С каждым — о главном. Каждому — четкие, ясные задания, деловые советы, несколько теплых, дружеских слов.

Потом был решительный штурм...

Властью, данной Советами [1]

Ярко запомнился мне момент открытия Учредительного собрания 5 (18) января 1918 года.

Выборы в Учредительное собрание проходили на основании закона, изданного контрреволюционным Временным правительством. Они не отразили изменений, происшедших в стране. Большинство членов его составили кадеты, меньшевики и эсеры — члены партий, окончательно скомпрометированных в глазах широких народных масс, пошедших за большевиками.

По постановлению Совнаркома первое заседание Учредительного собрания должно было быть открыто лицом, уполномоченным на то Советом Народных Комиссаров. На совещании большевистской фракции Учредительного собрания было решено, что Учредительное собрание откроет от имени ВЦИК его Председатель Я. М. Свердлов. Ему поручалось предложить Учредительному собранию принять «Деклара-

[1] Воспоминания Е. Я. Драбкиной

цию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», если же она будет отвергнута, немедленно покинуть Учредительное собрание.

Составлявшие большинство правые эсеры постановили на своем фракционном совещании поручить открытие Учредительного собрания старейшему члену Учредительного собрания эсеру Швецову.

И вот открывается первое заседание Учредительного собрания. На кафедру поднимается Швецов, он пытается что-то сказать, но шум и свист слева заглушают его слова. В это время на кафедру поднимается Я. М. Свердлов — легким движением плеча отталкивает Швецова и занимает место председателя. Под страшный шум справа и рукоплескания слева Яков Михайлович объявляет об открытии, по поручению ВЦИК, Учредительного собрания и после краткого вступительного слова зачитывает «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и приступает к выборам председателя.

В зале стоит невообразимый шум, свист, взаимно враждебные выкрики справа и слева. Яков Михайлович стоит бледный, внешне спокойный, хотя чувствуется, что каждый нерв, каждый мускул напряжены у него до предела. Когда эсер Лордкипанидзе позволяет себе бросить провокационную фразу по адресу Свердлова, шум и свист слева заглушают его слова. Я. М. Свердлов говорит твердо и с достоинством:

— Если потребуется, я собственной властью, данной мне Советами, могу призвать к порядку.

И всем ясно, что это — не пустая фраза, что у этого человека хватит сил и воли, чтобы удержать собрание в нужных рамках.

* *
*

Феликс Эдмундович ДЗЕРЖИНСКИЙ

Дзержинский Ф. Э. (партийные псевдонимы — Юзеф, Франек, Яцек, Переплетчик, Астроном) (1877—1926 гг.), участник польского и российского революционного движения, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, советский партийный и государственный деятель. Родился в мелкопоместной дворянской семье в имении Дзержиново (ныне Столбцовский район Минской области). Член Коммунистической партии с 1895 г. С 1896 г.— профессиональный революционер. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. В общей сложности провел в тюрьме, на каторге и в ссылке 11 лет.

В июле 1903 г. в Берлине на 4-м съезде СДПиЛ избран членом Главного правления СДПиЛ.

Феликс Эдмундович
ДЗЕРЖИНСКИЙ

Участник революции 1905—1907 гг. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП (1906 г.), на котором встретился с В. И. Лениным, как представитель СДПиЛ введен в редакцию ЦО РСДРП. Участвовал в работе 2-й (1-й Всероссийской) конференции РСДРП. В декабре 1906 г арестован. На V (Лондонском) съезде РСДРП (1907 г.) избран заочно в ЦК партии. В 1909 г. бежал за границу (Берлин), в 1910 г. послан партией на лечение на остров Капри, откуда в марте вернулся в Краков. В 1910—1912 гг. работал в партийных организациях Варшавы, Ченстохова, Домбровского района. В сентябре 1912 г. вновь арестован.

Освобожден Февральской революцией 1917 г. Делегат 1-й Московской городской партийной конференции (апрель 1917 г.), 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), избран членом ЦК партии. 16(29) октября 1917 г. на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) избран в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием. Дзержинский — один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член ПВРК, руководил связью Смольного с отрядами восставших. Под его руководством 25 октября (7 ноября) 1917 г. проведены операции по взятию Главного почтамта и телеграфа.

Делегат II Всероссийского съезда Советов; избран членом ВЦИК; с ноября — член Президиума ВЦИК.

После победы Октябрьской революции 7(20) декабря 1917 г. по предложению В. И. Ленина назначен председателем ВЧК. Провел огромную работу по разоблачению и разгрому контрреволюционных заговоров, борьбе с саботажем. В годы гражданской войны выполнял ряд ответственных поручений ЦК партии и Советского правительства. В дальнейшем — на ответственной государственной работе.

* * *

Бесстрашный революционер [1]

В коридорах и аудиториях Петроградского женского медицинского института толпились совсем необычные для его стен люди. Преобладали мужчины — старые и молодые. Грубые рабочие куртки перемежались солдатскими шинелями и штатскими пальто.

В вестибюле перед лекционным залом девушки-медички и курсистки-бестужевки регистрировали делегатов, прибывших на 7-ю (Апрельскую) конференцию Российской социал-демократической рабочей партии большевиков.

— Вы, товарищ, от какой организации? — спросила девушка-регистратор.

— От Московской!

[1] Из книги: *Тишков А.* Дзержинский. М., 1976

Не успел Дзержинский зарегистрироваться, как сразу оказался в объятиях старых товарищей. Беседу прервал звонок, приглашающий делегатов в зал.

Феликс Эдмундович с напряженным вниманием вслушивался в доклад Ленина о текущем моменте. Владимир Ильич развивал идеи, заложенные в его Апрельских тезисах. Борьба за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, лозунг «Вся власть Советам!», прекращение империалистической войны... Все это подтверждает правильность его собственных мыслей и убеждений. Смущает только вопрос о «контроле» Советов за Временным правительством.

Владимир Ильич говорит, что позиция «контроля» вредна, она предполагает оставление власти в руках буржуазного Временного правительства и создает у масс ложное представление, будто Временное правительство, пусть под нажимом, но все же может действовать в интересах революции.

Все это так, но позиции «контроля» до приезда Ленина придерживалось Русское бюро ЦК РСДРП(б), ее разделяли многие крупные партийные работники, да и областная конференция московских большевиков, делегатом которой он был, одобрив Апрельские тезисы, все-таки внесла пункт о желательности «контроля». И поскольку буржуазное правительство существует, почему бы Советам не держать под контролем его деятельность? И Дзержинский берет слово к «порядку дня».

— Вношу предложение: заслушать доклад, выражающий иную, чем у товарища Ленина, точку зрения на текущий момент.

— Как раз это мы и собираемся сейчас сделать,— ответил председательствующий и предоставил слово для содоклада Каменеву.

Каменев говорил о том, что страна еще не созрела для социалистической революции, следовательно, правильной тактикой будет не разрыв с Временным правительством, а контроль над ним. Его поддержал Рыков. Он тоже говорил об отсутствии в России «объективных условий» для социалистической революции, о том, что «толчок к социалистической революции должен дать Запад».

— Теперь все ясно! — говорит взволнованно Дзержинский, наклонившись к Уншлихту.— Эти люди не верят в возможность социалистической революции в России. Они ждут ее с Запада, а пока согласны поддерживать буржуазное правительство, враждебное пролетариату. Вот в чем соль пресловутого вопроса «о контроле».

Вместе с другими делегатами Дзержинский голосует за предложенную Лениным резолюцию. Он полностью поддерживал Ленина и по другим вопросам.

Но вот наступил последний день работы конференции. Администрация медицинского института разобралась наконец, что за собрание устроили там его питомцы, и категорически отказалась терпеть там дальше «большевистские сборища». Пришлось делегатам перебраться в особняк Кшесинской, где помещались Центральный и Петербургский комитеты большевиков. Там не было достаточно просторного помещения для такого большого собрания. Зато в тесноте, да не в обиде.

По национальному вопросу докладывает Сталин. Основная мысль: социал-демократия признает за всеми нациями, входящими в состав бывшей Российской империи, право на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого национального государства.

Феликс Эдмундович волнуется. Право наций на самоопределение — с 1903 года камень преткновения в отношениях между польскими социал-демократами и большевиками. И зачем это Владимир Ильич вынес на конференцию этот вопрос? Разве так важно решать его именно сейчас, когда надо бы заботиться прежде всего о единстве пролетариата?

Дзержинский берет слово:

— Стремление к отделению от России, сепаратизм есть стремление борьбы с социализмом. В этом мы хорошо убедились на примере всех польских националистических партий. Если мы, признав право наций на самоопределение, поддержим лозунг «независимости Польши», то этим будем только играть на руку польским националистам и шовинистам!

В перерыве к Дзержинскому подошел Ленин. Владимир Ильич взял его под руку, мягко, по-товарищески стал доказывать несостоятельность его выступления.

Нельзя путать право с обязательным отделением. Отделиться или соединиться — должны решать сами угнетенные в прошлом народы России. Ведь свобода соединения предполагает и свободу отделения. Только так Россия сможет обеспечить себе доверие и поддержку других народов. Вокруг Ленина и Дзержинского столпились делегаты, и Владимир Ильич разъяснял теперь не только Феликсу. Польские социал-демократы выдвинули лозунг интернационализма, братского союза с пролетариями всех остальных стран, и в этом их историческая заслуга. Польским товарищам, чтобы спасти социализм, приходилось бороться против бешеного национализма. Но нельзя же предлагать большевикам стать шовинистами, потому что-де этим можно облегчить позицию

социал-демократов Польши. Для усиления интернационализма надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения.

Резолюция по национальному вопросу, написанная Лениным, принимается абсолютным большинством голосов.

Дзержинский сидел, низко опустив голову. Исхудавшее лицо, обтянутое желтой кожей, покрылось красными пятнами. В ушах звучали слова резолюции: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий». Несколькими строками ниже говорилось, что «отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению политики царизма»[1].

Он, Дзержинский, отрицал такое право. Значит, это он «поддерживает захваты и аннексию», значит, он предлагает «продолжать политику царизма»?

Но эта резолюция принята представителями единственной в мире подлинно революционной партии и написана человеком, перед гением которого он преклоняется.

Было над чем серьезно подумать, отбросив в сторону личную обиду[2].

Сквозь тяжелые раздумья Дзержинский услышал, как кто-то громко произнес его фамилию. Шло выдвижение кандидатур в члены Центрального Комитета. Он чувствовал страшный упадок сил. Вот когда сказалась по-настоящему тюрьма, а после освобождения огромная перегрузка — эмоциональная и физическая, ежедневные выступления на митингах и участие в различных собраниях и конференциях. Снова открылся процесс в легких. Нет, сейчас он не в состоянии принимать на себя такую ответственную обязанность.

Дзержинский выступил с самоотводом:

— Прошу товарищей учесть, что я недавно вышел из тюрьмы, болен и не чувствую себя годным для той интенсивной работы, которая предстоит членам Центрального Комитета.

Вид Дзержинского был убедительнее его слов. Конференция удовлетворила его просьбу.

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях...). М., 1983, т. 1, с. 503.
[2] Ф. Э. Дзержинский обстоятельно раскритиковал ошибочную позицию СДКПиЛ по национальному вопросу в письме к рабочим Довбыша (см.: *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения. М., 1957, т. 2, с. 167).

Состояние здоровья Дзержинского было настолько тяжелым, что даже в это трудное время, когда каждый боец был на счету, партия направила его в оренбургские степи в кумысолечебницу.

Дзержинский вновь приехал в Петроград на VI съезд РСДРП(б) в конце июля 1917 года.

Феликс Эдмундович шел с вокзала и не узнавал Петрограда. Куда девались шумные апрельские демонстрации и митинги. По притихшим улицам разъезжают казаки, поигрывая нагайками; сумрачны лица прохожих.

В газетах, наклеенных на афишных тумбах, прочел постановление Временного правительства об аресте с привлечением к суду В. И. Ленина «за государственную измену».

Еще в Москве Феликс Эдмундович узнал о расстреле Временным правительством 4 июля мирной демонстрации, проходившей под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!» Сейчас он расспрашивал руководителя «Военки»[1] Николая Ильича Подвойского — с вокзала Дзержинский прошел прямо к нему — о подробностях этих событий и обстановке в Питере.

— Уже рано утром 5 июля юнкера разгромили нашу типографию «Труд» и редакцию «Правды». Владимир Ильич незадолго до налета заезжал в «Правду». Просто чудом они его не захватили! Сейчас Владимира Ильича в Петрограде уже нет. Кадетские и меньшевистско-эсеровские газеты травят Ильича, требуют его явки в суд,— продолжал Подвойский.— Вечером 7 июля состоялось узкое совещание членов ЦК по этому вопросу. Постановили: явку в суд Ильичу не разрешать. Сталин заявил: «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге». И что вы думаете? На следующий день к нам в «Военку» является солдат-вестовой из штаба округа и рассказывает, что командующий войсками генерал Половцев именно так и инструктировал командира отряда, созданного для поисков Ленина,— «расстрелять на месте».

— Ну нет, мы им Ленина не отдадим! — Феликс Эдмундович даже вскочил и заходил по комнате.

...На станции Разлив Дзержинского встретил токарь Сестрорецкого завода Саша Емельянов. Яков Михайлович Свердлов так точно описал его, что Феликс Эдмундович сразу узнал в этом высоком, тонком семнадцатилетнем рабочем своего провожатого. Обменялись паролем и отзывом — без этого Саша не повел бы незнакомого человека к Ленину. По пути Дзержинский пробовал заговорить с Сашей, но тот от-

[1] Военная организация при ЦК РСДРП(б).

делывался короткими ответами. Он весь проникся важностью порученного ему дела и боялся, как бы не сболтнуть чего-нибудь лишнего.

Так, почти в полном молчании, прошли версты четыре-пять. Между деревьев показалось озеро, заросшее у берегов камышом, невдалеке обычный крестьянский дом.

Чтобы надежнее укрыть Ленина, отец Саши, рабочий-большевик Николай Александрович Емельянов, по поручению партии арендовал за озером Разлив сенокосный участок. Там, в шалаше, под видом финского косца и жил Владимир Ильич.

Все так же молча переплыли озеро. Саша указал Дзержинскому тропинку к шалашу, сам остался у лодки.

От костра поднялся и пошел навстречу коренастый мужчина в синей, выцветшей от солнца косоворотке. «Неужели это Ленин?» Смущал не столько гладко выбритый подбородок, как походка. Стремительную ленинскую походку Дзержинский не мог спутать ни с какой другой, а этот идет солидно, тяжело ступая на пятку.

— Здравствуйте, дорогой Феликс Эдмундович! — весело приветствовал его еще издали Владимир Ильич.

«Он, Ильич! Внешность изменил, даже походку, а голос-то, голос с мягкой картавинкой, его»,— Дзержинский ускорил шаг.

— Пойдемте в мой «рабочий кабинет»,— говорил Владимир Ильич, крепко пожимая руку Феликса Эдмундовича.

Они прошли на маленькую полянку, со всех сторон скрытую густым кустарником. Владимир Ильич забросал Дзержинского вопросами о том, что происходит в Петрограде, о настроениях рабочих, солдат. Внимательно, слегка склонив набок голову, слушал Ленин рассказ Дзержинского о его беседах с крестьянами и солдатами во время поездки на родину. Наконец, исчерпав свои вопросы, заговорил сам.

С огромным вниманием, стараясь не упустить ни одного слова, слушал Феликс Эдмундович Ленина. Ильич говорил о том, что двоевластие кончилось, вся полнота власти перешла в руки контрреволюционного Временного правительства, а меньшевики и эсеры, в руках которых пока находится руководство Советами, превратили их в придаток правительства. Данные Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, не могут взять власть. Власть контрреволюционной буржуазии может быть теперь свергнута только силой! Эту новую линию, линию на вооруженное восстание, должен провозгласить VI съезд партии большевиков.

Слова вождя захватили и взволновали Дзержинского. Перед ним раскрывался крутой поворот в тактике большевиков. Если Ильич ставит в порядок дня вооруженное восстание, значит, и впрямь подошел срок пролетариату брать власть в свои руки. Приближался момент, достижению которого Дзержинский посвятил всю свою жизнь. Внешне он оставался сдержанным и спокойным, но разве можно было не волноваться!

А Ленин уже перешел к вопросам практическим. Его интересовало, могут ли большевики рассчитывать на поддержку польских и литовских социал-демократов?

— Вполне,— не задумываясь, твердо ответил Дзержинский.— Мы рассматриваем себя как неотъемлемую часть большевистской партии и поступим так, как решит съезд.

— Спасибо. А теперь у меня к вам просьба,— сказал Ленин,— сегодня же передать Свердлову и Сталину, что я жду их завтра утром. Непременно. Мы должны обсудить доклады, которые они от имени ЦК представят съезду. Время не ждет.

Феликс Эдмундович распрощался с Лениным и пустился в обратный путь.

Дул сильный, порывистый ветер. Дзержинский стал переходить с кормы на нос, потерял равновесие и упал в воду. Вслед перевернулась и лодка. К счастью, было неглубоко. Когда они с Сашей, промокнув до нитки, вытащили лодку на берег, их встретил Николай Александрович Емельянов.

— Прошу ко мне в дом. Обсушитесь, обогрейтесь.

— Не могу,— ответил Феликс Эдмундович, выжимая одежду и выливая воду из сапог,— я очень спешу.

О происшествии Емельянов рассказал Ленину.

— Как же вы не удержали его,— встревожился Владимир Ильич.— Вы знаете, кто это так спешил выполнить мое поручение? Феликс Эдмундович Дзержинский — вернейший человек!

Несколько дней спустя начал свою работу VI съезд РСДРП(б).

Съезд проходил полулегально в Петрограде, на Выборгской стороне, под надежной охраной вооруженных рабочих-красногвардейцев. Ленина не было, но съезд избрал его своим почетным председателем.

По вопросу о явке Ленина на суд докладывает Орджоникидзе. «Мы ни в коем случае не должны выдать товарища Ленина» — таков основной тезис и заключительное слово докладчика.

Первым берет слово Дзержинский.

— Я буду краток,— говорит он.— Товарищ, который выступал передо мной, выразил и мою точку зрения. Мы должны ясно и определенно сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищу Ленину не арестовываться. Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих. Травля против Ленина — это травля против нас, против партии, против революционной демократии. Мы должны разъяснить товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, что мы не выдадим Ленина!

Бурными аплодисментами делегаты выражают свою солидарность с выступлениями Орджоникидзе, Дзержинского, Скрыпника и других товарищей, высказавшихся против явки Ленина на суд. Сторонники явки спешно снимают свои предложения.

Единогласно принимается резолюция: явку Ленина в суд не допускать, выразить решительный протест против буржуазно-полицейской травли пролетарских вождей, послать приветствие Владимиру Ильичу Ленину.

Ленина не было на съезде, но ленинскими идеями и мыслями были пронизаны организационный отчет ЦК, сделанный Свердловым, политический отчет ЦК и доклад «О политическом положении», с которыми выступил Сталин. Ко времени обсуждения доклада «О политическом положении» делегатам была роздана брошюра Ленина «К лозунгам».

Сокрушительное поражение потерпели на съезде Бухарин и Преображенский, отрицавшие возможность победы социалистической революции в России. Съезд нацелил партию на подготовку вооруженного восстания для взятия власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством и принял соответствующий манифест.

Съезд избрал ЦК во главе с В. И. Лениным. В состав ЦК вместе с А. С. Бубновым, Я. А. Берзиным, А. М. Коллонтай, В. П. Милютиным, М. К. Мурановым, В. П. Ногиным, Я. М. Свердловым, Ф. А. Сергеевым, И. В. Сталиным, С. Г. Шаумяном, М. С. Урицким и другими был избран и Феликс Эдмундович Дзержинский. А затем пленум ЦК избрал его в узкий состав ЦК [1] и в Секретариат.

29 сентября Ленин прислал письмо в ЦК, торопит с восстанием: «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под

[1] Узкий состав ЦК — рабочий орган Центрального Комитета партии для решения текущих вопросов в период между пленумами ЦК

вопросом»[1]. Дзержинский полностью разделяет ленинскую оценку момента, делает все, чтобы ускорить подготовку восстания.

Каждый день заполнен до отказа. Работа в Секретариате ЦК, в большевистской фракции ЦИК, в ЦИК групп СДКПиЛ, выполнение различных поручений Центрального Комитета. Много сил вложено в ликвидацию корниловского мятежа.

Когда по тайному сговору с Керенским верховный главнокомандующий Корнилов 25 августа двинул с фронта на Петроград 3-й конный корпус, партия большевиков призвала рабочих и солдат встать на защиту революции. Положение осложнилось тем, что генерал Корнилов формально выступал против Временного правительства. Ленин выработал гибкую тактику: мобилизовать массы на разгром контрреволюционного мятежа, не прекращая разоблачения буржуазного Временного правительства.

По инициативе большевиков при Центральном Исполнительном Комитете Советов был создан Комитет народной борьбы с контрреволюцией. Дзержинский вошел туда от ЦК большевиков. На него легло проведение в жизнь решений и указаний ЦК по борьбе с мятежом. И он сумел вдохнуть в этот довольно пестрый по своему составу комитет свою энергию и волю.

Вместе с другими большевиками Дзержинский формирует и направляет навстречу корниловцам отряды рабочих, поднимает боевую готовность революционных частей петроградского гарнизона, создает комитеты борьбы на периферии, рассылает людей. По ордерам, подписанным Дзержинским, из Петропавловской крепости и Новочеркасских казарм отгружается оружие на заводы и фабрики для красногвардейцев.

Продвижение корниловцев приостановлено 28 августа у станции Дно. У Луги завязли перед взорванными путями эшелоны дивизии генерала Крымова. Порыв белого генерала выдохся. Мятеж подавлен.

А оружие осталось у рабочих, остались и комитеты борьбы с контрреволюцией, вырос престиж партии большевиков, единственной партии, готовой не на словах, а на деле защищать революцию и двигать ее дальше...

Центральный Комитет принял решение о переезде Владимира Ильича Ленина в Питер, чтобы «была возможной постоянная и тесная связь» с ним. Ленин нелегально прибыл

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 280.

в Петроград. После его приезда подготовка вооруженного восстания сразу встала на практические рельсы.

Уже 10 октября состоялось заседание ЦК с докладом Ленина о текущем моменте.

С напряженным вниманием слушают члены Центрального Комитета доклад.

— Политически дело совершенно созрело для перехода власти... Политическая обстановка... готова. Надо говорить о технической стороне.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу [1],— говорит Ильич.

Против восстания Каменев и Зиновьев. Сомневаются. Предлагают отложить вопрос до съезда Советов, который созовет Учредительное собрание. Вот тогда и решать вопрос о власти «демократическим путем».

Но их никто не поддерживает. Десятью голосами против двух принимается ленинская резолюция.

С явным удовлетворением Феликс Эдмундович голосует «за» и тут же выносит на обсуждение ЦК «практический вопрос».

— Восстание потребует быстрого и гибкого разрешения многих вопросов. Мы не сможем всякий раз ожидать решения ЦК. Предлагаю выделить из состава ЦК более узкое бюро для политического руководства восстанием.

Предложение поддержали. После короткого обсуждения было создано Политическое бюро ЦК из семи человек во главе с Лениным. Подготовку восстания в Петрограде Владимир Ильич взял под свой личный контроль.

15 октября он вызвал к себе Дзержинского.

Феликс Эдмундович по дороге тщательно проверял, нет ли «хвоста», и появился на Сердобольской улице у квартиры Фофановой, только убедившись в отсутствии наблюдения.

В щель сквозь приоткрытую, оставшуюся на цепочке дверь показалось настороженное лицо неизменного Эйно Рахьи. В прихожей Рахья, предварительно заперев снова дверь на все запоры, помог Дзержинскому снять шинель. Карманы Эйно оттопыривались от двух револьверов и гранат. Да, несладко пришлось бы непрошеным гостям от встречи с этим молчаливым финном. Рахья обладал еще и недюжинной силой.

Ильич был одет по-домашнему: без пиджака, в туфлях-шлепанцах и без парика. Таким он показался Дзержинскому еще проще, роднее.

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 391—392.

Ленин начал расспрашивать его о том, что делается в Центральном Исполнительном Комитете Советов, какие сведения поступают туда с периферии. Затем разговор перешел на «Военку». Дзержинский был тесно связан с этой организацией.

— Нам нужен,— развивал свою мысль Ленин,— свой партийный центр, который бы руководил всей технической подготовкой к восстанию. Завтра мы обсудим этот вопрос на заседании ЦК. Этот центр должен состоять из наиболее энергичных, решительных и преданных идее вооруженного восстания людей. И вас туда включим. Да, да, обязательно. Надо использовать ваш опыт, приобретенный в комитете борьбы с корниловщиной.

Расширенное заседание ЦК, о котором говорил Ленин, собралось в помещении Лесновской районной думы, председателем управы которой был член ЦК, питерский рабочий Михаил Иванович Калинин. Кроме членов ЦК сюда были приглашены члены Исполнительной комиссии Петроградского комитета, Военной организации при ЦК, Петроградского окружного комитета, большевики, работающие в профсоюзах, в фабрично-заводских комитетах и в организациях железнодорожников.

Первый и главный вопрос — доклад о заседании ЦК 10 октября.

Слово берет Владимир Ильич Ленин. Он читает резолюцию ЦК. Делает обзор политической обстановки.

— Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием,— заканчивает свою речь Ленин.

С короткими сообщениями выступают представители от различных организаций. Были среди них и скептики, и сомневающиеся, но подавляющее большинство считало восстание назревшим.

Только Зиновьев и Каменев опять за свое. Они против. Большевики-де не имеют в Питере достаточно сил, уверенности в успехе восстания пока нет, аппарата восстания — тоже, масса на стороне правительства.

Но Владимира Ильича решительно поддержали Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Н. А. Скрыпник, М. И. Калинин, Э. А. Рахья.

Феликс Эдмундович среди тех, кто без оговорок и колебаний выступает за восстание.

— Противники восстания толкуют о заговоре,— говорит он,— а по-моему, заговорщичеством именно и является

требование, чтобы к восстанию было все технически подготовлено. Когда будет восстание, тогда будут и технические силы.

Владимир Ильич читает свой проект резолюции:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[1].

— Ставлю на голосование,— говорит Свердлов.— За — 19, против — 2, воздержавшихся — 4. Принимается абсолютным большинством.

Расширенное заседание закончилось, но члены ЦК остаются. Им предстоит создать Военно-революционный центр по руководству восстанием, о котором пока глухо сказано в принятой резолюции.

Военно-революционный центр утверждается в составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. ЦК решает, что этот партийный центр должен войти в состав Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, стать его руководящим ядром.

Полным ходом идет работа. Создан штаб Красной гвардии, который разместился на первом этаже Смольного, рядом с большевистской фракцией ЦИК. Формируются и вооружаются новые отряды. Перешел на сторону большевиков гарнизон Петропавловской крепости — важного стратегического пункта столицы.

С огромным подъемом проходит 22 октября «День Петроградского Совета». Намеченный реакцией на этот же день «крестный ход» казаков сорван... Дзержинский в самой гуще этих событий.

В глубоком подполье Владимир Ильич Ленин. Каждый день вызывает он к себе своих ближайших соратников — то членов Политического бюро ЦК, то товарищей из партийного центра по руководству восстанием, то руководителей «Военки» и Военно-революционного комитета. Советует, дает указания, настаивает, подталкивает, требует.

Приближается момент взрыва, который сметет капиталистический строй в России и потрясет весь мир.

По вызову часового к главному входу в Смольный вышли начальник караула и Дзержинский.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 397.

Шла первая ночь восстания.

В причудливом свете костров, среди кипевшего вокруг оживления Феликс Эдмундович увидел улыбающегося Эйно. Рядом с ним в порыжевшем пальтишке стоял пожилой рабочий.

Подвязанная платком щека, видно, зубы замучили, и надвинутая на глаза кепка скрывали лицо.

— Вот, товарищ начальник,— докладывал часовой,— хочет пройтить, а пропуска нет. Вот энтот,— солдат ткнул пальцем в Рахью,— говорить «Ленин», а мне сумнительно.

— Пропустите, я знаю этих товарищей,— распорядился Феликс Эдмундович. Он отвечал перед ЦК за безопасность штаба революции, и вся охрана Смольного была подчинена ему.

— Владимир Ильич, разве так можно! Борьба в разгаре, вас могли схватить юнкера,— говорил Дзержинский, провожая Ленина на третий этаж в комнаты Военно-революционного комитета.

— Мое место теперь здесь. Кончилась конспирация,— Ильич сорвал с головы платок и кепку, сунул в карман пальто, а пальто бросил на стул.

Его окружили товарищи.

Дзержинский вышел, вызвал командира красногвардейской дружины Путиловского завода М. Ф. Еремеева.

— Здесь Ленин,— сказал, указывая на дверь,— ваша дружина будет нести караул. Вы лично будете ответственны за жизнь вождя революции.

— Путиловцы не подведут,— ответил Еремеев.

В помещение ВРК уже спешили Свердлов, Сталин, Бубнов.

Дзержинский пошел на центральный пункт связи. Это его боевой пост. ВРК поручил ему связь с районами и частями столичного гарнизона. Здесь непрерывно бьется пульс восстания. То в хорошем, уверенном темпе, то с перебоями, лихорадочно. Сотни самокатчиков и пеших курьеров спешат в Смольный и из Смольного. Каждое новое донесение требует немедленного действия, быстрых решений.

ЦК решил, как того настойчиво требовал Ленин, начать восстание 24 октября; ликвидацию правительства и захват власти завершить, не дожидаясь открытия съезда Советов.

Но не дремали и враги революции. Командующий округом Полковников все еще надеялся, что быстрым, упреждающим ударом он сможет выполнить свой план: отрезать Смольный от рабочих районов и захватить штаб восстания, очистить полки гарнизона от комиссаров ВРК и большевиков, а затем разоружить Красную гвардию.

Ф. Э. Дзержинский с членами коллегии ВЧК

Ударной силой контрреволюции были офицерские училища. Полковников не сомневался, что хорошо вооруженные и вымуштрованные юнкера без особого труда разобьют красногвардейцев.

Ранним утром юнкерами захвачена редакция и типография газеты «Рабочий путь». Однако, когда команды юнкеров прибыли, чтобы развести мосты, те уже были под охраной сильных отрядов красногвардейцев и солдат. Только Николаевский мост был захвачен и разведен юнкерами, да и тот у них отбили моряки с подошедшего крейсера «Аврора».

К 10 часам утра команды, выделенные по приказу ВРК от Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона, оттесняют юнкеров и берут под охрану типографию «Рабочего пути». В 11 часов газеты «Рабочий путь» и «Солдат» уже отпечатаны. Борьба за важные учреждения идет с переменным успехом.

Гасло и вновь загоралось в Смольном электричество. Дважды переходила из рук в руки телефонная станция. Только к вечеру удалось захватить вокзалы, отогнав правительственные караулы.

Утром 24-го на экстренном заседании между членами Центрального Комитета были распределены обязанности. Ко всем уже имеющимся Феликс Эдмундович получил еще одну: установить надежный контроль над почтой и телеграфом.

Дзержинский направил на Главный телеграф секретаря большевистской фракции II съезда Советов С. С. Пестковского и своего старого товарища по подпольной работе и тюрьмам Ю. М. Лещинского (Ленского). В кармане Пестковского лежал полученный от Дзержинского мандат о назначении его комиссаром ВРК Главного телеграфа.

Охрану телеграфа по наряду штаба Петроградского военного округа нес караул от Кексгольмского полка. По совету Дзержинского Пестковский и Лещинский прихватили с собой комиссара полка А. М. Любовича. Он распорядился никаких приказов штаба округа больше не выполнять.

— Вот товарищ Пестковский, он назначен Военно-революционным комитетом комиссаром Главного телеграфа. Выполняйте только его приказания,— говорил Любович солдатам.

— Ясно, товарищ комиссар! — громко и весело ответил усатый унтер, начальник караула.

Так, без единого выстрела, правительственная охрана телеграфа превратилась в революционную.

Вскоре во все города и районы необъятной России телеграфные провода разнесли весть о начале вооруженного восстания в Петрограде.

В 10 часов 40 минут вечера в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Феликс Эдмундович Дзержинский — в президиуме съезда. Его переполняет чувство огромной радости. Вот она, победа социалистической революции, победа дела, которому он посвятил свою жизнь, за которую заплатил одиннадцатью годами ссылки, тюрьмы, каторги!

В прениях по ленинскому докладу о мире выступил Дзержинский. Еще не улеглось волнение, мысли скачут, обгоняют друг друга:

— Польский пролетариат всегда вместе с русским. Декрет о мире с энтузиазмом принимает социал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир,— это пролетариат, который борется за социализм.

Съезд образовал первое рабоче-крестьянское Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Феликс Эдмундович Дзержинский избран во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов.

А ВЦИК избрал его в состав Президиума, членом которого Дзержинский оставался до конца жизни.

По окончании съезда Дзержинский и Свердлов проводили Владимира Ильича и Надежду Константиновну на квартиру к Бонч-Бруевичу.

Новый глава правительства великой страны не имел еще своего угла и ехал отдохнуть после трех бессонных ночей к старому товарищу по партии, будущему управляющему делами Совнаркома.

* *
*

Михаил Иванович
КАЛИНИН

Калинин М. И. (литературные псевдонимы — М. Иванов, Рабочий, И. Петров, Чужестранец и др.) (1875—1946 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде, советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1944 г.). Родился в семье крестьянина в д. Верхняя Троица Тверской губернии (ныне Калининской области). Окончил сельскую школу. Работал учеником токаря на заводе «Старый арсенал» в Петербурге, с 1896 г.— токарем на Путиловском заводе. Организовал на заводе марксистский кружок, который вошел в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Член Коммунистической партии с 1898 г. В 1899 г. за революционную деятельность арестован и выслан в Тифлис, затем в Ревель,

где создал марксистский кружок и подпольную типографию. Агент «Искры». В дальнейшем неоднократно подвергался арестам.
В 1905 г. возглавил большевистскую организацию на Путиловском заводе; член Нарвского райкома РСДРП. В период революции 1905—1907 гг. создавал боевые дружины рабочих, один из организаторов стачки рабочих Путиловского завода, состоявшейся в знак солидарности с восставшими рабочими Москвы. В 1906 г. работал на Трубочном заводе. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП. В 1908—1912 гг. работал на заводах Москвы и Петербурга; член ПК РСДРП; возглавлял партийную организацию Выборгского района столицы. На 6-й (Пражской) конференции РСДРП (1912 г.) введен в Русское бюро ЦК РСДРП.
Один из организаторов издания газеты «Правда». В 1913—1915 гг. работал на петербургском заводе «Айваз», вел партийную работу. В 1916 г. арестован по делу ПК РСДРП и приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, но скрылся и продолжал нелегальную партийную деятельность.
После Февральской революции 1917 г.— член легального ПК большевиков и его представитель в Бюро ЦК РСДРП. Входил в редакцию «Правды». Делегат VI съезда РСДРП(б). Гласный Петроградской городской думы и председатель управы Лесновско-Удельнинского района, в помещении которой 16(29) октября 1917 г. состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б). Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в столице. После победы Октябрьской революции избран городским головой Петрограда. Член коллегии Наркомата продовольствия.
По предложению В. И. Ленина 30 марта 1919 г. избран Председателем ВЦИК. В годы гражданской войны вел большую агитационно-пропагандистскую работу. В декабре 1922 г. избран Председателем ЦИК СССР. С января 1938 г. по март 1946 г.— Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

* * *

О кандидатуре М. И. Калинина на пост председателя ВЦИК

Речь В. И. Ленина на XII заседании ВЦИК 30 марта 1919 г.[1]

Товарищи! Найти настоящего заместителя тов. Якову Михайловичу Свердлову — задача чрезвычайно трудная, так как совместить в одном лице и ответственного партийного работника, к тому же знающего историю партии, и вместе с тем человека, прекрасно разбирающегося в людях и умеющего выбирать их на ответственные советские посты,— почти невозможно. Совместить в одном товарище все те функции, которые нес на себе тов. Свердлов,— на этом при обсуж-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 223—226.

дении кандидатуры в партии сходились все,— было бы невозможно, и поэтому необходимо поручить ведение отдельными функциями целым коллегиям, которые бы собирались ежедневно и руководили отдельными областями. Что же касается председателя, то тут нужно поставить вопрос так, чтобы он выявлял линию партии по отношению к крестьянству.

Вы знаете, что наше отношение к среднему крестьянству, как оно выявилось на партийном съезде, не является изменением нашей общей политики. Задачи по отношению к среднему крестьянству необходимо выполнить после того, как разрешена первая задача — подавление буржуазии. Вопрос об отношении к среднему крестьянству у нас стоит более остро, чем у наших товарищей в Европе, и у нас следует сделать так, чтобы во главе Советской власти встал товарищ, который мог бы показать, что наше постановление об отношении к среднему крестьянству будет действительно проведено в жизнь.

Я думаю, что возможно и должно найти товарища, который целиком поставил бы своей задачей проведение линии руководящей партии по отношению к среднему крестьянству. Мы знаем, что в настоящий момент задача осведомления и оповещения стоит особенно остро. Мы знаем, что при ослабленности транспорта, при существовании гражданской войны, которая ставит иногда не только отдельные губернии, но и целые области в слабую связь с центром,— мы знаем, что при этих условиях задача осведомления и оповещения требует особого внимания.

Мы знаем, что если мы найдем товарища, который соединит в себе жизненный опыт и знакомство с жизнью среднего крестьянства, мы эту задачу разрешить сможем, и я думаю, что кандидатура, о которой вы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это — кандидатура тов. Калинина.

Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы; сам он — крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки, когда пропагандистам и агитаторам не удавалось к ним подойти по-товарищески и умело, тогда тов. Калинину удавалось разрешить эту задачу. В настоящий момент все это особенно важно. Конечно, все среднее крестьянство, все лучшие элементы его оказывают нам ту решительную поддерж-

ку, которая преодолеет все трудности, которая устранит восстание деревенских кулаков, с идущими за ними в незначительном меньшинстве деревенскими массами. Мы знаем, что нашей главной задачей в стране мелкоземледельческой является обеспечить ненарушимый союз рабочих и среднего крестьянства. Наши земельные мероприятия — полное уничтожение помещичьего землевладения и решительная помощь среднему крестьянству,— эти мероприятия уже дали результаты, и за год число средних крестьян, благодаря им, увеличилось. Но на местах нередко пускались в ход люди, не соответствующие, как администраторы, своим задачам.

Были случаи злоупотреблений, но мы в этом неповинны. Мы знаем, что делали все для привлечения интеллигенции, но нас разделяли политические разногласия. Мы знаем, что эпоха буржуазного парламентаризма кончилась, что сочувствие рабочих всего мира на стороне Советской власти, что, как бы буржуазия ни убивала вождей пролетариата, как она это делает в Германии,— победа Советской власти неизбежна. Весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять. Мы добьемся того, чтобы люди, примазавшиеся к Советской власти, были удалены, а это один из поводов недовольства, который мы не боимся признать законным. На борьбу с этим злом мы должны обратить максимум внимания. Мы на партийном съезде твердо решили всем работникам предписать эту линию поведения.

Переходя к социалистическому земледелию, мы должны сказать, что мы мыслим себе его осуществление не иначе, как ряд товарищеских соглашений со средним крестьянством. Мы должны обращаться возможно более к среднему крестьянину.

И мы знаем, что товарищи, которые больше всего работали в период революции и вошли целиком в эту работу, не умели подойти к среднему крестьянину так, как нужно, не умели сделать это без ошибок, и каждую из таких ошибок подхватывали враги, каждая из таких ошибок зароняла некоторое сомнение, затрудняла вопрос об отношении к нам среднего крестьянина.

Вот почему здесь найти товарища, который соединял бы в себе качества, о которых я говорил, очень важно. Нужно помочь ему нашим организационным опытом, чтобы средние крестьяне увидели в лице высшего представителя всей Советской республики своего человека, чтобы наше партийное решение о том, что к среднему крестьянину нужно подойти умеючи, что мы каждый свой шаг готовы просматривать,

изучать, проверять с точки зрения того опыта, который у нас есть,— чтобы это решение не оказалось на бумаге.

Мы знаем, что число наших союзников растет, мы знаем, что в ближайшие месяцы оно во много раз увеличится, но сейчас это бремя ложится только на нашу страну, очень разоренную, обнищалую. Это труд слишком непосильный для среднего крестьянина. Нужно подойти к нему и сделать все, что мы можем, нужно дать понять и показать на деле, что решения нашего партийного съезда мы твердо решили проводить в жизнь.

Вот почему кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех. Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним.

Эту задачу нельзя решить сразу, но то решение, которое мы должны вынести, мы не сомневаемся, что оно верно, но мы знаем, что практического опыта в этом отношении у нас мало. Пусть высший представитель Советской республики сам, первый, при нашей общей помощи, начнет этот опыт приобретать, собирать всю сумму знаний, проверять, и мы можем быть уверены, что эту задачу мы решим, что Россия станет не только образцом страны, в которой диктатура пролетариата осуществлена твердо и буржуазия беспощадно подавлена — это мы уже завоевали,— но и образцом страны, в которой отношения между городскими рабочими и средним крестьянством, на основании товарищеской поддержки и нового опыта, решаются удовлетворительно,— а это один из главных залогов полной победы пролетарской революции.

Вот почему я позволяю себе рекомендовать вам эту кандидатуру — кандидатуру товарища Калинина.

* * *

Умение подходить к массам [1]

После 28 февраля функции городского комитета, большинство членов которого было арестовано, взял на себя Выборгский райком. Калинин понимал, что это, конечно, временная

[1] Из книги: *Толмачев А.* Калинин. М., 1974

мера. И верно. 2 марта, в день, когда был объявлен состав Временного правительства, в помещении Петроградской биржи труда состоялось собрание членов РСДРП. Обсуждали вопрос о восстановлении городского комитета партии. Собрание создало временный ПК. В него вошли М. И. Калинин, В. В. Шмидт, Н. И. Подвойский, П. И. Стучка и другие. В этот же день в Таврическом дворце Петербургский комитет собрался на свое первое легальное заседание.

Питер в эти дни бурлил. Вечно молчавшие, вынужденные сдерживать свои чувства люди торопились высказать все, что наболело на душе. На площадях там и сям возникали трибуны. Один за другим на них поднимались ораторы. Звучали речи о светлом будущем, о вечном мире между народами, о том, что проклятое старое никогда не вернется.

Но рабочих интересовал и практически деловой вопрос: что делать дальше — продолжать бастовать или заступать на работу? Это был важный принципиальный вопрос. От правильного ответа на него во многом зависела судьба революции.

На заседании Петербургского комитета партии многие высказались против возобновления работы. Они утверждали, что революция еще не закончена, кое-кто может еще попытаться восстановить монархию. Если-де в этих условиях прервать забастовку, то рабочие остынут, потеряют вкус к борьбе. Кроме того, силы рабочих распылятся по заводам — поди собери!

Калинин слушал выступающих и думал: «Как это в пылу революционной борьбы люди могут забыть о тех трудностях, которые переживают рабочие? Ведь каждый день забастовки жестоко бил по карману трудового человека, обрекал его семью на лишний день голода. Нет, надо возобновить работу, и немедленно. Но работать по-новому: восемь часов — и ни секунды больше!»

Об этом он и сказал членам комитета.

— А то, что силы рабочих на заводах распылены,— говорил Калинин,— это ошибочный взгляд. Наоборот, самыми удачными забастовками были те, что начинались именно с завода.

Решили: к работе приступить, восьмичасовой рабочий день осуществить явочным порядком.

На этом заседании Калинин был избран представителем Петербургского комитета с правом решающего голоса в Бюро ЦК РСДРП. Вскоре ЦК партии включил его в состав редакции «Правды».

Несмотря на большую загрузку, Михаил Иванович выкраивал время, чтобы написать в газету о том, что волновало его,— о деревне, о крестьянах. Статьи он подписывал: «Рабочий М. Калинин».

Одна из его статей, напечатанная 19 марта, называлась «О земле». Калинин писал: свершилось то, чего ждали, свершилась революция, но надо доводить ее до конца, надо и в деревне менять порядки, отбирать у помещиков землю, создавать волостные комитеты как народные органы власти на местах, надо приступать к делу.

Через «Солдатскую правду» Калинин обращался к солдатам: не думайте, что ваши интересы расходятся с интересами рабочих. Буржуазия пытается сейчас натравить солдат на рабочих в связи с проведением восьмичасового рабочего дня. Ясно, для чего это делается: чтобы продлить войну. Но сегодняшний солдат завтра будет рабочим, ему также нужен восьмичасовой рабочий день...

Третьего апреля, рано утром, Калинин вместе с выборжцами встречал на Финляндском вокзале вернувшегося из эмиграции на родину Владимира Ильича Ленина.

На другой день Михаил Иванович слушал знаменитые Апрельские тезисы Ленина: надо взять курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Никакой поддержки Временному правительству. Вся власть Советам!..

В майские дни рабочие и солдаты впервые свободно вышли на демонстрацию под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

Но соглашатели упорно не хотели прислушиваться к настроениям рабочих масс. В конце мая исполком Пороховского районного Совета, где большевики не пользовались сильным влиянием, принял нелепое решение, звучавшее как ультиматум большевикам района; исполком требовал, чтобы они отказались от своих партийно-политических взглядов. В противном случае меньшевики и эсеры грозили выйти из всех районных общественных организаций.

Понятно, что меньшевикам из исполкома Петроградского Совета такое решение очень понравилось.

Для обсуждения создавшегося положения 30 мая собралось заседание Петроградского комитета. Калинин не возмущался и не негодовал по поводу инцидента с Пороховским исполкомом. Жизнь научила его не удивляться действиям соглашателей. Дело не в брехне, не в глупых решениях, а в том, кого поддерживает народ. И Калинин предложил собрать рабочих мастерской, которые выбрали в Совет больше-

вика, и спросить, как, по их мнению, должен поступить депутат, от которого потребовали изменить свою политику. Вот так быстрее и лучше всего мы разоблачим нелепые маневры соглашателей. Такое решение и было принято.

Михаил Иванович выступил в «Солдатской правде» со статьей «Кризис власти».

«Политический кризис в Питере назревает с каждым днем,— писал он,— массы все лучше начинают понимать истинное лицо соглашательских партий... Недалекое будущее покажет, какими вождями будут социалистические министры, вождями революции или контрреволюции».

И будущее показало. 3 июля в городе началась мощная демонстрация. Солдаты, рабочие вышли на улицы, чтобы выразить свое возмущение политикой Временного правительства — политикой войны и голода.

Большевики поначалу решили воздержаться от участия в выступлении: время брать власть в свои руки еще не настало. Но народ не хотел ждать. Представителей большевиков терпеливо выслушивали на митингах и собраниях и настойчиво требовали активных выступлений. В создавшихся условиях большевистский ЦК решил участвовать в демонстрации, постараться придать ей мирный характер и провести под лозунгом «Вся власть Советам!».

Полмиллиона питерцев вышли на улицу. С балкона дворца Кшесинской смотрел Калинин на колышущееся море людей. Мимо проходили рабочие петроградских заводов и фабрик, отряды красногвардейцев. Шли кронштадтские моряки. В серых потрепанных шинелях, сжимая в руках фронтовое оружие, шагали солдаты.

Возле дворца колонны задерживались. Раздавались приветственные возгласы. Калинин обратился к демонстрантам с речью:

— Величайшая дисциплина и организованность — вот что нам нужнее всего! Не поддаваться провокации, которой только и ждет Временное правительство, чтобы в крови потопить мирное движение питерцев!

От имени Петроградской партийной организации Михаил Иванович предложил выделить от каждого предприятия и от каждой воинской части делегатов. Пусть эти делегаты пойдут в Таврический дворец и передадут Центральному Исполнительному Комитету требование народа — взять всю власть в руки Советов.

От колонны к колонне передавали предложение Калинина. На ходу выбирали делегатов, которые занимали места впереди своих колонн.

Чтобы помочь массам разобраться в обстановке, партия посылает своих лучших представителей на крупнейшие предприятия Петрограда.

Калинина направили на Трубочный завод. Теперь это был уже не тот Трубочный, где Михаил Иванович работал 10 лет назад. Завод разросся, на нем было свыше 20 тысяч человек.

Калинин поступил токарем по металлу в знакомую 8-ю инструментальную мастерскую и сразу же вошел в атмосферу привычной здесь жизни. Обычно в обеденный перерыв мастерская превращалась в гудящий улей. Главная тема дискуссий — перевыборы завкома. Большевики прилагали все силы к тому, чтобы вытеснить оттуда меньшевиков и эсеров.

В эти дни шла подготовка и к выборам в Центральную городскую думу, и в думы вновь созданных районов Петрограда. Кандидатуру Калинина выдвинули в городскую думу и в думу одного из новых городских районов — Лесновского, созданного из пригорода Лесного. После работы приходилось ехать в район, оттуда в Петербургский комитет, членом которого он являлся, оттуда еще куда-нибудь, но только не домой. Часто о доме не хватало времени даже подумать.

О том, за кем идут рабочие Трубочного, можно было судить по делегатскому собранию в сентябре.

...В шумном прокуренном зале заседания 800 делегатов. Выступил представитель меньшевиков, потом предводитель заводских эсеров. Оба напирали на то, что Временное правительство — правительство демократическое. Разве его состав — в него входят социал-демократы и социалисты-революционеры — не доказывает, что это правительство подлинно революционное?

Но вот слово предоставили Калинину.

— Контрреволюционная сущность буржуазной власти,— начал Михаил Иванович,— нисколько не изменилась из-за того, что в состав Временного правительства вошли представители соглашательских партий. Всю власть надо сосредоточить в руках революционных рабочих, крестьян, солдат.

От имени большевиков Калинин предложил резолюцию с требованием немедленно и безвозмездно передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, национализировать важнейшие отрасли промышленности, отдать под суд всех контрреволюционных заговорщиков.

За большевистскую резолюцию взметнулся лес рук. «Кто против?» — «Нет».— «Воздержался?» — «Один».

В первых числах сентября состоялись выборы в Лесновско-Удельнинскую районную думу. Из 43 избранных гласных 20 были большевики, среди них и Калинин. 17 сентября

на заседании думы его избрали председателем районной управы.

В сентябре и октябре Ленин, живший в то время в Финляндии, написал несколько писем в Центральный, Московский и Петербургский комитеты РСДРП(б). Он требовал от них быстрейшей подготовки вооруженного восстания. Ждать нельзя. Ждать — преступление перед революцией.

5 октября Михаил Иванович открыл заседание Петербургского комитета, собравшегося для обсуждения ленинских писем. Он хорошо понимал историческое значение заседания. Понимало это и большинство присутствующих.

После прений, выявивших точки зрения членов комитета, Калинин подвел итог.

— Характерна резкая линия большинства, стремящегося к захвату власти,— заявил он.— Вопрос о захвате власти встал ребром. Надо только найти момент для стратегического нападения...

Вскоре после этого заседания в Петроград вернулся Владимир Ильич. На заседании ЦК 10 октября по его предложению было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

В эти дни Ильич не раз приглашал к себе руководителей Петроградской организации. Встречался с ним и Михаил Иванович Калинин. На вопрос Ленина, как он, Калинин, смотрит, настал ли момент решительных действий, Михаил Иванович твердо ответил:

— Безусловно!

Барометром развивавшихся событий для Калинина служил Трубочный завод. Здесь, в низах, сразу было видно, как приближается, нарастает революция.

8 и 9 октября на заводе проходило собрание по вопросу о текущем моменте. После выступления Калинина рабочие постановили: потребовать от меньшевистско-эсеровского ЦИК Советов, чтобы он опубликовал во всех социалистических газетах большевистскую резолюцию этого собрания. Вскоре состоялись выборы завкома. Список большевиков, возглавляемый Калининым, получил абсолютное большинство голосов.

Михаил Иванович не упускал случая для агитации за большевистский лозунг «Вся власть Советам!». Не забывал он об этом, выступая в прениях по различным вопросам в Центральной городской думе. Меньшевики, эсеры, кадеты своим поведением и речами постоянно давали повод для критики. 13 октября в думе в первый раз обсуждался продовольственный вопрос. Никто из представителей соглашательских

партий не смог внести никакого конкретного предложения. Предлагали, правда, принять обращение к народу с призывом сократить потребление. Большинство же депутатов попросту заявляли, что они не видят выхода из создавшегося положения.

Калинин считал, что при известных мерах с голодом бороться можно, и предложил взять на учет имеющиеся продукты и распределять их по твердой норме.

— Единственное обращение, которое может сделать дума,— это сказать: современное правительство при современном составе окончательно разрушило экономическую жизнь, и Петроградская городская дума приглашает население переменить это правительство, поставить у власти то правительство, которое сумеет эту экономическую жизнь наладить.

С места кто-то крикнул:

— Какое?

— Это Советы рабочих и солдатских депутатов,— ответил Михаил Иванович.

...15 октября вновь собрался Петербургский комитет. Обсуждали резолюцию ЦК, принятую пять дней назад по докладу Ленина,— о вооруженном восстании. Точку зрения большинства по поводу этой резолюции Калинин выразил такими словами:

— Резолюция Центрального Комитета — это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК вносил. Эта резолюция призывает организацию к политическому действию. Мы практически вплотную подошли к вооруженному восстанию.

Михаил Иванович доложил ПК, как обстоит дело с подготовкой к восстанию в Лесновском районе, как формируются отряды Красной гвардии.

В этот же день к Калинину обратился А. В. Шотман, человек пунктуальный и осмотрительный. Он сказал, что ему поручено подыскать помещение для расширенного заседания Центрального Комитета вместе с представителями Петербургского комитета, Петроградского окружного комитета, Военной организации и большевистской фракции Петроградского Совета. Будут также товарищи от фабзавкомов и профсоюзов. Хорошо бы провести такое заседание в Лесновской думе. Здание далеко от центра, стоит в тихом, немноголюдном месте. И полный хозяин в думе — Михаил Иванович Калинин, председатель районной управы. На повестке дня важнейший вопрос — о вооруженном восстании.

16 октября примерно около 8 часов вечера Михаил Иванович встретил в коридоре Ленина.

— Вот сюда,— и открыл дверь в комнату культурно-просветительного отдела.

Ленин начал доклад о заседании ЦК 10 октября, принявшем резолюцию о вооруженном восстании. В заключение сделал вывод: «История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь же!»

Потом говорили Свердлов, Дзержинский, Крыленко, Рахья, Скрыпник, Сталин, Лацис, Шотман. Почти все поддержали ленинскую резолюцию. Свердлов повернулся к Калинину, приглашая высказаться.

Калинин поднялся: для него лично вопрос о необходимости восстания не подлежит сомнению. Речь может идти только о подходящем моменте, чтобы обеспечить военный успех.

Последующие дни вплоть до восстания прошли в лихорадочной организаторской работе. Днем — в Лесновском районе, на Трубочном заводе, вечерами — в ПК, куда сходились сведения о ходе подготовки восстания.

Выполняя директиву ЦК, Петербургский комитет, в заседании которого принял участие и Калинин, счел необходимым «перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления».

Судьбу восстания решила ночь на 25 октября. Один за другим переходили в руки большевиков важнейшие стратегические пункты Питера...

Утром 25 октября Михаил Иванович Калинин вместе с депутатами-большевиками Анатолием Васильевичем Луначарским, Дмитрием Захаровичем Мануильским и другими пришел на заседание Петроградской городской думы. Представители буржуазных и мелкобуржуазных партий выступали один за другим, и смысл их выступлений сводился к одному:

— Узурпация, вандализм!..

— Не допустим свержения правительства жандармским путем!

Но вот председательствующий объявил, что слова просит представитель большевиков депутат Калинин.

Михаил Иванович решительно направился к трибуне и встал, пристально всматриваясь в бушевавший зал.

Кто-то крикнул:

— Предлагаю прекратить прения!

Председатель вынес предложение на голосование, и оно было принято. Но Калинин продолжал стоять на трибуне, всем своим видом показывая, что никуда уходить он не собирается. Тогда председатель обратился к нему:

— Ну что ж, говорите...

— Меня страшно удивило,— сказал Калинин,— возмуще-

ние целого ряда гласных тем, что правительство свергается физической силой, силой штыков, что правительство свергается «жандармским путем». Я не знаю, покажите мне хоть какой-нибудь пример в истории, когда бы правительство не свергалось физической силой. И вот, когда пришло время, когда это восстание стало нужным, смешно было бы, чтобы наша партия отказывалась от этого восстания...

Вдруг все замерли: где-то над Невой гулко раздался пушечный выстрел. «Гласные думы — меньшевики, эсеры, кадеты,— вспоминал позднее Калинин,— поднялись с мест. Слышны крики: «Узурпаторы, узурпаторы!» Поднялся страшный шум. Они пошли «выручать» правительство, осажденное в Зимнем дворце, а мы — в Петроградский Совет приветствовать его от имени революционной части думы».

Вместе с другими членами думы — большевиками Михаил Иванович явился вечером 25 октября на II съезд Советов.

...Ослепленное ненавистью к Советам реакционное большинство думы разрабатывало планы захвата власти. Пользуясь большинством, меньшевики и эсеры превратили думу в один из центров контрреволюции в городе. В то же время дума все больше и больше запускала свои повседневные практические дела. Дальше терпеть такое положение было невозможно.

В ноябре 1917 года Петроградская дума была распущена. В конце ноября состоялись выборы новой городской думы. Среди 200 избранных гласных оказалось 188 большевиков. В числе их был Михаил Иванович Калинин.

Он уже знал, что Петербургский комитет решил рекомендовать его на пост городского головы.

Опыт думской работы у Калинина имелся: хоть и немного, но он стоял во главе Лесновской думы.

1 декабря вместе с заместителем Наркомпрода Дмитрием Захаровичем Мануильским Михаил Иванович направился на Невский, 33,— в думу. Он много раз бывал в этом островерхом здании как гласный. А сейчас переступит порог как новый голова городской думы, «хозяин столицы».

Открыл дверь: старая управа во главе с махровым эсером Шрейдером продолжала заседать. Все головы повернулись в сторону вошедшего. Михаил Иванович молча рассматривал присутствующих.

Молчание становилось тягостным, и Калинин сказал насколько мог спокойно и веско:

— Господа, я, избранный на основании всеобщего, равного голосования петроградским городским головой, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение.

В напряженной тишине кто-то хихикнул, затрясся в смехе Шрейдер, загоготали остальные.

Трудно стоять спокойно перед гогочущим враждебным сборищем. Калинин поначалу даже немного растерялся, но быстро взял себя в руки, выждав, когда смех слегка затих, проговорил:

— Господа,— он нарочно назвал их так.— Вы рано смеетесь. Пословица говорит: хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Резко повернулся и вышел из зала.

Кабинет городского головы был не заперт. Калинин открыл дверь, вошел. Окинул взглядом просторную комнату. Массивный стол. Кресло с высокой спинкой. На полу ковер.

Калинин взглянул на свои сапоги, обошел ковер стороной, отодвинул кресло, сел.

Несколько минут сидел молча. Потом снял телефонную трубку, соединился со старшим бухгалтером управы:

— Говорит городской голова Калинин. Зайдите, пожалуйста, ко мне.

— Мне такой неизвестен,— сказал бухгалтер и положил трубку.

Калинин рассердился, вызвал коменданта думы:

— Немедленно приведите ко мне старшего бухгалтера.

Вскоре растерянный комендант доложил, что «старший бухгалтер отбыли со службы».

Не отозвались на приглашение Калинина и другие служащие — Шрейдер выплатил им жалованье за два месяца вперед. Больше этого срока, считал он, Советская республика не продержится.

Михаил Иванович пошел по зданию. Всюду была одна и та же картина: в комнатах в беспорядке валялись бумаги. Дела были расшиты, многие документы порваны. Саботаж налицо...

Калинин собрал всех, кто остался в управе,— сторожей, истопников, курьеров, младших служащих, проживавших в здании думы. Они пришли, пораженные тем, что их вызывает сам голова. А когда поняли, что их просят помочь наладить управление городскими делами, с радостью принялись наводить порядок. Дума ожила. Калинин же в это время писал свое первое распоряжение об увольнении с 1 декабря 1917 года всех не явившихся без уважительных причин на работу служащих.

Михаил Иванович в первые же дни побывал на многих предприятиях городского хозяйства. Рабочие встречали его приветливо, административный персонал — настороженно.

Но с ним-то меньше всего собирался беседовать городской голова. Он говорил с рабочими, объяснял им, что такое саботаж и кому он на руку, призывал принять все меры, чтобы наладить бесперебойную деятельность городского хозяйства.

Лишь на несколько часов удалось саботажникам внести замешательство в работу трамвайного управления, водопровода, электростанции. Всюду их места занимали рабочие, выделенные партийными и профсоюзными организациями. Они приходили прямо от станков, порой не успев сменить одежду и как следует умыться.

И дело пошло. Огромная машина городского хозяйства Петрограда работала.

Бывшие служащие управы только удивлялись: откуда у этого мужика такая крепкая хозяйственная хватка? На их глазах создавался новый, гибкий и оперативный аппарат городского самоуправления, улучшалась работа коммунальных предприятий, укреплялся порядок в городе.

Особенно поражало их то обстоятельство, что новая управа не задерживала выплату жалованья. Уж кто-кто, а саботажники отлично знали, какой бюджет они оставили в наследство новому городскому самоуправлению. Только по смете 1917 года дефицит достигал 108 миллионов рублей. Наличными же оставалось 40 тысяч.

Финансовую задолженность удалось погасить, выпустив заем и сделав заём у кредитных учреждений. Обложили высокими налогами капиталистов — и получили возможность хозяйствовать смело, без боязни, что денег не хватит. К лету 1918 года многие городские предприятия стали приносить прибыль, и это позволило истратить часть денег на их ремонт.

С каждым днем революционный Петроград становился чище, оживленнее. Весело позванивая, сновали трамваи, прекратились перебои в подаче воды, заработал телефон.

Тяжело приходилось с домовладельцами. Многие из них, чтобы хоть так показать свою ненависть к новому строю, даже дворы перестали убирать. Под всяческими предлогами они отказывались ремонтировать здания, придумывая различные причины, чтобы уклониться от уплаты налогов.

С разрешения Совета Народных Комиссаров Петроградская дума стала конфисковывать дома саботажников-домовладельцев. К августу было конфисковано 2700 крупных домов.

Трудное то было время для Петрограда. Голод, холод. Осьмушка хлеба в день. Нынче многие не знают даже, что означает слово «осьмушка». А ведь это восьмая часть фунта —

всего-навсего 50 граммов. Дров вовсе не было. Люди жгли в печках мебель, заборы, дома.

Вместе со всеми жителями города голодали и Калинин, и его семья. Он не хотел ничем отличаться от других. Тяжело было видеть, как дети радуются горбушке хлеба, случайному куску сахара...

Вдобавок ко всем невзгодам на город обрушилась эпидемия тифа. Калинин добился муниципализации бань, аптек, устройства дезинфекционных камер при банях. Он посещал рабочие кварталы Выборгской стороны и Васильевского острова, Нарвской и Невской застав. По его указанию в квартиры рабочих был проведен электрический свет, многие семьи из негодных комнат были переселены в благоустроенные дома.

В часы приема каждый мог беспрепятственно прийти в кабинет Калинина, расположенный на втором этаже управы. Швейцар временами ворчал:

— Раньше у нас и к писцу не пройдешь без доклада, а теперь к самому голове свободно...

Михаил Иванович встречал посетителей приветливо, терпеливо выслушивал жалобы, иногда быстро записывал что-то в книжечку.

Очень часто приходили с просьбами помочь устроиться на работу. В условиях ужасающей разрухи найти работу было очень трудно. Вопрос надо было решать кардинально, чтобы сразу существенно уменьшить количество безработных. Вскоре на совещании работников городского хозяйства Калинин предложил свой план организации общественных работ: 40 тысяч человек — на ремонт улиц, еще 30 с лишним тысяч занять на ремонте пришедшей в негодность канализации, на торфяных разработках и огородных работах.

Этот план был реализован.

Вспоминая впоследствии о деятельности Калинина в этот период, Анатолий Васильевич Луначарский особо подчеркивал «хозяйственное направление ума» Калинина: «Хотя были у нас более блестящие ораторы, но, когда Калинин выходил на трибуну и начинал без малейшего ораторского ухищрения выкладывать то, что ему казалось, как пролетарию, особенно важным, другого такого авторитетного голоса в думе не было...»

Весной 1918 года, когда Петроградская городская дума, ее исполнительный орган — управа были распущены, хозяином города стал Комиссариат городского хозяйства Петроградской городской коммуны, занявший положение одного

из отделов Петроградского Совета. Михаил Иванович Калинин возглавил этот комиссариат.

«В первые месяцы работы Михаила Ивановича в комгорхозе,— вспоминает об этом времени один из его сотрудников — М. Л. Крепс,— многие наши инженеры, специалисты считали, что можно явиться к нему на доклад без особой подготовки. Они смотрели на него свысока, считая, что он, простой рабочий, дела не знает и что можно давать ему цифры с потолка...

Выслушивал он очень внимательно, спокойно, терпеливо. А затем задавал такие вопросы, которые озадачивали докладчиков: то ли Михаил Иванович такой находчивый, или же он дела знал и просто их испытывал. Вскоре у специалистов сложилось убеждение, что Михаил Иванович предварительно, прежде чем вызвать их с докладом, сам детально изучает все вопросы».

Так оно и было. Еще работая в думе, где было много специальной технической литературы, Калинин взял за правило до глубокой ночи читать, тщательно вникал в те вопросы, которые предстояло решить в ближайшее время.

Как-то после смерти Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова Ленин сказал Михаилу Ивановичу, что внес предложение в Политбюро рекомендовать его, Калинина, на этот пост. Михаил Иванович с сомнением покачал головой:

— Не знаю, Владимир Ильич, как я буду в сапогах, я еще не привык к изысканному обществу. Черт знает, может быть, еще придется с Клемансо мир заключать...

Ленин рассмеялся.

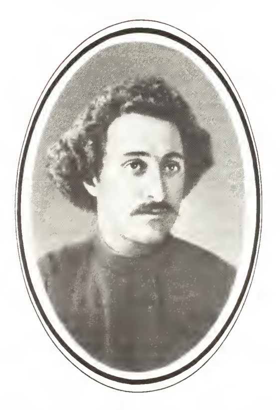
— Ничего, товарищ Калинин, не все же нам приучаться к их благородству, пусть и они немножко приучатся к нашей грубости.

Как известно, члены ВЦИК единогласно проголосовали за избрание Михаила Ивановича Калинина на этот высокий государственный пост.

— Это доверие,— сказал тогда Михаил Иванович,— я принимаю как доверие революционному петроградскому пролетариату от российских рабоче-крестьянских масс.

* *
*

Григорий Константинович ОРДЖОНИКИДЗЕ

Орджоникидзе Г. К. (партийные и литературные псевдонимы — Серго, Н., Уполномоченный О.К., Уполномоченный Р.О.К.Н.) (1886—1937 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде, один из руководителей борьбы за Советскую власть на Кавказе, советский государственный и партийный деятель. Родился в семье мелкого дворянина в с. Гореша Шаропанского уезда Кутаисской губернии. Учился в фельдшерском училище в Тифлисе. Член Коммунистической партии с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Закавказье. Партийную работу вел в Тифлисе и Баку. В январе 1911 г. впервые встретился с В. И. Лениным в Париже, куда приехал на учебу в партийную школу в Лонжюмо. На 6-й Всероссийской (Пражской) партийной

Григорий Константинович
ОРДЖОНИКИДЗЕ

конференции 1912 г. избран в состав ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП
Неоднократно арестовывался, сидел в тюрьме, Шлиссельбургской крепости, был на каторге, в ссылке и эмиграции.
Февральская революция 1917 г. застала его в якутской ссылке. Весной 1917 г. в Якутске вошел в состав исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов; основал местную партийную газету «Социал-демократ». В июне 1917 г. приехал в Петроград, был избран членом исполкома Петросовета, вошел в состав Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б).
В июле 1917 г. по поручению ЦК партии дважды ездил к В. И. Ленину, скрывавшемуся в Разливе. Делегат VI съезда партии. Принимал активное участие в Октябрьском вооруженном восстании, сражался под Пулковом против контрреволюционных войск Керенского — Краснова
Избран кандидатом в члены ВЦИК. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) назначен временным чрезвычайным комиссаром Украины для объединения действий советских организаций, одновременно — полномочный ревизор Наркомата продовольствия на юге страны. С апреля 1918 г.— временный чрезвычайный комиссар Южного района страны. В годы гражданской войны — политический руководитель в Красной Армии. В дальнейшем — на государственной и партийной работе.

* * *

Высокая ответственность[1]

— По утрам, выходя из дому[2],— вспоминал Петровский,— мы спрашивали друг друга: «Ты куда назначен митинговать?» — «За Нарвскую заставу, к путиловцам. А ты куда?» — «За Невскую заставу, к балтийцам».

В «Учетном журнале» агитотдела Петербургского комитета все чаще записи:

«Луначарский и Орджоникидзе — военный Обуховский завод.

Орджоникидзе — Семеновский полк.

Коллонтай Александра, Орджоникидзе Григорий — Путиловский завод.

Товарищ Серго — Главные железнодорожные мастерские.

Орджоникидзе Г. К.— фабрика Жорж Борман.

Лашевич и Орджоникидзе — Первый пулеметный полк.

Орджоникидзе — Путиловский завод...»

Серго уже привык к бурным митингам, к напряженно-внимательной и легко возбуждавшейся громкоголосой многотысячной аудитории. Но то, что он застал в полдень 3 июля

[1] Из книги: *Дубинский-Мухадзе И.* Орджоникидзе М., 1963

[2] Во второй половине июня 1917 года Серго вернулся из якутской ссылки в Петроград Жил в квартире Г. И. Петровского.

на дворе Путиловского завода, ошеломило. Показалось слишком грозным. Каждый клочок земли, каждое возвышение, крыши, пожарные лестницы, штабеля металла, кучи стружки — все облепили люди. Пятнадцать тысяч путиловцев и пришедшие звать их на улицу — свергать Временное правительство — солдаты пулеметного полка, матросы, гренадеры.

Орджоникидзе подхватили, поставили на деревянную трибуну рядом с бородатым солдатом.

— Первый пулеметный полк идет отнимать власть над Россией,— провозглашал солдат.— Долой правительство, подло пославшее наших братьев-фронтовиков под немецкие пули, на смерть и позор! Идемте, довольно терпеть!

В ожесточенном лице пулеметчика, в каждом жесте чувствовалась самая настоящая мука. Все симпатии Серго были на его стороне. Тем более необходимо было этого человека остановить, удержать. Во всяком случае, не дать ему повести за собой рабочих.

А как удержать, где найти силу? Вчера весь день большевики призывали рабочих и солдат воздержаться от выступлений, не давать повода правительству пустить в ход оружие. Безуспешно. Гнев переполнял сердца...

Серго волновался и, как всегда в таких случаях, говорил с сильным грузинским акцентом:

— Товарищи путиловцы! Друзья! Конференция большевиков Питера, пославшая меня сюда, просит вас не выходить на улицы. Конечно, у рабочих и солдат Петрограда хватило бы сил прогнать Временное правительство и взять государственную власть в свои руки. Только победу бы у нас тут же отняла буржуазия. Утопила бы в крови!

Армия и провинция не готовы поддержать восстание в столице. Момент еще не наступил. Удержите гнев! Теперь уже недолго. Спросим за все — и за июньскую авантюру на фронте, за бессмысленные жертвы, принесенные в угоду английским и французским союзникам низложенного царя и здравствующих меньшевиков и эсеров.

...Поздно вечером 3 июля на совместном заседании ЦК, Петербургского комитета и Военной организации РСДРП(б) было решено, что большевики примут участие в демонстрации, с тем чтобы придать ей мирный и организованный характер.

Заводы и фабрики забастовали. Более 500 тысяч человек направились к Таврическому дворцу, где когда-то заседала Государственная дума, а сейчас обосновался Центральный Исполнительный Комитет Советов. Рабочие шли под охраной

вооруженной Красной гвардии. Солдаты и прибывшие из Кронштадта моряки — с оружием в руках.

Ленин с балкона дома Кшесинской призывал сохранить выдержку и порядок.

— Самое большое, что сегодня можно себе разрешить,— говорил Владимир Ильич,— это обращение с требованием к Центральному Исполнительному Комитету о взятии всей власти в руки Советов.

Девяносто представителей рабочих, солдат и моряков вошли внутрь Таврического дворца. Их холодно, не предлагая сесть, выслушали второстепенные лидеры меньшевиков и эсеров. Главные были заняты более существенным — переговорами с правительством о разгроме демонстрации и расправе с большевиками. На углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте уже гремели залпы. Казаки и юнкера в красных с золотом погонах открыли огонь по мирному шествию. Улицы Петрограда обагрились кровью.

С фронта прибыли специально отобранные войска. Началось разоружение революционных полков.

В полдень Дворцовую площадь наглухо обнесли частоколом из штыков. Вдоль Зимнего дворца выстроились казачьи и кавалерийские части. По фасаду министерства иностранных дел и министерства финансов — Первая гвардейская дивизия и батальоны пластунов. Возле Главного штаба — самокатчики. Вокруг Александровской колонны — Егерский и Семеновский полки. В резерве на Певческом мосту — грузовики с пулеметами и броневики.

Подлежавших «клеймению позором» солдат Первого пулеметного полка подводили отдельными командами. Все отобранные у них пулеметы и личное оружие сваливали в одну груду на середине площади. Впрочем, при сличении со штатным расписанием выявилась большая недостача пулеметов — они остались на Выборгской стороне до лучших дней...

Безоружных пулеметчиков с площади под конвоем отвели в Соляной Городок. Их предполагали отправить на передовые позиции. По третьему разряду, как штрафных особо строгого режима... А в октябре эти самые пулеметчики шли в огонь и в воду за большевиков. С агитатором[1] Орджоникидзе они защищали Пулковские высоты, освобождали от Керенского Гатчину и Царское Село. После победы взяли на себя охрану Смольного.

С особой ненавистью Временное правительство, куда входили эсеры и меньшевики, набросилось на Ленина и его сто-

[1] Агитаторами ЦК в первые дни Октября называли будущих военных комиссаров

ронников. Особняк Кшесинской был занят войсками. В рабочих кварталах, особенно на Выборгской стороне, шли повальные обыски. Юнкера разгромили помещение редакции «Правды», учинили погром в типографии «Труд», приобретенной на деньги, собранные рабочими и солдатами для партии большевиков.

В сторожке завода «Рено» собрался Петербургский комитет РСДРП(б). Серго поддерживал предложение объявить всеобщую забастовку. Трижды брал слово Ленин. Он впервые после возвращения в Россию сказал, что наиболее желательное мирное развитие революции, мирная борьба партий внутри Советов, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой после 4 июля невозможен. Забастовка ничего доброго не даст, лишь напрасно прольется кровь. Несколько часов назад застрелен рабочий Воинов только за то, что он вынес из типографии «Листок «Правды», выпущенный партией взамен закрытой «Правды». Забастовка ничего не даст, повторил Владимир Ильич, а к вооруженному восстанию мы не готовы.

В этот же день и в этот же час в респектабельном здании штаба войск гвардии и Петроградского военного округа генерал Половцев доверительно инструктировал командира отряда, созданного им для поисков Ленина.

— Мы оба, полковник, кавалеристы, рубаки, не один год вместе прослужили в «дикой дивизии». Церемонии, слава богу, не по нашей части... Лучше всего кончайте с этим господином на месте! — рекомендовал Половцев.— А то другие обскачут, акция слишком выигрышная! Сегодня на завтраке у сэра Джорджа[1] меня очень просили поторопиться...

«Дело» Ленина[2] и большевистской партии было сфабриковано настолько грубо, что я диву давался,— негодовал генерал Бонч-Бруевич, долгие годы руководивший в старой армии борьбой с немецким шпионажем.— Обвинения показались мне столь же бессмысленными, сколь и бесчестными. Было ясно, что все это сделано только для того, чтобы скомпрометировать руководство враждебной Временному правительству политической партии».

Приличия ради в Таврическом дворце денек-другой демонстрировали свою непричастность. Меньшевики устами пылкого Ираклия Церетели заявили: «Ленин ведет идейную,

[1] Джордж Бьюкенен (1854—1924) — посол Великобритании. Скороиспеченный генерал Половцев, будущий владелец кофейных плантаций в Африке,— протеже сэра Джорджа.

[2] Речь идет о сфабрикованном против В. И. Ленина Временным правительством обвинении в шпионаже.— *Ред*

принципиальную пропаганду». Потом привычно шарахнулись в сторону: «Обе партии свободы — эсеры и меньшевики сообща создают следственную комиссию для разбора «дела» Ленина. Вдогонку еще поправка Чхеидзе: «Нет, Ленин обязан явиться в распоряжение прокурора. Только гласный суд может снять с него обвинения...»

Тут уж Серго не стерпел. Отправился в Таврический дворец, отыскал «святую» меньшевистскую троицу — Чхеидзе, Церетели и Чхенкели. Публично назвал их тюремщиками. Лощеный, прекраснодушный Церетели схватился за голову. Вспыльчивый Чхеидзе закричал, что он не простит подобной клеветы. Серго тоже дал волю имеретинскому темпераменту. Шум поднялся страшный.

В записях Серго:

«...Юнкера рыщут повсюду — ищут Ленина. Ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться. «Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами».

...Направляемся к Ленину, он должен быть на квартире у Николая Гурьевича Полетаева (бывший депутат Государственной думы, рабочий Путиловского завода), кажется, на 8-й Рождественской.

...Жена Полетаева сообщила, что Ленин перешел от них на квартиру Аллилуева. Сергея Яковлевича мы знали многие годы. У нас на Кавказе он был одним из первых социал-демократов. Неоднократно руководил политическими забастовками в Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе и на Бакинских нефтяных промыслах. Приходилось бывать и на петроградской квартире Аллилуева — на 10-й Рождественской.

Ленин и Крупская там. Не успели мы сесть, как вошли Ногин и В. Яковлева[1]. Пошли разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать себя арестовать. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Ильич заметил, что никакого гласного суда не будет. Сталин добавил: «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге».

Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом Президиума ЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться от него гарантий, что Ленин не будет

[1] Яковлева В. Н. (1884—1944) — член КПСС с 1904 года, участница трех российских революций. В 1916—1918 годах — секретарь Московского областного бюро ЦК, член Партийного центра.

растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш), или же, если посадят в «Кресты», добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и предстанет перед гласным судом. В случае утвердительного ответа Анисимов под вечер на автомобиле подъезжает к условному подъезду на 8-й Рождественской, где его встречает Ленин, и оттуда везет Ильича в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей, преступной глупости суждено было совершиться.

Мы с Ногиным явились в Таврический и вызвали Анисимова. Рассказали ему о решении Ильича и потребовали абсолютной гарантии. На Петропавловку он не согласился. Что касается гарантии в «Крестах», заявил, что, конечно, будут приняты все меры... Анисимов был рабочий Донбасса. Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: «Мы вам Ильича не дадим». Ногин тоже согласился с этим. Спешу обратно на квартиру Аллилуева...

Решили, что никаких разговоров дальше не может быть, Ильич должен уехать из города. Мне было предложено немедленно снять шевелюру и следовать с Ильичем. Я поспешил в парикмахерскую, но Ленин, не дождавшись меня, вместе с Зофом [1] и одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышел из города.

...С большой осторожностью я взялся поехать к Ленину, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывания Владимира Ильича.

Прибыл я на станцию ночью. Побродив немного, я нашел нужный мне дом. Самого рабочего не оказалось дома. Приняла меня его жена. Я сказал ей пароль, но тут вышло у нас большое недоразумение. Зоф не сообщил мне ответного пароля — и мы запутались. Жена рабочего, с одной стороны, не сумела скрыть, что она знает, где Ленин, а с другой — решительно отказывалась указать, где именно он. Начал я ее убеждать, что я свой человек, что прислан от ЦК, но она была неумолима.

Я чувствовал себя в высшей степени неловко. Мне надо было видеть Ильича, мне хочется видеть его, как никогда, и в то же время чувствую, что поступаю плохо, уговаривая мою собеседницу нарушить порядок конспирации...

Я окончательно потерял надежду повидать Ильича. Собрался было идти. Жена Емельянова сжалилась, остановила

[1] Зоф В. И (1889—1937) — рабочий-латыш, член КПСС с 1913 года, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны Был народным комиссаром морских сил СССР

меня и позвала своего 9—10-летнего сына. «Вот вам проводник». Мы пошли к озеру. Сели в лодку, переправились на другой берег, обильно поросший кустарником. Я решил, что Ленин живет на какой-нибудь даче. Шел покорно за своим юным провожатым. Вдруг мы остановились около небольшого сенокоса. Мальчик окликнул кого-то по имени. Вышел незнакомый мне человек. Он оказался отцом мальчика. Поздоровались с ним. Объяснил ему, в чем дело. Думаю, дальше поведет к Ленину.

В этот момент подходит ко мне еще один незнакомец, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит насмешливо: «Что, товарищ Серго, не узнаете?» Я вглядываюсь повнимательнее, а человек хохочет. Так от души, весело, заразительно умел смеяться один Ильич. По удачному определению умного англичанина Рансома, «это смех необыкновенной силы Ленина».

Я кинулся к Ильичу, обнял его, отступил назад и снова обнял.

Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними. Оказалось, что у них самих ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь ужин.

После «ужина» беседу перенесли в «апартаменты» Ленина. Таковыми явился стог сена. Свежее сено пахло великолепно, было тепло, легко на душе. Я долго рассказывал, что делается в Петрограде, каково настроение рабочих, солдат, что в нашей организации, в меньшевистском ЦИК, в Петросовете и т. д.

Владимир Ильич задавал вопросы. Потом сказал: «Меньшевистские и эсеровские советы окончательно дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания. Оно не заставит ждать себя долго. Сентябрь — октябрь, думаю, крайний срок».

Я осмелел и признался, что на днях в районной думе Выборгской стороны мы, несколько товарищей, поспорили о будущем революции. Все очень удивились, когда Лашевич заявил: «Увидите, Ленин в сентябре будет премьером!»

К моему изумлению, Ильич совершенно серьезно подтвердил: «Да, это так и будет». Нас только что расколотили, а он уверенно подсказывает — «через месяц-два победоносное восстание!»

...Серго — делегат VI съезда РСДРП(б) от Петроградской большевистской организации. И докладчик по вопросу, всех особенно волновавшему,— о явке Владимира Ильича на суд.

27 июля председательствующий Свердлов объявил:

— Слово товарищу Орджоникидзе.

«...им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать т. Ленина...»

В поддержку докладчика:

Дзержинский: «Я буду краток. Товарищ, который говорил передо мной, выявил и мою точку зрения... Травля против Ленина...— это травля против нас, против партии, против революционной демократии. Мы должны разъяснить нашим товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии...»

Съезд встал на позицию Серго — единогласно высказался против явки Владимира Ильича властям. Большевики, на счастье человечества, оградили Ленина от расправы разъяренных контрреволюционеров.

Партия подтвердила оценку, высказанную Владимиром Ильичем в разговоре с Серго в Разливе,— власть можно взять теперь лишь путем вооруженного восстания, период мирного развития революции окончился, меньшевики и эсеры превратили Советы в пустые говорильни.

Партия большевиков принимала на себя высокую ответственность за судьбу страны, за будущее народа. В своем Манифесте VI съезд призвал готовить социалистическую революцию.

...На задворках типографии негоцианта Куинджи, в небольшой комнате, за единственным столом, представляющим все имущество редакции «Бакинского рабочего», низко согнулся — правит корректуру — Степан Шаумян. С треском распахивается дверь. Стремительно влетает человек в широкополой соломенной шляпе.

— Степан генацвале!

— Серго, друг! Каким ветром?

Встреча с Шаумяном была первой из многих намеченных в Петрограде. Серго почти полтора месяца колесил по Бакинской, Тифлисской, Эриванской и Кутаисской губерниям. Побывал на нефтяных промыслах Апшерона и на заводах Черного города, в депо и мастерских Закавказской магистрали, в рабочем центре Армении Александрополе[1].

[1] Ныне город Ленинакан.

Добрался и до высланных на Кавказ десятков тысяч солдат — участников демонстрации 3—4 июля в Петрограде. Не считаясь со строжайшим запрещением военного министра «будоражить полки», выступал на ротных и батальонных собраниях, на гарнизонных митингах.

Серго никогда не сгущал красок. Охотнее всего он громил противника оружием, взятым из его арсенала,— документами, свидетельствами, признаниями его прессы.

...Не удержался — побывал в родной Имеретии. Отдых в Гореше закончился скорее, чем надеялся Серго. Среди ночи нарочный со станции Белогоры доставил депешу. Центральный Комитет партии вызывал в Петроград.

Зинаида Гавриловна осталась пока в Гореше. Первое коротенькое письмо от Серго было из Армавира:

«Едем, но страшная теснота. Чувствую себя не очень важно, хотя и совершенно здоров. Как только доберусь, немедленно переведу деньги, и ты сразу выезжай».

Второе письмо из Курска:

«Завтра утром буду в Москве, послезавтра — в Питере и приступаю к делу... Сегодня я в ударе: целый день громил в вагоне одного меньшевика. Наглец тыкал мне в нос «Известия ЦИК» (официальный орган заседающих в Центральном Исполкоме меньшевиков и эсеров), кричал: «Извольте прочесть, что пишут благоразумные и умеренные социалисты». Я прочел этот «глас вопиющего»:

«Поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...» Что ж, учтем! Чувствую себя превосходно. Умылся в первый раз после Кутаиса».

Лишь к вечеру 24 октября поезд дотащился до Петрограда. Серго прямо с вокзала направился в Смольный.

Жалобно дребезжа, переполненный трамвай, облепленный снаружи штатскими и военными, пересекал город со скоростью старинной тифлисской конки. В юношеские годы Серго любил купить билет за пятачок, усесться в открытом вагончике — ехать и высматривать приятелей. Захотелось — сошел, пошутил, посмеялся с парнями, потом назад в конку.

Одна существенная разница. В тифлисской конке всегда было весело и свободно, а сейчас, в петроградском трамвае,— не протиснуться. Синий, прокуренный, спертый воздух насыщен тревогой, подозрениями, скандалами.

После частых огней Невского, запруженного взбудораженными людьми, Литейный и особенно Суворовский проспекты показались Серго черными провалами. Редкие прохожие торопились юркнуть в подъезд, укрыться в подворотне. Толь-

ко в скверах и на площадях вокруг огромных костров толпились бородатые солдаты в серых папахах.

Костры пылали и на последней остановке трамвая — у дымчато-голубых куполов Смольного монастыря. Рубиновый отблеск огня и яркие лучи граненых зеркал прожекторов высветливали наведенные на город стволы полевых пушек, пулеметы с аккуратно заправленными лентами, двуколки со снарядами и походные кухни у белой колоннады Смольнинского института благородных девиц. Само здание, бессонное и многолюдное, хорошо было освещено изнутри.

Когда Серго наконец пробился через людские водовороты, клокотавшие в длинных сводчатых коридорах Смольного, и в южном крыле второго этажа вошел в огромный белый зал, разделенный двумя рядами массивных колонн, где шло заседание Петроградского Совета, Ленин заканчивал речь. Ильич обращался к Петроградскому Совету, к России, к миру.

«Да здравствует социалистическая революция!»

Капитан ставил корабль навстречу буре. Среди тех, кого он немедля затребовал на вахту, был и Серго. Ленин верил в него безгранично.

На третьем этаже Смольного — в комнате с эмалированной дощечкой «Классная дама» — Серго отыскал Подвойского. Со времени их прошлой встречи — на VI съезде партии — Николай Ильич еще больше похудел. Потертая солдатская гимнастерка и суконные шаровары мешковато висели на нем. В руководителе Военно-революционного комитета не было ничего военного, а тем более грозного. Всем своим обликом — высокий, тощий, с застенчивой улыбкой — он походил на русского интеллигента, подвижника.

Николай Ильич радостно приветствовал Серго и тут же виновато развел руками.

— Не взыщите, родной! Ехать придется сию же минуту. Мандат для вас готов, возьмите!.. Не знаю, успел ли вам сказать Владимир Ильич: третий батальон самокатчиков — самая большая надежда Керенского...

— Скорее, еще скорее! — торопил Орджоникидзе шофера. Только что промелькнула станция Новинка. Справа и слева надвигались леса. Углубляться в них не пришлось. Машину задержало боевое охранение расположившихся на отдых самокатчиков. Серго попросил, чтобы его отвели в батальонный комитет.

— Что, большевик, приехал просить пощады? — высоченный самокатчик дюжей рукой сжал плечо Орджоникидзе.— Сейчас мы из тебя душу вытряхнем. Полезай на броневик и выкладывай всю правду!

Повторять приглашение не пришлось. Серго говорил полтора часа.

Недружелюбные, откровенно враждебные вначале, затем настороженно-сдержанные, самокатчики начали подавать одобрительные реплики. Теперь уже сами солдаты сердито пресекали попытки офицеров оскорбить Серго, спровоцировать его на скандал.

На броневик вскочил тот же богатырь-самокатчик, незаметным движением легко отодвинул Серго.

— Тебе, большевик, хватит говорить. Мы тоже не дураки! Три дня назад, когда самокатчики получили приказ оставить Юго-Западный фронт и грузиться в эшелоны, мы написали на вагонах: «Вся власть Советам!» Мы шли на защиту Петрограда, а помещики и капиталисты нам нужны, как собаке Жучке генеральские погоны...

Потом три с лишним года Серго провел на фронтах. Был агитатором и чрезвычайным комиссаром, возглавлял военные советы армий и фронтов, руководил обороной и освобождением огромных краев и республик; испытал горечь тяжких и порой неоправданных поражений и радость блестящих побед. И всего охотнее вспоминал, всего больше гордился сражением, выигранным без выстрелов, без крови и жертв в среду 25 октября у станции Новинка. Грозный, отлично вымуштрованный, прекрасно вооруженный батальон самокатчиков, затребованный Временным правительством для разгрома Смольного, отдал себя в распоряжение ВРК.

В ночь на 26 октября делегаты самокатчиков, предводительствуемые Серго, задыхающиеся, покрытые дорожной грязью, появились на заседании съезда Советов.

«Под необузданные взрывы восторга,— записано в протоколе съезда,— огромного роста самокатчик с двумя Георгиевскими крестами заявил: «Среди геройского третьего батальона нет никого, кто согласился бы пролить братскую кровь. А господину главноуговаривающему Керенскому даем предупреждение — не трожь съезд Советов и Военно-революционный комитет! Кишки выпустим!»

...«Временные» никак не хотели примириться с тем, что их время истекло.

В воскресенье утром казаки под колокольный звон всех церквей вступили в Царское Село. Керенский ехал впереди. В отличном настроении, он продиктовал радиограмму, оповещая мир и главным образом историю:

«Всем, всем!

Большевизм распадается, изолирован и, как организованная сила, уже не существует!»

События действительно развивались драматически. Юнкера, отпущенные из Зимнего дворца под честное слово, подняли восстание. Серго со своими друзьями-самокатчиками действовал против самых неистовых и упорных юнкеров-владимирцев. С обеих сторон было много жертв. Здание училища пришлось разрушить пушками.

Вернувшись за полночь в Смольный, Орджоникидзе прилег на койку Подвойского — вздремнуть часок. Заснул так крепко, что Подвойский и пришедший на помощь Мануильский с трудом подняли.

— Серго, ради бога, простите, вы не ложились несколько ночей,— сокрушался Николай Ильич.— Ленин требует вас и Дмитрия Захаровича.

Все дальнейшее в описании Мануильского происходило с предельной быстротой.

« — Борьба затягивается...— говорил Ильич.— Поезжайте!

Мы круто повернулись и, ни о чем не расспрашивая дальше, направились к выходу. Через час паровоз увозил нас с Царскосельского вокзала...

Утром лил проливной, пронизывающий насквозь дождь... Серго, захватив меня, отправился на позиции...тут же образовывались импровизированные небольшие митинги, которые заканчивались твердыми решениями держаться до конца».

Пулковские высоты, Царское Село, Гатчина — первый фронт революции и первые страницы военной биографии Серго. В его мандате еще ни слова о правах, тем более никаких поручений командовать. Ленин просто из всех возможных мест выбрал самое решающее, где большевик Орджоникидзе должен выполнять важнейшую партийную обязанность — агитировать, доносить до сердец правду. Правду и только правду. Серго — руководитель фронтовой группы агитаторов Центрального Комитета.

Правда большевиков имела такую силу, что необученные, неискушенные в военном деле отряды рабочих взяли верх в первом же бою. Казаки дрогнули, побежали, бросили артиллерию. «Временных» гнали беспощадно.

Не найдя Керенского, казаки резонно рассудили, что через час-другой исчезнет и их генерал... Они навалились на Краснова, отняли оружие, отвезли к «старшему над большевиками». В их представлении в Царском Селе теперь самым старшим был Серго.

* * *

Из воспоминаний Е. М. Соловей[1]

Когда я вспоминаю о прожитых годах, полных работы и борьбы, и в особенности когда я вспоминаю о людях, с которыми сталкивала меня эта борьба за революцию, за социализм, мне всегда приходят на память слова Константина Паустовского: «Воспоминания — это не пожелтевшие письма, не старость, не высохшие цветы и реликвии, а живой, трепещущий, полный поэзии мир».

И сейчас, когда память моя обращена к Григорию Константиновичу Орджоникидзе — товарищу Серго, я погружаюсь в мир живой и трепещущий, в мир, полный поэзии и романтики творческой борьбы, направленной к одной великой цели: сделать жизнь человека подлинно счастливой.

Первые мои встречи с товарищем Серго произошли летом 1917 года в Петрограде, где он по поручению партии вел большую работу по мобилизации масс на борьбу за победу социалистической революции. Являясь членом Петербургского комитета большевиков, товарищ Серго в эти месяцы почти ежедневно выступал на митингах и собраниях петроградских рабочих, неся в массы большевистские революционные призывы.

Именно в этот период товарищ Орджоникидзе очень часто бывал на заседаниях нашего райкома (тогда называвшегося Рождественским, а впоследствии — Смольнинским), членом которого состояла и я. Это было бурное время, когда перед большевиками каждый день вставали новые сложные вопросы в борьбе за завоевание широких масс, без чего немыслимо было идти на штурм капитализма. Далеко не всегда мы сразу находили правильное решение вопросов, и здесь на помощь нам приходил товарищ Серго. Он умел очень терпеливо и спокойно разъяснять принципиальные установки Центрального Комитета и Петербургского комитета партии и учил нас, райкомщиков, как нужно эти общие принципы претворять в жизнь в конкретных условиях нашего района.

Новая моя встреча с товарищем Орджоникидзе произошла там же, в Петрограде, уже после победы социалистической революции. Это было в декабре 1917 года на общем партийном собрании Рождественского района, где стоял вопрос о непартийном поведении начальника Красной гвардии нашего района Корнилова. Направленный на ликвидацию так называемых винных погромов, спровоцированных контрреволю-

[1] В книге: Серго Орджоникидзе. М., 1981

ционной буржуазией, Корнилов сам присоединился к пьяницам, способствуя этим буржуазной клевете о «большевистском разгуле». Райком вынес на общее партийное собрание вопрос о дальнейшем пребывании Корнилова в партии. В качестве представителя Петербургского комитета партии на собрании присутствовал товарищ Орджоникидзе.

Вопрос о партийности Корнилова нельзя было решить просто, с ходу: Корнилов был не «случайный элемент» в партии, это был рабочий-шофер, хороший агитатор и организатор, много сделавший для создания и обучения районного красногвардейского отряда, отряда, мужественно сражавшегося в октябрьские дни под Гатчиной. Докладывая партсобранию о поведении Корнилова, я выдвинула предложение исключить его из партии, как не оправдавшего высокого звания большевика. Но, выдвигая это предложение, я не была вполне уверена в своей правоте: ведь у Корнилова, как я уже говорила, было немало заслуг. Разделились и мнения выступавших после меня товарищей. Сам Корнилов, выступая на собрании, пытался смягчить свой поступок, смазать его принципиальное значение. Но вот слово было предоставлено товарищу Орджоникидзе, и он разрешил все наши сомнения и колебания.

Говорил товарищ Серго просто, задушевно, как бы беседуя с собранием, но все, что говорил он, было глубоко принципиально, партийно и политически заострено и предельно ясно. Товарищ Серго прямо и резко поставил вопрос о том, что Корнилов совершил не только серьезный проступок, но и преступление против партии и Советской власти. Помню, на нас всех произвела сильное впечатление постановка товарищем Серго вопроса о том, что на нашу молодую власть смотрит весь народ, весь мир, и поэтому она должна быть кристально чистой. О власти в целом, сказал Орджоникидзе, народ судит по поведению каждого человека, к ней причастного, по поведению каждого члена партии. Поэтому Корнилов своим поступком скомпрометировал не только себя, он бросил тень на всю партию, на Советскую власть. И каковы бы ни были заслуги Корнилова, мы не должны, не можем щадить его. Исключив Корнилова из своих рядов, партия пополнится многими преданными членами, которые оценят борьбу партии за чистоту своих рядов, а молодая Советская власть приобретет новых сторонников.

После выступления Орджоникидзе вопрос был поставлен на голосование, и в результате единогласного решения Корнилов был исключен из партии. Дальнейшее его поведение —

он скрылся и не пытался вновь заслужить доверие партии — показало, насколько правильным было его исключение. А всем присутствовавшим на этом собрании неизгладимо запали в душу слова Серго о высокой ответственности за свое поведение каждого коммуниста, каждого представителя молодой Советской власти.

* *
*

Андрей Сергеевич
БУБНОВ

Бубнов А. С. (партийные псевдонимы — Химик, Яков; литературные псевдонимы — А. Глотов, С. Яглов, А. Б. и др.) (1884—1940 гг.), один из руководителей Октябрьской революции в Петрограде, историк-публицист.

Родился в семье управляющего ситценабивной фабрикой в Иваново-Вознесенске.

В революционной борьбе с 1900 г.

Член Коммунистической партии с 1903 г.

Учился в Московском сельскохозяйственном институте (ныне Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева); исключен за революционную деятельность.

Во время революции 1905—1907 гг. Бубнов — член Иваново-Вознесенского комитета РСДРП.

Делегат IV (Объединительного) (Стокгольм, 1906 г.) и V (Лондон, 1907 г.) съездов РСДРП.

Андрей Сергеевич
БУБНОВ

С В. И. Лениным впервые встретился на IV съезде партии В 1907 г. избран членом МК РСДРП, в 1908 г.— Областного бюро РСДРП Центрального промышленного района. Вел партийную работу в Нижнем Новгороде, Петербурге, Самаре и других городах. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. В 1910 г. кооптирован в Большевистский центр в России. На 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) избран кандидатом в ЦК РСДРП, сотрудничал в «Правде». В 1916 г. арестован и приговорен к пяти годам ссылки в Туруханском крае.

После Февральской революции 1917 г. явочным порядком с этапа вернулся в Самару и вскоре уехал в Москву. Был избран членом Мособлбюро РСДРП(б). Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), на котором избран членом ЦК партии. На съезде выступал с отчетом о деятельности партийной организации Центрального промышленного района, отстаивал ленинскую позицию о необходимости временного снятия лозунга «Вся власть Советам!». Представитель ЦК в ПК РСДРП(б).

Бубнов — один из организаторов вооруженного восстания в Петрограде Участник заседания ЦК партии 10(23) октября 1917 г., был избран на нем в состав Политбюро. На расширенном заседании ЦК 16(29) октября 1917 г. избран в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием. Помогал формированию и вооружению отрядов Красной гвардии, организовывал связь центра с районами столицы. 24 октября (6 ноября) 1917 г. назначен комиссаром ПВРК всех железнодорожных вокзалов столицы. В дни восстания вместе с В. И. Лениным находился в Смольном. В ночь на 25 октября (7 ноября) участвовал в решении вопроса о взятии Зимнего дворца. Член ВЦИК. С декабря 1917 г.— член коллегии Наркомпути. Был комиссаром железных дорог Республики на Юге; участвовал в ликвидации мятежа Каледина на Дону. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на военной, партийной и государственной работе.

* * *

Комиссар Бубнов [1]

Что вся власть должна перейти к Советам — это ясно, говорил Ленин на заседании ЦК партии 10 октября 1917 года. И переход власти к Советам, говорил он, означает на практике вооруженное восстание. Отречься от него значило бы отречься от главного лозунга большевизма и от всего пролетарского интернационализма вообще...

С удивительной настойчивостью, отмечал присутствовавший на заседании Бубнов, Владимир Ильич подчеркивал

[1] Из книги: *Ерашов Валентин.* Навсегда до конца М., 1984

положения Маркса о правилах восстания как искусства, как особого вида политической борьбы: не играть с восстанием, а идти до конца, собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, действовать с величайшей решительностью, наступательно, ибо оборона есть смерть вооруженного восстания, стараться захватить неприятеля врасплох,— смелость, смелость и еще раз смелость...

Ленин прочитал заранее подготовленную, продуманную до мелочей, написанную без малейших помарок резолюцию,— Андрей Сергеевич видел в его руках этот тетрадный листок. Резолюция содержала в себе оценку международного положения (нарастание революционной ситуации в Европе, угроза мира империалистов с целью удушения русской революции), военного положения (несомненное решение буржуазии, Керенского и К^0 сдать Питер немцам, подготовление второй корниловщины), внутриполитической ситуации (приобретение нами большинства в Советах, крестьянские волнения)... И в качестве вывода:

«Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»

Потом были прения, их вели безо всяких формальностей. Урицкий не преминул пошутить: вот никто не спрашивает разрешения и не ждет, а берет слово, когда считает нужным, так и власть надо брать. Выступил и Бубнов.

Суть своей речи он повторил и пятью днями позже, на закрытом заседании Петербургского комитета. Общая оценка настроения, которую дал товарищ Ленин, в данный момент такова: приближаемся к развязке, кризис назрел, события начинают развертываться, мы втягиваемся в схватку с силами, идущими против нас, мы стоим накануне выступления...

Для руководства восстанием на заседании ЦК (24 октября) решили выделить Политическое бюро во главе с В. И. Лениным. В его состав вошел и Бубнов.

...Дождь пронизывал, просекал пальто. Бубнов подумал, что надо бы в конце концов обзавестись кожанкой — и удобно, и стало теперь как бы форменной одеждой революционера-боевика. Было холодно, и сапоги пропускали влагу. Андрей Сергеевич, однако, не спешил домой, если можно было назвать домом временное пристанище на Звенигородской. Он еще пройдется немного, а потом, вернее всего на углу Каменноостровского и Большого проспектов, возьмет извозчика — там они всегда, в любую пору ожидают седоков. Спать ему не хотелось вовсе — разволновался. Шутка ли:

вошел в состав Политического бюро по руководству восстанием! Из всех партийных поручений и обязанностей, какие только доводилось ему выполнять за 14 лет, это — самое ответственное. Но, в конце концов, не в этом дело, не в нем самом. Главное — восстание близко, Ленин безусловно прав. Близка революция.

Промчался лихач с фонариками, дутые шины разбрызгивали воду, Бубнов свернул на Звенигородскую. Голова не переставала болеть, но есть захотелось. Хорошо бы сейчас настоящего, крепкого чайку, да где там. У хозяйки, правда, припрятаны запасы, но не для него. И хорошо бы выспаться вволю.

...Лесновско-Удельнинская районная дума — хорошее место для заседания предложил Михаил Калинин, надежное место: самый конец города...

— Ноги вытирайте,— сказала в прихожей бойкая девчонка: словно у себя дома, она держала жестяной поднос, пахло настоящим чаем; пакетик сахару, как водилось, Бубнов имел в кармане.— Раздевайтесь,— сказала она буднично.

Очень буднично выглядел и кабинетик: столишко «дамского» типа, конторские столы, стулья — с бору да с сосенки. И даже, уловил Бубнов с порога, как бы условившись до начала заседания не говорить о самом важном, перекидывались житейскими словами, Ленин шутил о чем-то с оживленным Урицким. Кроме членов ЦК Бубнов увидел в комнате и других товарищей — заседание сделали расширенным.

В этой будничной обстановке открылось заседание ЦК РСДРП(б) 16 октября, в понедельник, около 7 часов пополудни.

Ленин.

Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства... необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием.

Иван Рахья.

Массы ждут лозунга и оружия.

Николай Крыленко.

Настроение в полках поголовно наше.

Каменев и Зиновьев.

Данных за восстание теперь — нет.

Резолюция: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК (от 10 октября.— *Сост.*), призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комите-

том центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Принято 19 голосами против 2 (Зиновьев, Каменев) при четверых воздержавшихся.

Решение закрытого заседания ЦК, состоявшегося после общего совещания: избрать из членов ЦК Военно-революционный центр в составе: А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий.

Сформированный по предложению Ленина, Петроградский ВРК был в эти дни легальным органом восстания, и потому в него входили представители ЦК и ПК РСДРП(б), военных партийных организаций, Петроградского Совета, различных профсоюзов, солдатских и матросских комитетов, Красной гвардии, левых эсеров и так далее. Демократичность была налицо, но вместе с нею возникла и, скажем так, разношерстность. Необходимо было обеспечить большевистское руководство комитетом, необходимо тем важнее и потому, что ПВРК хотя и назывался Петроградским, но деятельность его с самого начала принимала всероссийский характер.

25 октября был создан полевой штаб ВРК в составе: группа по захвату Зимнего — Владимир Антонов-Овсеенко, Николай Подвойский, Григорий Чудновский; комиссар Петропавловской крепости Георгий Благонравов; командир группы отрядов Красной гвардии Константин Еремеев. Все — большевики-ленинцы. Андрею Бубнову, как единственному в этом органе члену ЦК, поручили общее руководство штабом.

Смольный... За последнее время Андрей Сергеевич бывал здесь, конечно, достаточно часто и всякий раз с усмешкою поглядывал на вытянувшиеся в ряд респектабельные двери: под эмалевыми, благопристойными табличками — «Учительская», «III класс», «Дортуар»— были прилеплены хлебным мякишем, наколоты на гвоздик обрывки бумаги с коекак нацарапанными надписями: «Исполком Петросовета», «Союз солдат-социалистов», «ЦИК»... На третьем этаже Бубнов потянул на себя ручку, выше которой было выведено: «Военно-рев. ком.».

Там уже распоряжался неугомонный — хотя годами старше всех из «пятерки» — сорокачетырехлетний Моисей Соломонович Урицкий, перед ним стоял навытяжку — солдатская выучка — комендант Смольного (его потом сменит Мальков); кивал головой, подтверждая: да, соседняя комната пустует, да, аппарат поставят сей секунд, да, кипятку принесут...

Бубнов потом скажет: «В период подготовки и в момент переворота я находился в Смольном... в качестве члена ЦК партии выполнял поручения, на меня возложенные». Коротко, просто, но что за этим следовало...

20 октября, пятница. ПВРК (в том числе и Бубнов) выдает мандаты только что назначенным комиссарам комитета — вот оно, рождение слова «комиссар» в новом понимании,— назначенным в учреждения, на заводы, в воинские части. Мандат № 1 получил Мкртич Тер-Арутюнянц, направленный в Петропавловку.

Бубнов участвует в первом заседании ПВРК; заслушан доклад о положении дел в Ставке, разработаны меры по охране Петрограда, решено послать на места большое число агитаторов.

Вскоре — заседание ЦК партии (среди его участников был Бубнов) осудило антипартийное поведение Каменева и Зиновьева, приняло отставку Каменева и запретило обоим выступать с какими бы то ни было заявлениями против ЦК.

Бубнов принял донесение комиссара Петропавловки о том, что крепость полностью перешла в подчинение ВРК, в том числе и Кронверкский арсенал, а там 100 тысяч винтовок, орудия, боеприпасы, снаряжение.

21 октября, суббота. На собрании военно-гарнизонного комитета Петрограда, где присутствовал Бубнов, принята резолюция: «Время слов прошло. Страна на краю гибели... Мы все на своих постах: готовы победить или умереть».

Заседание ЦК (Бубнов в числе его участников) утверждает Ленина докладчиком о земле, о войне, о власти на предстоящем II съезде Советов; рассматривает вопрос об издании отдельной брошюрой ленинского «Письма к товарищам».

22 октября, воскресенье. День Петроградского Совета, своеобразный смотр сил революции. На митингах повсюду единое требование: «Вся власть Советам». Бубнов выступал на митингах этого дня несколько раз.

Фактически парализованы действия Временного правительства и его органов.

Следующим утром ВРК публикует обращение к населению: подчиняться только тем распоряжениям, которые утверждены комиссарами Военно-революционного комитета.

Красная гвардия переведена на казарменное положение. Бубнов — на конференции представителей рабочей гвардии Петрограда и окрестностей...

«В качестве члена ЦК партии я выполнял поручения, на меня возложенные: принимал участие в выяснении соотно-

шения сил в Петрограде (юнкерские училища, наши части и прочее) и подготовке технических средств восстания, делал это совместно с руководителями «Военки», которая объединяла деятельность фронтовых и тыловых большевистских организаций, вел работу в Петроградской организации как член ее Исполнительной комиссии и представитель ЦК, выступал на митингах... Являлся членом Военно-революционного комитета...»

Это все, что сказал Бубнов о себе, о своем участии в величайшем событии мировой истории.

Но о своих товарищах напишет: «О тех, кто нашу партию строил, создавал остов партии и ее первые рабочие кружки и группы, связывал их в повседневной работе с массами и с громадным, ежесекундным риском закладывал основы организации ее вооруженных сил», кто «был доподлинным организатором, которыми крепка и жива партия пролетариата в России... был символом пролетарской выдержки, настойчивости, мудрого такта и организующей воли», о тех, кто являлись «лучшими представителями того славного поколения, которое нашу партию выпестовало... такой, какой мы ее знаем... в дни великих испытаний, тяжелых поражений и блестящих побед».

Но разве слова эти не относятся в полной мере и к нему самому?..

24 октября. Временное правительство делает последнюю попытку взять инициативу в свои руки и перейти в наступление.

Центральный Комитет собрался около девяти, заседали очень недолго. Постановили: немедленно отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного номера газеты. По приказу ВРК красногвардейцы и революционные солдаты изгнали юнкеров, и типография возобновила работу.

Центральный Комитет на том же, экстренном, заседании вынес и такое решение: членам ЦК из Смольного не отлучаться без особого разрешения; распределить обязанности между собой для руководства восстанием на важнейших участках.

Бубнову поручили обеспечить связь с железнодорожниками (несколькими днями спустя он был назначен и на пост комиссара Петроградского железнодорожного узла). Пока же он возглавлял полевой штаб ВРК...

За столом на золоченых гнутых ножках и с мраморною доской, вдоль и поперек исписанной карандашом — номера телефонов, фамилии, адреса, даты, цифры какие-то,— рас-

положились члены полевого штаба. Ждали только Бубнова, чтобы начать, все были в сборе.

Докладывал Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. План продуман до мелочей по совету Ленина: комбинация главных сил (флот, рабочие, войсковые части), захват ключевых позиций (телефон, телеграф, мосты, железнодорожные станции), выделение для этого самых решительных элементов, «ударников» и молодежи... Бубнов спросил у комиссара Петропавловки, широкоскулого, бровастого недавнего прапорщика (еще не снял кокарду, забыл!) Георгия Благонравова, все ли готово в крепости.

— Еще не все,— рапортовал, встав, Благонравов,— крепостные орудия в плохом состоянии...

— Что думаете предпринимать?

Георгий замялся.

— А вот что,— сказал Бубнов,— полевая артиллерия у вас исправна? Да? Так вот и выкатите несколько орудий на приплесок Невы, куда-нибудь возле Алексеевского равелина...

— Так точно,— обрадованно подхватил Благонравов.

— По указанию ЦК,— сообщил Андрей Сергеевич,— создается запасной штаб восстания — под твоим, Владимир Александрович, руководством (Антонов-Овсеенко кивнул). Разместитесь в крепости — это на случай, если Керенскому удастся-таки взять Смольный. Опасность невелика, но и предосторожность не мешает. Сейчас, как только закончим, и отправляйтесь, и ты, Владимир Александрович, берись писать ультиматум господам «временным», хватит цацкаться, с часу на час начнем. С богом, как говорится. Особая надежда на тебя, Константин Степанович,— продолжал он, обращаясь к Еремееву.— Если пра́вительство откажется капитулировать и обстрел их не испугает, то поднимаешь свой Преображенский и... Только, по возможности, побереги Зимний, предупреди ребят...

Урицкий ладонью отмахнул плотный табачный дым.

— Подпиши, Андрей,— сказал он, протягивая бумагу.

Это было воззвание ВРК к населению Питера: «Контрреволюция подняла свою преступную голову,— читал Бубнов.— Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов. Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены. Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность...»

— Добавим: «Да здравствует революция!»— как считаешь?

— Давай.

Потом почти непрерывно:

— ...К Дыбенко в Гельсингфорс в Центробалт, немедленно чтобы высылали три миноносца — по их усмотрению, но чтоб надежные, впрочем, весь Балтфлот надежный теперь... А ты, Станислав,— на телеграф, назначаешься комиссаром, если барышни там вздумают бунтовать, посадишь к коммутатору солдат-связистов, выполняй, товарищ Пестковский, с богом...

И вот комиссар железнодорожных узлов А. С. Бубнов послал по железнодорожному телеграфу телеграмму: «Всем, всем, всем... Революция победила в Петрограде.

Член Военно-революционного комитета А. Бубнов».

...Под утро 27 октября, в пятницу, когда закрылось последнее заседание съезда Советов, когда разошлись делегаты — кто домой, кто на заводы, в полки, кто на вокзалы в надежде уехать поскорей, разнести по стране известие о победе,— когда, разбредясь по разным комнатам Смольного, прилегли на час-другой вздремнуть члены только что выбранного ВЦИК и остались дежурить у аппаратов большевики, взявшие власть, когда даже Феликс, проверив караулы, отправился отдохнуть — ему, коменданту, отвели выгороженный где-то закуток,— когда не слышно было нигде перестрелки, а часовые взбадривали полешками усталый костер на брусчатке у парадного крыльца, когда матрос, глянув на изморенного, чуть не шатающегося от усталости комиссара,— Бубнов задержался на ступенях главного входа: свершилось!..

* * *

Из анкеты участника Октября [1]

1. Перед Октябрем находился в Петрограде.

В период подготовки и в момент переворота я находился в Смольном. Выполнял поручения по части железных дорог. Совместно со мной на железных дорогах работали Москвин Иван Михайлович и Невский Владимир Иванович. Работа наша состояла: 1) в установлении связей с железнодорожниками, 2) в быстрой ликвидации саботажа на железных дорогах и на железнодорожных телеграфах, 3) в обеспечении правильной транспортировки войск к фронту (в пулковские дни)

[1] Из анкеты Бубнова А С — В книге От февраля к Октябрю М , 1967

и 4) в обеспечении подвоза им всего необходимого (боеприпасы, санитарная помощь и пр.).

В этот период я в качестве члена ЦК партии выполнял поручения, на меня возложенные, а именно: 1) принимал участие в выяснении соотношения сил в Петрограде (юнкерские училища, наши части и пр.) и подготовке технических средств восстания, делал это совместно с руководителями «Военки», 2) вел работу в Петроградской организации как член ее Исполнительной комиссии и представитель ЦК партии и 3) выступал на митингах (на заводах).

Являлся членом Военно-революционного комитета. Выполнял сначала различные поручения ЦК, а затем работал на железных дорогах Петроградского узла.

В ночь на 25 октября находился в Смольном; принимал участие в решении вопроса о Зимнем, Петропавловской крепости и т. д. Принимал непосредственное участие в борьбе с саботажем в министерстве путей сообщения. Вел сношения с Викжелем [1]. В первые дни после восстания ЦК и Военно-революционный комитет находились в Смольном — там заседали, туда приезжали с сообщениями, тут же и спали. В ночь на 25 октября весь ЦК, Ильич в том числе, ночевал в комнате № 14 в Смольном (на полу). Ильич очень торопил со взятием Зимнего и ругался весьма здорово, когда не было сообщений о ходе наступления.

Борьба с саботажем велась разъяснением (мне, например, пришлось выступать в железнодорожном депо, среди служащих министерства путей сообщения на другой день после переворота), арестами (на вокзалах железных дорог приходилось арестовывать саботажников и подстрекателей) и применением вооруженной силы (вводом ее на телеграфы, в комнаты дежурных на станции и т. д.). Для «увязки» всех этих мер мною сажались на вокзалах и пр. комиссары (на Николаевском вокзале, на Балтийском вокзале и пр.).

В качестве комиссара железных дорог Республики я был послан во второй половине ноября (по старому стилю) на железнодорожные узлы (Харьков, Екатеринослав (Днепропетровск.— Сост.), Ростов-на-Дону) для установления связей, ликвидации саботажа и направления представителей рабо-

[1] Викжель — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза, был избран на I Всероссийском железнодорожном съезде в Москве, открывшемся 18(31) июля 1917 года. В составе Исполкома преобладали эсеры и меньшевики, поэтому Викжель вел соглашательскую политику и боролся против революционных требований железнодорожников. В октябрьские дни Викжель стал одним из центров мелкобуржуазной контрреволюции, боролся против установления власти Советов, настаивал на создании «однородного социалистического правительства» и т. д. В начале января 1918 года Викжель был ликвидирован.

чих в Викжель, который продолжал свою соглашательскую канитель. В Ростове я принял участие в борьбе с Калединым. 26—27 ноября власть в Ростове после налета Потоцкого на Совет (помещался в «Марсе») перешла к Военно-революционному комитету. 2 декабря Каледин (казаки и юнкера) снова взяли город. В течение 26—27 ноября — 2 декабря в городе и под городом шла вооруженная борьба, в которой мне довелось принять непосредственное участие.

Весь этот период представляется мне в наше время чрезвычайно кратким, ибо события неслись молниеносно, были резко напряжены и переживались как могучий ход громадного революционного вала, сметавшего перед собой вражеское сопротивление.

Несмотря на то что в ходе переворота были очень критические моменты, бросалась в глаза непоколебимая уверенность в победе. За Смольным, Военно-революционным комитетом, заседаниями ЦК партии чувствовалась гигантская революционная волна, перед которой Керенский, казаки, юнкера, Викжель исчезали, как мыльные пузыри.

...Встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся в Петроград, 10 октября на заседании ЦК в квартире Суханова, затем — на заседании ЦК с представителями профсоюзов и отдельными товарищами в Лесном, затем не один раз — в Смольном... в эти незабываемые дни, когда через Смольный непрерывно катилась масса солдат, рабочих и матросов, а под Петроградом гремели пушки и шли авангардные бои, растянувшиеся затем на целых три года гражданской войны. Ильич тогда был воплощением великой воли этих масс победить во что бы то ни стало.

* *
*

Николай Ильич
ПОДВОЙСКИЙ

Подвойский Н. И. (1880—1948 гг.),
один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, советский партийный, государственный и военный деятель.
Родился в семье сельского учителя в с. Кунашовка (ныне Черниговская область).
Учился в Черниговской духовной семинарии.
С 1898 г. участвовал в революционном движении.
Член Коммунистической партии с 1901 г.
В 1905 г. окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле, где вел революционную пропаганду среди рабочих Главных железнодорожных мастерских, руководил подпольным марксистским кружком. Был членом Ярославского комитета РСДРП.
В период революции 1905—1907 гг. создавал боевые рабочие дружины, проводил митинги, вел революционную работу в Иваново-Вознесенске,

на Украине, в Баку, Костроме, Петербурге и других городах.
В 1906 г. эмигрировал в Германию, затем в Швейцарию.
В ноябре 1907 г. вернулся в Россию. По решению ЦК РСДРП работал в Петербургской большевистской организации. В это время впервые встретился с В. И. Лениным. Через легальное большевистское издательство «Зерно» вместе с М. С. Кедровым в конце 1907 — начале 1908 г. осуществил публикацию первого Собрания сочинений В. И. Ленина под названием «За 12 лет».
Член финансовой комиссии Русского бюро ЦК РСДРП.
За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам и ссылке. В 1912—1914 гг. входил в ядро Петербургской большевистской организации, участвовал в организации большевистских газет «Звезда», «Правда», сотрудничал в них. Через Подвойского проходила переписка Ленина с редакцией «Правды» и большевистской фракцией IV Государственной думы. В ноябре 1916 г. арестован.
Освобожден Февральской революцией 1917 г. Член первого легального ПК РСДРП, депутат Петросовета. Весной 1917 г.— один из организаторов и руководителей Военной организации при ПК РСДРП, редактор большевистских газет «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Солдат», председатель Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП, осуществлял большую работу по созданию Красной гвардии. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б).
В дни подготовки Октябрьского вооруженного восстания — член ПВРК, в дни восстания — его председатель; один из руководителей штурма Зимнего дворца. Участвовал в ликвидации контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова. Входил в состав Комитета по военным и морским делам, был председателем Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии. С 27 ноября (10 декабря) 1917 г.— нарком по военным делам. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на партийной и советской работе.

* * *

Из воспоминаний Н. И. Подвойского [1]

Что особенно запомнилось мне, члену, а потом и председателю Военно-революционного комитета, готовившего и направлявшего ход вооруженного восстания в Петрограде, из тех незабываемых дней, часов, минут? Встречи с Владимиром Ильичем Лениным. Его постоянное внимание работе ВРК.

Каждую встречу с вождем революции я вспоминаю с глубоким волнением и благодарностью...

...10 октября (по старому стилю) Центральный Комитет нашей партии вынес постановление о вооруженном восстании. На следующий день после второго заседания Центрального

[1] Хранятся в архиве Центрального музея Революции СССР. Частично опубликованы в кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и в Москве. М., 1957.

Комитета был собран актив Петроградской организации. Мне тогда партия доверила руководство первичными организациями большевиков на фронтах и в тыловых гарнизонах, и я должен был на этом совещании отдавать рапорт партии о готовности наших вооруженных сил к революции. Я очень волновался, потому что надо было рассказать активу о той силе, которой мы располагали, но в то же время не выдать тайны, которая могла бы послужить на пользу врагам революции. Это совещание происходило в Смольном, на первом этаже, в комнате большевистской фракции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я рассказал активу о бывших царских Преображенском и Семеновском полках, перешедших на сторону Красной гвардии, о том, что мы располагаем большой силой, что все штыки, все пушки, все пулеметы были фактически в наших руках. Люди были готовы к бою.

Выполняя требования Владимира Ильича, мы вели агитационную и пропагандистскую работу с каждым солдатом и рабочим, чтобы каждый понимал, что большевистские лозунги — это лозунги действия, и был бы готов действовать сознательно, организованно, дисциплинированно и самоотверженно.

Когда я закончил свое сообщение, ко мне подошел Яков Михайлович Свердлов и шепнул: «Ты сейчас пойдешь к Владимиру Ильичу в подполье. В коридоре к тебе подойдет товарищ, скажет пароль, и ты пойдешь вместе с ним». Во мне стали бороться самые разнообразные чувства. Мозг сверлила мысль: «А что, если мы приведем шпиона контрреволюционного правительства туда, где скрывается Владимир Ильич?» Вторая мысль: «Что ты скажешь Владимиру Ильичу?» Затем: «Какое же это величайшее счастье увидеть снова Владимира Ильича, который в течение трех месяцев находился в подполье!»

Двигаясь по закоулкам, стараясь, чтобы никто не затесался за нами, мы пересекли почти весь Петроград. В одном месте — шум, увидели несколько фонарей, и пронеслись мимо самокатчики. У меня сердце дрогнуло. Не нас ли выследили, подумал, и теперь несутся к месту, где скрывается Владимир Ильич. Подумал и бросился к самокатчикам, крикнул:

— Я патруль, остановитесь! Документы?

Оказалось, что машины направляются в другое место.

Мы прошли в ворота одного из домов с черного хода, поднялись на второй этаж. Условный стук — и отворилась дверь. Встретил незнакомый человек. Раздался голос:

— Товарищи, просим сюда.— Это был голос Владимира Ильича. Сказал просто, приветливо.

И вот дорогой Ильич. Он начал расспрашивать, как на таком-то заводе, как в таком-то полку, как на таком-то корабле и т. д. Состоялся непринужденный разговор. Я повторил многое из того, что перед этим доложил партийному активу. Признаться, я даже возгордился, что у меня все так складно получилось, полная картина. Но вот Владимир Ильич начал меня, по существу, экзаменовать.

— Вот вы сказали, что на этом заводе хорошая боевая организация, там триста человек, есть патроны, есть винтовки и даже пулеметы, назвали командира, знаете его. Вы сказали, что он замечательный. Конечно, он голову положит за революцию. Но какова его военная квалификация? Сам он умеет без промаха бить, хотя бы из револьвера? К пушке умеет подойти, если придется? А может ли он управлять автомобилем?

Когда Владимир Ильич стал меня так спрашивать о каждом руководителе, оказалось, что я ни одного руководителя не знал с этой стороны. Он говорит:

— Ай-я-яй. вот так председатель военной организации. Как же вы будете делать восстание, если вы не знаете, что представляют собой командиры? Недостаточно, что они хорошие агитаторы и пропагандисты, делают хорошо доклады, что они прекрасные организаторы масс. Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, восстание — это действие оружием, и самый малейший промах будет стоить жизни не только красногвардейцам, не только революционным матросам и солдатам, но будет стоить жизни революции.

Я только тогда понял, какой промах мы допустили в подготовке восстания. В этот момент мне хотелось только одного: скорее пойти обратно, скорее восполнить пробел, который мог бы оказаться смертельным для восстания.

Потом Владимир Ильич перешел к вопросу о руководстве всем восстанием со стороны Военно-революционного комитета. Я считал, что Военно-революционный комитет не очень громоздкий механизм, является как бы ширмой для нас, для военной организации, которая будет руководить всем делом. Когда я высказал такой взгляд на Военно-революционный комитет, Владимир Ильич сказал:

— Нет, это не совсем так. Военно-революционный комитет — это та организация, которая весь народ может поставить на восстание, потому что это — широкая беспартийная организация, потому что она — организация Совета рабочих и солдатских депутатов, который сделался самой популярной

силой в нашей стране. Авторитет Военно-революционного комитета должен быть поднят на самую большую высоту.

«Вот и снова ошибка,— подумал я,— ее тоже надо немедленно исправить».

Третий вопрос был об оружии. Мы гордились тем, что фактически распоряжались оружием всех полков в Петрограде и на кораблях. Только казаков мы не распропагандировали, не могли распропагандировать.

Владимир Ильич спрашивает:

— Как с оружием обстоит дело?

— С оружием у нас дело обстоит очень хорошо — есть у солдат, матросов, красногвардейцев, возьмем в цейхгаузах,— с гордостью отвечаю я.

Владимир Ильич как-то странно посмотрел на меня.

Не поняв его взгляда, говорю:

— У нас такие крепкие организации в полках, в арсенале, на заводах, где производят оружие, на складах боеприпасов, что стоит только повернуть руль к восстанию — и оружие будет.

Потом я понял, что означал взгляд Владимира Ильича. Он означал: «Как ты не понимаешь, что если выкачать оружие из цейхгаузов, то что же останется солдатам?» Надо разработать такой план, последовал совет, чтобы взять оружие не тогда, когда начнется восстание, а до него, теперь, ибо нужно вооружаться.

Потом я говорю Владимиру Ильичу:

— Меня еще один вопрос мучает. Мы имеем типографию, имеем хороший газетный аппарат, нам целесообразно подготовить заранее декреты, которые издадим сразу после победы.

Владимир Ильич захохотал.

— Спешите, дорогой. Нам сейчас восстание нужно готовить. Сделаем победное восстание, сколько угодно тогда декретов напишем и напечатаем.

Беседа наша продолжалась до 2—3 часов ночи. Когда я вышел от Владимира Ильича, то с особой отчетливостью почувствовал, какая это ответственность — готовить вооруженное восстание. Весь остаток ночи, утро и первую часть дня я употребил на то, чтобы собрать весь актив военной организации. В оставшиеся восемь дней до восстания мы уже по-ленински провели подготовку к нему.

В канун восстания, когда Владимир Ильич шел к Смольному, он видел, что на улицах везде стоят наши патрули, и, таким образом, убедился, что мы хорошо подготовились к тому, чтобы начать этот небывалый в истории человечества день.

Владимир Ильич подошел к Смольному, когда оттуда выносили ящики с винтовками, пулеметами, патронами, из Смольного выходила Красная гвардия, матросы. Не все сразу узнали, что Владимир Ильич в Смольном. Но вот слух распространился, дошел до всех, и сразу всколыхнулись силы, которые с оружием в руках ждали своего часа.

В связи с этим моментом вспоминаю такое. Я наносил на карту Петрограда последние знаки ударов наших вооруженных отрядов. Это было за перегородкой, в комнате классной дамы. Вдруг заходит Владимир Ильич. Я оторвался от плана. Он дал знак продолжать работу. Сам внимательно посмотрел план, замечаний не делал. Значит, подумал, с расстановкой сил все в порядке.

И когда был дан сигнал к восстанию, то неудивительно, что улицы, площади, вокзалы оказались в руках народа. И все подходы к городу были в наших руках. Все вокзалы были в наших руках. Оставались пока незанятыми только Мариинский дворец и телефонная станция, несколько штабов, Адмиралтейство.

Мы считали, что победа достигнута, и поэтому стали предъявлять ультиматум заседавшему в Зимнем дворце контрреволюционному Временному правительству.

Владимир Ильич, узнав о наших действиях, разгневался, послал на позиции людей с приказом немедленно взять Зимний дворец и арестовать правительство. Мы недоумевали: какое это теперь имеет значение. А Владимир Ильич считал, что всякое колебание, всякая задержка тогда были недопустимы. И действительно, уже были подготовлены листовки, что Временное правительство свергнуто и арестовано, власть в руках рабочих и солдат, а тут еще не взят Зимний дворец.

Владимир Ильич прислал мне очень грозную записку, в которой приказал немедленно взять Зимний дворец.

Был подан сигнал [1], и Красная гвардия, матросы, все, словно вихрем поднятые, бросились на баррикады, которыми был огражден Зимний дворец, перекинулись через них, вломились во дворец. Вмиг были заняты все лестницы, захвачены комнаты, где находились остатки Временного правительства, арестовали министров и препроводили в Петропавловскую крепость.

На съезде Советов Владимир Ильич объявил о низвержении контрреволюционного правительства и о создании в нашей стране рабоче-крестьянского правительства.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977, с. 35.

Штурмовать, штурмовать, штурмовать![1]

Военно-революционный комитет Петроградского Совета стал настоящим штабом будущего восстания. Никогда и нигде не готовилось вооруженное восстание с такой тщательностью. И это благодаря Ленину, который не оставлял без внимания ни одну деталь предстоящего штурма керенщины.

Снова и снова член ВРК Николай Ильич Подвойский вспоминал слова Владимира Ильича о вооруженном восстании.

Главная ударная сила — рабочие. У них нет того страха перед начальством, какой испытывают солдаты, связанные дисциплиной, а тут еще только что принятый правительством закон о смертной казни за неподчинение. Рабочие и должны стать костяком восстания, опорой военной организации, в данном случае Военно-революционного комитета.

Затем нужна широкая, активная агитация за необходимость вооруженного восстания.

Опыт такой агитации у ВРК уже был. Еще летом горячего 1917-го, когда солдатские массы колебались, идти ли им за большевиками, Подвойский собрал больше сотни матросов и отправил их в полки. Он помнит инструктивное совещание с молодыми агитаторами.

— Да как же мы будем агитировать, если мы и разговаривать-то не умеем?— спросил какой-то расстроенный неожиданным поручением матрос.

— О мире сказать можешь?

— Это могу.

— О земле с товарищами говорил?

— Было.

— О том, что и мир, и землю, и свободу нам никто не даст, если мы их сами не завоюем, думал?

— Еще бы!

— Ну так ты и есть самый прирожденный агитатор!

Общий хохот поддержал эту «инструкцию». Сам агитатор смеялся громче всех. Но все-таки спросил:

— А если бить будут?

— Ну несколько тумаков ты выдержишь ради революции. А потом те же солдаты станут тебя охранять от своих офицеров, когда увидят, что ты готов на все ради правды. Впрочем, для начала идите по два, по три человека. Всегда можно отыскать земляков в любой казарме, а уж там и другие станут слушать.

[1] *Асанов Н.* Штурмовать — В книге: Партия шагает в революцию. М., 1964

И моряки пошли к солдатам...

Наступила такая пора, когда в полки, в роты, в арсеналы, в отряды Красной гвардии надо было направить комиссаров ВРК, чтобы каждое отдельное звено в огромной волне восстания было под контролем партии. И сделать это надо немедленно.

...На объединенное гарнизонное совещание собрали представителей 118 войсковых частей, находившихся в Питере. Приехали и представители кронштадтского, ораниенбаумского, петергофского, стрельнинского, выборгского гарнизонов. Когда Николай Ильич Подвойский увидел это разнообразие мундиров, одежды, оружия, лиц, он впервые испытал настоящее чувство облегчения: все армейские части Петрограда и его окрестностей были на стороне революции.

Владимир Иванович Невский звенящим голосом прочитал 19 пунктов Устава Военно-революционного комитета Питерского Совета рабочих и солдатских депутатов. Главнейшая задача ВРК была сформулирована так: не допустить вывода революционных частей из Петрограда и взять под свой контроль деятельность штаба Петроградского военного округа.

Затем был прочитан список руководителей ВРК. В него вошли кроме большевиков меньшевик Богданов, левый эсер Лазимир [1]. Но никто не подозревал, что в новом комитете уже действует большевистская «тройка», которой ЦК партии поручил руководство вооруженным восстанием вплоть до взятия Зимнего и свержения Временного правительства. Это были Подвойский, Невский и Чудновский.

Потом было второе гарнизонное совещание. Резолюция совещания была краткой и ясной:

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы тесно связать фронт с тылом в интересах революции».

В дни непосредственной подготовки и проведения вооруженного восстания Военно-революционный комитет возглавил Подвойский.

Николай Ильич предложил: рабочие отряды должны получить хорошее оружие, пройти необходимое военное обучение, в штаб военного округа, во все воинские части немедленно на-

[1] Лазимир П. Е. (1891—1920) — член Петроградского Совета и его исполкома, председатель солдатской секции и заместитель председателя Военного отдела Совета, первый председатель ВРК, с 1918 года — член Коммунистической партии.

Н. И. Подвойский (в центре)
среди руководящих работников
Военной организации ЦК РСДРП(б)
Справа от него П. В. Дашкевич
и Ф. Ф. Раскольников. Слева — В. И. Невский,
К. А. Мехоношин, К. А. Орлов (И. Ф. Егоров)

править комиссаров ВРК. Армия должна сверху донизу находиться под полным контролем Военно-революционного комитета...

В ночь на 22 октября и утром комиссары ВРК находились на своих местах во всех частях Петроградского военного округа. А 23-го ВРК опубликовал следующее воззвание:

«К населению Петрограда.

К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем:

В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и

ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета в близлежащую воинскую часть.

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих
и солдатских депутатов».

Комната 85 в Смольном стала средоточием такого количества дел, забот, распоряжений, столько стекалось сюда людей, что одно присутствие в ней мобилизовало каждого действовать решительно, смело...

Зашел Рахья, улыбнулся Подвойскому, сказал:

— Прибыли благополучно. Всю дорогу Владимир Ильич удивлялся, что все патрули на улицах наши. Спросил: «А где же юнкера?» Я ответил: «Отсиживаются в Зимнем!» А он: «Не думал я, что у них все так гнило!»

— Где же он?

Подвойский вскочил, готовый немедленно броситься туда, где работал Ленин. Рахья отрицательно покачал головой:

— Сказал, что сам зайдет к вам. Просил вас от дела не отрывать. Он беседует с делегатами съезда Советов...

Подвойский вздохнул, обернулся к товарищам.

Антонов-Овсеенко, привезший согласие моряков из Гельсингфорса перебросить в Петроград несколько миноносцев, и Чудновский, только что открывший арсенал при Петропавловке для вооружения рабочих отрядов, стояли у висящего на стене плана города и расставляли флажки, отмечая сосредоточение частей для штурма. Подвойский подошел к ним.

Зимний — цитадель буржуазного Временного правительства — был плотно прикрыт тремя поясами революционных отрядов. Отныне ни туда, ни оттуда никто не смог бы прорваться. Верные правительству войска находились в таком удалении от Петрограда, что Керенский уже не надеялся на перемену обстановки.

Антонов-Овсеенко и Чудновский решали сложный вопрос — о мостах. Юнкера, получив приказ правительства о разводе всех невских мостов, штыками заставили рабочих развести лишь Николаевский. Остальные мосты были еще раньше захвачены красногвардейцами. Сейчас надлежало свести и этот разведенный мост. Чудновский советовал поручить это морякам с «Авроры», а Антонов-Овсеенко порывался сам поехать туда, с отрядом красногвардейцев...

В комнату кто-то тихо вошел. Подвойский оглянулся. Ленин!

Николай Ильич направился к нему — так хотелось все рассказать, услышать слово ободрения, но Ленин только улыбнулся, взмахнул рукой: «Сами! Сами!»— и вышел. Николаю Ильичу показалось: Ленин просто хотел убедиться, что в штабе революции все на месте, все знают свои обязанности и работают как надо.

Антонов-Овсеенко вышел в соседнюю комнату, где собирались связные из полков, отрядов, с заводов. Приоткрыл дверь, сказал:

— Я на Николаевский!

Чудновский вызвал своего помощника, приказал:

— Направить во все части связных. Пусть передадут: Ленин в Смольном. Он непосредственно руководит восстанием!

И тотчас в коридоре началось стремительное движение. А когда Николай Ильич подошел к окну, то увидел: мотоциклисты, велосипедисты, пешие гонцы торопливо расходились в ночь, чтобы донести радостную весть до тех, кто готовился биться за революцию.

...Восстание развивалось по предначертанному плану. К утру 25 октября телефонная станция, почтамт, государственный банк, вокзалы, штаб военного округа и многие другие учреждения были в руках революции.

Николай Ильич позвонил в Зимний.

Засевшее во дворце Временное правительство не пожелало ответить на ультиматум о сдаче. Подвойский распорядился выключить телефоны Зимнего.

Отныне дворец остался одиноким островом в ледоломе, бушующем вокруг. Небольшая группа молодых юнкеров, пробравшаяся из Зимнего кружными путями на Московский вокзал за оружием, была захвачена красногвардейцами и доставлена в Смольный. Красногвардейцы требовали расстрелять юнкеров, но Подвойский уговорил рабочих, что лучше этих юнцов отпустить в их училище, пусть только пошлют в Зимний делегацию, которая объяснила бы членам Временного правительства, что положение их безнадежно.

Юнкера выделили делегацию. А сами, сопровождаемые в училище красногвардейцами, еще не остывшие от ужаса, говорили о том, что у правительства не осталось никаких сил, что скоро все кончится...

В 10 часов утра 25 октября Военно-революционный комитет обратился с воззванием к гражданам России. Воззвание, написанное Владимиром Ильичем Лениным, уведомляло о низложении Временного правительства. «Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета...»

Днем, в 2 часа 30 минут, в Актовом зале Смольного открылось заседание Петроградского Совета.

Подвойский прибыл с позиций к концу заседания. Ленин увидел его в толпе депутатов и подозвал к себе.

— Долго вы будете окружать Зимний? Через два часа начнется первое заседание съезда Советов, а во дворце по-прежнему будет заседать свергнутое правительство?

— Чудновский пошел в Зимний с ультиматумом...

— А если они не захотят сдаться?

— Тогда начнем штурм.

— Смотрите, Николай Ильич, если вы к ночи не ликвидируете этот остаток контрреволюции, мы предадим вас партийному суду!

Глаза Ленина были так строги, что ни промолчать, ни отшутиться Подвойскому было нельзя. Он сухо произнес:

— Я сам поведу войска на штурм!

— Я говорю не о геройской смерти, а о том, что вы должны как можно быстрее и умнее выполнить поручение партии!

К Владимиру Ильичу подошли другие депутаты, и Подвойский торопливо ушел. Шел и твердил про себя: штурмовать, штурмовать, штурмовать!..

* * *

Из воспоминаний М. П. Ефремова [1]

Я познакомился с Николаем Ильичом Подвойским в августе 1917 года. Месяцем раньше меня эвакуировали с фронта в Красное Село под Петроградом, определили в 177-й запасной пехотный полк. Я в нем уже служил и перед фронтом от

[1] Хранятся в архиве Центрального музея Революции СССР

6-й роты этого полка был избран в Петроградский Совет. Поэтому-то сразу же по прибытии в столицу отправился в Совет. Как он в тот день бурлил!.. Обсуждали много вопросов, однако главным был вопрос о мире. Тон здесь задавала солдатская секция. Долой войну — и крышка! Правда, среди солдат раздавались голоса и оборонцев, но они тут же подавлялись, решительно и грозно. Большевистская линия побеждала по всем основным вопросам, и это произвело на меня сильное впечатление.

Потом было большое гарнизонное собрание, скорее напоминавшее митинг. Происходило оно в самом центре города, на Литейном. Среди солдат тут и там появлялась статная фигура человека в зеленой гимнастерке. Подвойский, сказали, большевик, из Военно-революционного комитета. Он и заправлял собранием, а помогала ему женщина, Розмирович, уже известная солдатам большевичка. Доклад делал Ф. Э. Дзержинский — и его я встретил тут впервые, хотя и слышал об этом мужественном человеке. Говорил он о происходящем с позиций революции 1905—1907 годов. Почему мы тогда потерпели поражение? Да потому, что армия — крестьяне в солдатских шинелях — колебалась. В отдельных случаях имели место вооруженные восстания, но в своем большинстве армия поддерживала старый строй. Иное дело, говорил далее Дзержинский, Февральская революция. Тут армия себя показала как революционная сила. Теперь страна на пути социалистической революции. Дело рабочего класса должно быть поддержано, и очень решительно, солдатской массой, ибо это общее дело всего трудового народа.

Сказал свое слово и я, мол, фронтовики на стороне большевиков и очень стремятся к миру. Об этом же горячо говорил и солдат Жилин, мой старый друг.

В заключение выступил Подвойский. Его речь была, помню, вот о чем: сейчас, после июльских событий, когда наши кадры, созданные до этих событий, в большинстве своем находятся в тюрьмах, задача состоит в том, чтобы создать ячейки в полках и чтобы мы, рядовые, развивали среди однополчан агитацию и добились того, чтобы солдатская масса пошла по пути революции, за большевиками, значит.

Говорил также о большой силе газеты «Солдатская правда», которую выпускала тогда Военная организация Петроградского Совета. Мы, фронтовики, помню, зачитывали ее буквально до дыр. Так вот, Подвойский призывал солдат быть главными авторами этой газеты, чтобы это была именно солдатская газета, чтобы из нее они узнавали, что им делать, за кем идти. Мы не можем в полную меру, заметил он, не ис-

пользовать это сильное средство пропаганды идей социалистической революции в солдатских массах, влиять через газету на армию, а значит, и на крестьян. Осталось в памяти: после речи Подвойского пришел вечером в казарму и сел за заметку для нашей «Солдатской правды».

После собрания я задержался со своим другом Жилиным, и тут подходит к нам Николай Ильич, говорит:

— Вот он, Жилин! Знаете его. А почему твоя фамилия не Костылин? Давай мы тебя переименуем. Как было бы хорошо, если бы мы сказали, что в нашей организации работают Жилин и Костылин!

Это связано, помните, с рассказом Льва Толстого «Кавказский пленник».

Разговор был, конечно, не для развлечения. Николай Ильич подбирал тогда людей, брал их, так сказать, на учет, держал в памяти, а потом использовал в дни революции. Я это имел возможность видеть.

После корниловского мятежа в Петроградском Совете большинство пошло за большевиками.

Рабочие, солдаты видели теперь, что Временное правительство — это правительство изменников, что спасение Петрограда — в переходе власти в руки Советов.

Командование Петроградским военным округом тоже не бездействовало. Оно решило созвать в ставке Северного фронта совещание из представителей фронтовых частей и Петрограда для того, чтобы потребовать вывода войск из столицы на фронт. Затея была понятна: революционные войска решили заменить верными Керенскому. И вот делегация солдатской секции Петроградского Совета на Северном фронте. Убедившись, что фронтовики поддерживают нас, мы огласили декларацию о вооруженном восстании, составленную Свердловым.

Когда наша делегация вернулась с фронта, события продвинулись далеко вперед. Подвойский со своей Военной организацией был уже в Смольном. Город находился в каком-то тревожном ожидании.

Многие считали, что пора выступать. Руководство Петроградского Совета всячески тормозило развитие событий, утверждало, что вопрос о власти будет решаться на II съезде Советов, что к съезду Временное правительство полностью изживет себя и власть сама перейдет в руки Советов.

Николай Ильич, казалось, знал все, и действительно отлично был осведомлен о положении дел. В его распоряжении были многие необходимые сведения, например о положении во флоте, в Кронштадте, о Северном фронте, о состоянии 2-й и

5-й армий. Мы были только что в Пскове, но таких подробных сведений о силах, людях Северного фронта, какими располагал Николай Ильич, никто из нас не имел. Николай Ильич Подвойский был всеми признанный руководитель Военно-революционного комитета.

Вижу его в комнате Военно-революционного комитета, у плана Петрограда. Помню, Николай Ильич распорядился послать людей на телефонную станцию. Если она захвачена, сказал он, необходимо обеспечить связь Смольного и отключить Зимний. Это было сделано. Вскоре туда был послан комиссар Военно-революционного комитета.

Таким остался в моей памяти Николай Ильич Подвойский, настоящий солдат великой революции.

* *
*

Моисей Соломонович
УРИЦКИЙ

Урицкий М. С. (1873—1918 гг.),
один из руководителей Октябрьского вооруженного
восстания в Петрограде.
Родился в семье купца в г. Черкассы.
Окончил юридический факультет
Киевского университета.
В революционном движении с начала 90-х гг.
Возглавлял социал-демократический кружок.
Член РСДРП с 1898 г.
После II съезда РСДРП — меньшевик.
Участник революции 1905—1907 гг.
в Красноярске и Петербурге.
Неоднократно подвергался арестам и ссылке.
В 1914 г. эмигрировал. В годы первой мировой
войны занимал интернационалистскую позицию.
После Февральской революции 1917 г. вернулся
в Петроград, где вошел в группу «межрайонцев»,

вместе с которыми на VI съезде РСДРП(б) был принят в партию большевиков, избран в ЦК РСДРП(б). После съезда вошел в узкий состав ЦК. Сотрудничал в журнале «Просвещение», муниципальном органе «Город и земство», в газете «Рабочий путь». В начале октября Урицкий, как член ЦК РСДРП(б), направлен в Новгород, входивший в революционное кольцо, которое создавалось петроградскими большевиками вокруг столицы. На 1-й Новгородской губернской конференции РСДРП(б) сделал доклад о текущем моменте и призвал большевиков Новгорода готовиться к решающим боям за власть Советов.
Участник совещания ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г.
С 16(29) октября — член Военно-революционного центра по руководству восстанием (Партийного центра), член ПВРК.
Делегат II Всероссийского съезда Советов, избран членом ВЦИК.
После победы Октябрьской революции — комиссар министерства иностранных дел, затем комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания. В феврале 1918 г.— член Комитета революционной обороны Петрограда. С марта 1918 г.— председатель Петроградской ЧК. В августе 1918 г. убит эсером в Петрограде.
Похоронен на Марсовом поле.

* * *

Несгибаемый борец [1]

Февральская буржуазно-демократическая революция застает Урицкого в Дании.

Царский запрет возвращения на родину отпал, и Урицкий включился в борьбу как член организации «межрайонцев».

Межрайонная организация РСДРП возникла в 1913 году в Петербурге. В годы первой мировой войны в нее входили левые меньшевики-интернационалисты и отошедшие от партии большевики-примиренцы. После Февральской революции «межрайонцы» стали на интернационалистскую позицию, выступая против меньшевиков-оборонцев. В ходе революции они становились все ближе и ближе к большевикам. Урицкий во многом способствовал слиянию «межрайонцев» с большевиками, их вступлению в ряды большевистской партии. В ходе подготовки VI съезда РСДРП(б) «межрайонцы» были включены в Организационное бюро по его созыву, что означало фактическое включение «межрайонцев» в работу большевистских организаций. VI съезд решил окончательно вопрос о приеме «межрайонцев» в партию большевиков.

С момента вступления М. С. Урицкого в большевистскую партию для него наступает самая яркая полоса его жизни и

[1] *Савокин А.* Несгибаемый борец.— В книге: Вечная слава. М., 1967.

борьбы за победу и укрепление социалистической революции в России. Сразу же после окончания VI съезда РСДРП(б) пленум Центрального Комитета вводит М. С. Урицкого в узкий состав ЦК, который между пленумами руководил политическими выступлениями масс.

Урицкий активно включился в работу Центрального Комитета: он не пропускает почти ни одного заседания, по поручению ЦК участвует в составлении воззваний, резолюций, выступает в партийной печати. Пишет о волнениях рабочих и солдат, о международных отношениях. На страницах ЦО партии «Рабочий путь» Урицкий разоблачает возню империалистов Англии, Франции, США, Германии вокруг предложений римского папы Бенедикта XV о заключении мира за счет России, беспомощность правительства Керенского на международной арене. Главная цель империалистов, отмечал М. С. Урицкий, «задушить русскую революцию и не дать ей разлиться мировым пожаром всемирной борьбы против империализма. Ответом на эти попытки может и должна быть только революционная борьба всемирного пролетариата за демократический мир на справедливых условиях. Подымающаяся теперь новая волна русской революции — залог того, что империалистическим правительствам не удастся осуществить намеченные ими цели».

Накануне принятия Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании Урицкого направили в Новгород, входивший в революционное кольцо, которое создавалось большевиками вокруг столицы. В Новгороде и его окрестностях были расквартированы четыре запасных полка, и их поведение в надвигающихся событиях имело немаловажное значение. Дело осложнялось еще и тем, что в Новгородской губернии к этому времени не было губернской партийной организации. М. С. Урицкий, как член Центрального Комитета, тщательно изучает обстановку, помогает большевикам Новгорода сцементировать свою организацию, пропагандирует в массах большевистский лозунг «Вся власть Советам!».

На состоявшейся 6 октября 1-й губернской Новгородской конференции, представлявшей около 900 членов партии, М. С. Урицкий, под руководством которого прошла вся работа конференции, выступил с докладом о текущем моменте. М. С. Урицкий призвал новгородских большевиков готовиться к решающим боям за власть Советов.

Вскоре после возвращения из Новгорода М. С. Урицкий слушал В. И. Ленина на историческом заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 года. Выступление вождя революции, обосновавшего неизбежность вооруженного восста-

ния для взятия власти Советами, произвело на М. С. Урицкого, как и на всех присутствовавших, колоссальное впечатление. Выступая в прениях по докладу Владимира Ильича, М. С. Урицкий, отметив необходимость технической подготовки вооруженных сил революции, заявил: «...во всяком случае, если держать курс на восстание, то нужно действительно что-либо делать в этом направлении. Надо решиться на действия определенные». Вместе с Лениным и другими членами ЦК Урицкий голосует за резолюцию о вооруженном восстании, отвергая, таким образом, капитулянтскую позицию Каменева и Зиновьева, выступавших против ленинского предложения о восстании.

В преддверии грядущей битвы против власти буржуазии Урицкий повседневно и неутомимо работает в Военно-революционном комитете. Он избирается Центральным Комитетом в Военно-революционный центр по подготовке и проведению вооруженного восстания.

Десятки, сотни участников восстания приходили к М. С. Урицкому. Одному он давал устное указание, другому — совет, третьему подписывал мандат. В документах Военно-революционного комитета сохранилось много автографов, подписей М. С. Урицкого. Официальной должности в ВРК у Урицкого не было. Он, как член ВРК, подписывал директивы то в качестве секретаря ВРК, то в графе «за председателя», имеется даже подпись «Председатель М. Урицкий».

В день победы над буржуазией 25 октября 1917 года Военно-революционный комитет назначил М. С. Урицкого комиссаром при министерстве иностранных дел и предписал «всем содействие при исполнении возложенной на него обязанности». От имени ВРК М. С. Урицкий начал налаживать работу Комиссариата иностранных дел.

В ответственнейший момент становления первого в мире пролетарского государства некоторые деятели большевистской партии, типа Каменева, испугавшись трудностей социалистической революции, в переговорах со Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожников (Викжелем) склонны были уступить ему, пополнить ЦИК и правительство эсерами и меньшевиками. Резко выступая против подобных настроений, М. С. Урицкий говорил на заседании ЦК 1 ноября: «...ЦК определенно стоял на точке зрения всей власти Советам, значит, не может быть вопроса о пополнении». Он решительно возразил «против представительства от дум» и счел «обязательным большинство большевиков в ЦИК». «Это,— констатировал Урицкий,— должно быть окон-

чательно установлено. То же самое в министерстве; у нас должно быть прочное большинство».

М. С. Урицкий занял последовательную ленинскую позицию в борьбе против капитулянтов и раскольников в рядах большевистской партии. В то время как Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из ЦК РСДРП(б) и с ответственных постов в Совете Народных Комиссаров, Урицкий вместе с Лениным ведет против них решительную борьбу, с удесятеренной энергией укрепляет позиции Советской власти.

Большинство ЦК, в том числе и М. С. Урицкий, предъявили ультиматум Каменеву, Зиновьеву и К^0, в котором потребовали от них «категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина». В случае отказа поставить вопрос о немедленном исключении их из партии.

И когда в конце ноября исключенные из ЦК Каменев, Рыков, Милютин и Ногин подали заявление об их возвращении в ЦК, М. С. Урицкий первым выступил против восстановления их в правах членов ЦК. Он говорил: «...мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что, оставшись вновь в меньшинстве по какому-либо вопросу, они опять не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что».

С победой Октябрьской революции и укреплением Советской власти контрреволюционеры всех мастей питали большую надежду восстановить власть буржуазии с помощью Учредительного собрания. Оно — как по своему происхождению, так и по составу депутатов — выражало вчерашний день революции, соотношение сил, которое давно изменилось, особенно после установления власти Советов. Новая власть обеспечила выборы Учредительного собрания, а также его созыв. Комиссаром Учредительного собрания был назначен М. С. Урицкий. Он прекрасно справился со своей задачей, за что вся правая часть Учредительного собрания жгучей ненавистью ненавидела представителя новой власти. Учредительное собрание было созвано, а когда оно отказалось подтвердить завоевания Великого Октября, пошло против народа, его избравшего, его распустили.

«Предатели просчитались,— вспоминает И. П. Флеровский,— учредительный обман не удался. Кроме разочарования и трусливого стыда, они вынесли отсюда глубокую ненависть к т. Урицкому, которого партия большевиков постави-

ла на время учредительной комедии комиссаром Таврического дворца (ныне дворца т. Урицкого). Он больше всех испортил крови эсеровским прихвостням буржуазии, одной холодной усмешкой своей убивал все их надежды на возможность чистого выигрыша в скверной игре против рабочей революции».

Над только что родившимся социалистическим государством нависли тучи: империалисты Антанты, а также и Тройственного союза делали все возможное для борьбы с Республикой Советов.

Они продолжали кровавую империалистическую войну, мобилизуя все свои резервы. Это мешало им непосредственно организовать военные действия против России, но они были не прочь поживиться за счет ослабленной в военном отношении страны. Царские сатрапы и кадетско-эсеро-меньшевистские министры довели страну до голода и разрухи, истощили ее экономические и военные ресурсы. Старая армия, как орудие господства буржуазии и ведения войны, распалась. Молодые красногвардейские отряды только еще набирали силы и не были готовы к операциям против регулярной армии. В это время перед страной встали две взаимосвязанные задачи: выйти из войны и начать строить новую армию — армию социалистического Отечества.

Центральный Комитет направляет М. С. Урицкого в Военный комиссариат, где он показывает недюжинный талант политического организатора. Стремление защитить Советскую республику полностью захватывает М. С. Урицкого. Под впечатлением триумфальных побед, одержанных Советами внутри страны, ему начинает казаться, что так же быстро можно справиться и с внешним врагом. Притом он полагает, что заключить договор с кайзеровской Германией — это значит пойти на сделку с ней. Отрицая необходимость и возможность компромиссов, он допускает грубую ошибку. Это привело его к левым коммунистам, которые вели ожесточенную борьбу против Ленина, против Центрального Комитета партии по вопросу о заключении Брестского мира. Но, выступая против мира с Германией, М. С. Урицкий в тревожные дни агрессии германских войск по-прежнему был на боевом посту среди питерских рабочих. «Партийная дисциплина прежде всего»,— любил повторять М. С. Урицкий. Его ввели в состав Комитета революционной обороны Петрограда. Как член комитета, М. С. Урицкий организует вооруженные силы столицы, находится в гуще масс, среди питерских рабочих. Его горячие речи вливали в ряды рабочих бойцов уверенность и выдержку, звали их на бой с врагом.

В. И. Ленин, резко критикуя левых коммунистов, изо всех сил добивался заключения Брестского мира, поскольку без него нечего было и думать о сохранении, тем более об укреплении Советского государства. И В. И. Ленин сумел убедить партию, Советы. Вначале VII съезд РКП(б), а следом за ним IV Всероссийский съезд Советов проголосовали за мир, приняли тяжелейшие условия мирного договора, без которого можно было потерять все, погасить зажженный российским пролетариатом факел социализма.

В начале марта 1918 года ЦК РКП(б) и Советское правительство переезжают в Москву. Москва после более двухвекового перерыва вновь становится столицей, на этот раз первой в мире Страны Советов. Но колыбель революции — Петроград, как и прежде, в первых рядах борцов за социалистическую революцию. Кандидат в члены ЦК РКП(б) М. С. Урицкий возглавил Петроградскую ЧК. Контрреволюционеры видели в нем страшного врага. Держа наготове карающий меч пролетарского государства в Петрограде и применяя его в случае надобности, М. С. Урицкий никогда, в самых сложных обстоятельствах, не терял головы. Крики белогвардейцев, меньшевиков и эсеров об Урицком как о «кровожадном чудовище» — безмерная ложь, рассчитанная на обывателей.

«Это был революционер, который ярче всех воплощал в себе великодушие революции,— писал И. П. Флеровский, близко знавший его.— Он часто пользовался своим влиянием в Петербургской коммуне, чтобы ослабить репрессии против врагов революции, чтобы не применялись расстрелы. Он, как никто, верил в силу морального величия пролетарской революции...»

С величайшей выдержкой и дисциплинированностью он стоял на страже интересов Советского государства. Когда левые эсеры, убив германского посла Мирбаха, подняли мятеж в Москве, Урицкий в телеграмме всем Советам области заявил: «...трудно, невозможно выдумать большее преступление, оно не слыхано и не видано в истории человечества. Сейчас наступает самый тяжелый и самый опасный момент для Советской власти России. Необходима величайшая выдержка, величайшее спокойствие, величайшая дисциплина, чтобы отстоять завоевания Октябрьской революции».

Обострение классовой борьбы в стране, особенно в связи с введением комитетов бедноты, послужило толчком к усилению оголтелой эсеро-меньшевистской пропаганды против большевиков. Эсеры организовали ряд мятежей против Советской власти (в Москве, Ярославле и других городах). Но,

обнаружив свою оторванность от народа, они прибегли к индивидуальному террору, выдвинули чудовищный план убийства активных деятелей партии и Советского государства, и в первую очередь В. И. Ленина. Все заговоры и убийства инспирировались англо-американскими империалистами. Непосредственными организаторами этих злодейских преступлений были дипломатические представители стран Антанты (Локкарт, Френсис, Гренар и другие дипломаты-шпионы). Они разрабатывали планы мятежей и убийств, финансировали грязные дела выброшенных на свалку истории политических авантюристов.

Первым от руки эсеровского наймита пал Володарский. Следом за ним 30 августа был убит беззаветный борец за дело рабочего класса М. С. Урицкий.

Через несколько часов после убийства Урицкого эсерка Каплан на заводе Михельсона стреляла в вождя мирового пролетариата В. И. Ленина.

Неслыханное преступление, оплаченное злейшими врагами человечества — империалистами, было подготовлено и проведено партией эсеров. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне Республики Советов ответили массовым красным террором против буржуазии и ее агентов.

Глубокой горечью и жгучей ненавистью к врагам революции наполнились сердца пролетариев Питера, провожавших в последний путь Моисея Соломоновича Урицкого. Его похоронили на Марсовом поле.

Жизненный путь М. С. Урицкого, рано прерванный террористом, весьма поучителен. Замечательный талант организатора-революционера в нем раскрылся в полной мере лишь тогда, когда он пришел в партию большевиков, в партию действительных защитников дела рабочего класса.

В рядах партии Ленина Моисей Соломонович Урицкий обессмертил свое имя.

* * *

Моисей Соломонович
УРИЦКИЙ

Из воспоминаний А. В. Луначарского [1]

Между тюрьмой и ссылкой я был отпущен на короткий срок в Киев, к родным.

По просьбе местного политического Красного Креста я прочел реферат в его пользу. И всех нас — лектора и слушателей, в том числе Е. Тарле и В. Водовозова,— отвели под казацким конвоем в Лукьяновскую тюрьму.

Когда мы немного осмотрелись, то убедились, что это какая-то особенная тюрьма: двери камер не запирались никогда — прогулки совершались общие, и во время прогулок вперемежку то занимались спортом, то слушали лекции по научному социализму. По ночам все садились к окнам, и начинались пение и декламация. В тюрьме имелась коммуна, так что и казенные пайки, и все присылаемое семьями поступало в общий котел. Закупки на базаре за общий счет и руководство кухней с целым персоналом уголовных принадлежали той же коммуне политических арестованных. Уголовные относились к коммуне с обожанием, так как она ультимативно вывела из тюрьмы битье и даже ругательства.

Как же совершилось это чудо превращения Лукьяновки в коммуну? А дело в том, что тюрьмою правил не столько ее начальник, сколько староста политических — Моисей Соломонович Урицкий.

В то время носил он большую черную бороду и постоянно сосал маленькую трубку. Флегматичный, невозмутимый, похожий на боцмана дальнего плавания, он ходил по тюрьме своей характерной походкой молодого медведя, знал все, поспевал всюду, импонировал всем и был благодетелем для одних, неприятным, но непобедимым авторитетом для других.

Над тюремным начальством он господствовал именно благодаря своей спокойной силе, властно выделявшей его духовное превосходство.

Прошли годы. Оба мы были за это время в ссылке, оба стали эмигрантами.

Левый меньшевик, Моисей Соломонович Урицкий был искренним и пламенным революционером и социалистом. Под кажущейся холодностью его и флегмой таилась исполинская вера в дело рабочего класса.

Он любил подтрунивать над всяким пафосом и красивыми речами, он гордился своей трезвостью и любил пококетничать ею, как будто даже с некоторым цинизмом. Но на самом деле это был идеалист чистейшей воды! Жизнь вне рабочего

[1] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 218—222.

движения для него не существовала. Его огромная политическая страсть не бушевала и не клокотала только потому, что она вся упорядоченно и планомерно направлялась к одной цели: благодаря этому она проявлялась только деятельностью, и притом деятельностью чрезвычайно целесообразной.

Мы свиделись с ним после долгой разлуки в 1913 году в Берлине.

Опять та же история! Не везло мне с моими рефератами. Русская колония в Берлине пригласила меня прочесть пару лекций, а берлинская полиция меня арестовала, продержала недолго в тюрьме и выслала из Пруссии без права въезда в нее.

И тут Урицкий опять оказался добрым гением. Он не только великолепно владел немецким языком, но и имел повсюду связи, которые привел в движение, чтобы превратить мой арест в крупный скандал для правительства. И я опять любовался им, когда он со спокойной иронической усмешечкой беседовал со следователем или буржуазными журналистами или «давал направление» нашей кампании на совещании с Карлом Либкнехтом, который тоже заинтересовался этим мелким, но выразительным фактом.

И все то же впечатление: спокойная уверенность и удивительный организаторский талант.

Во время войны Урицкий, живя в Копенгагене, играл и там крупную роль, но свою огромную и спокойную организаторскую силу он развернул постепенно, во все более колоссальных размерах в России во время нашей славной революции.

Сперва он примкнул к так называемой межрайонной организации. Он привел ее в порядок, и дело ее безусловного и полного слияния с большевиками было в значительной мере делом его рук. По мере приближения к 25 октября роль Урицкого все росла.

Далеко не всем известна поистине исполинская роль Военно-революционного комитета в Петрограде, начиная приблизительно с 20 октября по половину ноября. Кульминационным пунктом этой сверхчеловеческой организационной работы были дни и ночи от 24-го по конец месяца. Все эти дни и ночи Моисей Соломонович не спал. Вокруг него была горсть людей тоже большой силы и выносливости, но они утомлялись, сменялись, несли работу частичную. Урицкий с красными от бессонницы глазами, но все такой же спокойный и улыбающийся оставался на посту...

Я смотрел тогда на деятельность Моисея Соломоновича как на настоящее чудо работоспособности, самообладания и со-

образительности. Я и теперь продолжаю считать эту страницу его жизни своего рода чудом. Но страница эта не была последней. И даже ее исключительная яркость не затмевает страниц последующих.

После победы 25 октября и следовавшей за нею серии побед по всей России одним из самых тревожных моментов был вопрос о тех взаимоотношениях, какие сложатся между Советским правительством и приближавшейся «учредилкой». Для урегулирования этого вопроса нужен был первоклассный политик, который умел бы соединить железную волю с необходимой сноровкой. Двух имен не называли: все сразу и единогласно остановились на кандидатуре Урицкого.

И надо было видеть нашего «комиссара над Учредительным собранием» во все те бурные дни! Я понимаю, что все эти «демократы» с пышными фразами на устах о праве, свободе и т. д. жгучей ненавистью ненавидели маленького круглого человека, который смотрел на них из черных кругов своего пенсне с иронической холодностью, одной своей трезвой улыбкой разгоняя все их иллюзии и каждым жестом воплощая господство революционной силы над революционной фразой.

Когда в первый и последний день «учредилки» над взбаламученным эсеровским морем разливались торжественные речи Чернова и «высокое собрание» ежеминутно пыталось показать, что оно-то и есть настоящая власть, совершенно так же, как когда-то в Лукьяновке, той же медвежьей походкой, с той же улыбающейся невозмутимостью ходил по Таврическому дворцу товарищ Урицкий — и опять все знал, всюду поспевал и внушал одним спокойную уверенность, а другим полнейшую безнадежность.

«В Урицком есть что-то фатальное!» — слышал я от одного правого эсера в коридорах в тот памятный день.

Учредительное собрание было ликвидировано. Но наступили новые, еще более волнующие трудности — Брест...

Урицкий был горячим противником мира с Германией. Это воплощенное хладнокровие говорило с обычной улыбкой: «Неужели не лучше умереть с честью?»

Но на нервничание «левых коммунистов» Моисей Соломонович спокойно отвечал: «Партийная дисциплина прежде всего!»

О, для него это не была пустая фраза!

. Разразилось февральское наступление немцев. Вынужденный уехать, Совет Народных Комиссаров возложил на остающихся ответственность за находившийся почти в отчаянном положении Петроград. «Вам будет очень трудно,—

говорил Ленин остающимся,— но остается Урицкий»,— и это успокаивало.

С тех пор началась искусная и героическая борьба Моисея Соломоновича с контрреволюцией и спекуляцией в Петрограде.

Сколько проклятий, сколько обвинений сыпалось на его голову за это время! Да, он был грозен, он приводил в отчаяние не только своей неумолимостью, но и своей зоркостью. Соединив в своих руках и Чрезвычайную комиссию, и Комиссариат внутренних дел, и во многом руководящую роль в иностранных делах, он был самым страшным в Петрограде врагом воров и разбойников империализма всех мастей и всех разновидностей. Они знали, какого могучего врага имели в нем. Ненавидели его и обыватели, для которых он был воплощением большевистского террора.

Но мы-то, стоявшие рядом с ним вплотную, мы знаем, сколько в нем было великодушия и как умел он необходимую жестокость и силу сочетать с подлинной добротой. Конечно, в нем не было ни капли сентиментальности, но доброты в нем было много. Мы знаем, что труд его был не только тяжек и неблагодарен, но и мучителен... Но никогда мы не слышали ни одной жалобы от этого сильного человека. Весь — дисциплина, он был действительно воплощением революционного долга.

Они убили его. Они нанесли нам поистине меткий удар. Они выбрали одного из искуснейших и сильнейших друзей рабочего класса...

* *
*

Павел Ефимович ДЫБЕНКО

Дыбенко П. Е. (1889—1938 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде.
Родился в семье крестьянина в с. Людково
Черниговской губернии.
Работал грузчиком в Рижском порту,
где познакомился с большевиками.
В революционном движении с 1907 г.
С 1911 г. служил матросом на Балтийском флоте.
Член Коммунистической партии с 1912 г.
Во время первой мировой войны арестован (1915 г.)
за организацию антивоенного вооруженного
выступления матросов линейного корабля
«Император Павел I», затем отправлен на фронт.
В конце 1916 г. возвратился на флот и зачислен
в команду транспорта «Ща», стоявшего
в Гельсингфорсе. По инициативе Дыбенко
состоялось совещание флотских большевиков.

которое обратилось в ЦК РСДРП с просьбой прислать на Балтику опытных партийных организаторов. Вместе с другими большевиками организовал издание первой легальной большевистской газеты «Волна». После Февральской революции 1917 г. матросы выдвинули Дыбенко в Гельсингфорсский Совет, в котором он создал большевистскую фракцию. В апреле избран председателем Центробалта. В июльские дни 1917 г. арестован властями и заключен в петроградскую тюрьму «Кресты». Освобожден под денежный залог. Возвратился в Гельсингфорс. 16(29) октября 1917 г. вновь избран председателем Центробалта; член ПВРК. Вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко готовил Балтийский флот к Октябрьскому вооруженному восстанию. Благодаря действиям, предпринятым Дыбенко, удалось сорвать попытку Керенского вывести из революционного Петрограда крейсер «Аврора». На Всероссийском съезде Советов утвержден членом Комитета по военным и морским делам СНК. 28 октября (10 ноября) 1917 г. прибыл из Гельсингфорса в Петроград с отрядами матросов, солдат и красногвардейцев на помощь рабочим и солдатам. 29 октября (11 ноября) принял командование группой революционных войск под Пулковом, руководил боями в районе Красного Села и Гатчины против контрреволюционных войск Керенского — Краснова. В Гатчине арестовал генерала Краснова. Назначен наркомом по морским делам. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на партийной и государственной работе.

* * *

«Победить или умереть»[1]

Октябрь 1917 года... II съезд Балтфлота избирает делегатов на II Всероссийский съезд Советов и на Северный областной съезд Советов. Дыбенко — делегат обоих съездов...

Когда матросские делегаты вошли в Актовый зал Смольного, где проходил съезд Советов Северной области, со всех концов послышались приветственные возгласы. На трибуну поднялся один из прибывших моряков — ладно сложенный, красивый, с черными вьющимися волосами, густой бородой, острым взглядом глубоко посаженных глаз. Это был Дыбенко. От имени моряков Балтики он заявил:

— Спасти Балтийский флот, революционный Петроград и революцию может только Советское правительство, которое предложит мир всем народам. Флот категорически отказался выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства. Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению...

[1] Из книг: *Жигалов И.* Повесть о балтийском матросе. М., 1973; *Жигалов И.* Дыбенко М., 1985

Съезд продолжался с 11 по 13 октября. Потом было выступление на митинге рабочих Ижорского завода. Меньшевики, оказавшиеся в президиуме рабочего митинга, не хотели было давать слово популярному в Петрограде моряку. Но ижорцы зашумели:

— Дать слово балтийцу!..

Дыбенко тут же потеснил предыдущего оратора и, подавшись вперед, начал речь:

— Мы хотим знать, с кем вы? С нами, матросами и солдатами, или с Временным правительством?

Единогласно принятая резолюция дала ответ на вопрос: «Долой коалиционное правительство — слугу империалистов... Вся власть Советам!»

16 октября приступил к работе Центробалт четвертого созыва, состоявший в основном из большевиков. Председателем вновь стал П. Е. Дыбенко.

Центробалт берет под свой контроль средства связи штаба флота, частей, соединений, укрепрайонов. Комиссарам, назначенным в штаб на службу связи, было дано указание внимательно следить за всей оперативной перепиской, всеми видами снабжения, за складами с оружием и боеприпасами, в том числе и арсеналом Свеаборгского порта... На кораблях и береговых частях были созданы боевые роты. Введена мобилизационная готовность: после 17 часов никто не имел права отлучаться с кораблей на берег...

23 октября в 16 часов состоялось пленарное заседание Центробалта совместно с судовыми комитетами. Старший гальванер с линкора «Петропавловск» Евгений Блохин зачитал проект резолюции: «По первому зову Центробалта идти и победить или умереть... Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на защиту которых мы все единодушно по первому зову пойдем и будем верить в полную победу над капиталом и в освобождение порабощенных народов!» Все пункты резолюции были одобрены.

Члены судовых комитетов разошлись по кораблям и частям, поручив Дыбенко заявить на совместном заседании Гельсингфорсского Совета и Финляндского областного комитета РСДРП(б) о готовности моряков сражаться за власть Советов.

Это заседание состоялось в ночь с 24 на 25 октября, открыл его А. Л. Шейнман [1].

Шейнман А Л — член КПСС с 1903 года В марте 1917 года — член Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), в октябре — председатель Исполнительного Комитета Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии С 1918 года — на ответственной работе в Наркомфине

— Мы собрались, чтобы узнать, на какие силы революция может рассчитывать...

На трибуне Дыбенко.

— Настала пора доказать, как надо умирать за революцию! — говорит он. Затем огласил принятую Центробалтом совместно с представителями судовых комитетов резолюцию и в заключение сказал, что матросы Балтики не пожалеют жизни и, если потребуется, отдадут ее за счастье многострадального народа. И в этот момент ему подали телеграмму. «Центробалт. Высылай устав»,— прочитал Дыбенко. Это был условный сигнал: восстание в Петрограде началось, срочно высылай корабли и моряков...

«Началось!» Немедленно возвратившись на «Полярную звезду», Павел вызвал командующего флотом Развозова и флагманского инженера-механика Винтера. «Придут, теперь Центробалт приказывает».

Развозов и Винтер явились без промедления. Дыбенко спросил командующего: будут ли готовы миноносцы к утру? Ответил инженер-механик: работы еще много и потребуется не менее двух суток.

Собрали механиков и старших машинистов. Грязные, усталые, щеки провалились. На вопрос, когда будут готовы корабли, дружно ответили, что к утру все работы будут закончены.

— Спасибо! Передайте всем товарищам, занятым на ремонте, благодарность Центробалта.

Развозов дважды воскликнул: «Невероятно»... и вместе с Винтером вышел из салона.

Для надежности Дыбенко отдал командующему приказ: «21 час 40 минут. Срочно дать распоряжение выйти в Петроград миноносцам «Забияка», «Страшный» и «Меткий»... А чтобы Развозов и его штаб в последний момент не сорвали операцию, направил приказания и комиссарам — готовиться к выходу... Крейсеру «Аврора», заградителю «Амур», 2-му балтийскому и гвардейскому экипажам, команде Эзеля (эта команда после эвакуации острова находилась в Петрограде) послал радиограмму — всецело подчиняться распоряжениям Военно-революционного комитета. Приказ комиссарам: присутствовать при расшифровании всех телеграмм штаба.

Поздно вечером 24 октября началось второе пленарное заседание Центробалта и его президиума. Заседали недолго. Одобрили сообщение об открытии в Петрограде 25 октября II съезда Советов и приняли решение: Балтийский флот «поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами». Комиссару эскадренного миноносца «Самсон»

Григорию Борисову поручили доставить это решение в президиум съезда Советов.

Дыбенко отправился на железнодорожную станцию. Ровно в полночь туда прибыли первые роты. В вагоны грузились организованно. Эшелоны ушли вовремя.

— Счастливого пути, товарищи!..

А Развозов и его штаб тайно чинят препятствия походу кораблей в Петроград. И все же в 9 часов утра гавань покидают четыре эсминца — «Меткий», «Забияка», «Самсон», «Деятельный» (вместо «Страшного», на котором не завершен ремонт) и посыльное судно «Ястреб». Медленно, выравниваясь в кильватерную колонну, они проходят мимо «Полярной звезды».

«Самсон» и «Забияка» пришли в Петроград около 19 часов 25 октября и встали неподалеку от «Авроры» и минного заградителя «Амур». Почти в это же время из Биорки подоспело учебное судно «Верный». Матросы высадились на берег и двинулись к Зимнему дворцу. Без опоздания появились в столице и кронштадтцы. Вместе с солдатами, красногвардейцами, рабочими отрядами пошли они на штурм последнего буржуазного правительства России.

О происходящем в Петрограде Дыбенко узнавал из телеграмм и разговоров по прямому проводу с моряками — делегатами II съезда Советов. Дважды беседовал с делегатом съезда, членом Центрального комитета Балтфлота Алексеем Барановым. Радовался, что правительство Керенского свергнуто, что избрано Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Узнал, что создан Комитет по военным и морским делам, что в него включен и он, Дыбенко.

— Ты должен немедленно выехать в Петроград,— говорил Баранов.

Павел объяснил, что сейчас с флота ему нельзя отлучаться.

Поздно вечером 26 октября Дыбенко вызвал к прямому проводу Николай Ховрин [1] и сообщил, что готовится к выступлению контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», что Керенский утром 25-го бежал из Петрограда. Ховрин настоятельно рекомендовал Павлу прибыть в Петроград.

Дыбенко отправил по радио обращение Центрального комитета Балтфлота, призвал все судовые комитеты, воинские гарнизоны, население и железнодорожных служащих «принять самые энергичные меры, чтобы задержать Керенского

[1] Ховрин Н А (1891—1972) — член КПСС с 1915 года, один из руководителей матросских отрядов в Октябрьскую революцию и гражданскую войну.

и доставить его в распоряжение Петроградского революционного комитета».

Всю ночь на гельсингфорсской товарной станции шла посадка в вагоны новых матросских отрядов.

Пожелав своему преемнику Измайлову высоко держать знамя Центробалта, Павел Ефимович выехал в Петроград.

Утром 28 октября Дыбенко был в Смольном. Разговор короткий, тревожный: наши части оставили Гатчину; Керенский двигается на Петроград. Было предложено сейчас же выехать в Царское Село, узнать, что там делается, и немедленно обо всем сообщить. Пояснил, что по согласованию с Центральным Комитетом партии Подвойский командует Петроградским военным округом, Антонову-Овсеенко поручено командовать левым, Пулковским, участком, а на правый, у Красного Села, назначен Дыбенко. Общее руководство осуществляет Владимир Ильич. Попрощавшись, Павел вышел.

В район Пулкова поехали вместе с Антоновым-Овсеенко. Здесь и солдаты, и оружие есть, только порядка нет.

В небольшой избушке — «штабе» их встретил немолодой военный. На форменной шинели виднелись следы от погон. Узнав, кто перед ним, назвался полковником Вальденом, пожаловался:

— Штаб развалился, офицеры удрали, да и солдаты разбегаются.

Пошли к солдатам. Говорили о революции, о декретах, принятых II съездом Советов. Сначала не слушали, а когда узнали, что перед ними члены правительства, оживились, перебивая друг друга, стали спрашивать о Ленине, о земле, скоро ли конец войне. Дыбенко выступил перед солдатами.

— Сейчас я возвращаюсь в Петроград за балтийскими матросами. До их прибытия вы должны во что бы то ни стало сдержать натиск казаков. Солдаты, Советская власть на вас надеется!

Эти слова приободрили солдат. По распоряжению Вальдена они стали занимать позиции на Пулковских высотах.

Но Дыбенко понимал, что при первом же натиске неприятеля фронт не устоит. Нужно было немедленно двинуть сюда моряков. Дыбенко поспешил в Петроград. В Смольном Павел увидел Ленина. Владимир Ильич подозвал его.

— Ну что, как дела на фронте? — спросил Владимир Ильич.

Дыбенко доложил, потом сказал:

— Я еду в Военно-морской революционный комитет и сейчас двину матросские отряды, которые должны сегодня же

Павел Ефимович
ДЫБЕНКО

П. Е. Дыбенко (справа)
среди моряков-балтийцев

прибыть из Гельсингфорса; в противном случае Керенский может быть в Петрограде.

«Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобрил мое предложение»,— писал в своих воспоминаниях Дыбенко об этой встрече.

Председатель Военно-морского революционного комитета Иван Вахрамеев, выслушав Дыбенко, доложил:

— Под Пулково только что отправились отряды под командованием Сладкова и Ховрина. Еще формируем. Пошлем тысяч десять матросов. Столько же останется в Петрограде...

Зазвонил телефон. Дыбенко снял трубку. Все заметили, как посуровело лицо.

— Это Подвойский,— сказал он, кончив разговаривать по телефону.— Сообщил, что юнкера готовят мятеж, как видно, приурочивают его к подходу красновских войск. Тебе, Вахрамеев, приказано держать постоянную связь со Смольным. Часть моряков нужно двинуть к юнкерским училищам — Николаевскому, Владимирскому, Павловскому, а также ма-

нежу. Латышские стрелки, отряды красногвардейцев уже приведены в боевую готовность. Действовать решительно. Я сейчас же поведу матросов к Пулкову. Остальных присылайте...

Всю ночь 29 октября отряды моряков отбывали на фронт. С одним из них отправился Дыбенко...

Обстановка под Пулковом и Колпином изменилась. Здесь образовался своеобразный штаб красных войск. Дыбенко встретил знакомых: как всегда спокойного, деловитого Николая Ховрина; подтянутого мичмана Сергея Павлова; офицера-большевика Рудольфа Сиверса. Были тут и другие. Самый старший — полковник Вальден. Он принял новую власть и честно служил ей. Встретив Дыбенко, полковник повеселел.

— У нас теперь порядок! — бодрым голосом доложил он.

Не было растерянности и на лицах солдат-фронтовиков. Они перемешались с матросами и прибывшими из Петрограда рабочими, подтянулись.

Подкрепления продолжали прибывать. Доставили пушки, отправленные Дыбенко из Гельсингфорса. Противник не наступал, и красные отряды сумели укрепиться. Ночь на 30 октября прошла спокойно. Утром начался артиллерийский обстрел позиций моряков. А через некоторое время показались всадники. С гиканьем и свистом мчались они, обнажив сабли. Казалось, никакая сила не остановит эту лавину, вот-вот ворвутся в окопы.

Прямой наводкой ударили флотские трехдюймовки. Затараторили пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы. И дрогнули казаки. Вздыбились, неистово заржали кони. Нарушился строй, лава повернула обратно. Вместе с матросами Дыбенко выскочил из окопа и повел их в наступление...

«31 октября, 17 час. 21 минута. Царскосельская радиостанция. Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту. Нарком Дыбенко».

...Казаки прислали парламентеров, предлагают начать переговоры о перемирии. «Убьют они наших»,— говорит кто-то. И все же Павел решает поехать на переговоры. Сиверсу и Павлову дал указание незаметно подтянуть моряков и красногвардейцев к Гатчине. Взял с собой матроса Трушина. Оба пошли к машине, на которой приехали казаки.

Темная ночь. Дует холодный ветер. Под колесами шуршат жухлые листья. Парламентеров трое — офицер и два казака.

Объясняют, что ни Краснов, ни Керенский не знают об их поездке. Машина остановилась перед громадой гатчинского дворца. Едва Дыбенко ступил на землю, перед ним вырос офицер. Это дежурный. Приказывают сдать оружие. Павел отказывается. Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут заговорили казаки.

— Пусть большевики сами растолкуют нам про Советскую власть...

В казарме под потолком тускло мерцают две лампочки. Казаки — одни лежат на нарах, другие кучками сидят прямо на полу, курят. То тут, то там видны офицеры, юнкера. Духотища страшная. Один из парламентеров, выступая вперед и обращаясь к станичникам, говорит, что прибыли два матроса-большевика, хотят рассказать о новой власти.

— Всыпать бы им по сотне шомполов, тогда узнали бы новую власть,— раздается злобный голос из темноты.

Дыбенко всматривается и замечает погоны. «Тут офицерье». Взбирается на табурет:

— У шомпола, как известно, два конца...— Павел рассказывает о предательстве Временного правительства и Керенского, о декретах, принятых II съездом Советов...— Весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, рабочие, ряд армий целиком поддерживают Советское правительство. Флот, ряд армий послали к Петрограду на помощь восставшим войска с фронта... А кого вы поддерживаете, станичники? Керенского? Да ведь он из вас жандармов сделает. Стоит ли позориться?

Казаки слушают. И вдруг голос сиплый, ядовитый:

— Станичники! Не верьте предателям России! Гоните немецких шпионов! Бейте их!

Павел смотрит на дверь — ее запрудили. «Отсюда не выберешься».

— Не немецкие шпионы взяли власть, она в руках рабочих, крестьян, солдат и матросов! — По тому напряженному вниманию, с каким слушают его речь, понимает — верят ему.— Балтийский флот доказал свою преданность революции. Мы, матросы, первыми выступили на защиту Советской власти и будем за нее бороться до последнего дыхания!

Офицеры и юнкера шумят, требуют расправиться с моряками. А из толпы казаков слышны уже совсем иные выкрики:

— Правильно! Матросы — наши братья. Мы с ними пойдем...

Переговоры с казачьим комитетом затягивались. Арестовать Керенского согласились не сразу. Комитетчики требова-

ли, чтобы им разрешили уйти на Кубань и Дон с полным вооружением, на конях. Дыбенко понял, что этого делать нельзя. Но в тот момент ему пришлось уступить: вот-вот могли подойти эшелоны с войсками, за которыми отправился Борис Савинков.

Пока шли переговоры, Керенский трусливо бежал из дворца. Комитетчики приуныли. Теперь Дыбенко мог диктовать свои условия. В Гатчину вступили матросы и красногвардейцы, в течение двух часов они разоружили казаков.

Дыбенко арестовал Краснова, и вечером его доставили в Смольный.

До глубокой ночи 2 ноября в Гатчине шла подготовка к отправлению в Москву большого отряда матросов и красногвардейцев. Во главе отряда стоял член Петроградского военно-революционного комитета Константин Степанович Еремеев, член партии с 1896 года. Моряками командовали Николай Ховрин и Александр Ильин-Женевский, их помощниками были Иван Колбин, Эйжен Берг и Анатолий Железняков. Когда Еремеев доложил, что эшелон с моряками пойдет в авангарде, Ленин с удовлетворением произнес: «Моряки не подведут». Это был уже третий отряд, направленный по указанию Владимира Ильича на подмогу московскому пролетариату. Первый — численностью в 500 человек — прибыл из Петрограда в Москву еще 29 октября, через два дня — двухтысячный...

Снова тревожная весть. Приближались эшелоны с «ударниками», встреча с которыми ничего хорошего не сулила. Оставшиеся в Гатчине 500 моряков и два батальона финляндского полка вряд ли бы выдержали бой...

3 ноября в 8 часов утра «ударники» находились в пяти верстах от Гатчины. «А что, если попытаться решить дело миром?» И Дыбенко снова отправился на переговоры. Сформировали состав из нескольких вагонов, на паровозе, в среднем и хвостовом вагонах разместили небольшой отряд матросов с пулеметами. Вдоль железнодорожного полотна выставили несколько пушек.

Поезд двигался медленно. Не доезжая примерно версты до места, где находился передовой эшелон с «ударниками», Дыбенко попросил машиниста остановить поезд, а моряков предупредил:

— Услышите три выстрела из пистолета, открывайте огонь.— Спрыгнул с паровоза и не спеша пошагал к безмолвной толпе солдат. Приблизившись, громко стал говорить о бежавшем Керенском, о сдавшихся казаках, о Краснове, арестованном и отправленном под конвоем в Петроград.

— Предлагаю и вам сложить оружие. Даю три минуты на размышление.

— Согласны,— закричали солдаты.

Часть офицеров отделилась в сторону. Совещаются. Некоторые шарахнулись к лесу, отстреливаясь. Убежать удалось немногим. Солдаты сами же с ними и расправились... Прибывший с «ударниками» Савинков удрал.

К Дыбенко подошла группа солдат. Это делегаты. Старший назвался Федоровым, сказал, что был на Северном областном съезде Советов, слушал там выступление Дыбенко. Предлагает провести митинг, принять резолюцию в поддержку Советской власти и послать товарищу Ленину. Дыбенко соглашается.

...В гатчинском дворце расположились матросы, солдаты. Принесли несколько запоздалую радиограмму о полном разгроме под Гатчиной войск Керенского — Краснова, подписанную Антоновым-Овсеенко и Бонч-Бруевичем. «...Войска Керенского разбиты,—читал Дыбенко.—Авантюра Керенского может считаться ликвидированной. Революция торжествует... Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко...»

Павел передал радиограмму Рудольфу Сиверсу. «Это о нас. Я прилягу, несколько ночей совсем не спал...»

Из Петрограда приехал Антонов-Овсеенко. Владимир Александрович обнял Павла.

— Молодцы, балтийцы! Пятнадцать тысяч моряков и более сорока боевых кораблей бились за власть Советов! На вас можно положиться. Вы действительно завоевали всеобщую славу...

* * *

Из воспоминаний П. Е. Дыбенко [1]

25 октября, 2 часа ночи. Гельсингфорс, окутанный ночным мраком, спит непробудным сном. Серые облака, обгоняя друг друга, казалось, спешат закрыть кое-где мерцающие звезды, покрыть небо непроглядной пеленой, создать непроницаемую темень глубокой осенней ночи. Пусть спят непробудным сном те, кто сегодня при закате солнца не замечал восходящую над

[1] В книге. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. М., 1956.

многострадальным русским обездоленным людом зарю новой жизни — пролетарской революции...

Тихо, бесшумно, без сирен, подходят к пристани один за другим катера и буксиры. Бесшумно, в гробовой тишине высаживаются боевые роты. Как бы по безмолвной команде, выстраиваются и мерными, но твердыми, уверенными шагами, твердой поступью идут к вокзалу. На перроне нет праздной, фланирующей публики в разноцветных костюмах. В гробовой тишине проходят роты в черных и серых шинелях. Вагоны переполнены. Мерный стук колес паровоза — и один за другим отходят эшелоны. Оркестры играют «Марсельезу». С отходящих эшелонов, как бы в ответ спящему городу, несется громовое, радостное, долго не смолкающее «ура!». В 8 часов отходит последний эшелон. Где-то вдали замолк стук колес паровоза, смолкло радостное «ура!». Но мы еще долго стоим на перроне. Хочется нагнать эшелоны и вместе с ними ринуться в бой.

Некогда. Спешим в Центробалт. Там, в тихом серебристом заливе, нагнав пары, ждут сигнала на штурм капитала те, кто вчера так доблестно защищал подступы к революционному Петрограду, кто приходил с позиций весь израненный и кто сегодня, наскоро залечив свои раны, ринется в новый, кровавый, но последний и решительный бой.

Медленно, выравниваясь в кильватерную колонну, один за другим мимо «Полярной звезды» Центробалта проходят миноносцы. Их стеньги украшены красными стягами с надписью: «Вся власть Советам». Команда на миноносцах и остающихся кораблях стоит во фронт. Оркестры и громовые раскаты «ура!» провожают уходящих в Петроград на борьбу. Брунс-парк, залитый утренним солнцем, заполнен народом. Тысячи ликующих взоров рабочих и недоумевающие взгляды обывателей провожают уходящих. Миноносцы, миновав Гельсингфорсские ворота, прибавили хода, оставляя позади разрез пенистых волн тихого моря. Кажется, с быстротой молнии промчались они вперед. Их не остановят теперь подводные лодки и не преградят путь к Петрограду. Они спешат, стараются не опоздать. Долго еще оставались неподвижными на бортах корабля моряки, провожавшие уходивших в Петроград. На их немного омраченных лицах вопрос: «А мы? Так и не будем участвовать в петроградском перевороте?» С «Республики» и «Петропавловска» беспрерывно звонят по телефону и спрашивают:

— А мы разве не пойдем в Петроград?

— У нас все готово. Мы ждем приказания.

Стараюсь успокоить:

— Вы — резерв. Потребуетесь, и вас пошлем. Пока будьте на страже...

В 14 часов 25 октября получена следующая телеграмма — приказ действующим армиям:

«Солдаты фронта! Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки и немедленно же предложил перемирие всем воюющим народам и передал землю крестьянам. В ответ на это Керенский, заклятый враг народа, двинул корниловские части войск, казаков и артиллерию против революционного Петрограда. Сейчас контрреволюционные отряды находятся по линии Гатчина и Царское Село. Гарнизон и рабочие столицы напрягли все силы для того, чтобы отразить и беспощадно раздавить контрреволюционных заговорщиков. Борьба идет из-за того — быть ли войне или миру, быть земле помещичьей или крестьянской, владычествовать богачам и генералам или беднякам и солдатам. Борьба будет беспощадная. Солдаты и рабочие знают закон — погибнуть или победить. Именем революции и новой, народной власти мы повелеваем вам, солдаты фронта, поддержать ваших братьев в Петрограде. Не нарушая фронта, двинуть немедленно на помощь столице верные и стойкие полки при артиллерии, дабы они ударили в тыл врагу. Зорко следите за тем, чтобы контрреволюционеры не получили больше с фронта ни одного солдата, пытайтесь задерживать силой, разоружать. Если вам попытаются помешать, сметите все препятствия. На 5-ю и 12-ю армии, как ближайшие, ложится долг в первую очередь подойти на помощь Петрограду, народу и революции.

Именем Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — Военно-Революционный комитет».

Телеграмма немедленно была передана на все корабли и во все базы флота, а также 5-й и 12-й армиям.

В 16 часов была получена вторая телеграмма следующего содержания: «Всем. Генеральный штаб сдался, и вся власть принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов».

В 20 часов у аппарата тов. Баранов Алексей:

— Правительство Керенского свергнуто. Петропавловская крепость в наших руках. Зимний занят. «Аврора» ведет себя геройски. До сих пор из Гельсингфорса нет поддержки. Ленин избран главой правительства. Состав военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты. Ты должен немедленно выехать в Петроград.

— Товарищ Баранов,— отвечаю,— все это великолепно, но выехать не могу. Считаю совершенно неправильным в дан-

ный момент отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда будете уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда я выеду. Поддержка вам выслана и с минуты на минуту должна прибыть.

27 октября утром оставляю своим заместителем в Центробалте тов. Измайлова и выезжаю в Петроград. По пути обгоняю эшелоны с артиллерией и отрядами моряков и солдат. Настроение у всех бодрое, боевое.

* *
*

Владимир Александрович
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Антонов-Овсеенко В. А. (настоящая фамилия — Овсеенко; партийные псевдонимы — Антонов, Штык и др.) (1883—1939 гг.), один из военных руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, советский военный деятель, дипломат. Родился в семье офицера в Чернигове. Революционную деятельность начал в 1901 г. в Варшаве. В 1903 г. в Петербурге вступил в РСДРП. В 1904 г. окончил юнкерское училище. Вскоре вышел в отставку и целиком занялся подпольной партийной работой. За революционную деятельность в период первой русской революции приговорен в 1906 г. к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Бежал из тюрьмы, продолжил партийную работу в Финляндии, Петербурге, Москве. Летом 1910 г.,

скрываясь от преследования царской охранки, нелегально уехал за границу. В Париже примкнул к меньшевистской группе Мартова. В 1914 г. порвал с меньшевиками. В годы первой мировой войны сотрудничал в интернационалистской газете «Наш голос», вместе с большевиками участвовал в создании клуба интернационалистов.
После Февральской революции 1917 г., в мае, вернулся в Петроград и обратился с просьбой принять его в ряды партии большевиков. В. И. Ленин, ЦК РСДРП(б) поддержали просьбу.
С июня 1917 г. Антонов-Овсеенко — член Коммунистической партии. По направлению ЦК РСДРП(б) работал в Гельсингфорсе на главной базе Балтийского флота, где выступал на кораблях, в солдатских казармах, редактировал газету «Волна». После июльских событий арестован и заключен в тюрьму «Кресты». Руководство РСДРП(б) добилось его освобождения.
Накануне Октябрьского вооруженного восстания как секретарь ВРК занимался вопросами вооружения отрядов Красной гвардии, подготовкой восстания. 22 октября (4 ноября) 1917 г. на заседании Петросовета докладывал о работе, проделанной ВРК. Во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде по указанию В. И. Ленина Антонов-Овсеенко вместе с Н. И. Подвойским и В. И. Невским руководил боевыми операциями в городе. Участвовал в аресте членов Временного правительства. На II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) вместе с П. Е. Дыбенко и Н. В. Крыленко избран в первый состав СНК в качестве члена Комитета по военным и морским делам. В ноябре 1917 г. назначен командующим войсками Петроградского ВО. В конце 1917 — начале 1918 г. командовал советскими войсками на Дону и на Украине. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на государственной, военной и дипломатической работе.

* * *

Военно-революционный комитет [1]

Под руководством ЦК разработан конкретный план организации Военно-революционного комитета. Этот план и был утвержден 12 октября исполкомом:

«Военно-революционный комитет организуется Петербургским исполнительным комитетом и является его органом. В состав его входят: президиум пленума и солдатской секции Совета, представители Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, представители партийных военных организаций, союза социалистической народной армии, военного отдела ЦИК

[1] Из книги. *Антонов-Овсеенко В.* В революции. М., 1983

и рабочей милиции, а также лица, присутствие которых будет признано необходимым. Ближайшими задачами Военно-революционного комитета являются: определение боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны столицы и не подлежащих выводу; затем — учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, а равно и учет предметов снаряжения и продовольствия; разработка плана работ по обороне города, меры по охране его от погромов и дезертирства; поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины.

При Военно-революционном комитете образуется гарнизонное совещание, куда входят представители частей всех родов оружия. Гарнизонное совещание будет органом, содействующим Военно-революционному комитету в проведении его мероприятий, информирующим его о положении дел на местах и поддерживающим тесную связь между комитетом и частями». Меньшевики в конце концов уразумели, куда клонится дело... Военно-революционный комитет, заявили они,— это переход военной власти в руки исполкома, это орудие государственного переворота. Меньшевики голосовали против и занесли свой протест в протокол.

13 октября. Солдатская секция Совета. Выступают один за другим окопники с воплем о скорейшем мире. Яркую речь от Балтфлота произносит Павел Дыбенко.

Бурной овацией встречают представители питерского гарнизона представителя ЦК героического флота.

В какой день? Должно быть, 17 октября...

— Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь...

Наспех отпустив несколько посетителей, дав необходимые указания заместителю по секретарству в Военно-революционном комитете, выхожу следом за Подвойским и Невским.

Отчаливаем в открытом авто... Входим в большой дом, ярко освещенный, полный шума, суетливых людских передвижений и разговоров. В обычной комнатушке поднялся к нам навстречу Зиновьев... Расспрашивает.

Отвечаю скупо, замкнуто — недоверчиво настраивает его оппозиционность решениям ЦК.

— Если вы сможете доказать, что, взяв власть, продержимся хотя бы две недели,— насмешливо тянет Зиновьев,— то я буду за восстание.

И высказывает несколько тусклых соображений о незрелости революционной ситуации на Западе, о слабости наших

боевых сил, о крупных боевых достоинствах противника, о гигантских трудностях положения.

— Спорить бесцельно,— говорю я.— Выхода нет. Мы уже в бою. Надо победить или умереть!

Узнав адрес, тронулись спешно.

...В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль долго крутит разными закоулками, наконец останавливается на одной из улочек Выборгской стороны... Прошли еще несколько переулков, внимательно оглядываясь. Наконец, убедившись в отсутствии слежки, проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук открывают. Приземистый пожилой рабочий крепко ощупывает нас взглядом...

— Так... Так... Знаю... Входите, Ильич сейчас будет...

Ждали недолго.

Ну кто б его узнал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого товарища-вождя! Перед нами седенький, с очками, довольно бодренький старичок добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист.

Ильич снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Новости наши не согласовались. В вопросе о нашей готовности к выступлению В. И. Невский и Н. И. Подвойский были настроены довольно скептически. Я же указывал, что в Питере мы гораздо сильнее, чем это им кажется. Северный съезд показал, что окрестные гарнизоны также с нами. Рассказываю о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, а команды некоторых миноносцев и подводок мало надежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

Ильич перебивает:

— Нельзя ли направить весь флот к Питеру?

— Нет. Прежде всего — фарватер не допустит, потом крупные суда побаиваются подводок и миноносцев. Наконец, оголять фронт матросы не захотят.

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике!

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два-три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев. Всего тысячи три.

— Мало,— недовольно и укоризненно говорит Ильич.— Ну а Северный фронт?

— По докладу его представителей, там прекрасное настроение и можно ждать оттуда большой помощи против частей, двинутых с других фронтов. Но чтоб знать точно, надо бы туда съездить.

— Съездите. Нельзя медлить.

Эта деловая четкость Ильича бодрит, рассеивает сомнения моих спутников, крепит мою энергию. Да, надо дать «полный ход»!

Здание бывшего института благородных девиц беспрерывно гудит, как приглушенный, но могучий мотор. У подъезда под чехлами чутко дремлет трехдюймовка. Комендант — матрос Мальков — выбивается из сил, чтобы наладить караул... И идет, идет в Смольный и из Смольного через размякшее осеннее поле почти непрерывная людская волна. Идет простота — солдаты, рабочие: барских пальто не видно, лаком не блестит.

Внутри деловая суета. Как она не похожа на то «оживление», что царило тут в совсем недавние дни меньшевистского засилья! Тогда все было аккуратненько, чистенько: студентики, курсисточки, на дверях бумажонки, номерочки. Этакий вылощенный порядочек.

Теперь в Смольный ворвалась улица. Всюду следы толп... Вот тут караулка, рядом штаб Красной гвардии. Накурено, наслежено. Ящики с винтовками, патронами, провизией. В углу за простым столом — штаб с выдержанным Юреневым. В комнате за № 18 постоянная толкучка; это комната фракции большевиков с неизменным и неутомимым Лашевичем. Во втором этаже — помещения исполкома Петроградского Совета и ряда разных советских объединений — создание Петроградского областного и Северного советских съездов. Боевые, ощеренные комитеты. И унылый ряд пустующих, запертых комнат с аккуратными надписями: «Междугородный отдел ЦИК», «Финансовый отдел ЦИК», «Председатель ЦИК»... Редко-редко поскрипит здесь какой-либо заблудший меньшевик. Все они сбежали из Смольного в Мариинку, где заседает так называемый «Совет республики», печальный соглашательский ублюдок, порожденный пресловутым Демократическим совещанием...

Вот большой зал, где почти каждый день бурлят собрания то Петроградского Совета, то профессиональных союзов, то какого-либо съезда. А в третьем этаже — Военно-револю-

ционный комитет, штаб революции, и военный отдел Петроградского Совета.

Смольный насторожен. Постоянно трещат телефоны. Мчатся ординарцы. Работает вовсю связь от воинских частей. Почти ежедневно гарнизонные совещания, собрания фронтовых делегатов.

В Смольном скрещиваются тысячи воль, надежд, призывов со всех концов страны. Смольный по края насыщен великой энергией, бодрой, грозной жизненностью.

Сегодня (20 октября) — первый пленум Военно-революционного комитета.

Пестрый состав! Наряду с боевыми товарищами по «Военке», Питерскому Совету неизбежный Богданов от военного отдела ЦИК, какие-то молодые офицерики от союза социалистической народной армии, несколько железнодорожных и почтово-телеграфных фуражек, еще кто-то и что-то мемекающий да несколько ходящих эсеров.

Хорошее формальное прикрытие для боевой работы партии! Кто-то от нас деловито председательствует.

Ведь ВРК не какой-нибудь «заговорщицкий центр», это подсобный орган исполкома Петроградского Совета! Его работа протекает с возможно широкой гласностью.

На следующий день скромный бюллетень сообщает о результатах его первого пленарного заседания:

«В связи с тревожным политическим моментом и для принятия в этом отношении надлежащих мер по охране Петрограда от контрреволюционных выступлений и погромов Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов решил мобилизовать все свои силы.

Утвержденный общим собранием Совета Военно-революционный комитет с 20 сего октября сформировался и приступил к самой интенсивной деятельности, сохраняя контакт со штабом Петроградского военного округа.

В состав Военно-революционного комитета кроме членов Совета и представителей гарнизона вошли представители: от Центрального комитета Балтийского флота, Финляндского областного комитета, местного самоуправления, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, Совета крестьянских депутатов, партийных военных организаций и пр.

Установлено непрерывное дежурство членов ВРК и самая тесная связь с районными Советами и войсковыми частями гарнизонов Петрограда и окрестностей.

При Военно-революционном комитете находятся по одному представителю от каждого полкового комитета для службы связи.

Ежедневно утром в стол донесений представляются доклады представителей районных и войсковых комитетов о настроении и положении дел на местах.

20 октября происходило первое заседание Военно-революционного комитета. Организационным бюро представлен доклад о ряде основных задач, подлежащих разрешению собрания, и установлении службы связи с местными и пригородными частями».

В стороне от пленума кипучая работа бюро ВРК. (21-го оформлено в составе: председателя Лазимира, секретаря Антонова, членов: Подвойского, Садовского и Сухарькова; бюро в тесном контакте с ЦК партии, под его прямым руководством — фактически орган ЦК.)

На 22 октября Питерский Совет депутатов назначил «День Совета» — митингов с подведением итогов восьми месяцев революции. Контрреволюция в ответ назначает через Совет казачьих войск в тот же день «крестный ход» казаков «для моления о спасении родины». Контрреволюция пытается спровоцировать столкновения, вдохнуть дух погрома в последний свой — и то уже почти потерянный — резерв, ибо в казачьих частях нет былого контрреволюционного рвения, нет намерений идти против революционного Питера.

Питерский Совет принимает горячее воззвание к казакам:

«Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги-насильники: дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские. Они всегда были сильны и властны разделением народа, натравливали солдат на рабочих и крестьян, казаков напускали на солдат. Какими средствами достигали они этого? Ложью, клеветой. Казак, солдат, матрос, рабочий, крестьянин — родные братья. Все они труженики, все бедны, все тянут лямку, все придавлены и ограблены войной...»

В конце воззвания Совет приглашает казаков на мирные митинги рабочих и солдат в день 22 октября:

«На 22 октября Совет назначил мирные митинги, собрания, концерты, где рабочие и солдаты, матросы и крестьяне будут слушать и обсуждать речи о войне и мире, о народной доле. На эти мирные, братские митинги мы приглашаем и вас. Добро пожаловать, братья казаки!»

Казаки братски откликнулись. Представители от трех казачьих полков, расположенных в Питере, явились на созванное нами гарнизонное собрание. Потрясающе патетичен был момент, когда эти лихие станичники заявляли, что казаки не

пойдут против рабочих и солдат, что будут заодно с Советом депутатов.

«Крестный ход» был отменен.

Все же бюро ВРК обсудило ряд мер для предупреждения возможных столкновений из-за намеченного «крестного хода». Назначены дежурные части, посланы агитаторы.

В тот же день (20 октября) решено направить во все части гарнизона, в ряд учреждений, на склады и военные заводы «для наблюдения и организации надлежащих мер охраны» комиссаров ВРК. Десятки боевых товарищей двинуты в полковые, флотские комитеты, в Петропавловку, арсенал, на Сестрорецкий оружейный завод, почту, телеграф, телефонную, электрическую станции.

В Обращении к населению Петрограда ВРК пояснял:

«В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков им надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета, в близлежащую воинскую часть».

В подкрепление Совет депутатов разослал тотчас же телефонограмму по всем частям питерского гарнизона: необходимо доводить до сведения ВРК о всех распоряжениях штаба округа и исполнять эти распоряжения только по одобрении их ВРК.

22 октября. «День Петроградского Совета». На всех заводах, во всех воинских частях, в цирке «Модерн», в Народном доме — митинги.

Контрреволюционные силы — в подполье.

Мне выступать на заводах Васильевского острова, Балтийском, Трубочном.

Празднично. Торжественно. Подъемно. От этих рядов, тесно сомкнутых, от горящих глаз веет такой силой, такой уверенностью, таким единодушием!

Это — предгрозовье! С этим пролетариатом нельзя не идти в бой и нельзя не победить!

А конфликт со штабом округа разрастается.

Штаб пытается, используя авторитет ЦИК, перехватить гарнизон из-под влияния ВРК.

Одновременно с созванным нами гарнизонным собранием штаб созывает свое заседание гарнизонных и бригадного комитетов.

На него приглашает по два представителя от ЦИК, Петроградского Совета и крестьянского ЦИК.

...Крайне взволнованный, несколько растерянный, прибегает в ВРК только что назначенный нами в Петропавловскую крепость комиссаром тов. Тер-Арутюнянц. Комендант крепости отказался признать его мандат, грозит ему арестом во исполнение приказа штаба округа.

Не шуточное дело! Петропавловка — сильнейший опорный пункт Питера, держит под своими орудиями Троицкий мост, Зимний дворец. Петропавловка примыкает к арсеналу с его 100 тысячами винтовок. Она на стыке боевого нашего Выборгского района с Петроградским.

За Петропавловку надо драться!

Созываем экстренное собрание Военно-революционного комитета.

Тер-Арутюнянц повторяет доклад. Поясняю. Это решительный момент. Обеспечѐние Петропавловской крепости за Керенским крайне упрочит позиции Временного правительства. Овладеем крепостью мы — это будет страшным ударом керенщине: падет ее основной опорный пункт в Питере, и арсенал со 100 тысячами винтовок будет нашим.

Настаиваю на решительных мерах: опираясь на верную часть гарнизона, ввести в крепость батальон вполне надежного лейб-гвардии Павловского полка. Поддерживает Тер-Арутюнянц и еще кто-то. Большинство возражает: «Нельзя рисковать. А если крепость окажет сопротивление? Ведь только что введен с фронта в нее батальон самокатчиков».

Большинством решаем: надо попытаться взять крепость изнутри — провести митинг и склонить гарнизон на сторону Советской власти.

Крайне раздосадованный, пишу в очередном докладе В. И. Ленину о нерешительности, проявленной ВРК. Понимаю тактику использования советской легальности; понимаю необходимость не зарываться чересчур вперед от основных резервов, оставаться в контакте с массами рабочих и солдат.

Но когда реакция наступает, надо действовать немедленно и решительно. В этом стремлении оттянуть решающий бой до съезда Советов, на чем настаивает Троцкий, можем потерять инициативу, можем расхолодить массы, можем все потерять.

...Но утром 23-го гарнизон Петропавловки почти единодушно постановил: исполнять только распоряжения ВРК. Самокатчики-фронтовики оказались левее крепостных артиллеристов.

Тер-Арутюнянц стал комиссаром крепости и арсенала.

А следом — прапорщик Благонравов (как будто нескладно длинный, решительный и спокойный на деле) заменил арестованного нами коменданта.

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Громадный арсенал перешел в руки рабочих. Тотчас же оружие по ордерам главного штаба Красной гвардии потоком устремилось в рабочие кварталы.

Это была вторая победа рабоче-крестьянского восстания.

Произошла она, конечно, лишь вопреки тактической линии, которую стремился проводить Троцкий,— Временное правительство слишком положилось на преданность взятых с фронта частей; был бы иной результат, введи оно в крепость одно из пехотных юнкерских училищ. И ЦК учел (о чем дальше) опасность линии Троцкого.

В тот же день Петроградский Совет пожелал заслушать доклад Военно-революционного комитета.

И ВРК представил Совету — нескольким тысячам рабочих и солдат — отчет о своей деятельности. Ведь ВРК формально орган Совета.

Сейчас же по образовании ВРК к нему стали поступать заявления о принятии целого ряда мер в интересах защиты революции. Так, рабочие одной из типографий сообщили, что поступил заказ черносотенной организации.

В согласии с союзом печатников немедленно решено, чтобы впредь без санкции Военно-революционного комитета заказы не выполнялись. Рабочие и служащие Кронверкского арсенала при Петропавловской крепости подняли вопрос о контроле над выдачей оружия. И в настоящее время ни одна винтовка без ведома нашего комиссара из Кронверкского арсенала выпущена не будет. Приостановлено вооружение юнкеров. Десять тысяч винтовок, предназначенных для Новочеркасска, задержаны. Задержано оружие для целого ряда подозрительных лиц и организаций. На патронном заводе установлен контроль над складом взрывчатых ве-

ществ. Наши комиссары назначены на все склады оружия. Комиссары эти везде признаны рабочими и служащими складов.

Предполагаемый на 22 октября «крестный ход» казаков темные силы, как известно, пытались использовать в контрреволюционных целях. Мы потребовали, чтобы не было никакой вооруженной демонстрации. «Крестный ход» был отменен.

Во все воинские части назначены комиссары. Везде они принимаются радушно. Никакие приказы и распоряжения без санкции комиссаров выполнены не будут. Военный штаб уже имел случай убедиться, что это не пустые слова: распоряжения штаба о выдаче оружия, автомобилей и т. д. не были исполнены.

Полки, на которые контрреволюция почему-то возлагала надежды, приняли наших комиссаров. Преображенский полк на собрании, устроенном комиссаром Чудновским, заявил протест по поводу утверждения буржуазной печати, будто преображенцы стоят за Временное правительство.

Самокатчики Петропавловской крепости заявили о своей поддержке Петроградского Совета и полной солидарности с петроградским гарнизоном. Гарнизон Петропавловской крепости, этой Бастилии коалиционного правительства,— на стороне революции. К Совету присоединился также 9-й кавалерийский полк.

Напряженно работает Смольный. Рядом с фракцией большевиков гудит в нижнем этаже штаб Красной гвардии.

Все заставлено ящиками с винтовками, револьверами, патронами. Вносят, выносят. Бодро, быстро... Вооружается пролетариат.

Кончила (25-го) свои работы общегородская конференция Красной гвардии. Боевая резолюция по текущему моменту. Устав Красной гвардии. Закреплен главный штаб. Задачи Красной гвардии, конечно: «Борьба с контрреволюцией и защита завоеваний революции» (видите, как скромно, осторожно, считаясь с нерешительностью необходимых союзников!).

Установлено разграничение с милицией. Красная гвардия — в распоряжении только Петроградского Совета.

Заседает главный штаб (Павлов, В. Трифонов, Потапов, Юренев, Юркин) с районными бюро. Эти бюро выделяют в штаб по одному, а Выборгский и Пороховской по два делегата.

Постановлено — держать Красную гвардию под ружьем, установить дежурства отрядов и т. д.

Произведен подсчет сил. К 23 октября имеется: Выборгский — 5 тысяч, Василеостровский — тысяча, Нарвский — тысяча, Невский — 4 тысячи, Московский — 8 тысяч, Петроградский — 600, Пороховской — 300, Охтенский — 500, Шлиссельбургский — 300.

Но эти цифры уже отстали, за 23-е — новые сотни, тысячи, пожалуй, вооружились, организовались, обучаются.

23-го по ряду заводов проходят смотры, проверка знаний Красной гвардии. Настроение боевое, радостное. На Трубочном кто-то выскочил против вооруженного выступления: «Несвоевременно! Раскол демократии!» Не дали продолжать: «Долой!»

Рабочий Питер встал под ружье!

ВРК заседает непрерывно в контакте с центром, выделенным ЦК. Готовимся к решительному бою. Продумывается план захвата всех главных учреждений. Озабочивает особо связь, для обслуживания ее подготовляются специальные кадры из среды специалистов — солдат и моряков. Это будущие команды для работы на телеграфе, телефонной, электрической станциях.

Посылаются агитаторы навстречу отрядам Керенского. Принимаются меры к обезвреживанию юнкерских училищ.

В Адмиралтействе с 21 октября распоряжается Военноморской ревком (Баранов, Вахрамеев). Оттуда сообщают: получена юзограмма:

«Ревель. Образован Военно-революционный комитет 23 октября в 7 часов вечера. Заняты все необходимые пункты. Гарнизон выразил подчинение исполнительному комитету. Контроль протекает нормально и расширяется по всему краю».

Но не дремлет и штаб округа. Керенский всю ночь проработал с Полковниковым и Багратуни.

Ранним утром дежурный ВРК тормошит.

«Началось!»...

Только что в типографию нашей газеты «Рабочий путь» явился комиссар 3-го Рождественского района с отрядом юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы. Окружив все входы и выходы, комиссар предъявил выпускающему ордер главнокомандующего Петроградским округом о немедленном закрытии газет «Рабочий путь» и «Солдат», а также типографии.

Выпускающий на это ответил, что он не признает никаких

указов, откуда бы они ни исходили, без санкции Военно-революционного комитета, и от принятия ордера отказался.

Газеты все же были закрыты. Стереотипные отливы разбили, типографию опечатали и часть газет, уже отпечатанных, увезли в комиссариат.

Тотчас же собрание ВРК. Принимается резолюция:

«Две революционные газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты заговорщиками штаба. Совет рабочих и солдатских депутатов не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать.

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Типографии революционных газет открыть.

2. Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3. Почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона».

Через пару часов караулы юнкеров отогнаны, печати сорваны, типография открыта, в 11 часов утра газеты вышли.

Одновременно с ударом по нашей печати штаб округа распорядился:

«Всем владельцам автомобилей — доставить их в распоряжение штаба».

Приказ этот остался «без последствий»...

Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа — в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений! Твердость, стойкость, выдержка, решительность.

Да здравствует революция!»

Второе обращение ВРК гласило:

«К населению Петрограда.

Граждане!

Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в близлежащую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу — преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции — в твердых руках».

Гудит и волнуется Смольный: непрерывный поток людей — к нему, от него. Лязг оружия, четкий стук сапог. Пыхтенье авто, грузовиков. И невообразимая толчея внутри.

В каком-то ранне-утреннем часу прохожу спешно коридором. Товарищ Рахья! Крепко симпатичный, решительный парень. Не выслушивает, не расспрашивает на этот раз. Подняв многозначительно палец к сжатым губам, показывает глазами в открытую дверь...

В комнате, кажется иногороднего отдела ЦИК, за столом вижу только характерную спину, знакомый парик...

Искра короткого замыкания пробегает в теле.

«Ильич — в Смольном!»

У порога Свердлов, еще кто-то.

К делу! Вождь с нами. Всей силой вперед!

10 часов утра 25 октября. Временное правительство еще занимает Зимний дворец. В Мариинском еще «заседает» «Совет республики».

Но все опорные пункты Питера — у нас. Все вокзалы, Госбанк и прочие государственные учреждения заняты. Весь рабочий Питер и весь гарнизон, кроме горстки охраны «керенщиков»,— с нами.

Да, революция уже победила. Ее дело обеспечено.

Остается лишь смести железной метлой историческую труху с пути революции.

...12 часов... По словам коменданта Петропавловки Благонравова, все в крепости готово. Орудия накатаны на валы. Обстрел Зимнего можно начать по первому сигналу... Из Смольного сообщают, что захват всех правительственных зданий и вокзалов обошелся без кровопролития. Соглашательский Предпарламент — «Совет республики» — разогнан в два счета. Съезд Советов должен открыться в 2 часа дня. Надо кончать с правительством Керенского.

Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву. «Аврора» продвинулась к самому Николаевскому мосту.

Но вот что-то Дашкевич запаздывает — оцепления по Мойке из гвардейских частей не видно. Ведь ранним утром целый батальон юнкеров (инженерная школа прапорщиков) спокойно прошел из Кирочной к Зимнему. Гарнизон дворца усилен этим штыков на 300. Зато Аленин выполнил обещание. Шестиорудийная батарея Михайловского училища отозвана. Взамен прибыло отделение (два орудия) Константиновского артиллерийского училища... С удивительной медлительностью налаживается наше оцепление!

...Быстро несет меня катер мимо нахохлившегося Зимнего дворца (на набережной какое-то движение — выдвигают орудия?) к «Авроре». На крейсере «все в порядке». Но выясняется, что обстреливать окружной штаб, где будто бы засело Временное правительство, с «Авроры» невозможно.

Условливаюсь, что по сигнальному выстрелу Петропавловки «Аврора» даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки. Передаю миноносцам, чтобы проникли за Николаевский мост и развернулись для обстрела (по сигналу) Зимнего.

Опять — в крепость.

Новости! На собрании Петроградского Совета появился встреченный бурей оваций Ленин. Съезд Советов соберется вечером. «Кончайте с Зимним».

Составляю ультиматум Временному правительству.

Именем ВРК предлагаю членам Временного правительства сдаться; не сдадутся — в 6 часов 20 минут с крепости и с судов будет открыт обстрел Зимнего штаба.

Докладываю подробно Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты не заметно. Но хороша артиллерия, бронепоезд. По слухам, «ударники» движутся через станцию Дно. С Юго-Западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На Северном фронте латыши и сибиряки разогнали соглашательские комитеты, обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков — тысячи полторы. Отборный народ. Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержать на месте Кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова — стрелки, артиллерии вот нет. Остальные несут караулы, казаки-донцы 1-го, 4-го и 14-го полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне прочен. Центр закреплен. Но левый участок весьма ненадежен: стрелки колеблются, офицерство предательствует. Здесь полная возможность для Краснова прорваться в город. Недостаточно обеспечена также безопасность Николаевской железной дороги: следует закрепить Колпино и прикрыть связь с Москвой. Этому мог бы содействовать бронепоезд, обещанный путиловцами, точнее, бронеплощадка с зенитными орудиями, да что-то ее нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться? Можно съездить и подтолкнуть заодно...

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле почти совсем замерзли, когда наконец подъехали к Путиловскому. Завод освещен, гудит нутряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета.

...За большим столом, согнувшись над чертежами,— запотелые, в рубцах труда, забот, огневых дум серьезные лица. Инженеры сбежали. Сами кумекают. Вскинулись крепкими глазами. Засветились — и опять в чертежи. Некогда!..

Да, эвон сколько наворочали за пару дней! Будут через сутки бронеплощадки в бою.

Отъезжаем... Ильич молчит, только улыбается. Чую громадный свет его глубокой мысли. Свое дело делают рабочие, кровное. И доведут до конца, до полной победы свое дело.

* *
*

Надежда Константиновна
КРУПСКАЯ

Крупская Н. К. (1869—1939 гг.), участница Октябрьской революции в Петрограде, советский государственный и партийный деятель, жена и верный товарищ В. И. Ленина по революционной борьбе. Родилась в Петербурге в семье демократически настроенного офицера, встречавшегося с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым

В 1890 г. Крупская, слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, стала членом студенческого марксистского кружка, где познакомилась с произведениями К. Маркса.

В 1891—1896 гг. преподавала в воскресно-вечерней школе для рабочих, вела пропагандистскую работу за Невской заставой.

В феврале 1894 г. Крупская встретилась с В. И. Лениным. В 1896 г. арестована как член петербургского «Союза борьбы за освобождение

рабочего класса» и приговорена к ссылке. Отбывала ее в Уфимской губернии, затем в с. Шушенском Енисейской губернии вместе с В. И. Лениным; там Крупская стала его женой. Член Коммунистической партии с 1898 г. В 1900 г. срок ссылки заканчивала в Уфе, где готовила будущих корреспондентов «Искры».
В 1901 г. приехала к Ленину, находившемуся в эмиграции в Мюнхене. Работала секретарем редакции газеты «Искра», большевистских газет «Вперед», «Пролетарий»; с мая 1905 г.— секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП, шифровала и писала от руки до 300 писем в месяц.
В ноябре 1905 г. вместе с Лениным вернулась в Россию, была секретарем ЦК партии, участвовала в революции 1905—1907 гг.
В конце 1907 г. Ленин и Крупская вновь были вынуждены эмигрировать. За границей продолжала вести ответственную партийную работу. Делегат II, III, IV съездов РСДРП, участница партийных конференций и важных партийных собраний.
3(16) апреля 1917 г. вместе с Лениным вернулась в Россию. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).
13(26) мая 1917 г. в ответ на многочисленные просьбы рабочих, солдат и крестьян рассказать о жизни Ленина опубликовала в газете «Солдатская правда» статью «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии» — первый краткий биографический очерк о Ленине. Крупская возглавляла комиссию по работе с молодежью, созданную в июне 1917 г. при ЦК РСДРП(б). Разработала примерный устав Союза рабочей молодежи (опубликован в «Правде» 7 июня 1917 г.). Делегат VI съезда РСДРП(б), участвовала в подготовке резолюции съезда «О союзах молодежи». Член Выборгского райкома партии в Петрограде, где возглавляла отдел народного образования. После июля 1917 г. поддерживала связь между Лениным и ЦК РСДРП(б).
В октябре 1917 г. участвовала в подготовке вооруженного восстания в Выборгском районе. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР. В дальнейшем — на партийной и государственной работе.

* * *

«Это ли не счастье для коммуниста»[1]

27 марта 1917 года — день, который запомнился Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне навсегда,— они уезжали из Швейцарии после многих лет жизни вдали от родины...

Вот и Петроград... Глаза Надежды Константиновны были полны слез. А можно ли было забыть такое: перед вокзалом людское море, знамена, лозунги, Владимир Ильич поднимается на броневик. «Да здравствует социалистическая миро-

[1] Из книги: *Кунецкая Л., Маштакова К.* Крупская. М., 1973.

вая революция!» — разносится его голос по огромной площади. Это был один из счастливейших моментов в жизни семьи Ульяновых.

Надежда Константиновна слушала речь Владимира Ильича, вглядывалась в восторженные, впитывающие каждое его слово лица людей и всей душой чувствовала единение народа и Ленина, их неразрывную связь.

Сначала поехали к особняку Кшесинской, где помещались ЦК и Петербургский комитет. Здесь их закружил водоворот — встречи, дискуссии. Владимир Ильич уже глубокой ночью произнес речь с балкона дворца перед толпами рабочих и солдат.

Под утро поехали наконец домой к Анне Ильиничне Елизаровой, сестре Владимира Ильича. Из автомобиля приглядывались к городу. Питер не спал: патрули, группы солдат, куда-то идут отряды Красной гвардии. Пора белых ночей еще не наступила, но весеннее небо над городом было светло-серым.

Рано утром подошла к дому машина: в Таврическом дворце шло заседание большевиков — членов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Вместе поехали туда. Когда вошли в зал, оба сразу увидели сияющие глаза, отовсюду тянулись руки, слышались радостные приветствия.

Ленин выступил со своими историческими Апрельскими тезисами, которые настраивали партию на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Вскоре после приезда Надежда Константиновна пошла работать в Секретариат ЦК партии, но очень быстро поняла, что здесь она вряд ли принесет много пользы. Она привыкла к совсем другим функциям секретаря, к большей активности, самостоятельности.

К тому звала и бурлящая жизнь.

«Против нашего дома был какой-то двор,— вспоминала Крупская,— вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... В три часа — Милюков, большевики... В пять часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские у меня всегда связываются в воспоминании с этими ночными митингованиями».

В начале апреля в Петрограде проходил Всероссийский съезд учителей. Учительство почти целиком было под влия-

нием эсеров, и большинство ораторов оказались ярыми оборонцами. Социал-демократы — а их всего, и большевиков, и меньшевиков-интернационалистов, оказалось человек 20,— собравшись в маленькой комнате, спорили по вопросу, какой должна быть новая школа.

Надежда Константиновна, придя домой, сразу села за письменный стол. Она не могла ни о чем другом ни думать, ни говорить. Когда пришел Владимир Ильич, ее статья «К Всероссийскому съезду учителей» была уже готова. Ленин прочел ее. Статья была написана лаконично и вместе с тем взволнованно. Показав, что съезд в основном находится под влиянием буржуазии, так как голос социал-демократов при царизме не доходил до учителей, Крупская писала: «Буржуазия отлично знает, каким могучим орудием господства является школа, и хочет сохранить это орудие в своих руках. Она боится, чтобы не началась снизу та реорганизация всего дела, которая одна только может сделать школу по-настоящему свободной, превратить ее в могучее орудие освобождения народных масс... Мы зовем учительство не к терпению, а к самодеятельности, к творческой революционной работе в области народного образования рука об руку с широкими народными массами». Крупская кончает статью призывом: «Только такая революционная созидательная работа обеспечит свободную школу, которая так необходима народу. За работу, товарищи!»

Статья понравилась Ленину, и он сам передал ее в редакцию «Правды». По его поручению Крупская формулировала необходимые изменения в Программе партии по вопросам народного образования. Большевики готовились к VII партийной конференции.

Проект изменений пунктов Программы, относящихся к народному образованию, Крупская составила с учетом новых исторических условий, сложившихся после Февральской революции, с учетом той борьбы, которую вела партия большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В предисловии к брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы» Владимир Ильич писал: «...снабженный краткими пояснениями проект изменения пунктов партийной программы, относящихся к народному образованию. Проект этот составлен уже после конференции Н. К. Крупской»[1].

А борьба разгоралась, это чувствовалось во всем. В ответ на заверение Временного правительства, что оно будет продол-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 137.

жать войну до победного конца, рабочие вышли на улицу, требуя мира, с лозунгами «Долой войну!», «Долой Милюкова!», «Вся власть Советам!».

Вот как описывает Надежда Константиновна Невский проспект 21 апреля 1917 года. «Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре.— Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпах; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара.

Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. «Надо бить Ленина!» — кричала какая-то по-модному одетая девица. «Перебить бы всех этих мерзавцев»,— кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина».

Травля Ленина все усиливалась. Тревога за Владимира Ильича не покидала Надежду Константиновну. Темные, малограмотные массы поддавались на буржуазную агитацию. Даже простые домохозяйки обсуждали вопрос, что делать с немецким шпионом Лениным. В эти дни Крупская пишет свою первую статью о Ленине. Пишет ее для широких пролетарских масс. Статья называется «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии», в ней Надежда Константиновна просто и доступно обрисовывает революционный путь Ленина, показывает его тесную и долгую связь с борьбой рабочего класса. Она пишет: «Петербургский пролетариат устроил торжественную встречу Ленину, потому что знал его прошлую деятельность, знал, за что он приехал бороться. С бешеной злобой обрушилась вся буржуазия, все темные силы на Ленина. Всю свою затаенную ненависть к поднимающимся к власти народным массам вылили они на Ленина. Для них он был олицетворением того перехода власти к рабочим, который грозит всему существующему порядку, всем привилегиям сытых и так недавно еще господствовавших». Статья эта появилась в «Солдатской правде» 13 мая.

Все реже видятся Надежда Константиновна и Владимир Ильич. Когда вечерами он приходит домой, на его лице лежит печать такой усталости и заботы, что она не решается о чем-либо расспрашивать. Но в них живет прежняя потребность поговорить, поделиться друг с другом мыслями, обсу-

дить все сообща. И Владимир Ильич иногда уговаривает ее пойти погулять. И они бродят по улицам Петрограда, выбирая глухие, нешумные рабочие окраины. Порой к ним присоединяются друзья. Через много лет Надежда Константиновна напишет: «Между тем у меня с секретариатом дело все не налаживалось. Конечно, Ильичу было гораздо труднее работать без личного секретаря, но по российским условиям, чтобы быть тем личным секретарем, каким я была раньше, мне нужно было бывать и в редакции, и на заседаниях ЦК — это было неудобно. Потолковали с Ильичем, решили — брошу секретарство, уйду в просвещенческую работу. Когда теперь я думаю об этом, жалею, что так сделала. Осталась бы при Ильиче, может быть, сняла бы с него заботу о многих мелочах». Она и тогда думала об этом, но Владимир Ильич считал, что ей нужна большая самостоятельная работа.

В июне в Петрограде проходили выборы в районные думы. Надежда Константиновна отправилась посмотреть, как проводится предвыборная кампания в рабочем районе на Васильевском острове. В скромном платье, с простой прической, спокойная, несуетливая, она, не привлекая ничьего внимания, переходила от одной группы рабочих к другой, прислушивалась, о чем говорят, и с гордостью убеждалась в могучем росте классового самосознания рабочих и работниц. Большинство в этом районе отстаивало линию большевиков.

Надежда Константиновна баллотировалась в думу Выборгского пролетарского района, где избирательная кампания носила особенно острый характер. Здесь против большевиков объединились все — кадеты, эсеры, меньшевики. Они хотели оторвать рабочих от ленинской партии, стремились любыми средствами удержать свое большинство в думе.

Партия Ленина приняла бой. В первый день выборов, 3 июня 1917 года, в «Правде» было напечатано обращение «К рабочим Выборгского района», в котором газета призывала пролетариев быть не только избирателями, но и агитаторами, организаторами масс. На заводах, на улицах, площадях райком партии организовал предвыборные митинги, где с разоблачением политики мелкобуржуазных партий выступали видные деятели большевиков. Молодежь распространяла «Правду», «Работницу» и специальные предвыборные листовки.

Победа большевиков была полной. Из 64 гласных думы 37 мест завоевали большевики.

Первое заседание Выборгской районной думы состоялось 16 июня. В рабочие органы (президиум, секретариат, районную управу и ее отделы) были избраны только большевики.

Надежду Константиновну избрали членом управы и председателем культурно-просветительной комиссии. «Работа в Выборгском районе дала мне чрезвычайно много — это была хорошая школа партийной и советской работы»,— говорила позднее Крупская.

По ее инициативе в думе был организован Совет по народному образованию, куда входили представители всех заводов и фабрик района. Надежда Константиновна писала тогда: «Мы, большевики, понимаем под местным самоуправлением самое широкое участие масс в строительстве всего уклада городской жизни. Участие населения в этом строительстве заключается не только в том, что население путем голосования выбирает себе представителей, которые и должны пещись об его нуждах, но и в том, что население все время самым внимательным образом следит за деятельностью этих облеченных его доверием представителей, помогает этой деятельности, самым широким образом участвует в ней».

Крупская становится популярнейшей личностью среди жителей Выборгского района. К ней охотно идут со всеми вопросами. Она одну за другой организует комиссии самих рабочих и работниц. Активно борется район с неграмотностью. Очень скоро было открыто 30 школ, куда от каждого завода или фабрики записалось по 150—200 человек.

Завершить создание сети общеобразовательных школ предполагалось открытием народного университета рабочих Выборгской стороны.

И в августе 1917 года наступил этот торжественный день. В деревянном бараке, прибранном и приведенном в порядок рабочими и работницами, в доме 53 по Выборгской набережной Надежда Константиновна открыла народный университет.

Сбывались далекие мечты. Она вспомнила шутку Владимира Ильича, что, прежде чем осуществлять ее идеи перестройки дела народного просвещения, надо взять власть. С той поры прошло всего 10 лет, и русский рабочий, рвущийся к знаниям, получает эти знания в таком объеме, о каком и не слыхивали на «просвещенном» Западе.

Стремясь как можно шире внедрить грамотность среди работающих подростков, Крупская предлагает ввести обучение их без отрыва от производства. Комиссия управы единодушно принимает написанную Надеждой Константиновной резолюцию, где говорится: «Обучение в школах должно производиться за счет рабочего времени, а организация всего дела находиться под контролем рабочих». Надежда Константиновна и ее помощники много внимания уделяют также биб-

лиотекам. Специально созданная комиссия производит учет книжного фонда, что делает доступными для трудящихся имевшиеся книгохранилища. Правда, в районе было всего три библиотеки, и то ими пользовались служащие и учащиеся, рабочие в большинстве не знали об их существовании. Надежда Константиновна нашла время обойти библиотеки, познакомилась с их сотрудниками, количеством читателей, внимательно просмотрела каталоги. Книг популярных, научных там почти не было. Даже отделы художественной литературы были бедны и малоинтересны для рабочих. В своем докладе на заседании районной думы Крупская предложила пополнить фонды библиотек научной литературой, привлечь завкомы, фабкомы, домкомы к работе библиотек, создать «летучие библиотеки» и специальные библиотеки для детей. Ведь тяга к книге у населения огромна. «Брошюры наши в районе... идут нарасхват,— пишет она.— На покупку книг рабочий Выборгского района тратит, пожалуй, гораздо больше, чем, скажем, швейцарский, но пользование библиотеками не вошло еще в обычай».

Кроме того, Надежда Константиновна принимает самое деятельное участие в создании рабочих клубов, которые становятся в ряде случаев центром всей культурно-просветительной работы. Если кратко подытожить просветительную деятельность думы, поражаешься, сколько большевики сумели сделать за несколько месяцев. С июня по октябрь в Выборгском районе уже работало 40 школ и различных курсов для взрослых, 10 школ для подростков, 40 библиотек-читален, 10 клубов для взрослых и 6 — для подростков и молодежи.

Но это был лишь один из аспектов деятельности Крупской в период работы в думской управе.

В управу шли работницы, солдатки. Крупская черпает в общении с ними силы, уверенность в победе. Как выросли женщины за годы, прошедшие с первой революции! Перед ней сидит молодая, хорошо одетая женщина и как бы рассуждает вслух: «Вот муж какой год на фронте. Раньше мы с ним дружно жили. Я теперь большевичкой стала. Ночами не сплю, думаю — вдруг он не понял еще, с кем идти?» На щеках ее горят алые пятна. Она больна. Но не болезнь ее заботит, а то, что она может разойтись с мужем из-за взглядов. Надежда Константиновна успокаивает ее: «Что вы, окопы — лучший агитатор, ведь, кроме большевиков, никто мира не предлагает. На фронте много большевиков».— «Так думаете?» — облегченно вздыхает работница и начинает говорить о том, как на их фабрике организовали ясли.

Под руководством Крупской Выборгское отделение комиссии помощи солдаткам превратилось в центр агитационной работы среди женщин.

Крупская создает широкий женский актив для агитации в воинских частях, расквартированных в их районе. Под видом продавщиц семечек, кваса проникают женщины в казармы, где ведут большевистскую агитацию. Об этой стороне своей деятельности Крупская писала: «Собирала делегаток от солдаток, обсуждали вместе с ними состояние дела в детских домах, организовывали их контроль над детдомами, инструктировали их, вели большую разъяснительную работу».

Огромное значение имела и работа Крупской среди молодежи в дни подготовки к Октябрю. «Молодежь — наше будущее»,— любила говорить Надежда Константиновна, и она вела упорную борьбу за умы и сердца многотысячного отряда юношей и девушек, рвавшихся к активной политической жизни.

Надежда Константиновна выступила на собрании молодежного актива города. Она передала приветствие от партии большевиков, рассказала о политической обстановке в стране, четко обрисовала задачи союзов молодежи.

В один из майских дней 1917 года в райкоме партии старинного промышленного Коломенского района ребятам сказали, что с докладом у них выступит жена Ленина. В райком пришли не только юноши и девушки, но и их родители, старшие братья и сестры, помогавшие ребятам организоваться, вовлекавшие их в борьбу большевиков против Временного правительства. Задолго до назначенного часа в райком вошла женщина средних лет, скромно одетая... «Здесь Социалистический союз молодежи Коломенского района?» — спросила она. И, получив утвердительный ответ, представилась: «Я — Крупская, приехала к вам на собрание». Ребятам не пришло в голову, что жена Ленина носит другую фамилию, поэтому они попросили ее подождать и забыли о ней, волнуясь, что докладчицы все нет. Надежда Константиновна присела на стул, вынула книгу, но не читала, а внимательно приглядывалась к ребятам, вслушивалась в их разговоры. Все уже были в сборе. Дежурный звонил в Петербургский комитет и получил ответ, что жена Ленина давно уехала. Он влетел в зал: «Ребята, надо пойти по району — не случилось ли чего с докладчицей». Надежда Константиновна поднялась: «Я уже давно пришла».— «Да мы про жену Ленина, она должна у нас выступить».— «А я и есть жена Ленина». Ребята сконфузились, а Надежда Константиновна рассмеялась и ободряюще сказала: «Все это пустяки, давайте начинать».

Это не было официальным докладом. Это была живая беседа о задачах Союза молодежи, о подготовке социалистической революции и об участии в ней молодого поколения. Надежда Константиновна расспрашивала ребят о положении на фабриках и заводах, где они работают. С интересом выслушивала их рассказы о жизни, спрашивала, каким они видят будущее. Много раз мелькала у нее мысль: «Это будет очень интересно Ильичу!»

Ребята долго не отпускали дорогую гостью, ее просили приезжать к ним хоть два раза в месяц, вести кружок — учить их большевизму. Надежда Константиновна задумалась — времени-то совсем нет, но отказать не было сил. Она махнула рукой. «Хорошо, постараюсь два раза в месяц выкроить для вас время».

Теперь дважды в месяц она ездила по воскресеньям к 11 часам в Коломенский район. На трамвае доезжала до Сенной площади, а дальше на конке. На пересадке ее ждали ребята. Она садилась в вагон, они залезали на «империал». Конечно, все делали вид, что совершенно незнакомы друг с другом. Ребята охраняли своего лектора.

Надежда Константиновна с увлечением вела кружок, она видела, как на глазах растут, превращаются в настоящих ленинцев совсем еще юные коломенцы.

А о своем Выборгском районном Союзе молодежи она подобрала интересные данные: «Всех членов к 15 июля было 5800, теперь (август.— *Авт.*) число возросло до 6000. Всего внесено по организации до 15 июля членами 1572 руб. 87 коп.». Для членов союза читались лекции по биологии, устраивались экскурсии на живую природу, была организована библиотека, две школы грамоты и т. д.

Петербургский комитет большевиков поставил Надежду Константиновну во главе специальной группы для работы с молодежью. К этому времени относится подготовка ею проекта «Устава Союза рабочей молодежи России», который был опубликован в «Правде» 20 июня 1917 года.

Работая над проектом Устава, Надежда Константиновна не раз советовалась с Владимиром Ильичем. В проекте она прежде всего ставит общие политические задачи и принципы организации союза. Даны в нем и конкретные, ближайшие цели борьбы молодежи — 6-часовой рабочий день, отмена ночных работ для подростков, повышение зарплаты, представительство в профсоюзах, всеобщее обучение и т. п. Крупская подчеркивает необходимость воспитывать у молодежи пролетарскую сознательность и организованность. «Сознательность и привычка к организации,— писала Крупская,—

необходимы рабочей молодежи для того, чтобы она могла с честью выполнить те великие задачи, которые возложат на нее разгорающиеся мировые события». 2 июля 1917 года Надежда Константиновна делала доклад «О Союзе молодежи» на 2-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). Она раскрыла в докладе методы работы с молодежью.

И не случайно, конечно, вопрос о союзах молодежи обсуждался на VI съезде большевистской партии. После съезда Надежда Константиновна собирает молодежный актив, призывает ребят вступать в Красную гвардию для борьбы с контрреволюцией. «Сентябрь — октябрь,— писала она в статье «Петроградский союз рабочей молодежи летом 1917 года»,— прошел под знаком нарастающего влияния большевиков, крепла организация, менялось и лицо Союза социалистической рабочей молодежи».

Устремляясь в будущее всеми своими помыслами, Надежда Константиновна делает все, чтобы изменить и настоящее, облегчить положение трудящихся сейчас.

Когда на Петроград надвинулся голод, Крупская много сил отдает организации в Выборгском районе столовых для детей с бесплатным питанием. К сентябрю таким питанием было обеспечено 500 ребят. Крупская неутомима: посещает школы, присутствует на уроках, организует молодежь, проверяет, как кормят в столовых. Ее можно видеть в разных концах района и утром, и днем, и поздно вечером. Один из членов районной управы, А. П. Иванов, вспоминал: «Однажды, уже глубокой осенью, я встретил ее в воспитательном доме для малюток-подкидышей на набережной Черной речки. Шел дождь, кругом грязь, никакого транспорта и в помине не было. Я спросил ее, что она здесь делает так поздно, как доберется домой, улицы ведь не освещены, грязно, а придется идти пешком.

— Вот обсуждали, как организовать здесь школу, подготовить помещение к зиме, наладить обучение для детей и подростков,— ответила она.— А до дому доберусь, не беспокойтесь, дело привычное».

В августе 1917 года в Петроградской городской думе проводилось совещание по народному образованию, на котором кроме представителей всех районных дум присутствовали и представители Временного правительства — товарищ министра народного просвещения графиня С. В. Панина, председатель комиссии по народному образованию при городской думе А. Я. Гуревич и другие.

Когда председатель огласил состав присутствующих и перешел к порядку дня, Надежда Константиновна взяла слово

и предложила прежде выслушать сообщение министерства просвещения. Графиня Панина начала свой доклад. Она витиевато и возвышенно повествовала о том, что Временное правительство предполагает провести реформу школы и заняться образованием среди взрослых.

После речи Паниной Крупская опять решительно попросила слова для вопроса: «Скажите, графиня (она умышленно назвала Панину не по имени и отчеству, а по титулу), а что из планов уже осуществлено?» Та на минуту смешалась, затем высокомерно вскинула брови: «Но ведь времени прошло слишком мало, идет война, наши планы требуют средств».— «Короче,— подытожила Надежда Константиновна,— не сделано ничего». Панина промолчала. Так же спокойно, лишь задавая конкретные, прямые вопросы, Крупская показала, что и думская городская комиссия тоже ничего не сделала для улучшения постановки народного образования.

Затем стали выступать представители районных управ. Сколько здесь было инициативы, самоотверженности, какая бездна идей, какое понимание интересов, нужд пролетарского населения города! О работе в Выборгском районе рассказала Надежда Константиновна и так закончила выступление: «Вот что сделали министерство, городская дума, а вот что сделали общественность и большевики».

Такие политические сражения выковывали из Надежды Константиновны прекрасного большевистского оратора-агитатора, умевшего говорить с любой аудиторией. Каждый, даже самый маленький, успех в деле просвещения трудящихся масс брался с боем.

А события нарастали с молниеносной быстротой. Бастовали заводы и фабрики. Из Кронштадта прибыли матросы. Большевики должны были вместе с массами выйти на улицу. 4(17) июля демонстрация была расстреляна, улицы Питера залиты кровью, правительство перешло в наступление.

Большевики вынуждены уйти в подполье. По следам Ленина была брошена свора полицейских ищеек.

Через несколько дней, возвращаясь с работы, Надежда Константиновна увидела, что у их подъезда стоят часовые, а улица забита обывателями, ждущими результатов обыска. Она постояла на углу, посмотрела на окна квартиры и пошла назад в думу. Шла, устало передвигая ноги, машинально проделывая давно знакомый путь. На город опускался пасмурный вечер. В думе ни огонька, все разошлись. Сторожиха, ворча, отперла ей дверь. Она прошла в свою комнату, опустилась на стул, потом стала просматривать газеты, купленные по дороге...

Утром пришла к Крупской в думу Мария Ильинична и рассказала, что с обыском обошлось все благополучно. Никого не арестовали. Пока Владимир Ильич жил на озере Разлив, Надежда Константиновна ни разу туда не ездила, так как за ней была установлена слежка. Изредка кто-то из друзей передавал ей записки и поручения Ленина...

Утром 9 августа Надежда Константиновна, как и все эти дни, шла на работу в думу Выборгского района. Неотвязная мысль с тревогой отдавалась в сердце: «Как Ильич? Что с ним?» Впереди в толпе прохожих она заметила Шотмана, старого знакомого еще по эмиграции. Невольно ускорив шаги, она догнала его. Стало легче — Владимир Ильич благополучно проделал первую часть пути. В этот день работалось очень споро, она не знала усталости. Ильич вне опасности.

Чем бы ни занималась Надежда Константиновна, ее не оставляла мысль о Владимире Ильиче. Она уже привыкла отбирать те факты, что могут ему пригодиться, подмечать настроение масс, запоминать все, что может представить для него интерес.

Возвращаясь домой, Надежда Константиновна заходила на квартиру машиниста Ялавы, жившего в том же районе, чтобы узнать новости о Владимире Ильиче. Иногда Ялава привозил из Гельсингфорса шифрованные письма от Ленина, где Владимир Ильич писал о себе и спрашивал об обстановке в Питере.

«Письма были короткие,— вспоминала Надежда Константиновна,— с разными простыми поручениями. И после каждого такого письма до жути хотелось повидаться, перекинуться хоть парой слов».

Каждый раз, получив письмо, Надежда Константиновна закрывалась в своей маленькой комнатке, зажигала керосиновую лампу и нагревала письмо над отверстием в стекле. Медленно желтела бумага и проступали коричневые буквы. Наконец в очередном письме она прочла: он ждет ее. На листке был нарисован план, как пройти от вокзала до дома, где жил Владимир Ильич, ни у кого не спрашивая дороги, чтобы не привлечь внимания шпиков.

Чтобы перебраться через финскую границу, необходимо было специальное разрешение. На выручку пришел Н. А. Емельянов, укрывавший Ленина в Разливе. В то время Сестрорецк находился в пограничной зоне, и многие жители имели право перехода границы. Достали для Надежды Константиновны паспорт пограничной жительницы Агафьи Атамановой. Только Агафья эта была уже 60-летней старухой. Долго думали, как лучше сделать фотографию. Круп-

ская низко надвинула на лоб белый платок, повязанный так, как повязывали все фабричные работницы, чуть наклонила голову. Товарищи тужили, что нет под руками грима. Во время приготовления к съемке все смеялись, поэтому и на фотографии Надежда Константиновна получилась улыбающейся. Емельянов, увидев фотографию, развел руками — не очень-то такой снимок подходит для старушечьего паспорта, да решил, что сойдет, полицейские на границе не отличаются бдительностью.

Вот и граница... В сумерках фотография на паспорте Крупской не вызвала никаких подозрений, и она уже в Финляндии. На станции Олилла, затерянной среди дюн и леса, села в вагончик одноколейной дороги. Выйдя на вокзале в Гельсингфорсе, Надежда Константиновна растерялась в первый момент, хотя всю дорогу повторяла про себя названия улиц в том порядке, как они были изображены на плане у Владимира Ильича. Шумный, огромный вокзал, сотни людей, и нельзя ни к кому обратиться. Тут не может помочь и ее знание четырех языков. Сейчас она полуграмотная старуха работница. Медленно вышла Надежда Константиновна на привокзальную площадь. Так же медленно, затерявшись среди прохожих, пошла по улице, стараясь незаметно читать таблички с названиями переулков. Наконец вот он, поворот, через несколько десятков метров следующий. Найдя нужный дом, Крупская постучала. Хозяйка открыла так быстро, будто стояла за дверью и ждала. Сразу появился в прихожей и Владимир Ильич.

Эмилия Блумквист, хозяйка квартиры, где жил Ленин, писала: «К нам на несколько дней приехала Надежда Константиновна Крупская. Это были самые радостные дни у Владимира Ильича. Нужно было видеть его сияющие глаза, чтобы представить его настроение».

А сама Надежда Константиновна рассказывала об этом так: «Ильич обрадовался очень. Видно было, как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала».

Долго разговаривали они в тот день. Владимир Ильич показывал Надежде Константиновне главы из книги «Государство и революция», над которой работал все это время, расспрашивал ее о товарищах, о настроении масс.

Два дня пролетели незаметно. Пора было Надежде Константиновне возвращаться. Опять повязалась она платочком, Владимир Ильич подал ей жакет и сам стал одеваться. Она удивленно посмотрела на него, ведь нельзя им выходить

вместе, но он категорически заявил, что проводит ее хотя бы до первого поворота, в пути решил, что до следующего угла, и в конце концов настоял на том, чтобы проводить ее до последнего поворота, до самого вокзала. Уговорились, что в ближайшее время Надежда Константиновна приедет еще. В дверях вокзала Крупская обернулась и через головы людей на перекрестке увидела знакомую фигуру Владимира Ильича. Всю дорогу в поезде она, перебирая в памяти события прошедших дней, размышляла о том, как лучше и быстрее выполнить многочисленные поручения Владимира Ильича.

Ленин предупреждал партию, народ, что за спиной Временного правительства готовится контрреволюционный заговор, что буржуазия попытается задушить революцию рукой военного диктатора. Надежда Константиновна передала ЦК указания Ленина. Последующие две недели кардинально изменили расстановку политических сил. Рабочие, возглавляемые большевиками, разгромили корниловский мятеж, в Московском и Петроградском Советах ленинцам теперь принадлежало большинство.

В начале сентября Надежда Константиновна по тому же паспорту Агафьи Атамановой поехала опять в Гельсингфорс.

Все обошлось как нельзя лучше: ни в Питере, ни в Сестрорецке никто не узнал в Агафье Атамановой жену разыскиваемого повсюду Ленина.

Расставаясь в Гельсингфорсе, они знали, что скоро встретятся в Питере: Ленин рвался в гущу борьбы, день восстания приближался.

Центральный Комитет предложил Владимиру Ильичу приехать в Петроград. Нужно было его непосредственное руководство подготовкой восстания. Конспиративную квартиру предоставила Ленину доверенный товарищ, большевичка — Маргарита Васильевна Фофанова, жившая на Сердобольской улице. Надежда Константиновна долго обговаривала с ней все условия конспирации, чтобы уберечь Владимира Ильича от ареста.

Впоследствии Крупская вспоминала: «Фофанова жила в большом рабочем доме, что делало его недоступным для шпиков. Одно окно выходило в сад, через которое можно было в случае обыска спуститься в сад, находившийся с другой стороны дома. Знали квартиру очень немногие, и без предварительного сговора (ходили только по делу) никто не приходил. Фофанова была членом Выборгской парторганизации, кроме нее в квартире никто не жил, к ней в то время, как жил Ильич, также никто не приходил, за исключением двух-трех

случаев, да и то она старалась пришедших поскорее куда-нибудь сбыть».

15 октября Надежда Константиновна в составе делегации Выборгского района участвовала в совещании Петроградской партийной организации, которое проходило в Смольном, уже превратившемся в штаб подготовки восстания.

Совещание голосовало за восстание. За восстание голосовала и вся делегация Выборгского района.

Надежда Константиновна почти не уходила из думы.

Днем 24 октября (6 ноября), когда она беседовала с женщинами, обсуждая с ними их роль в дни восстания, она увидела в дверях Маргариту Васильевну. «Надежда Константиновна, эту записку Владимир Ильич просил немедленно передать в ЦК».

Крупская поспешила в Смольный. Ленин писал, что дальше медлить нельзя — «...промедление в восстании смерти подобно».

А ночью Надежда Константиновна пошла на Сердобольскую улицу. Дверь открыла Маргарита Васильевна. «Ушел, ушел в Смольный». Надежда Константиновна обессиленно прислонилась к двери. «Вот записку оставил»: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». Она не захотела отдохнуть. Еще раз проделала весь путь от Сердобольской в думу.

Когда там до ее слуха донеслись слова председателя управы Михайлова, обращенные к молоденькому шоферу: «Поедешь в Смольный, найдешь там товарища Подвойского...» Дальше она не слушала. «В Смольный, скорее туда, в центр событий, к Ильичу».

«Смольный был ярко освещен и весь кипел,— писала Надежда Константиновна.— Со всех концов приходили за указаниями красногвардейцы, представители заводов, солдат. Стучали машинки, звонили телефоны, склонившись над кипами телеграмм, сидели девицы наши, непрерывно заседал на третьем этаже Военно-революционный комитет. На площади перед Смольным шумели броневики, стояла трехдюймовка, были сложены дрова на случай постройки баррикад. У входа стояли пулеметы и орудия, у дверей часовые».

С Владимиром Ильичем поговорить ей не удалось. Он был во главе восстания.

В 10 часов утра 25 октября (7 ноября) Военно-революционный комитет Петроградского Совета опубликовал обращение «К гражданам России», в котором объявлял Временное правительство низложенным. Большевистские отряды занимали одно правительственное учреждение за другим.

Н. К. Крупская и А. В. Луначарский
среди работников Наркомпроса

В 2 часа 35 минут открылось заседание Петроградского Совета. Надежда Константиновна смотрела, как через рукоплещущий зал шел к трибуне Ленин. Лицо его было осунувшимся и усталым, но радостно сияли глаза, походка была твердой и энергичной. «Товарищи! — прозвучал его голос.— Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

В тот же день в 10 часов 40 минут вечера открылся II Всероссийский съезд Советов.

Надежда Константиновна присутствовала на заседании съезда 26 октября. Она вспоминала: «Заседание... открылось в 9 часов вечера. Запомнилось, как делал доклад Ильич, обосновывая Декрет о земле, говорил спокойно. Аудитория напряженно слушала. Во время чтения Декрета о земле мне бросилось в глаза выражение лица одного из делегатов, сидевшего неподалеку от меня. Это был немолодой уже крестьянского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, точно восковым, глаза светились каким-то особенным блеском».

В Смольном они поселились в маленькой комнате, разделенной дощатой перегородкой. За перегородкой стояли кровати, простые железные, покрытые солдатскими одеялами. Хозяйства не было никакого. К Владимиру Ильичу для охраны приставили солдата пулеметного полка, размещавшегося в Выборгском районе. Он беззаветно любил Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Как мог, заботился о них, приносил им еду из столовой. Надежда Константиновна, когда возвращалась из думы раньше, старалась что-нибудь приготовить к ужину, готовила она на спиртовке, и солдат изумленно смотрел на невиданную «печку». Владимир Ильич, застав ее за такими хлопотами, говорил: «Зачем все это? Пойдем лучше погуляем».

Сразу после победы Октябрьской революции Надежда Константиновна вошла в комиссию по народному просвещению при Совнаркоме, которую возглавлял Анатолий Васильевич Луначарский. Первое заседание комиссии состоялось 11 ноября в доме бывшего царского министерства просвещения на Фонтанке. В огромном фешенебельном здании было пустынно, чиновники саботировали новую власть. Вышли на работу лишь сторожа, уборщицы, курьеры да несколько машинисток и мелких служащих. Члены комиссии обошли здание, созывая весь этот технический персонал на митинг. Те были потрясены — перед ними выступал министр, им рассказывали о задачах Комиссариата просвещения, говорили о народном образовании, ставили принципиальные, серьезные вопросы. Они прослужили в этом министерстве долгие годы, и впервые к ним обращались как к равным ответственные работники.

Члены комиссии собрались в одной из комнат, чтобы наметить план работы. Анатолий Васильевич Луначарский осветил значение культурного строительства и показал общее направление просветительской деятельности Советского правительства. Затем выступила Надежда Константиновна. Тихо, спокойно она говорила о подходе к людям, о том, что учителям надо помочь перейти на сторону рабоче-крестьянского правительства, надо привлечь их на свою сторону, использовать их знания. Об этом ее выступлении хорошо написала одна из присутствовавших на первом заседании комиссии — Д. Ю. Элькина: «В словах Надежды Константиновны был отражен опыт мудрого революционера-марксиста, глубокое знание людей, умение подходить к ним с учетом тех особенностей их труда и быта, условий, при которых формировалось их мировоззрение. Выступление Н. К. Крупской вводило нас в сферу деятельности нового, советского государ-

ственного аппарата по просвещению. Она говорила о том, что советский государственный аппарат предъявляет новые требования к его сотрудникам — совершенно иные, чем к прежним чиновникам. Она требовала от нас проявления в максимальной степени инициативы и творчества в работе, честного и чуткого подхода к людям, умения поднимать сознание всех советских людей до уровня поставленных перед ними задач — задач построения социалистического общества».

В последних числах ноября состоялось назначение руководителей 15 отделов Наркомпроса.

Вскоре Совет Народных Комиссаров назначил Крупскую, Лебедева-Полянского, Познера, Л. Менжинскую и Рогальского правительственными комиссарами при Комиссариате народного просвещения. Так образовалась коллегия Наркомпроса.

Надежда Константиновна писала: «То, что я несколько месяцев работала в момент назревающей революции в таком революционном районе, как Выборгский, Ильич считал большим плюсом, и когда встал вопрос об «организации аппарата управления», он в своих заметках наметил меня «в товарищи министра при Луначарском». Через несколько дней после взятия власти он встретил Анатолия Васильевича Луначарского в коридоре Смольного, стал говорить с ним о стоящих перед наркоматом задачах и между прочим сказал: «Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию...»

Надежда Константиновна получила возможность заняться делом, к которому давно готовила себя. Проводить в жизнь то, что задумано в долгие годы подполья, эмиграции, что выстрадано в непрерывной политической борьбе, что завоевано победой революции! Это ли не счастье для коммуниста?!

* *
*

Моисей Маркович ВОЛОДАРСКИЙ

Володарский В. (настоящие фамилия и имя — Гольдштейн М. М., партийные псевдонимы — В. В., В. Володарский, В. В-ский и др.) (1891—1918 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде. Родился в семье бедного ремесленника в с. Острополь Волынской губернии (ныне Хмельницкая область). С юных лет участвовал в революционном движении. С 1905 г.— бундовец, затем меньшевик. В 1908—1911 гг. занимался революционной деятельностью в Волынской и Подольской губерниях. Неоднократно подвергался арестам. В 1913 г. эмигрировал в США, где вступил в Американскую социалистическую партию и в Интернациональный профессиональный союз портных. Во время первой мировой войны — интернационалист.

Моисей Маркович ВОЛОДАРСКИЙ

После Февральской революции 1917 г., в мае, вернулся в Петроград. Член Петроградской межрайонной организации социал-демократов интернационалистов. В июне работал агитатором в Нарвско-Петергофском райкоме РСДРП(б); затем избран членом ПК РСДРП(б).
На 2-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) выступил с докладом «Об агитационно-пропагандистской работе ЦК».
Летом 1917 г. возглавлял идеологический отдел ПК РСДРП(б). Один из видных агитаторов партии, часто бывал на фабриках и заводах, в армейских частях и на флоте. На VI съезде РСДРП(б) вместе с остальными «межрайонцами» принят в большевистскую партию. Член редколлегии газеты «Правда». Статьи Володарского, опубликованные в большевистской газете «Рабочий» в дни корниловского мятежа, вызвали одобрение В. И. Ленина. По рекомендации ЦК РСДРП(б) в сентябре избран в Президиум Петросовета.
В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Володарский в докладах и лекциях разъяснял политику и тактику большевистской партии. Участник расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16(29) октября 1917 г. и Октябрьского вооруженного восстания.
Делегат II Всероссийского съезда Советов, избран членом Президиума ВЦИК. После победы Октябрьской революции — комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда и Северной области, одновременно ответственный редактор «Красной газеты».
20 июня 1918 г. убит эсером в Петрограде.

* * *

«Человек большой мечты и решительного революционного действия»[1]

Лето 1917 года...

В Петрограде, как и в других городах России, идет борьба между различными политическими партиями за влияние в массах. Большевики, вооруженные гениальной ленинской программой развития революции, разъясняют рабочим, солдатам, матросам необходимость дальнейших шагов на пути к завоеванию власти трудовым народом. Партия Ленина ежедневно направляет на массовые митинги, собрания лучших своих пропагандистов. Среди них был Володарский. Член Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии, он возглавлял тогда агитационно-пропагандистскую работу большевиков в городе. В короткий срок Володарский приобрел как оратор широкую известность среди трудящихся масс.

[1] *Мельников А.* Володарский Моисей Маркович — В книге: Пропагандисты ленинской школы. М., 1985.

Страстных выступлений Моисея Марковича ждали повсюду: на заводах и фабриках, в армейских частях и флотских экипажах. Партийные организации просили, требовали, настаивали, чтобы на митинг непременно приехал Володарский. В заявках, направляемых в городской большевистский комитет, они писали: «Пришлите Володарского!» Почти ежедневно оратору приходилось произносить речи на нескольких митингах. «Когда он выступал,— свидетельствует очевидец,— народу собиралось так много, что яблоку негде было упасть. Его сверкающие остроумием, проникнутые железной логикой речи захватывали всех».

Американский журналист-интернационалист Альберт Рис Вильямс, много раз слушавший Володарского, отмечал, что он загорался как факел и зажигал аудиторию. «Нельзя сказать,— писал прогрессивный публицист,— чтобы его (Володарского.— *Сост.)* ненависть к классовому врагу была сильнее, чем у других, но его точка кипения была гораздо ниже, и эта ненависть быстро выходила наружу».

Выступления Володарского звали рабочих, солдат, матросов на бой с классовыми врагами, на уничтожение старого, бесправного мира. Трибун всегда открыто и воинствующе выражал партийную позицию, оценивая общественные процессы и явления с точки зрения пролетариата, с учетом интересов народных масс.

Своей пропагандистской деятельностью он внес большой вклад в формирование политической армии социалистической революции. «Его речи,— писал старый большевик И. П. Флеровский,— были набатом грядущей рабочей революции. И шли они из глубины горячего сердца рабочего-революционера. Вот почему они неотразимо влекли к себе слушателей-рабочих».

В устных выступлениях Володарского ярко отразилась действенность политической агитации большевистской партии, достигшей в тот период такого расцвета, какого, по определению Луначарского, ранее не наблюдалось. «Агитаторы,— писал он,— поистине месили человеческое тесто, как какой-то вязкий и бесформенный сплав, который твердел потом под их руками, превращаясь в необходимое революции орудие».

В предоктябрьский период окрепло и публицистическое мастерство Володарского. Он активно сотрудничал в большевистских газетах «Пролетарий», «Рабочий», «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Рабочий путь». Его статьи, опубликованные в августе 1917 года в дни корниловского мятежа, получили одобрение В. И. Ленина.

Работа большевиков по политическому воспитанию масс, распространению идей социализма среди трудящихся дала свои плоды. Руководимые партией большевиков, рабочие и крестьянская беднота свергли правительство буржуазии и установили Советскую власть.

Разбитые в открытом бою, капиталисты и помещики не примирились с поражением. Напротив, их сопротивление революционным силам еще более усилилось. В контрреволюционном стане оказались и мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. Их лидеры, не посчитавшиеся с волей II Всероссийского съезда Советов, сформировавшего первое рабоче-крестьянское правительство, развернули ожесточенную борьбу за создание так называемого «однородного социалистического правительства». Замысел их был ясен: захватить большинство в этом «правительстве», а затем ликвидировать Советскую власть.

В. И. Ленин, его соратники разъясняли массам, что всякая попытка, каким бы «демократическим флагом» она ни прикрывалась, лишить Советы государственной власти ведет за собой восстановление господства помещиков и капиталистов.

Горячо защищал ленинские позиции Володарский, избранный на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — верховного законодательного, распорядительного и контролирующего органа Республики Советов. Выступая 1 ноября 1917 года на заседании ВЦИК от имени фракции большевиков при обсуждении вопроса о создании «однородного социалистического правительства», внесенного эсерами и меньшевиками, он заявил, что с предложением об организации временного народного совета, явившегося бы чем-то вроде предпарламента, согласиться нельзя: «Мы на создание нового ублюдочного органа ни в коем случае не согласимся... Восстание рабочих и солдат было совершено под лозунгом «Вся власть Советам!», и никаких уступок здесь не может быть». Мы, подчеркивал Володарский, «не можем забыть о том, что обязаны защищать интересы рабочего класса, армии и крестьянства. Кровь, говорили здесь, нужно беречь. Да, это правда, но нужно помнить и о той крови, которая была пролита во имя основных требований рабочего класса и крестьян. Если бояться крови, то нужно сделать все необходимое для того, чтобы не были сданы те позиции, в защиту которых боролись сотни тысяч рабочих, крестьян и солдат». Предложение эсеров и меньшевиков, призывавших, по существу, возвратиться к буржуазному парламен-

ЦИРКЪ МОДЕРНЪ.

14 ноября, вторникъ, съ 7 ч. вечера

Районный Комитетъ Р. С.-Д. Р. Партiи (большевиковъ)

ВОЛОДАРСКАГО

на тему:

„ДИКТАТУРА БУРЖУАЗИИ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА".

для тов. солдатъ 50 к.

Афиша лекции Володарского

таризму, было решительно отклонено на этом заседании ВЦИК.

После Октября Володарский — представитель ЦК РСДРП(б) и ВЦИК на фронтовых съездах делегатов армии и флота в Минске и Одессе; активный участник II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, где им была произнесена блестящая речь в защиту революционных мер Советской власти; комиссар по делам печати, агитации и пропаганды Петроградской трудовой коммуны; редактор «Красной газеты»; член Комитета революционной обороны Петрограда; государственный обвинитель на процессах по рассмотрению дел буржуазных газет в Революционном трибунале печати. И это далеко не полный перечень ответственных поручений, данных партией последовательному ленинцу. Каждое задание он выполнял с полной отдачей сил, вкладывал в работу весь жар души.

Весной 1918 года в беседе с Альбертом Рисом Вильямсом Володарский сказал: «За эти десять месяцев я испытал больше радости, чем отмерено человеку на всю жизнь». Так революционер выразил свое сокровенное чувство: он испытывал счастье от сознания того, что участвовал в борьбе за освобождение трудового народа. Всепоглощенность револю-

ционным делом — характернейшая черта всей политической и организаторской деятельности Володарского.

Глубокая убежденность в правоте большевистских идей, в истинности ленинских предначертаний определяла пафос устных и печатных выступлений революционера. Именно это делало его речи, доклады, статьи страстными, убедительными, активными, способными оказывать огромное воздействие на массы, подчинять их себе, вести за собой.

Настойчиво и целеустремленно разъяснял Володарский трудящимся суть Советской власти, цели партии большевиков. На массовом митинге в петроградском цирке «Модерн» он выступил 7 января 1918 года с докладом «Большевики у власти». В речи, произнесенной 13 января в Путиловском театре столицы, трибун разоблачал предательские действия мелкобуржуазных партий. Глубокое впечатление оставили у очевидцев его доклады на собраниях трудящихся, посвященных вопросам организации защиты социалистического Отечества, с которыми Володарский выступил в феврале 1918 года, в те дни, когда Петрограду угрожали германские империалисты.

Показательно по яркости, убедительности выступление Володарского о Брестском мире. Он отмечал:

«...Мы заключили этот мир, великолепно сознавая, что это мир насильнический, мир грабительский, архитяжкий мир. Мы подписали этот мир только потому, что нам наступили на горло, приставили нож и сказали: либо мы вас прикончим, либо вы мирный договор подпишете. Вопрос сейчас не в том, тяжкий ли это мир или нет. Об этом нет споров. Вопрос же стоит теперь так: дает ли нам этот мир возможность выждать, собраться с силами, снова подняться, или же характер этого мира таков, что он окончательно убивает нашу Россию как самостоятельное государство, убивает нас как самостоятельный свободный народ?..»

Напомнив, что пресса наших врагов всюду пишет: Брестский мир — это конец России, ей больше не выжить, он саркастически заметил, что это, безусловно, совершенно верно. Да, Россия буржуазная, Россия царская, Россия соглашательская умерла. И умерла эта Россия не в Бресте, а еще в октябре 1917 года, когда было свергнуто Временное буржуазное правительство. «Но наша Россия, Россия советская, трудовая, рабочая, крестьянская,— подчеркивал Володарский,— не только не умерла, но, несмотря на всю тяжесть того положения, в котором она находится, мы утверждаем, что она имеет возможность, если будет вести правильную внешнюю политику, имеет полную возможность подняться».

Володарский четко и полно раскрывает в выступлении значение заключенного Брестского мира. Неслыханно тяжелой ценой, отметил он, добыли мы себе передышку, но мы используем ее для того, чтобы подняться на ноги, стать сильной страной. И мы это будем делать в то время, когда наши противники будут становиться все слабее.

Он живо обрисовал действия противников Советской власти после заключения Брестского мира. Не довольствуясь тем, говорил оратор, что договор страшно тяжел для нас, враги берут ведро черной краски, большую кисть и малюют этот договор в тысячу раз хуже, чем он есть на самом деле. Так, они утверждали, будто по мирному договору мы не имели права держать под ружьем никого. Но это чистейшая ложь. Пункт договора, касающийся армии, гласил, что Россия берет на себя обязательство демобилизовать свою старую и новую армию. Демобилизовать, говорил Володарский, значит распустить сверхкомплектный состав армии, который был призван под ружье по всем мобилизациям начиная с августа 1914 года. Мы взяли на себя обязательство демобилизовать, но не взяли обязательство разоружить армию. А это означает, что остается право держать под ружьем столько же солдат, сколько держало царское самодержавие в мирное время до августа 1914 года, то есть 1 200 000 штыков.

Почему задача создания новой Красной Армии, ставит вопрос оратор, выдвинулась на первый план? Потому, отметил он, что это «есть вопрос жизни и смерти революции. Либо создается хорошая, боеспособная, дисциплинированная Красная Армия, и тогда мы сумеем через 5—6 месяцев снова воспрянуть, воскреснуть... Либо не будет совсем армии или будет армия гнилая, разложившаяся, и тогда придется ставить крест над всей революцией».

Оратор подчеркивает: нужна армия нового типа, армия, защищающая интересы народа, а не стоящая над ним. Володарский откровенно и прямо заявил: кто думает, что, ставши красноармейцем, получит право бить по шее любого гражданина, тот должен оставаться вне рядов Красной Армии. «Ибо красноармеец,— отмечал он,— не господин над Россией, а ее слуга. Красноармейцем может быть только тот, кто понимает тяжелое положение нашей страны и готов отдать ей жизнь, готов отдать все, что у него есть, для того чтобы помочь Родине».

Вопросом жизни и смерти для нашей революции, подчеркивал далее Володарский, был также вопрос о том, сумеем ли мы наладить нашу промышленность, сумеем ли пустить в

ход фабрики и заводы, улучшить транспорт, продовольствие и т. д.

Перед Октябрьской революцией, говорил оратор, историей были поставлены две задачи. Ей было поручено, во-первых, разрушить все старое, гнилое, а во-вторых, создать на месте всего разрушенного новое. Экзамен на разрушение мы с октября месяца выдержали блестяще, на пять с плюсом. Это вынуждены были признать даже меньшевики. Один из их лидеров, Церетели, заметил оратор, споря со мной на Всероссийском железнодорожном съезде, вынужден был все же признать, что русская буржуазия положена большевиками на обе лопатки. И не только буржуазия, но и дворянство, и попы — все абсолютно.

А сейчас стоит другая задача: сумеем ли мы оказаться такими же хорошими строителями, как мы были хорошими разрушителями?

Наши враги — меньшевики и эсеры — прямо и определенно говорят, что нам ни в коем случае созидательные задачи не решить, что нужно вернуться назад к бывшим хозяевам, к капиталистическому хлеву. Но большевики имеют на этот счет свое мнение. Советское государство знает великолепно, что ему нужно делать, и не остановится ни перед чем, чтобы выполнить созидательные задачи. Строить сегодня вагоны, чинить паровозы, налаживать снабжение городов продовольствием — это «теперь не меньший подвиг, чем идти в другое время на баррикады умирать за свободу».

Володарский выступал всегда с оптимизмом. Как бы ни велика была опасность, какие бы препятствия и трудности ни стояли на пути, Володарский никогда не терял веры в торжество идей марксизма-ленинизма. Выступая, например, 3 апреля 1918 года перед бойцами латышского революционного полка — одного из первых полков Красной Армии, он говорил: «Товарищи, борьба предстоит тяжелая, чрезвычайно трудная борьба, но мы знаем, что в этой борьбе, в конечной стадии ее нам суждено победить». Ранее он разъяснил бойцам, на чем основана его уверенность: красноармейцы сильнее белогвардейцев потому, что контрреволюция гонит свои полчища насильно, заставляет своих солдат сражаться неведомо за что, не зная, во имя какой цели, а каждый солдат нашей армии есть сознательный солдат революционной армии, отдающий себе ясный и точный отчет в том, за что он борется, во имя чего страдает, к какой цели стремится.

Классовый анализ, партийность, высокая идейность, точный учет конкретно-исторической обстановки — отличи-

тельные свойства пропагандистских выступлений Володарского.

Особое признание партии и народа заслужил Володарский, работая редактором «Красной газеты» — органа Петроградского Совета. Созданная по его инициативе, газета начала выходить 25 января 1918 года. За короткий срок под руководством талантливого организатора и публициста она стала боевым, подлинно народным изданием. Последовательно, из номера в номер, разъясняя читателю существо Советской власти, ее декреты, ленинскую политику рабоче-крестьянского правительства, «Красная газета» сыграла огромную роль в мобилизации масс на защиту революционных завоеваний, восстановление разрушенного войной хозяйства, в разоблачении меньшевиков и эсеров. Круг тем и вопросов, поднимаемых газетой, был чрезвычайно обширен.

Характерным для этого издания было то, что все насущные, животрепещущие вопросы дня выносились на первую полосу крупно набранными шапками-заголовками, отражавшими содержание данного газетного номера. «Нам нужна Красная социалистическая Армия!», «Становитесь в ряды тех, кто активно, с оружием в руках борется с врагами трудового народа!», «Социалистическое отечество в опасности!», «Выбора нет — победа или рабство!», «Кто не с нами, тот против нас!» — такие заголовки придавали материалам газеты боевитость, публицистичность, наступательность.

Успех «Красной газеты» (ее тираж с 18 тысяч экземпляров в январе 1918 года вырос к концу года до 250 тысяч) во многом определялся публицистическим дарованием Володарского, а также его умением четко организовать работу редакционного коллектива. Обычно он приезжал в редакцию около полуночи. Знакомился с материалами номера, беседовал с сотрудниками, а затем брался за перо. Свои статьи Володарский стремился писать так, чтобы печатная строка взрывала, по его словам, как динамитом, старые понятия, предрассудки, взгляды.

Набатом звучали написанные публицистом передовые, где каждая фраза — яркий, воодушевляющий лозунг. Так, 10 февраля 1918 года, когда в Петрограде был объявлен День Красной Армии, Володарский опубликовал в газете яркую статью, посвященную созданию новой, рабоче-крестьянской армии. Весь этот материал построен как убедительный призыв к действию. «Нам нужна эта армия,— писал публицист.— Нам нужна она для того, чтобы победить в последней, решительной схватке с нашими вековечными врагами». Призывно звучит обращение к революционной молодежи: «Все

сильное, смелое, храброе и молодое, что есть в рядах революционного народа, должно влиться в эту армию!» Выразительность слова, чеканность мысли, точная постановка задачи вызывали горячий отклик у читателей.

«Красная газета» неустанно напоминала трудящимся о необходимости высокой революционной бдительности. 2 марта, например, Володарский опубликовал статью «На два фронта». В ней говорилось: «Мы осаждены. Неистовый враг стремится взять за горло молодую социалистическую республику. Мы будем обороняться до конца! До последнего человека. Но здесь, около нас, копошатся гады, надеющиеся взять нас изнутри. Здесь плетут петлю внутренние враги республики. Будем беспощадны к ним!» Революция должна уметь себя защищать — такой вывод вытекал из его статей.

Характеризуя публицистическую деятельность Володарского, Я. М. Свердлов отмечал в речи на V Всероссийском съезде Советов, что большевики черпали новые силы из его горячих, пламенных статей для борьбы, которую приходилось тогда вести против многочисленных врагов — внутренних и внешних.

В статье «Оружие лжи и клеветы» Володарский писал: «Одно могучее, грозное оружие осталось еще в руках наших врагов. Посредством своей прессы они систематически сеют панику и смуту, сообщая каждый день ряд провокационных, ложных слухов. И не диктатурой пролетариата, а киселем надо будет признать нашу власть, если мы это последнее оружие не выбьем из рук наших врагов»..

Органы советского правосудия на основе декрета Совета Народных Комиссаров о Революционном трибунале подвергли клеветнические выступления буржуазных, эсеро-меньшевистских газет осуждению на открытых судебных процессах. Так, 27, 28 и 29 мая 1918 года Революционный трибунал печати рассматривал дела трех петроградских буржуазных газет — «Новый вечерний час», «Вечерние огни», «Петроградское эхо». В этих изданиях систематически печатались провокационные слухи, помещались злостные измышления. Опытные газетчики, осевшие в них, использовали многие приемы: тенденциозно готовили подборки информационных материалов, давали к ним кричащие заголовки, намеренно ставили в заметках вопросительные и восклицательные знаки и т. д.

Государственным обвинителем на судебном процессе выступил Володарский. В блестящих, глубоко аргументированных речах он вскрыл антинародную сущность буржуазной

прессы, обнажил истинную подоплеку развязанной ею кампании лжи и провокаций. «Вакханалия слухов и сенсаций,— говорил Володарский,— началась на другой день после подписания Брестского мира. В некоторых газетах уже рядом с отчетом о Четвертом съезде Советов, на котором обсуждался вопрос о ратификации мирного договора, появляются заметки, что Япония идет на нас войной, что она собирается оккупировать Сибирь и т. д.». Буржуазные газеты раздували провокационные слухи, обрушивали со своих страниц на читателей потоки лживых сообщений о посылке к Москве «немецких отрядов», о «сдаче немцам Петрограда», о вводе германских войск для защиты Мирбаха и других нелепостей. «Это — сеяние самой злостной паники, которую только можно себе представить»,— отмечал оратор.

Редакторы и сотрудники привлеченных к ответственности газет пытались выгородить себя и свои издания. Они оправдывались ссылками на «нервозность и сложность атмосферы», на «оплошность и недосмотры», «плохую работу телефонов», говорили о зажиме свободы слова, гонениях на печать. Но все их разглагольствования, доводы, хитросплетения рушились как карточные домики перед неопровержимыми доказательствами Володарского. Отвечая на эти демагогические заявления, государственный обвинитель напомнил, какую разнузданную кампанию лжи и клеветы вели газеты контрреволюционной буржуазии против большевиков и В. И. Ленина в марте — октябре 1917 года и каким жестоким репрессиям подвергалась в те месяцы рабочая печать. Эти господа, указывал он, «тогда ничего не говорили о свободе печати, они отплясывали дикий канкан на трупах тех, кто пал, на трупах тех газет, которые были закрыты... Все средства тогда были хороши: ложь, клевета, бешеная слюна — все было пущено в ход...

То, что они понимают под свободой, и то, что мы понимаем под свободой,— это две вещи совершенно различные... Сейчас у власти трудовой народ, трудовые массы, и эти массы имели право сказать: «Вы, преступники в буквальном смысле этого слова, садитесь на скамью подсудимых, отвечайте за ту ложь, которую вы распространяли в то время, когда на вас не было суда».

Володарский был беспощаден по отношению к классовым врагам. «Он до глубины души был убежден,— отмечал Луначарский,— что, если мы промедлим со стальными ударами на голову контрреволюционной гидры, она не только пожрет нас, но вместе с нами и проснувшиеся в Октябре мировые надежды».

Революционный трибунал согласился с предложением о закрытии без права выхода под другими названиями буржуазных газет, дела которых разбирались на этом процессе.

Старая коммунистка Е. Я. Волгина писала в своих воспоминаниях о происходившем разговоре между Володарским и защитником буржуазного издания на суде. Адвокат говорил:

— Ваша тактика лишает нас возможности защищать вас в случае, если пролетарская революция будет задушена.

— Успокойтесь,— ответил ему Володарский,— если даже это и случится,— хотя это никогда не случится! — вам все-таки не придется меня защищать!

— Почему?

— Потому что мне не дадут дожить до того времени...

Революционный трибун чувствовал, что враги попытаются физически его уничтожить. Он знал, как люто ненавидели его все прихвостни буржуазии, ратовавшие за восстановление старых порядков. Ненавидели потому, что Володарский, обладавший необыкновенной классовой зоркостью, открыто громил их, разоблачал в публичных речах антинародные действия и намерения различного рода противников Советской власти. В начале лета, в обстановке крайне ожесточенной борьбы с меньшевиками и правыми эсерами, проходила кампания по выборам в Петроградский Совет. В коллективах, где выступал Володарский, контрреволюционерам не удалось провести в Совет ни одного своего кандидата. «Он был вездесущ,— вспоминал Луначарский,— он летал с митинга на митинг, его видели в Петербурге и во всех окрестностях чуть ли не одновременно. Рабочие привыкли к нему, как к своей живой газете».

Злодейский замысел враги осуществили 20 июня 1918 года. Эсеровская пуля сразила народного трибуна в пути, когда он спешил на один из митингов трудящихся. Десятки тысяч петроградских пролетариев провожали борца к могиле на Марсовом поле. Они заявили: «Мы продолжим твое дело, любимый коммунар!»

* * *

Моисей Маркович
ВОЛОДАРСКИЙ

«И был трудный бой»[1]

Петроград. Лето 1917-го...

...За Невской заставой вдоль богатой пылью дороги — цепь облезлых, подслеповатых домов и деревянных домишек, где ютится обгрызанная хмурая жизнь. Там и сям высятся трубы мощных заводов.

— У нас еще народ в раскачке. Крепко сидят эсеры. Сейчас они ходят винтом, играют в оппозицию собственной партии. На Обуховский и податься трудно. Недавно там был — и с каким успехом! — сам Алексинский. Подписались на «заем свободы». Но в последние дни во всем районе как бы все двинулись. Больно народ озадачен разгрузкой. Чего затеяли?! Хотят ослабить Питер. Недалеко, мол, немец. Мы-то знаем иное — контрреволюция близко.

Алексеев, старый рабочий, большевик, такой беседой стремится подать мне, новичку в Невском районе, живые факты, помочь подготовить мою будущую речь. Да, за это можно зацепить массу. Идея с разгрузкой столицы от предприятий действительно оказалась для Временного правительства идеей, политически несчастливой.

По всему рабочему Питеру идут волнения. Неудивительно еще, что рабочие такого «большевистского» завода, как «Новый Лесснер» (где из 8 тысяч за меньшевиков голосует едва 35), заявляют, что организация промышленности и доставка продуктов для населения могут быть обеспечены лишь при переходе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов и при организации строгого контроля трудящихся над всем хозяйством страны. «Система разгрузки, выработанная капиталистами, направлена против революционных рабочих,— заявляют лесснеровцы в своей резолюции,— поэтому мы протестуем против такой системы». Дальше в своей резолюции рабочие завода «Новый Лесснер» требуют удаления из Петрограда лиц, не занимающихся производительным и общественно полезным трудом (кокоток, праздношатающихся саврасов и т. п.), требуют отпуска на полевые работы крестьян, работающих на фабриках и заводах, а также прекращения доставки роскоши для «невских шакалов».

Неудивительно также и то, что завод Парвиайнена требует разгрузить Невский от шалопаев, которые кричат: «Война до победного конца!» — и натравливают солдат на рабочих.

[1] Из книги: *Антонов-Овсеенко В.* В революции.

Но вот и Путиловский называет разгрузку «контрреволюционной западней». Балтийский требует эвакуации монастырей, лазаретов, уничтожения спекуляции, закрытия кино, театров, а также всех «злачных мест»...

— Надо спешить! — спохватывается Алексеев.— Как бы не запоздать.

Входим группой в уже до отказа переполненную мастерскую огромного завода... Протискиваемся к трибуне, на которой словоблудит какой-то «видный» эсер. Конец его речи тонет в бурных одобрениях. Но прежде чем мы успели добраться до стола президиума, председатель объявляет: «Слово от партии большевиков имеет т. Володарский».

— Приехал-таки! — удовлетворенно и несколько сконфуженно шепчет мой поводырь.— Уж вы извините, товарищ.

— Ничего, послушаем!

Да, есть что слушать. Голос, несколько глуховатый, нутряной и трепетный, вдруг наливается металлом, крепнет и как бы ударяет молотом по раскаленным сердцам...

Язык его прост, слова доходчивые даже в самых сложных местах речи. А диапазон ее достоин момента; так говорят с классом, созревшим для того, чтоб творить историю.

В его речи много о разрухе. Ах эти министры-социалисты! Какая храбрость на словах! Министр труда Скобелев заявил недавно, что государственное хозяйство на краю пропасти. В казне нет денег. Надо вмешаться в хозяйственную жизнь. Надо обложить имущество беспощадным налогом — до 100 процентов прибыли. «Если капитал хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов... Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков».

И вы хотите это выполнить под ручку с десятью министрами-капиталистами и не трогая чиновного аппарата старого режима! Нельзя ли к делу, г-н Скобелев! Но Временное правительство и не хочет и не сможет приступить к делу, ибо оно — правительство буржуазии и требует единства для войны.

На деле же углепромышленники на юге сознательно дезорганизуют производство. На деле акционеры получают от 20 до 200 процентов дивиденда. Заводы не ремонтируются, изношенные части не заменяются новыми, запасы сырых материалов и угля не возобновляются. Хозяева проводят итальянскую забастовку, а то и скрытый локаут, сокращая производство и рассчитывая рабочих под предлогом недостатка металла, угля, отсутствия заказов, непосильной конкуренции.

Оборонцам это известно. Они вынуждены признать факт разрухи, близость катастрофы, необходимость «героических» мер. На узких собраниях они договариваются до прямых обвинений капиталистов в экономическом саботаже и до таких требований, как нормировка товарных цен в связи с принудительным распределением по указаниям «общественной власти»; установление контроля над производством; принудительная трестификация промышленности, своего рода государственная трудовая повинность для администрации, и т. п. На деле же они не идут дальше организации «Экономического совета» из представителей капиталистов, совдепа и правительства. Нет, не такими мерами исцелить разруху. Первой мерой должно явиться прекращение войны...

И тут через несколько фраз особенно захватывающе заговорил оратор:

— ...Сейчас Милюков Дарданелльский стоит за продолжение войны до победного конца. Но в царское время, с полгода тому назад, тот же Милюков заявлял в Государственной думе: «Лучше поражение, чем революция!» Противоречие? Нет. Тонкое понимание своего социального интереса. Потому что революция — тоже поражение, хоть и не военное, но поражение в классовой борьбе, поражение класса, который представляет Милюков. Милюков был при царе пораженцем в войне против немцев. Он боялся, что революция отнимет у буржуазии ее капитал, ее заводы, ее землю и ее власть. Он понимает, что эта революция, раз начатая, не остановится на том, что перенесет корону с головы одного Романова на голову другого Романова, не споткнется о буржуазный порог; революция возьмется за землю, за заводы, фабрики. И он был пораженцем, предпочитал революции поражение от немцев. Запомните это, товарищи (голос его звучит трубно, в высшем подъеме), потому что при случае и Милюков и иже с ним снова станут пораженцами, только б сломить революцию; они будут готовы открыть фронт войскам кайзера, только б не дать ходу нашей рабочей революции. Запомните и вынесите для себя еще такой классовый урок — лучше поражение на фронте, чем победа контрреволюции в тылу! Это классовая, пролетарская установка... Не волнуйтесь, не огорчайтесь! Разбив контрреволюцию в тылу, захватив землю, установив свой контроль на заводах, овладев властью для доведения революции до полной победы, рабочие и крестьянская беднота обретут наконец свое отечество, зажгут ряды свои таким подъемом, таким геройством, что их армия станет несокрушимой, непобедимой, победоносной!..

Невольные бурные аплодисменты прерывают речь Володарского. Но слышу ухом:

— В райком звонят, что нет никого наших на Обуховке... Как, товарищ?

— Идем!

И был трудный бой на Обуховке. Но резолюция оборонцев с одобрением вступления социалистов в правительство была провалена. Говорят, первое их поражение на Обуховском заводе.

* *
*

Николай Васильевич КРЫЛЕНКО

Крыленко Н. В. (партийный псевдоним — Товарищ Абрам) (1885—1938 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде, советский государственный и партийный деятель, публицист. Родился в семье политического ссыльного в д. Бехтеево Сычевского уезда Смоленской губернии. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и юридический факультет Харьковского университета.

Член Коммунистической партии с 1904 г. Вел подпольную революционную работу на предприятиях Петербурга, Москвы и других городов. В годы революции 1905—1907 гг. участвовал в забастовочном движении на Выборгской стороне и Невской заставе. В 1906 г.— член Военной организации

при ПК РСДРП. В июне 1907 г. арестован и выслан под надзор полиции в западные районы России. С 1911 г. сотрудничал в газете «Звезда». В 1912—1913 гг. нелегально приезжал в Петербург, выполнял ответственные поручения ЦК РСДРП: был прикомандирован к большевистской фракции IV Государственной думы в качестве партийного инструктора, активно сотрудничал в газете «Правда». По вызову ЦК РСДРП дважды выезжал за границу, встречался с В. И. Лениным и выполнял его задания. Летом 1914 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1915 г. участвовал в Бернской партийной конференции. Летом 1915 г. возвратился в Россию, в начале ноября того же года арестован в Москве. Весной 1916 г. мобилизован и отправлен прапорщиком в действующую армию на Юго-Западный фронт.

Февральскую революцию 1917 г. встретил на фронте. По заданию ЦК РСДРП руководил партийной работой в 11-й армии. В апреле избран членом армейского комитета. Представитель ЦК РСДРП(б) на съезде Юго-Западного фронта в Кременце. В мае — делегат общеармейского съезда фронтовиков в Петрограде; в июне — делегат I Всероссийского съезда Советов; избран членом ВЦИК.

Крыленко — один из активных участников подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. 11—13(24—26) октября председательствовал на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Северной области. Участвовал в расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16(29) октября в Петрограде. Член Бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), член ПВРК, участвовал в вооруженном восстании. Делегат II Всероссийского съезда Советов; избран членом ВЦИК, утвержден членом Комитета по военным и морским делам СНК. С ноября 1917 г.— Главковерх Советской республики. В дальнейшем — на государственной работе.

* * *

«Мы свой долг перед революцией исполним»[1]

Февральская революция 1917 года застала Николая Васильевича Крыленко — прапорщика 13-го Финляндского полка 11-й армии Юго-Западного фронта — на передовых позициях.

Известие о революции перевернуло все отношения на фронте, вспоминал Крыленко. Солдаты, эта огромная недовольная масса, «только ждала, но еще не знала, в какую форму в ближайшем будущем отольется ее недовольство, ее основное политическое требование: мир, мир, мир во что бы то ни стало».

К этому времени молодой офицер Крыленко становится

[1] Из книги. *Симонян М. Н.* Его профессия — революция. М., 1935.

одним из признанных солдатами большевистских агитаторов. Прапорщик-большевик выступает часто, говорит солдатам о самом важном, наболевшем — как добиться мира и земли. Фронтовики слушают его с огромным вниманием. Видят в нем товарища, которому можно доверить свои самые сокровенные думы. Они не хотят больше проливать кровь за чуждые им интересы; все чаще и охотнее идут на братание с немцами, понимая, что там, за линией фронта, в немецкие шинели одеты их братья по классу.

Партия большевиков развернула широкую агитационно-разъяснительную деятельность на фронте. И Николай Васильевич Крыленко, пламенный агитатор и пропагандист, всю силу своего таланта отдает делу политического воспитания солдатских масс. Его речи, в которых убедительно раскрывалась великая правда ленинских идей, находили путь к сердцу солдата, заставляли проникаться доверием к партии, лозунги которой были так созвучны надеждам и чаяниям рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. Огромный опыт политической, массовой работы, приобретенный Н. В. Крыленко еще во время революции 1905—1907 годов, его простота, товарищеское отношение к солдатам, его принципиальность, а главное, резко враждебное отношение к империалистической войне создали ему большую популярность среди солдат Юго-Западного фронта. Его избирают председателем сначала полкового, затем дивизионного, а позже армейского комитета.

Как председатель армейского комитета Крыленко постоянно выезжает на разные участки фронта, что давало ему возможность значительно расширить агитационную работу, оказывать непосредственную помощь в создании большевистских организаций, еще ближе знакомиться с настроениями солдатских масс, успешно проводить в жизнь ленинскую идею укрепления союза армии, в основном крестьянской по своему составу, с рабочим классом.

«Мир,— писал позже Н. В. Крыленко,— это был единственный лозунг, который в то время понимало крестьянство как класс, как социальная группа, как самостоятельно выступающая на политической арене сила. Но этот лозунг был неприемлем для буржуазии и объективно вызывал конфликт между буржуазией и армией, то есть крестьянством. Только рабочий класс, руководимый большевиками, мог стать подлинным союзником крестьянства в разрешении вопроса о войне и мире. Так укрепился союз рабочего класса и крестьянства, так росла социальная сила, решавшая конечные вопросы революции».

Н. В. Крыленко (в первом ряду третий слева) с офицерами, освобождавшими политических заключенных из тюрьмы «Кресты»

В начале мая 1917 года Н. В. Крыленко едет в Петроград делегатом на Всероссийский съезд фронтовиков как председатель армейского комитета от 11-й армии Юго-Западного фронта.

Съезд фронтовиков, созванный соглашателями с целью удержать за собой армию и рассеять растущие симпатии к большевикам, открылся в Таврическом дворце. С утра 3 мая в огромном круглом зале шло заседание. Шумно, накурено... На трибуне — министр юстиции эсер Керенский, бледный, в наглухо застегнутом кителе. Рука на черной повязке. Трагическим голосом, с истерическими выкриками он обвиняет большевиков в стремлении «вызвать в России стихийную волну разрушений и погромов, раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма». Его сменяют лидер меньшевиков Церетели, министр иностранных дел Временного правительства Милюков, военный министр Гучков, призывающие к «тесному единению с доблестными союзниками», к «войне до победного конца».

В зале ропот, крики: «Сам иди в окопы!»

Но вот на трибуне председатель армейского комитета 11-й армии Юго-Западного фронта.

«Солдаты ждали,— говорит Н. В. Крыленко,— что революция даст ответ, когда же конец войне? Вместо него члены Государственной думы принесли лозунг «Война до победного конца, до полного уничтожения германского милитаризма». Одураченные полковые и дивизионные комитеты первое время выносили подсунутые им резолюции оборонческого

толка. А сегодня солдатская масса открыто заявляет: «Вперед ни шагу! В наступление не пойдем. Требуем немедленного прекращения войны!»[1]

В зале повеяло дыханием окопов. Собравшиеся здесь люди уже не шумят, как во время предыдущих выступлений.

«В окопах,— продолжает Н. В. Крыленко,— лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» понимают подчас прямолинейно и бросают фронт. Но в этом виноваты не солдаты. Им нужен четкий ответ на вопрос, как можно кончить войну. И мы им говорим: войну должен кончить сам народ — вся власть должна перейти к революционной демократии, к пролетариату, который только один может положить конец ненавистной грабительской войне».

«Браво, товарищи с фронтового съезда! — писала в те дни газета «Правда».— То, что вы сказали в этих словах, не в бровь, а в глаз не только капиталистам, а и новым «социалистическим министрам».

На фронт Николай Васильевич возвращается как представитель Центрального Комитета партии. Секретариат ЦК РСДРП(б) выдал Крыленко удостоверение в том, что он делегируется на фронтовой съезд Юго-Западного фронта в Каменец-Подольск для выступлений на съезде от имени партии. В. И. Ленин дает ему директиву — проводить на фронте и в армейском комитете большевистскую линию по вопросам власти, войны и мира.

Временное правительство и Верховное командование решили форсировать наступление на фронте, чтобы военными успехами подкрепить свои позиции. Важная роль в планах командования отводилась Юго-Западному фронту. Здесь намечался главный удар. Для подготовки наступления было решено использовать съезд фронтовых делегатов, открывшийся 7 мая 1917 года в Каменец-Подольске. Роль глашатаев нового наступления взяли на себя «социалистические министры» — эсеры и меньшевики. Большинство делегатов съезда было их сторонниками, только 50 из 700 делегатов составляли большевики и им сочувствующие.

После делегатов от воинских частей дали слово представителю ЦК РСДРП(б) Н. В. Крыленко. Он понимал, что солдатской массе неизвестно действительное положение дел в стране, не все даже знают, что это за партия большевиков. И он начал свое выступление так:

«Я горжусь, что выступаю здесь как представитель Центрального Комитета революционной организации тыла и в то

[1] Солдатская правда, 1917, 7 мая.

же время являюсь представителем революционеров-окопников».

«Я буду говорить о войне, потому что, только поняв эту войну, можно понять, как можно добиться мира... Только две войны признают большевики: гражданскую войну восставшего пролетариата за оборону нового, социалистического порядка и войну угнетенных наций...

У нас сейчас ни та, ни другая...

Наша задача перевести войну из плоскости борьбы буржуазии за захваты в плоскость борьбы классов, борьбы трудящихся против захватов и против буржуазии».

Резко критиковал он оборонческую позицию меньшевистско-эсеровских руководителей Петроградского Совета, разоблачая классовую суть политики наступления: «Проповедь наступления, с которой здесь выступают соглашатели, ничего общего не имеет с действительной борьбой за мир. Наступление как путь к миру — это обман. Путь к миру только через революцию»[1].

Борьба с соглашателями после фронтового съезда обострялась. В армейском комитете явно выявилось меньшевистско-эсеровское большинство. При таком соотношении сил оставаться на посту председателя армейского комитета означало служить прикрытием для деятельности оборонцев. 26 мая 1917 года Н. В. Крыленко заявил о снятии с себя полномочий председателя комитета 11-й армии ввиду засилья меньшевиков и эсеров. И когда 28 мая проходили выборы делегатов на I Всероссийский съезд Советов, из восьми избранных было только три большевика — прапорщик Крыленко, солдаты Николаев и Бочков.

Перед отъездом в Петроград Николай Васильевич обратился к солдатам армии с прокламацией, получившей высокую оценку В. И. Ленина. В ней он настойчиво убеждал колеблющихся, что из всех партий революционной России только партия большевиков отстаивает истинные интересы народа, что, только став под ее знамена, они смогут добиться мира и свободы.

В прокламации Н. В. Крыленко четко, доходчиво разъяснял, что конкретно могут и должны сделать сами солдаты, чтобы покончить с войной.

«Не нужно соглашения с буржуазией!

Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!

Это не значит, что нужно сейчас свергать и не подчиняться теперешнему правительству. Пока за ним идет большинство

[1] Солдатская правда. 1917. 26 мая

народа и верит, что пять социалистов сумеют справиться с остальными, мы не можем отдельными бунтами дробить собственные силы.

Никогда!

Берегите силы! Собирайтесь на митинги! Выносите резолюции! Требуйте полного перехода власти к Совету рабочих и солдатских депутатов!

Убеждайте несогласных! Посылайте вашу резолюцию мне в Петроград на съезд от имени полка, чтобы я там мог сослаться на ваш голос!

Но и бойтесь провокаторов, которые будут пытаться позвать вас, прикрываясь именем большевиков, на беспорядки и бунты, желая прикрыть собственную трусость!..

Настоящие большевики зовут вас не на бунт, а на сознательную революционную борьбу...

Товарищи! На этом съезде я буду требовать:

Во-первых: передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов.

Во-вторых: немедленного обращения с мирными предложениями мира без аннексий и контрибуций от имени народа к народам и правительствам всех воюющих держав, как союзных, так и враждебных. Пусть попробует тогда какое-либо из правительств отказать — оно будет низвергнуто собственным народом.

В-третьих: отобрания на государственные нужды денег у тех, кто нажился на войне, путем конфискации военной прибыли капиталистов...»[1]

В. И. Ленин писал в «Правде» 3 июня 1917 года: «Всякий, кто дал себе труд прочесть резолюции нашей партии, не может не видеть, что *суть* их вполне правильно выразил товарищ Крыленко.

Не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых»[2].

I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся 3 июня 1917 года в здании кадетского корпуса на Васильевском острове.

Большевики широко использовали трибуну съезда для разоблачения контрреволюционной политики Временного правительства, соглашательской тактики меньшевиков и эсеров, для пропаганды своей платформы по коренным вопросам революции.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 256—257.
[2] Там же, с. 257.

Огромное впечатление на делегатов съезда произвели выступления Ленина. В речи об отношении к Временному правительству он дал ответ на вопрос, как можно выйти из войны: «...выход из этой войны только в революции»[1].

Используя материалы солдатских наказов, Н. В. Крыленко отстаивал ленинские позиции по вопросам войны и мира. В те дни «Правда» писала: «Делегат от 11-й армии на I Всероссийский съезд Советов Н. В. Крыленко получил огромное количество резолюций и наказов полковых комитетов и солдатских митингов со всего фронта с изложением требований солдат».

В одной из таких резолюций говорилось: «Если для скорого достижения мира нужна война, нужно наступление, то, чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял всю власть в свои руки...»

Огласив эту резолюцию на съезде, Крыленко заявил: «Солдаты не хотят больше воевать во имя интересов союзной и русской буржуазии, а меньшевистско-эсеровские представители Исполкома... предлагают продолжать политику торговли мясом и кровью русского солдата, начатую царским самодержавием».

Присутствовавший на съезде генерал В. Б. Станкевич позже рассказывал: «После заседания мне сказали, что большевик-прапорщик, который выступал, был знаменитый на Юго-Западном фронте Крыленко, в котором я с удивлением узнал давно знакомого мне еще по университетской скамье и по совету старост товарища Абрама. Я прекрасно помнил его выступления в 1906 году на избирательных собраниях, где он неизменно выступал с горячими и красивыми речами против кадетов. По утверждению всех, он представлял собой весьма сильную и опасную фигуру и приводил заранее в трепетное состояние весь благомыслящий президиум».

Большевистская фракция съезда выдвинула Н. В. Крыленко в состав Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов.

Рост влияния большевиков наглядно показала проходившая в дни работы I съезда Советов Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).

В президиуме — В. И. Ленин, Н. В. Крыленко, В. И. Невский, Н. И. Подвойский и другие.

В первые дни — сообщения с мест. В своем выступлении Н. В. Крыленко говорит о том, что, несмотря на трудные

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 286

условия, недостаток литературы и агитаторских сил, преследования начальства, большевистские организации Юго-Западного фронта работают «самым усиленным образом».

После доклада В. И. Ленина Крыленко снова на трибуне. Он выступает с докладом «Война, мир и наступление».

Опираясь на ленинский анализ расстановки классовых сил в стране и армии, Крыленко показал, что уже сейчас ясно, что армия тянется к большевизму: массе солдат близки его лозунги. Возражая тем, кто призывал к немедленному открытому бою с буржуазией, Николай Васильевич в заключительном слове, выразив полную солидарность с ленинской тактикой, призвал не принимать рискованных, необдуманных решений и помнить, что «только массовый отказ частей от наступления в состоянии помочь делу».

В принятой на конференции резолюции по его докладу указывалось, что революционная партия пролетариата должна «добиваться такой организации армии, которая позволяла бы фактически противопоставить контрреволюционным тенденциям сверху организованную массовую, революционную волю снизу».

Конференция избрала Всероссийское бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), в которое вошел и Н. В. Крыленко.

После конференции Николай Васильевич по заданию ЦК партии временно остается в Петрограде. Он ведет агитационную и пропагандистскую работу среди рабочих и солдат. И часто под влиянием большевистской агитации солдаты, настроенные оборончески, заявляли об отказе поддерживать эсеро-меньшевистские лозунги. Так, например, произошло и в запасном гренадерском полку, находившемся под меньшевистско-эсеровским влиянием. Но вот выступает на полковом митинге представитель «Военки» Н. В. Крыленко, и оборонческая резолюция, принятая ранее, была отвергнута и заменена противоположной — о полном недоверии Временному правительству и об отказе поддержать наступление.

Несмотря на большую занятость практической работой, Николай Васильевич находил время и для публицистической деятельности.

В частности, в это время Крыленко пишет брошюру «Почему побежала русская революционная армия», которая была издана в сентябре 1917 года Военной организацией при ЦК РСДРП(б). Это публицистическое произведение имело целью противопоставить клевете буржуазии действительную картину на фронте и дать тем самым политическую ориентировку солдатской массе. В предисловии к брошюре Н. В. Кры-

ленко писал, что в ней дана картина того, как под влиянием политики Временного правительства у солдат падало доверие к этому «правительству революции», «как обнаруживалось противоречие между чаяниями и желаниями солдат и тем, что им давали и что их заставляли делать...»[1]. Важно, что сразу же после неудачного наступления на фронте Н. В. Крыленко с классовых позиций, по-ленински, на основе глубокого анализа состояния русской армии в тот период, вскрыл главную причину провала наступления: «Керенский повел наступление в союзе с русской и англо-французской буржуазией против воли русской революционной армии и за цели, в которые она не верила»[2].

Яркие выступления перед рабочими и солдатами, работа в «Военке», брошюры, статьи в «Солдатской правде» сделали имя Крыленко известным не только в Петрограде, но и на фронтах действующей армии. После событий 4—5 июля контрреволюция перешла в наступление. Крыленко, выехавшего накануне этих событий на фронт, арестовали в Могилеве и доставили в Петроград. Считая Н. В. Крыленко чрезвычайно опасным противником, Керенский дал предписание: «Если поводов у гражданской судебной власти не будет, то содержать под стражей прапорщика Крыленко по моему личному приказу».

Известная американская журналистка Л. Брайант, жена и соратница Джона Рида, писала: «Керенский боялся Крыленко, но не осмеливался обуздывать его, зная, как обожают солдаты этого человека. Исключительно смелая и напористая натура Крыленко сразу завоевала доверие людей». Военные власти пытались применить к Н. В. Крыленко постановления от 6 и 15 июля, обвинив его в противоправительственной пропаганде в войсках. 6 июля 1917 года Временное правительство опубликовало постановление о запрещении революционной пропаганды в армии, была введена смертная казнь на фронте. 15 июля военное министерство издало приказ, запрещавший в войсках митинги и собрания, предписывавший прекращать митинги силой оружия.

С 26 июля по 3 августа 1917 года в Петрограде полулегально проходил VI съезд партии, взявший курс на вооруженное восстание.

Заключенные В. А. Антонов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, М. К. Тер-Арутюнянц и другие обратились к съезду с письмом: «Приветствуем съезд нашей партии.

[1] Исторические записки, т 94, с 303

[2] *Крыленко Н* Почему побежала русская революционная армия Пг 1917 с 30

Из глубины застенков, куда нас ввергла ненависть реакционеров и трусость изменников революции, приветствуем съезд нашей партии как гордый показатель жизненности и силы, влияния и энергии революционного интернационализма в России».

Влияние партии большевиков к тому времени нарастало с неудержимой силой. Началась большевизация Советов. 9 сентября Петроградский Совет, большинство в котором получили большевики, потребовал, чтобы все незаконно арестованные большевики были освобождены. В резолюции отмечалось: «В ряду произвольных арестов, разгромов и закрытии рабочих газет выделяется арест тов. Крыленко, которого по личному предписанию А. Керенского держат взаперти свыше двух месяцев, не предъявляя к нему никакого обвинения, невзирая на то, что товарищ Крыленко выехал из Петрограда до июльских событий и что как гражданские, так и военные судебные власти официально сообщили, что с их стороны никаких обвинений к тов. Крыленко не имеется».

В газете «Рабочий путь» было напечатано приветствие Николаю Васильевичу Крыленко от конференции большевистских организаций 11-й армии, подписанное Г. И. Чудновским (будущим героем штурма Зимнего): «Конференция Военной организации РСДРП(б) шлет Вам свой горячий привет. Насилие, совершенное над Вами врагами революции и врагами нашей партии, не изгладило из памяти нашей армии Вашего имени, которое по-прежнему остается для нас символом революционной чести и революционной отваги».

Нарастание революционного подъема, решение Петроградского Совета, голодовка заключенных — все это заставило Временное правительство в середине сентября выпустить из заключения арестованных большевиков.

И Николай Васильевич вновь оказался в водовороте событий. В эти дни его часто можно было видеть в огромном цирке «Модерн», ставшем с первых дней революции одним из популярных мест для собраний петроградского пролетариата и гарнизона. Здесь он выступил 8 октября на большом митинге рабочих и солдат. Предложенная им резолюция резко осудила политику Временного правительства и была единодушно принята участниками митинга.

Приближались решающие дни.

На заседании ЦК 10 октября была принята историческая резолюция, утвердившая курс на вооруженное восстание. А 12 октября по предложению ЦК был создан боевой орган руководства вооруженным восстанием — Военно-революци-

онный комитет при Петроградском Совете. Военная организация при ЦК РСДРП(б) рекомендовала в ВРК в числе других своих представителей и Крыленко.

Большую роль в мобилизации революционных сил сыграл тогда съезд Советов Северной области. ЦК РСДРП(б) поручил руководить съездом В. А. Антонову-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко.

В Смольный, где 11 октября 1917 года открылся съезд, съехалось около 100 делегатов от Советов Петрограда, Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса, Выборга, Новгорода, Ревеля, Архангельска и других городов. Прибыли делегаты Балтфлота, латышских стрелковых полков, представители Петроградского Совета крестьянских депутатов, областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии.

Председателем съезда был избран Крыленко. Всей работой съезда руководил В. И. Ленин. Он обратился к делегатам съезда — большевикам с письмом, в котором говорилось, что обстановка вполне благоприятна для решительного наступления против Временного правительства и ждать более непростительно: «Лозунг: «вся власть Советам» есть лозунг восстания...»[1]

Открывая съезд, Н. В. Крыленко заявил, что фронт ультимативно требует политики мира и что только переход всей власти в руки Советов может разрешить наиболее острые вопросы революции — о мире и о земле. «Массы окончательно изверились во Временном правительстве,— говорил он.— Коалиционная власть дезорганизовала, обескровила и истерзала страну. Так называемое «Демократическое совещание» закончилось жалким банкротством. Гибельная и предательская политика соглашательства с буржуазией с негодованием отвергается рабочими, солдатами, сознательными крестьянами. Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — в центре и на местах.

Революционный пролетариат ждет, чтобы мы исполнили свой долг, и мы свой долг перед революцией исполним...»[2]

Такие же мысли высказывали и другие выступавшие на съезде большевики.

В заключительном слове Н. В. Крыленко сделал вывод: «Основной мотив, основной лозунг всех выступлений — вся власть Советам! Долой Временное правительство! Такова единодушная оценка нынешнего положения страны...»

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 390.
[2] Рабочий путь. 1917. 13 октября.

Съезд избрал Северный областной исполнительный комитет в составе 17 человек: 11 большевиков и 6 левых эсеров. Н. В. Крыленко вошел в него от Военной организации при ЦК РСДРП(б). Комитету поручалось бороться за созыв II съезда Советов и объединить вокруг себя все Советы и военно-революционные организации.

16 октября 1917 года созывается расширенное заседание ЦК РСДРП(б).

7 часов вечера. Темно, идет мелкий дождь, дует сильный, порывистый ветер. Николай Васильевич, не доходя до здания Лесновской районной думы, где должно было проходить заседание, сворачивает в переулочек, а затем, осмотревшись, нет ли чего подозрительного, поднимается на второй этаж. В комнате многолюдно, ждут Ленина. И вот он входит, весело улыбается, пожимает всем руки. Я. М. Свердлов предоставляет Владимиру Ильичу слово. В своем докладе Ленин убедительно доказал, что налицо все объективные предпосылки для вооруженного восстания, подчеркнул, что массы настроены решительно, требуют от большевиков незамедлительного действия.

Выступивший на заседании член Военной организации при ЦК РСДРП(б) Н. В. Крыленко сообщил об успешной борьбе партии за солдат гарнизона и заявил, что «настроение в полках поголовно наше», что можно и нужно взять на себя инициативу восстания.

В эти напряженные дни Николай Васильевич почти не покидал Смольный, где находился ВРК.

Вот как рассказывает Джон Рид об одном дне (23 октября) деятельности ВРК: «В 10-й комнате, на верхнем этаже, шло беспрерывное заседание Военно-революционного комитета... В комнату беспрерывно входили и выходили связные и комиссары... Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый... шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв».

Члены «Военки» работали под непосредственным руководством Ленина, который требовал от них подходить к восстанию как к искусству, использовать военную науку в целях победы. И Н. В. Крыленко все свои знания и опыт большевика, прошедшего фронт, передает товарищам по партии. ВРК не раз поручал ему важнейшие, ответственные задания.

Так, в наброске перечня неотложных дел, написанном Н. И. Подвойским в ночь на 22 октября, в пункте 1 записано: «Броневой дивизион — Крыленко». Этот дивизион держал в своих руках ключ к положению, читаем в репортажах Джона Рида. Крыленко ежедневно, а иногда по нескольку раз в день выступает среди солдат этого дивизиона, лейб-гвардии резервного Московского полка, гренадерского полка, на митингах и собраниях рабочих.

Особое значение придавалось захвату мостов, соединявших центр Петрограда с революционными окраинами, через которые должны были подойти вооруженные силы революции.

ВРК направил отряды Красной гвардии и солдат, которые взяли под охрану почти все мосты. Н. В. Крыленко лично проверяет положение дел. Находит комиссара гренадерского полка Ильина-Женевского. Тот сообщил, что мосты наведены, выставлены отряды. Мосты с Петроградской стороны на Васильевский остров охраняла Красная гвардия завода «Вулкан». Тоже все в порядке. А у Николаевского моста пришлось задержаться: юнкера уже начали его разводить. Вооруженные красногвардейцы заставили навести мост, к которому в ночь с 24 на 25 октября подошел легендарный крейсер «Аврора».

Вот как сам Николай Васильевич описывает картину Петрограда в памятный день 25 октября:

«...На Неве, грозно устремив жерла орудий на Зимний дворец,— «Аврора» и миноносцы, подкрепленные сверх того солидными бастионами Петропавловской крепости. Громадный город как бы вымер. Ни души на улицах. Иногда лишь гремели, с грохотом прокатываясь вдоль Невского, броневые автомобили и, громыхая, подтягивались к Зимнему дворцу трехдюймовые орудия. Преображенский, Волынский, Семеновский, Павловский гвардейские полки несли караулы.

Ударный женский батальон к вечеру сдался; жалкая горсть юнкеров, защищавшая подступы к Зимнему дворцу, забаррикадировалась за поленницами сложенных у ворот дров и с полной безнадежностью ждала решительной атаки...»[1]

25 октября Временному правительству был вручен ультиматум: «Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся

[1] *Крыленко Н.* Смерть старой армии — Военно-исторический журнал, 1964, № 11, с. 55.

власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками... Предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать»[1].

Не получив ответа, ВРК подал сигнал к штурму дворца, и в ночь на 26 октября Зимний был взят.

26 октября в 3 часа 10 минут делегаты II съезда Советов, открывшегося накануне вечером, бурными овациями встретили сообщение о взятии Зимнего и аресте министров Временного правительства.

А в 5 часов 17 минут утра, рассказывает Джон Рид, на трибуну, шатаясь от усталости, поднялся член президиума съезда Крыленко и показал телеграмму: «Товарищи, с Северного фронта! 12-я армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!..» Это было очень важно, ибо Северный фронт, расположенный к Петрограду ближе других фронтов, оказывает новой власти безоговорочную поддержку!

На втором заседании съезда Советов создается первое рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Крыленко в нем — народный комиссар по военным делам.

Еще не закончил свою работу II съезд Советов, а Керенский, успевший накануне свержения Временного правительства скрыться из Петрограда, организовал наступление на столицу конного корпуса генерала Краснова.

28 октября от имени Петроградского военно-революционного комитета Н. В. Крыленко направляет комитету 5-й армии Северного фронта радиограмму: «В Гатчине стоят эшелоны Керенского с артиллерией, сам он там и издает приказы. Двиньте ему вдогонку верные революционные полки и накажите предателя и изменника. Мы здесь готовы ко всяким случайностям. О высылке отряда и командира донесите. Военно-революционный комитет. Крыленко»[2].

Снова обращение Крыленко к комитету 5-й армии: пришлите в поддержку Петроградского гарнизона революционно настроенные части. Это в связи с организованным «Комитетом спасения Родины и революции» мятежом юнкеров.

Около 5 часов утра стало известно, что юнкера инженерного училища захватили Михайловский манеж с находившимися там броневиками. Туда срочно едет Крыленко.

[1] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1978, т. 2, с. 941.
[2] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957, с. 689

В огромном, тускло освещенном манеже собралось до 2 тысяч солдат. Один из стоящих здесь броневиков превращен в трибуну. Ораторы сменяют друг друга. Одетые в серо-коричневую форму люди стараются понять, что делать.

Враги революции всеми средствами пытаются привлечь их на свою сторону и уговорить не поддерживать большевиков. Соглашателям уже казалось, что они победили. Но вот толпа заволновалась. «Солдат, которого удерживал офицер,— пишет Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир»,— вырвался и высоко поднял руку: «Товарищи,— закричал он,— здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!» Раздался взрыв криков, аплодисментов и свистков: «Просим! Просим!..» Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся...

— Товарищи солдаты! — начал Крыленко хриплым от усталости голосом.— Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи...

— Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию,— что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами».

О том, что произошло потом, рассказывает другой очевидец этого события, Альберт Рис Вильямс:

«Наступил драматический момент, когда Крыленко кончил свою страстную речь возгласом: «За Керенского — направо! За Советы — налево!»

Масса солдат двинулась налево. А он, кончив говорить, пошатнулся и чуть не упал, сотни рук поддержали его, и высокий темный манеж задрожал от грохота аплодисментов и восторженных криков».

Уже к вечеру 29 октября мятеж юнкеров был подавлен.

Вся многогранная деятельность Николая Васильевича Крыленко в дни Октября подтверждала высокую оценку В. И. Ленина, считавшего его одним «из самых горячих и близких к армии представителей большевиков»[1]. И становит-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 377

ся ясно, почему именно Н. В. Крыленко в первые же дни революции был назначен на пост Верховного Главнокомандующего Советской республики.

В дни Великого Октября солдатские массы на фронтах продемонстрировали полную солидарность с революционным пролетариатом и активно поддержали победоносное вооруженное восстание в Петрограде, что явилось одной из важнейших причин победы социалистической революции в России. Именно поэтому, говоря об огромном значении Октябрьской революции, Н. В. Крыленко выделял ту ее особенность, что она создала предпосылки для формирования новой, пролетарской армии и тем обеспечила мир народам. Он писал: «Октябрьская революция была тем и сильна, что все ее коренные реформы были продуктом массового народного творчества...»[1]

* *
*

[1] Исторические записки, т. 94, с. 341.

Елена Дмитриевна СТАСОВА

Стасова Е. Д. (партийный псевдоним — Абсолют) (1873—1966 гг.), участница Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, деятель российского и международного коммунистического движения. Герой Социалистического Труда (1960 г.). Родилась в семье юриста в Петербурге. С середины 90-х гг. преподавала в воскресно-вечерних школах для рабочих, где встретилась с Н. К. Крупской. Состояла в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Член Коммунистической партии с 1898 г. С 1901 г.— агент «Искры». Вела подпольную революционную работу в Петербурге, Москве, Орле, Киеве. Секретарь ПК РСДРП и Северного бюро ЦК РСДРП,

Русского бюро ЦК РСДРП. В годы революции 1905—1907 гг. работала в ЦК РСДРП в Женеве, отдавала много сил изданию и транспортировке нелегальной партийной литературы.
С 1907 по 1912 г. как представитель ЦК РСДРП вела партийно-пропагандистскую работу в Тифлисе. На 6-й (Пражской) конференции РСДРП кооптирована кандидатом в члены ЦК. Неоднократно подвергалась арестам, в 1913—1916 гг. была в ссылке в Енисейской губернии.
После Февральской революции 1917 г.— секретарь ЦК партии. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), где избрана кандидатом в члены ЦК. С августа — член Лесновско-Удельнинской районной думы.
В октябрьские дни 1917 г. участвовала в подготовке и проведении вооруженного восстания, работала в Секретариате ЦК. Вела переписку с местными партийными организациями, участвовала в выпуске Бюллетеней ЦК, которые рассылались во все крупные партийные организации страны. В 1918 г.— член Президиума Петроградской ЧК, член Петроградского бюро ЦК РКП(б). В 1920 г. в Баку участвовала в подготовке I съезда народов Востока, работала в Кавбюро ЦК РСДРП(б).
В дальнейшем — на партийной работе. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

* * *

Секретарь ЦК [1]

...Первые дни революционной России. Весна. Свобода! Красные флаги в руках рабочих. Алые розетки на сюртуках кадетствующих профессоров и эсерствующих присяжных поверенных. Алые повязки на рукавах студентов и гимназистов — добровольных милиционеров, заменивших старорежимных городовых. Временному правительству присягают на верность воинские части. Повсюду манифестации и митинги. Речи, речи, без конца и края. И повсюду звучат слова «Марсельезы»:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!..

В Таврическом дворце — людская круговерть. Делегации из рабочих районов столицы. Делегации от полков, флотских экипажей, лазаретов. Депутаты Государственной думы. Важные господа. Истощенные люди, чьи землистые лица наглядно свидетельствуют о длительном тюремном «загаре». Представители различных партий и групп.

Из книги *Подляшук П.* Богатырская симфония. М., 1982

Один из товарищей-большевиков, разглядев в шумной толпе Стасову, обрадованно поздоровался, предложил:

— Как удачно, что вы здесь! Собирайте наших, регистрируйте большевиков! Хорошо бы подыскать комнату, там разместим Центральный Комитет.

Елена Дмитриевна принялась за дело. Комнаты пустой поблизости не нашлось, придется пока ограничиться столом, поставленным у входа в большой зал заседаний. Шумно, зато на виду. Над столом прикрепили красный флаг и самодельную табличку: «Бюро Центрального Комитета РСДРП».

В обязанности секретаря входило: прием товарищей и ответы на их вопросы по всем областям партийной деятельности, снабжение их литературой; ведение протоколов заседаний ЦК; размножение и рассылка директив ЦК; финансы.

Этот перечень не исчерпывал и половины дел и заданий, выпавших на долю секретаря. Жизнь ставила все новые вопросы. Решать их приходилось с ходу, безотлагательно.

Заседания Бюро ЦК часто проводились на Фурштадтской, у Елены Дмитриевны. Там удобнее, спокойнее, благо от Таврического дворца до стасовской квартиры расстояние невелико. Бывало, заседали допоздна, расходились тихо, стараясь не нарушить покоя старых родителей.

...«Собирайте наших! — такую директиву получила Стасова в первый день Февральской революции. Из ссылки, из тюрем, из дальних губерний съезжались в столицу большевики.

...В документальном фонде Музея Революции СССР можно прочитать копию справки, которой секретарь Бюро ЦК Стасова удостоверяла, что «тов. Я. М. Свердлов (Андрей) был сослан в качестве члена Центрального Комитета в Туруханский край и, как амнистированный, прибыл 29-го марта». Бумага заканчивается словами: «ЦК просит оказать товарищу нужную помощь».

Тогда они впервые повстречались с Яковом Михайловичем Свердловым. Работали вместе давно, в ссылке действовали согласованно, хотя их разделяли тысячи верст. Знали и уважали друг друга заочно. И сейчас встретились как старинные друзья.

Вскоре после приезда в Петербург Яков Михайлович навестил Елену Дмитриевну дома, на Фурштадтской.

Она познакомила его с родителями. Свердлов шутил:

— Дочка-то у вас молодец. Выбралась в Питер, совершила революцию и нас из ссылки вызволила. Ну, право, молодчина!

Свердлов очень понравился старикам.

Потом Яков Михайлович с Еленой Дмитриевной до полуночи разговаривали — так много надо было сказать друг другу...

Вспоминали товарищей.

Помянули Спандаряна, погибшего от скоротечной чахотки в красноярской больнице. Стасова особенно сокрушалась, что осенью прошлого года, проезжая через Красноярск, не навестила смертельно больного друга. Могла бы! Если бы знала, что он там, что Сурена привезли туда умирать.

Говорили о неотложных партийных делах, о перспективах революции. Они, Свердлов и Стасова, были твердыми и последовательными ленинцами, единомышленниками во всем.

...«Правда» в двух номерах — от 21 и от 22 марта 1917 года — напечатала статью В. И. Ленина «Письма из далека». Точнее, «Письмо 1» о первом этапе первой русской революции. Стасова, познакомившись с ленинским анализом положения в России, не переставала удивляться прозорливости Владимира Ильича. В швейцарской постылой эмиграции, в дальнем далеке от событий столь глубоко разобраться в обстановке, дать такой всесторонний анализ, четко поставить задачу: используя особенности современного переходного периода, идти к социализму, «который один даст измученным войной народам *мир, хлеб* и *свободу!*».

Пройдут две недели, и Елена Дмитриевна, взволнованная, растроганная до слез, забывшая об усталости, будет вместе с друзьями и соратниками встречать Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала.

С вокзала, опережая всех, поспешит Стасова в особняк Кшесинской: надо посмотреть, все ли готово для встречи приехавших?

Та апрельская ночь показалась такой короткой.

Встреча в белом мраморном зале, крепкое рукопожатие Владимира Ильича, поцелуй Надежды Константиновны, объятия и расспросы, приветственные речи. Но вот слышит она слова Ленина:

«Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией». И он перешел к делу, стал разъяснять задачи партии, ее стратегию и тактику. Владимир Ильич сформулировал тогда практическую программу перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. То, что на следующий день, 4 апреля, в докладе Ленина приобретет чеканную форму тезисов, вошедших в историю под именем Апрельских.

Новые установки, новые директивы Ильича были настолько необычны, что даже не сразу укладывались в голове... Требовался какой-то срок — для Стасовой он был недолгим,— чтобы все сказанное Лениным осмыслить и принять как руководство к действию.

Тогда, в ту первую ночь, вернее, уже на рассвете, когда наговорились вдоволь, Владимир Ильич сказал:

— Давайте-ка споем.

Запели революционные песни, и опять он предложил:

— А теперь «Интернационал»!

К общему стыду, оказалось, что товарищи тогда петь пролетарский гимн не умели. Хор был вначале нестройным. Но от строфы к строфе он звучал все энергичнее, все более дружно.

На Апрельской конференции Елене Дмитриевне приходилось бывать урывками, так же, впрочем, как и на многих заседаниях, собраниях и митингах. Для секретарства не хватало суток.

15 апреля на официальном партийном бланке за № 97 Стасовой был выдан документ, удостоверяющий ее личность и принадлежность к партии. Подписал эту бумагу член ЦК РСДРП(б) В. Ульянов.

В ту бурную весну и начало лета Стасовой посчастливилось работать под непосредственным руководством Владимира Ильича, в самом тесном общении с ним. И тогда и потом, до конца дней своих, не уставала она восхищаться величайшей активностью, энергией и работоспособностью вождя Октября. Какой титанический труд проделал он в эти месяцы: писал, выступал, учил, направлял, воодушевлял, объяснял, ведя партию к победоносной социалистической революции. Сколько требовалось для этого душевных и физических сил! И все та же скромность, умение слушать товарища, внимание к мелочам, чувство юмора.

...В Ленинграде на доме № 20 по улице Петра Лаврова установлена мемориальная доска. Четкий ленинский барельеф и под ним — строки:

«Здесь,
в квартире Д. В. Стасова,
в 1917 году
неоднократно бывал
Владимир Ильич Ленин».

Именем Петра Лаврова названа ныне та самая Фурштадтская улица, на которой жили Стасовы в доме 20, в квартире 7.

Домашний адрес Елены Дмитриевны записан в ленинской

книжке адресов (за апрель — июнь 17-го года), там же указан и ее телефон: № 102—63.

Бывал у Стасовых В. И. Ленин в мае и в начале июня. А в конце месяца, когда сгустились тучи контрреволюции, когда разнузданная травля большевиков и их вождя приобрела особенный размах, было признано целесообразным Владимиру Ильичу покинуть квартиру Елизаровых на Широкой улице, где Ленин и Крупская поселились после возвращения из эмиграции. Несколько дней он прожил у Стасовых.

Все обитатели квартиры вспоминали потом о его скромности. Всячески старался никого не обременять заботами о себе: сам застилал кровать, убирал комнату, посуду после еды. Беспокоился о том, как бы не доставить хоть малейшие хлопоты, чем-то нарушить привычный уклад жизни хозяев.

Ленин пробыл у Стасовых недолго: уполномоченный по дому (существовала в то время такая общественная должность) намекнул Елене Дмитриевне: «Если кто-нибудь собирается у вас ночевать, то лучше не надо». Решено было, что Ленин должен тотчас же переехать в другое место.

И вполне своевременно. 7 июля в квартиру Стасовых с обыском ворвались юнкера.

Искали «секретаря Ленина», то есть Елену Дмитриевну. Хотели дознаться, где партия укрыла своего вождя. Обшарили всю квартиру, штыками «проверяли», не прячется ли кто под кроватями. Ушли несолоно хлебавши...

Находясь в подполье, В. И. Ленин руководил VI съездом партии. Заседал съезд полулегально в помещении Сампсониевского братства на Сампсониевском проспекте (Выборгская сторона).

Стасова, несмотря на занятость, пришла на одно из заседаний съезда — хотела послушать. Ее заметил председательствующий на заседании седовласый и седобородый Михаил Степанович Ольминский, знаменитый большевистский публицист Галерка. Подошел, шепнул:

— Зачем вы сюда пришли?

Стасова попыталась отшутиться:

— Как «зачем»? На съезд, конечно!

Но Ольминский не был склонен к шуткам. Замахал руками:

— Уходите немедленно! Разве вы не знаете, что нас всех каждую минуту могут арестовать? Вы же хранитель традиций партии! Немедленно уходите...

Пришлось подчиниться...

Съезд заочно избрал Стасову кандидатом в члены ЦК партии.

...На квартире старого большевика Сергея Яковлевича Аллилуева (10-я Рождественская улица, 17) Елена Дмитриевна участвовала в совещании, где обсуждался вопрос, имевший жизненно важное значение для судеб революции. Для судьбы ее вождя — Ленина. Являться ли Владимиру Ильичу на суд Временного правительства?

Присутствовали там Ногин, Орджоникидзе, Сталин, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и другие.

Единогласно было принято решение: Ленину перейти на нелегальное положение, укрыться вне Петрограда.

В то время, когда В. И. Ленин находился в Разливе, Стасову вызвали на допрос. Долго бились с ней следователи Временного правительства, с пристрастием выспрашивали: где Ленин, где другие руководители большевиков?

Ответ один: «Понятия не имею!»

...Елена Дмитриевна вошла в так называемый узкий состав Центрального Комитета партии, который проводил в жизнь ленинский план подготовки вооруженного восстания. Протокол № 3 заседания узкого состава ЦК от 6 августа 1917 года свидетельствует, что вместе со Свердловым и Дзержинским она вошла в Секретариат ЦК.

Несколько раз менял свое местонахождение Секретариат ЦК, пока не обосновался на Фурштадтской, поблизости от квартиры Стасовой и от квартиры Свердлова, в доме Сергиевского братства, женской монашеской общины.

Кроме удачного расположения были еще и другие преимущества нового места, например два выхода из квартиры. При тревоге, при налете можно было не только укрыться за плотными дверями общины, украшенными массивными крестами, но и быстро покинуть дом через черный ход.

В доме Сергиевского братства находились «владения Стасовой»: архив, текущая переписка, литература. Другая часть Секретариата ЦК во главе со Свердловым помещалась в Смольном.

Яков Михайлович и Елена Дмитриевна работали в самом тесном контакте и очень дружно. Правда, Стасовой почему-то казалось, что она находилась в некотором отдалении от центра событий. Колоссальный объем работы по Секретариату порой лишал ее возможности участвовать в заседаниях, присутствовать на митингах. А как хотелось быть повсюду в бурлящем Петрограде, среди рабочих, солдат.

Известное представление о работе, проделанной Стасовой летом и осенью 1917 года, даст одна цифра: из общего потока писем, отправленных Секретариатом в действующую армию, в местные организации и отдельным корреспондентам, 434 написаны рукой Елены Дмитриевны. Письма-инструкции, консультации, разъяснения, требования. Они давали ответ на вопрос: что делать? — и на вопрос: как делать?

В. И. Ленин придавал огромное значение большевистскому слову, правдиво объяснявшему задачи и лозунги момента. Буржуазные, эсеровские, меньшевистские газеты извращали политику ленинской партии, состязаясь в злобной клевете на Ленина, а большевистская печать подвергалась преследованиям. В этих условиях переписка, которую вела Стасова, играла существенную роль в подготовке к Октябрю.

В те предгрозовые дни Центральный Комитет рассылал на места Бюллетень ЦК, в котором разъяснялась стратегия и тактика партии, печатались письма ЦК, важнейшие директивные документы. Возглавлял работу по выпуску Бюллетеня Я. М. Свердлов. Стасова же была его верным помощником.

В августе на выборах в районные думы Елена Дмитриевна баллотировалась по списку большевиков в думу Лесновского подрайона на Выборгской стороне. И была избрана. Она активно работала там вместе с председателем думы Михаилом Ивановичем Калининым. Одновременно была членом райкома партии Первого городского района.

Кандидатура «учительницы Е. Д. Стасовой» включена в список большевиков, «рекомендуемых ЦК местным партийным организациям для проведения в Учредительное собрание». Список был опубликован в центральном органе партии — газете «Рабочий путь», выходившей тогда вместо «Правды».

Открывал его Ленин. Фамилия Стасовой была рядом с фамилиями журналистки Крупской, рабочего Калинина, прапорщика Крыленко, статистика Шлихтера, рабочего Шотмана, профессора Штернберга...

Участники Великого Октября, вспоминая горячие дни подготовки социалистической революции, часто пишут о Стасовой, о ее заданиях, самых различных поручениях.

И вот настал Великий Октябрь. На заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) прозвучали вдохновенные ленинские слова:

«Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...»

«...Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

«...В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

* * *

Из воспоминаний Е. Д. Стасовой [1]

В переписке ЦК партии с местными организациями в 1917 году большое место занимает переписка с действующей армией. Когда знакомишься с письмами, то видишь, какую огромную роль сыграла армия в подготовке к Октябрю. Мобилизованные в 1916 году в армию большевики сумели провести большую работу среди солдат. Результаты большевистской пропаганды и агитации нашли свое отражение в письмах из действующей армии. ЦК в своих письмах отвечает на бесчисленные запросы о литературе, о Программе партии, дает указания, как строить первичную организацию, как вести агитацию и как вообще вести работу.

Большое место в переписке занимает вопрос об Учредительном собрании, о кандидатах его. Так, например, унтер-офицер Карандаев из 65-го полка очень тревожится о том, что могут подменить ящики с бюллетенями. И вот ЦК пишет ему: «Конечно, вы должны приложить все усилия к тому, чтобы выборы прошли правильно и чтобы злоупотребления были невозможны. Думаем, что опечатывание выборных ящиков тотчас по окончании выборов есть одна из самых действенных мер в этом направлении. Следующая мера, конечно, контроль при подсчете, и тут возможно оказать определенное давление, поставив условием (через полковой комитет) о том, чтобы в числе счетчиков были солдаты и представители всех партий — этих двух мер вполне достаточно».

Письмо свидетельствует о том, что мы еще находились, конечно, в детском возрасте в смысле техники выборов. Но здесь важнее другое — солдаты боялись, что они будут ущемлены в своих гражданских правах.

Из этой же переписки видно, какая пропасть разделяла широкую солдатскую массу и офицерство старой царской армии. Иван Некрасов из 1-го Гвардейского полка морского

[1] См *Стасова Е Д* Воспоминания М , 1965

дивизиона сообщает, что с переходом власти в руки Совета Народных Комиссаров все офицеры разъехались и «остались только прапорщики и поручики и они не живут в батарее, а все время, день и ночь, ездят и никто из солдат батареи не знает, зачем ездят». И дальше он просит разъяснить, «как нам поступить».

ЦК, отвечая на это письмо, пишет: «Думаем, что вам необходимо принять меры: чтобы выяснить причины этих разъездов, а потому рекомендуем вам обратиться к вашему армейскому комитету за инструкциями относительно способов воздействия на офицеров. Необходимо провести это организованно, чтобы не произошло самоуправных действий, абсолютно недопустимых. Конечно, необходимо взять офицеров под контроль, но контроль этот, повторяем, должен быть организованным, а не случайным».

Однако возвращаюсь к выборам в Учредительное собрание. Солдаты самых разнообразных родов оружия (пехотинцы, артиллеристы, конники, телеграфисты, солдаты из отрядов Красного Креста и т. д.) запрашивают ЦК о номере списка, по которому они могут голосовать за большевиков. Но так как они, естественно, не могли сообщить, где находится их часть, то ЦК приходилось отвечать общими фразами, предлагать обратиться в ближайший губернский комитет большевиков. «Советуем Вам обратиться в Минск, Киев или Одессу, так как в этих городах известны списки кандидатов по Северному, Северо-Западному, Южному и Румынскому фронтам». Или давался номер списка по каждому из перечисленных фронтов. Но приходилось ЦК и резко писать о том, что местный (дивизионный в данном случае) комитет идет вместе с командным составом, «проводит контрреволюционную политику, грубо нарушая свободу собраний. Нарушение свободы избирательной борьбы есть уголовное преступление, но в революционное время вопрос о праве совершенно заслоняется вопросом о силе. Конечно, ни преследовать за принадлежность к большевикам, ни задерживать большевистскую литературу в *демократической* республике никто права не имеет...»

В заключение приведу ответ на письмо Иванова, фельдфебеля 529-го пехотного Ардатовского полка, сообщавшего о том, что он избран кандидатом в Учредительное собрание. Этот фельдфебель был постоянным корреспондентом ЦК и вел большую работу в своем полку. Вот ответ ЦК: «Уважаемый товарищ. Письмо Ваше, извещающее о том, что Вы выбраны кандидатом в Учредительное собрание, получили. Против Вашей кандидатуры ничего не имеем, так что выстав-

ляйте ее. Деньги Ваши тоже получили и очень за них благодарим. Желаем Вам всякого успеха в Вашей работе, которую, очевидно, мы и впредь будем вести целиком рука об руку».

О каких деньгах идет речь в письме? Это деньги, собранные среди солдат, которые, «горячо сочувствуя партии социал-демократов и желая поддержать ее в данное время», собрали 53 рубля и послали в ЦК.

Это не единственное письмо, говорящее о финансовой поддержке партии. В такой поддержке мы очень нуждались тогда. О материальном положении партии можно судить хотя бы по тому факту, что ежедневно вечером из редакции «Правды» секретарю ЦК приносили дневную выручку газеты. Это был один из немногочисленных доходов Секретариата ЦК, и секретарь должен был подсчитать эти бумажные копейки (выпущенные в то время вместо медных и серебряных денег) и затем обменять их в Государственном банке на рубли.

В ответ на просьбу выписать газету и литературу Секретариат выписывал газету и посылал литературу, но одновременно писал: «Было бы весьма желательно, чтобы вы выслали подписные деньги, так как наши партийные органы существуют исключительно на сборы и подписку». В другом письме Секретариат сообщает, что касса партии бедна, так как «члены партии не обладают большими средствами и потому не могут делать крупных взносов в партийную кассу».

В ряде писем Секретариат приветствует вновь создававшиеся группы и организации и дает указания о дальнейшей работе. Так, председатель комитета пулеметной команды 199-го Кронштадтского полка сообщает, что в полку имеется до тысячи членов партии, а в их команде с первых дней революции — 120 членов, и просит указаний о работе. В ответ было написано: «С радостью прочитали о том, что у вас создался комитет... Что касается советов и помощи, то все руководящие указания вы получите в нашей газете, которую мы вам посылаем одновременно с этим письмом».

На сообщение о том, что «вся власть 9-й армии находится в руках наших...», Секретариат отвечает: «Искренне приветствуем вас с одержанной победой и со вступлением вашей армии в наши ряды. Но, товарищи, этим дело еще не закончено, теперь-то именно и начинается настоящая работа по созданию из сочувствующих и примыкающих к нам истинных социалистов. Принимайтесь же с прежним жаром за эту работу, создавайте пропагандистские кружки, добивайтесь того,

чтобы примкнувшие к нам стали действительными членами партии, т. е. разделяли бы нашу программу».

Большой интерес представляют письма, относящиеся к октябрьским дням, когда телеграф, как и почта, саботировал доставку «Правды» и когда Секретариат ЦК рассылал в закрытых письмах свои Бюллетени.

В одном из писем ЦК в эти дни сообщалось, что «борьба с кадетами идет вовсю, так как они, конечно, не прощают нам объявления их врагами народа. Будут они всячески стараться лишить власти Советы и будут настаивать на том, чтобы власть была только у Учредительного собрания, лишая этим, естественно, силы и значения все проведенные декреты и всю творческую работу Советов и их выразителей, народных комиссаров. Мы с этим не можем согласиться, и поэтому борьба будет расти и шириться».

В другом письме Секретариат пишет: «В Питере власть находится в руках Военно-революционного комитета Совета Р. и С. депутатов, в котором руководящую роль играют большевики. Все министерства находятся в наших руках. Войска идут за нами».

Вот еще один ответ ЦК: «От души рады, что влияние наше все растет и среди войск и что, чем дальше, тем определеннее широкие массы сознают, кто является их истинными друзьями. Поживем — увидим, как многие из тех, кто сейчас по непониманию нападают на нас вслед за буржуазией, пойдут за нами, так как увидят всю грандиозность совершающегося переворота, поймут, что только этим путем можно было положить конец кровавой бойне, разорявшей все человечество».

А вот и прямые указания, как можно добиться успеха в борьбе: «Для борьбы с кадетами вам необходимо иметь за собою определенное большинство, которое своим голосованием проводило бы нашу большевистскую линию. Другими словами, вам необходимо создать большевистскую группу... С этой целью вам нужно разбирать с солдатами те брошюрки, которые касаются как программных, так и тактических вопросов».

На сомнения корреспондентов, например о возможности создания партийной ячейки, Секретариат писал: «Вы не правы, говоря, что нельзя создать у вас партийной ячейки, когда у вас имеется 30 человек сочувствующих, и что при станции $^1/_3$ или даже $^1/_2$ могла бы быть на нашей позиции. Ваша задача заключается в том, чтобы разобрать с этими сочувствующими нашу Программу, которую высылаем вам одновременно с этим письмом. В некоторых отделах эта программа уже несколько устарела, так как частью осуществлена совре-

менной Февральской и Октябрьской революциями, но основы ее, конечно, остаются в силе. Затем вам необходимо связать всех сочувствующих не только идейно, но и материально, т. е. установить определенные членские взносы, так как по Уставу партии членом считается тот, кто разделяет Программу партии и материально ее поддерживает. Далее вам необходимо вести работу и агитационную, т. е. разбирать те вопросы, которые касаются современного момента. Для этого вам нужно иметь наши газеты, так как в них даются руководящие статьи по всем основным вопросам».

А вот ответ на запрос, как быть с созданной группой (запрос шел из гвардии Уланского полка): «Ваша группа должна быть утверждена двумя соседними с Вами комитетами нашей партии. От них Вы получите разрешение на заказ партийной печати, а также на приобретение партийных билетов. Партийные взносы, 10% отчисления с той суммы, которую Вы получили, присылаются в ЦК РСДРП».

Еще приведу ответ на письмо стрелка пулеметной команды 24-го стрелкового полка Сотрихина: «Посылаем Вам наших изданий на 9 р. 15 к. Надеемся, что эти книжки помогут Вам и товарищам Вашим разобраться в тех вопросах, которые Вам еще, быть может, не ясны. Создавайте у себя в полку партийную ячейку и, сплотившись, развивайте дальше организацию. Для того чтобы не стоять одиноко, свяжитесь со своим армейским комитетом. Кроме литературы посылаем Вам и наши газеты, чтобы Вы могли разобраться и в современном моменте, в чем Вам помогут резолюции и декреты, печатаемые в нашем органе».

А вот и ответ на это письмо: «Уважаемые товарищи! Благодарю Вас, что Вы с сочувствием отнеслись к моей просьбе. Я уже получил Ваше ответное письмо от 11 ноября и 11 номеров газеты «Правда», которые мы с товарищами с удовольствием прочитывали, знакомясь с сущностью дела настоящего момента... Извещаю Вас, товарищи, что закончившееся голосование у нас в полку, благодаря разъяснению некоторых товарищей, а в том числе и меня, дали следующие результаты. Список № 4 по Юго-Западному фронту социал-демократов большевиков получил 1931 голос, а все остальные девять списков — всего лишь 67 голосов. Еще, дорогие товарищи, с радостью извещаю Вас, что сегодня мы в окопах получили известие, что в 12 часов 24-го сего ноября заключено перемирие, т. е. первые шаги к прекращению ужасной бойни. Вот что значит победа пролетариата... Поздравляю Вас с победой, товарищи, и благодарю за сочувствие к окопникам. Мы ожидаем мира».

Вопрос о перемирии и мире особенно интересовал фронтовиков, и естественно, что к нему Секретариат возвращался не раз.

Письмо от 12 декабря: «Нами получены сведения, что Германия согласна вести переговоры о мире на предложенных нами условиях, «без аннексий и контрибуций».

Скоро кончатся Ваши страдания, дорогие товарищи. Поздравляем Вас с грядущим миром, который завоевали революционным путем солдаты, рабочие и крестьяне. Да здравствует мировая революция!»

В письмах от 21 декабря 1917 года к разным адресатам мы писали: «С перемирием дело обстоит так: оно заключено и может быть продолжено, а сейчас ведутся переговоры о мире, но немцы сначала пошли на наши требования, а сейчас уже бьют отбой... Чем все это кончится, пока неизвестно».

В другом нашем письме говорится: «Вы из газет знаете о перемирии и о начале мирных переговоров. Вероятно, их придется, однако, прервать, так как германские империалисты не отказываются от аннексий и, с одной стороны, не желают отдать колонии, а, с другой, не желают очистить от своих войск Курляндию (современная Латвия.— *Е. С.*), Литву и Польшу. Очевидно, они только тогда пойдут на уступки, когда и в Германии восстанет пролетариат. В Италии и Франции движение в пользу мира усиливается».

«Относительно заключения мира вышло некоторое затруднение. Германия на словах согласилась на наши условия, а на деле не отказалась от своих империалистических стремлений. Теперь сама армия должна сказать свое решающее слово. Будет она сама продолжать войну до мира «без аннексий и контрибуций» или же найдет возможность заключить мир во что бы то ни стало».

Из 16-го Мингрельского полка было получено сообщение о том, что началось братание с немцами и что, «выступая с речами, немцы ясно указывали, что мир близок, и приветствовали нашу Советскую власть, как первую, ставшую на сторону измученного пролетариата этой бойней».

В ответ на это Секретариат писал: «Относительно Вашего сообщения о братании с немцами, хотели бы очень знать, как Вы его проделываете, организованно или же просто по личному почину отдельных товарищей. Думаем, что только первый путь допустим, так как второй может привести при существующей у немцев дисциплине к совершенно нежелательным результатам и послужить поводом к столкновениям».

Очень острым в те дни был для солдат вопрос о взаимоотношениях с офицерством. Поднимался вопрос об организационной перестройке армии. И вот Секретариат пишет: «Относительно корпусного командира можем Вам сообщить, что теперь существует выборность всего командного состава — от фельдфебеля до Главковерха. Таким образом, Вы можете переизбрать своего корпусного командира. Если же он контрреволюционер, то даже можете арестовать. Но во всем этом не ждите указки сверху, а должны проявлять самостоятельность».

Следует помнить, что это писалось в самый разгар революции, когда шла ломка всего государственного буржуазного аппарата, а следовательно, и старой, буржуазной армии.

Беспокоились армейцы и о том, будто Николай II сбежал. Относительно этого можно было успокоить их и сообщить, что «охрана его крайне солидная. На расстоянии в 200 верст в окружности эта охрана знает всех решительно... Таким образом, ни о каком его восстановлении или побеге не может быть разговоров».

Интересно, что не только рабочие и крестьяне поднимали вопрос о Красной гвардии и просили разъяснения о ее создании, но и солдаты из действующей армии писали на эту тему. Привожу несколько выдержек из ответов на такие письма.

«Переходим к вопросу о Красной гвардии. Вы считаете, что в ней нет надобности теперь. По-видимому, ставя так вопрос, Вы упускаете из виду лозунг о всеобщем вооружении народа, о народной милиции, так как Красная гвардия является первым звеном этой милиции...»

«Что же касается Красной гвардии, то должны Вам разъяснить, что в ее состав входят рабочие, а не солдаты. Красная гвардия есть рабочее войско, и после демобилизации Вы, вероятно, сможете вступить в ее ряды, а пока в рядах войск сможете оказать огромную помощь Советам».

Конечно, все приведенное только кусочек той переписки, которую вел Секретариат ЦК с действующей армией... Кусочек работы секретаря ЦК, которая в те времена была очень многогранной.

* * *

«Так сказала Стасова»[1]

Мысленно вижу Вас в Таврическом, позднее в Смольном, всегда занятую, озабоченную и густо окруженную прибывшими из провинции делегатами на II съезд Советов.

Стройная, строгая на вид, но всегда отзывчивая к нуждам товарищей и неизменно улаживающая неизбежные для партии трудности, когда у власти еще стояли наши враги. «Стасова,— говорили товарищи,— она поговорит с Ильичем и это уладит». «Елена Дмитриевна,— откликался другой товарищ,— она мудрая». И Ленин нередко искал Вас глазами, чтобы посоветоваться с Вами и проверить полученные им важные донесения.

Хорошее у Вас было лицо, молодое, открытое, в нем отражалась непреодолимая сила воли и отзывчивость души. Вас уважали, даже боялись, но и любили, любили горячо, и безгранично верили Вам: «Так сказала Стасова». Но при властности, исходившей от всего Вашего облика, все знали, что если кто поможет товарищу, так это Стасова.

Только тех, кто повредил своим действием партии, кто пошел против ее решений, тех Елена Дмитриевна не прощала и поворачивалась к ним спиной. Ваше презрение или неодобрение было тем больнее, что оно никогда не было личным и всегда обосновано интересами партии...

Вот этой молодой, смелой, деятельной и неутомимой в работе в партии и для партии Елене Стасовой я пишу эти строки — отрывок из воспоминаний о Вас или — точнее — попытка воссоздать Ваш обаятельный облик борца и чуткого, отзывчивого товарища...

* *
*

[1] Из писем А. М Коллонтай к Е Д Стасовой

Анатолий Васильевич ЛУНАЧАРСКИЙ

Луначарский А. В. (партийный псевдоним — Воинов) (1875—1933 гг.), участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, один из руководителей строительства социалистической культуры, писатель, академик АН СССР (1930 г.).
Родился в семье чиновника в Полтаве. В революционном движении с 17 лет. Работал в социал-демократических организациях Киева. Член Коммунистической партии с 1895 г. В 1895—1898 гг. жил в Швейцарии, Франции, Италии, в Цюрихском университете слушал курс философии и естествознания. В конце XIX — начале XX в пережил период противоречивого процесса выработки марксистского мировоззрения. Сблизился с членами группы «Освобождение труда» С 1898 г. вел революционную работу в Москве.

В 1899 г арестован и до 1904 г. был в ссылке. После II съезда РСДРП (1903 г.) стал большевиком; входил в редакции большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь».
В конце 1904 г. по предложению В. И. Ленина уехал за границу: партии был нужен высокообразованный революционер-литератор для работы в прессе В апреле 1905 г. на III съезде РСДРП сделал по поручению Ленина доклад о вооруженном восстании. В ноябре 1905 г. вернулся в Петербург, вскоре был арестован. Выпущен на поруки, эмигрировал. Делегат IV (Объединительного) и V (Лондонского) съездов РСДРП.
В годы реакции (1908—1910 гг.) отошел от большевизма, примкнул к оппортунистической группе «Вперед». В годы первой мировой войны стоял на позициях интернационализма.
После Февральской революции 1917 г., в мае, вернулся в Россию. Вел агитационно-пропагандистскую работу в Петрограде. Вступил в группу «межрайонцев», в составе которой на VI съезде РСДРП(б) принят в большевистскую партию. В июле 1917 г арестован властями и заключен в тюрьму «Кресты», откуда вышел в августе 1917 г. Работая заведующим литературным отделом газеты «Правда», входил в состав редакций большевистских журналов «Просвещение», «Город и земство». Лектор ПК РСДРП(б). Выступал на митингах и собраниях рабочих и солдат столицы, разъясняя программу и тактику большевиков. Будучи зам. петроградского городского головы, мастерски использовал трибуну городской думы.
Вечером 25 октября (7 ноября) 1917 г. находился в Смольном. На II Всероссийском съезде Советов Луначарский от фракции большевиков избран в президиум съезда. От имени фракции огласил написанный В. И. Лениным текст воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам». Вошел в состав СНК в качестве наркома просвещения. Этот пост занимал до 1929 г. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на государственной и дипломатической работе.

* * *

Свержение самодержавия [1]

Свержение самодержавия не застало нас вполне врасплох. Общий ход войны и то, что доносилось до нас в сравнительно свободную и открытую всем ветрам нейтральную Швейцарию из России, сильно укрепляло в нас, эмигрантах социал-демократах, надежду на скорый взрыв революции.

...Я начал лихорадочно заниматься вопросами педагогики и школьного строительства на всех ступенях народного образования, а равно рабочими клубами и т. п., ибо пришел к полной уверенности, что скоро придется поехать на родину и что работать надо будет, конечно, в этой наиболее близкой мне области. Не надо было быть пророком, чтобы предсказывать

[1] Из книги *Луначарский А В* Воспоминания и впечатления

такое превращение революционных эмигрантов в более или менее ответственных работников нового строительства в освобожденной России.

Тем не менее падение самодержавия случилось так легко, гнилой плод так быстро отвалился от ветки, что, конечно, некоторая радостная внезапность этого события не может быть отрицаема. Для нас, эмигрантов, это, разумеется, был светлый праздник. Все поздравляли друг друга, все были безмерно счастливы и старались заразить этим счастьем французских и немецких швейцарцев. Мне самому пришлось выступить несколько раз с докладами на русском и французском языке, где я, совершенно одержимый революционной радостью, пел настоящие гимны в честь красавицы Революции, пришедшей в нашу страну, не только для того, чтобы изменить в корне всю ее судьбу, но и чтобы бросить ее революционную энергию на служение революции мировой.

На другой или на третий день после революции мы, тогдашняя группа впередовцев, постановили подчинить себя руководству Центрального Комитета большевиков, и я специально приехал к Ленину с этим заявлением.

Все маленькие разногласия, и особенно разная эмигрантская накипь, вспыхнули и сгорели в один миг в взорвавшемся пламени революции, и следующей мыслью был страстный вопрос: как же нам быть, как же нам попасть туда, на родину? А попасть нужно было во что бы то ни стало не только потому, что хотелось жить или умерѐть там, где происходили великие революционные события, но и потому, что зоркое око Владимира Ильича издалека заметило и в его публичных «Письмах на родину»[1] отразило возможность извращения революции. Не позволить ей застыть на социал-патриотических и, в сущности, глубоко буржуазных позициях, все силы свои бросить на то, чтобы пламя ее было неугасаемо и чтобы власть перешла в руки пролетариата! Это желание превращалось в какую-то бешеную тоску. Мы не находили себе места, мы рвались во все щели, через которые, казалось нам, могли покинуть мирную Швейцарию и добраться до места революционных битв.

Были испытаны все средства, но страны Антанты сгрудились непроницаемой стеной. Ни одного эмигранта, настроенного по камертону Кинталя или Циммервальда [2], и тем более

[1] Речь идет о «Письмах из далека», написанных В. И. Лениным в марте 1917 года — *Сост.*

[2] В Циммервальде (Швейцария) в 1915 году состоялась международная социалистическая конференция, которая явилась, по определению В. И. Ленина, «первым шагом» в развитии интернационального движения против войны, в Кинтале (Швей-

еще более левых, в революционную Россию не пропускать! Тут Владимир Ильич объявил нам о возможности через посредство социал-демократов немецкой Швейцарии добиться пропуска в Россию через Германию.

Поднялась туча споров. Одни, наивные моралисты, толковали о том, что вообще неэтично воспользоваться таким разрешением, и с головой выдавали тот социал-патриотический и мещанский душок, который в них жил. Другие корчили мину тонкого практического политика и заявляли, что хотя само по себе это допустимо, но враги наши сумеют истолковать это вкривь и вкось и беспросветно скомпрометировать нас в глазах рабочих масс.

Владимир Ильич, весь какой-то упругий и словно пылающий внутренним огнем, торопливо, силою стихийного инстинкта, как железо к магниту, стремившийся к революции, отвечал с какой-то беззаботной усмешкой по этому поводу: «Да что вы воображаете, что я не мог бы объяснить рабочим допустимость перешагнуть через какие угодно препятствия и запутанные обстоятельства, чтобы прибыть к ним и вместе с ними бороться, вместе с ними победить или умереть?»

И когда мы слушали эти слова вождя, мы все понимали, что наш класс нас не осудит. Правда, на этой почве подлый Бурцев [1] вместе с другими буржуазными и мнимыми социалистическими гадами возрастил одну из гнуснейших в истории человечества клевет против нас. Владимиру Ильичу пришлось бежать, а нам, попавшим в руки полиции Керенского, сидеть в тюрьмах и разъяснять следователям, что мы не немецкие шпионы [2]. Но весь этот мрачный фарс рассеялся, как облака смрада.

Приезд Ленина

Мы торжественно проводили этот первый эшелон эмигрантов-большевиков, направлявшихся для выполнения своей всемирной исторической роли в страну, охваченную полуреволюцией. Мы все горели нетерпением в духе знаменитых «Писем из далека» Ленина толкнуть эту нерешительную революцию вперед ценой каких угодно жертв.

цария) в 1916 году состоялась 2-я Циммервальдская конференция, способствовавшая выделению интернационалистских элементов, из которых впоследствии образовался Коммунистический Интернационал

[1] Бурцев В. Л. — редактор исторического журнала «Былое», до революции 1905 года близок к эсерам. В 1917 году издавал газету «Общее дело», в которой вел бешеную кампанию лжи против большевиков. Белоэмигрант.

[2] А. В. Луначарский был арестован Временным правительством 22 июля (4 августа) 1917 года, посажен в «Кресты», откуда он был освобожден 8(21) августа под влиянием нарастающих революционных событий.

Ленин ехал спокойный и радостный.

Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон мыслью: «Наконец, наконец-то пришло, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».

Когда мы вторым поездом приехали в Ленинград...[1] мы уже встретили Ленина там на работе. Казалось, что он приехал не 10 или 12 дней тому назад, а много месяцев. Он уже, так сказать, врос в работу. Нам рассказывали с восхищением и удивлением о первом его появлении в городе, который потом получил его имя. Колоссальная масса рабочих выступила встречать его. А ведь большевики не были еще большинством даже в Совете. Но инстинкт масс подсказывал им, кто приехал. Никого, никогда не встречал так народ. Ленина посадили на броневик. Был вечер, его осветили особыми прожекторами. Он ехал среди взволнованных шумных толп. Обыватели спрашивали друг у друга — кто это? В каком-то журнале или газете было сказано: «Приезд Ленина производил впечатление появления какого-то антихриста». Но когда Ленин на первом собрании заявил, что нужно прервать всякое единство с соглашателями, когда он развернул всю ту гениальную тактику, которую позднее его партия выполнила как по нотам,— не только элементы колеблющиеся среди социал-демократов, но даже люди из очень старой большевистской среды дрогнули. Стали толковать, что Ленин со своим радикализмом может погубить революцию, толковать, что он зарвался. Такие люди, как покойный Мешковский, испытанный большевик, переходили в оппозицию. Почти у всех была смута на душе. Я думаю, что лишь немногие из тогдашних руководителей «Правды» и из членов Центрального Комитета сразу поняли единство и правильность предложения Ильича.

Мы, второй эмигрантский поезд, влились в эту работу. Уже на пути среди нас было немало толков, и по приезде мы, конечно, разбились по разным революционным резервуарам.

Счастливы были те, революционный инстинкт которых повел их сразу по стезям Ленина.

Золотое время митингов

...Начиная с приезда моего в Петербург, то есть с начала мая (раньше не знаю), до самого Октябрьского переворота в Петербурге было, так сказать, золотое время митингов. Каза-

[1] До 1924 года — Петроград.— *Ред.*

лось, массы не могли наслушаться, не могли насытиться новым словом. Страшную остроту митингам придавала их необычайная активность, ибо агитация велась здесь прямо и деловым образом, в смысле подготовки новой революции.

Митинги распадались главным образом на три категории: просто массовые митинги (моя резиденция, так сказать, для них была цирк «Модерн»), митинги солдатские, главным образом в казармах, и митинги чисто рабочие — на заводах.

На массовых митингах публика была пестрая. По моим наблюдениям, в цирке «Модерн», где аудитория моя постепенно определилась и отличалась необычайным рвением и вниманием, было процентов 20 рабочих, процентов 50 солдат, а остальное делилось на неопределенную городскую бедноту и интеллигенцию.

Я не ограничивался в цирке «Модерн» митингами чисто политическими, хотя они преобладали. Я решился прочесть перед этой аудиторией, которую я сердечно полюбил, довольно сложный курс лекций под названием «Великие демократические коммуны». Сюда входили: коммуны Древней Греции, особенно Афины, коммуны Италии конца средних веков, особенно Флоренция, коммуны Фламандии и Голландии, коммуна Парижа 90-х годов XVIII столетия и Парижская коммуна 1871 года. Только последнюю лекцию я не дочитал из-за наступивших бурных событий.

Лекции читались в большей своей части во время приступа Корнилова. Это были оригинальные вечера. К 7 часам цирк «Модерн» бывал совершенно переполнен. Выступая, я прежде всего давал подробный отчет о движении Корнилова и о важнейших мероприятиях обороны и политической борьбы против него. Три тысячи человек, меня слушавшие, проглатывали с огромным вниманием каждое слово. Ведь вся их судьба зависела от успехов и неуспехов этой борьбы. Я помню, с каким безумным ликованием принимала к концу корниловщины эта масса известие о ее разложении.

Несмотря на всю свою смешанность, эта аудитория была, безусловно, большевистской. Такие вопросы, которые заставляли иногда колебаться даже некоторых большевиков, например бойкот «предпарламента» или разгон Учредительного собрания, разрешались этой аудиторией в самом радикальном и, я бы сказал, в самом ортодоксальном политическом духе.

Припоминаю еще один весьма оригинальный митинг в цирке «Модерн». Тогда у нас были какие-то иностранные гости. Какие именно — я не помню. Быть может, это было уже после Октября, но вскоре. Случайно испортилось электри-

чество. Когда мы с иностранцами пришли в цирк, там было темно. Горела только тусклая керосиновая лампа у трибуны, да вспыхивали повсюду звездочками закуренные папиросы. Но цирк был полон. Никто и не думал расходиться. Электричество так и не загорелось. Ораторы: Володарский, кто-то из иностранцев, помнится, тов. Шатов и я — бросали наши слова в эту звездами вспыхивавшую темноту. Слушатели же видели только с одной стороны освещенную фигуру оратора и его терявшуюся в полутьме жестикуляцию. Вероятно, благодаря темноте митинг шел с напряженной торжественностью. Полная тишина, и вдруг взрывы дружных рукоплесканий. И опять тишина, словно в огромной зале нет никого. Когда мы выходили, один товарищ, приехавший из провинции, сказал: «Это уж не митинг, а священнодействие какое-то». Что касается митингов в казармах, то настроение их было разное. Пулеметчиков надо было сдерживать, они отчаянно рвались в бой и до июля и после него в тех отрядах, которые не убрали из Питера. Остальные полки делились на наши и колеблющиеся. Слушали везде внимательно, и разница была только та, что «наши» слушали как-то необычайно радостно, а колеблющиеся сумрачно, напряженно, как будто зло, но всегда смятенно и глубоко вдумчиво.

Из военных митингов тот, который произвел на меня более глубокое впечатление, состоялся в Кронштадте, в гигантской зале арсенала, вмещающей, вероятно, не менее 50 тысяч человек. Говорили я и Флеровский. Впечатление от толпы было огромное. Присутствовали почти исключительно матросы, и их масса казалась океаном, готовым подняться и смести все.

В тот же день на соборной площади Кронштадта был устроен общегражданский митинг, где присутствовало тысяч 15 народа. Я выбрал темой социалистический строй и переходный к нему строй пролетарской диктатуры. Масса слушала как завороженная. Меньшевистские газеты травили меня потом за то, что я будто бы завлекаю массу несбыточными обещаниями. Это была ложь. Я говорил с величайшей осторожностью, указывал на то, что переходный период будет горек и труден и может затянуться на десяток лет. Такие вещи не пугают революционную массу. Мы же, коммунисты, с гордостью можем сказать, что мы никогда массу не обманывали.

В большинстве случаев на митингах возражений не было ни со стороны наших противников, ни из аудитории.

На заводах иногда выступали меньшевики, чем дальше, тем меньше находившие сколько-нибудь симпатии в слушателях. Помню один любопытный митинг на галерном остров-

ке в громадной зале, целиком набитой рабочими. Выступал впервые, после назначения своего министром, Чернов. Благодаря стараниям эсеров, пришедших в большом количестве, публика приняла Чернова дружелюбно. Имело место нечто вроде чествования «первого министра-социалиста». Но мы, насколько я помню, с т. Сталиным потребовали слова для возражения на пышно водянистую фразеологию Чернова. Чернов всеми мерами старался отвертеться от нашей оппозиции. В конце концов, заявив, что государственные дела его призывают, он буквально сбежал, а оставшиеся эсеры криком и шумом стали требовать от публики расходиться. Мы, наоборот, предлагали публике остаться и выбрать новый президиум. Безусловно, подавляющее большинство осталось и с величайшим сочувствием слушало нашу критику и приняло нашу резолюцию. Таково было настроение массы еще до июльских дней. Как известно, несмотря на поражение, после июля оно продолжало крепнуть, а эсеры продолжали валиться в пропасть, уготованную им историей.

Как я уже сказал, у меня была другая плоскость соприкосновения с пролетарской массой, очень характерная для идеологии пролетариата в ту эпоху: работа по организации Пролеткульта. Из интеллигентов в этой работе принимали деятельное участие кроме меня Лебедев-Полянский [1], Керженцев [2], отчасти Брик [3] и утерянный мною потом из виду очень талантливый польский товарищ Мандельбаум. В общем, на собранной нами конференции для организации Пролеткульта присутствовало более ста человек, из которых по меньшей мере три четверти были рабочие, представлявшие различные организации и кружки.

Конечно, проявлялись разные течения. Политически бросалось в глаза, что рабочие были сплошь большевики или вплотную примыкающие к ним беспартийные. Среди интеллигенции попадались и меньшевики.

На первом плане задач конференции стояли, конечно, вопросы пролетарской культуры, и здесь общая база казалась бесспорной. Именно: пролетариат должен как можно скорее озаботиться своим культурным подъемом. Подъем этот должно понимать и как выделение пролетариатом своей собственной интеллигенции, то есть групп и единиц, способных

[1] Лебедев-Полянский П. И. (1882—1948) — критик и историк литературы. Участник революционного движения. С 1918 по 1920 год был председателем Всероссийского совета Пролеткульта.
[2] Керженцев П. М. (1881—1940) — публицист, активный деятель Пролеткульта.
[3] Брик О. М. (1888—1945) — критик и теоретик литературы, организатор литературных групп формалистов, футуристов

к самостоятельному творчеству в области науки и искусства или явным образом подходящих для интенсивной подготовки к такому творчеству, и как работу по общему подъему уровня массы.

Вся конференция, как один человек, была проникнута убеждением, что пролетариат способен выработать свою собственную культуру, что ему нельзя становиться в положение простого ученика существующей культуры. Тут начинались разногласия в деталях: одни полагали, что всю старую культуру можно окрещивать буржуазной, что в ней, кроме разве естествознания и техники, да и то с оговорками, нет ничего достойного жить и что пролетариат начнет работу разрушения этой культуры и создания новой сейчас же после всеми ожидаемой революции, для чего и надо создать еще в недрах керенщины особую организацию, подчиненную партии и работающую в контакте с профессиональными союзами. Другие, более умеренные и осторожные, полагали, что не только до диктатуры пролетариата, но и в ближайшие годы после нее пролетарская культура будет оформляться медленно и постепенно, что в сферу этой работы очень существенным элементом войдет критическое усвоение ценностей старых культур, строго очищенных, конечно, анализом пролетариата. Соответственно с этим это крыло отнюдь не считало задачей революции, так сказать, физическое уничтожение очагов культуры, а, напротив, их использование в целях возможного ускорения процесса созревания культурных тенденций пролетариата.

На самой конференции разногласия эти хотя и давали себя знать, но ни к малейшему обострению не приводили. Если острые моменты и попадались, то скорее при обсуждении некоторых детальных вопросов, где заметно было некоторое пристрастие и недоброжелательство против интеллигенции, бывшее справедливым разве только по отношению к трем-четырем попавшим на конференцию меньшевикам, но распространявшееся на всех интеллигентов. Впрочем, я, кажется, не ошибусь, если скажу: за исключением меня, хотя я был определенно, так сказать, лидером более умеренной группы. Позднее (после Октября) на этой почве возникли более резкие разногласия. Доходило до того, что левая группа, став во главе Петроградского Пролеткульта, временно чувствовала ко мне и моим единомышленникам довольно раздраженное недоброжелательство.

Интересно заметить также, что некоторые, политически наиболее дальновидные футуристы, отнюдь еще не будучи партийными, старались предложить союз Пролеткульту и

навязать ему свою окраску. Но культурники-пролетарии принимали это частью холодно, а частью враждебно.

Если позднее футуристические влияния частично проникли в Пролеткульт (особенно в студии живописи и частью в театральные), то объясняется это тремя обстоятельствами: большой готовностью со стороны футуристов работать с рабочими рука об руку, отсутствием подобной готовности у «реалистов» и влиянием некоторых отдельных более или менее блестящих работников Пролеткульта — Мгеброва [1], Смышляева [2] и других.

Октябрьская революция значительно изменила роль Пролеткульта, но вплоть до нэпа доказала его живучесть и значительность. Стоит только упомянуть, что из небольшой петербургской конференции выросло движение, охватившее всю Россию и навербовавшее до полумиллиона членов.

Нэп, сильно ударивший по Пролеткульту, делает, пожалуй, неизбежным полное слияние Пролеткульта с культурорганами профессиональных союзов.

Подводя итоги моим воспоминаниям об идеологических проявлениях различных групп перед Октябрем, считаю возможным сказать: в низах, особенно в пролетариате, имелись не только железная крепость в политическом отношении, огромное политическое чутье, а в передовой части пролетариев и сознание, но и повышенный интерес к вопросам культуры, к глубокому строительству новой жизни и к тем страницам прошлой истории, которые по духу своему приближались к открывшимся страницам будущего, на которые пролетариат готовился занести свои подвиги. В средних же и высших слоях общества, кроме озлобленного и пассивного ожидания, кроме смятения и уныния, не было заметно ничего.

Смольный в великую ночь

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет. Несколько девушек, совершенно измученных, тем не менее геройски справляются с неимоверным натиском приходящих

[1] Мгебров А. М. — актер и режиссер. В 1918 году организовал театр «Художественная арена Петропролеткульта».

[2] Смышляев В. С. — актер и режиссер. Заведовал театральным отделом Московского Пролеткульта.

за разъяснениями, указаниями и с различными просьбами и жалобами лиц.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или другим мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны восставшим городам России свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в красные октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает к усилию громовой голос революции.

Заседание II съезда Советов началось в Белом зале Смольного поздно...

Настроение собравшихся праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то что еще идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Когда я говорю — никакой паники, я говорю о коммунистах и об огромном большинстве съезда, стоящего на их точке зрения; наоборот, объяты паникой злобные, нервные — правые «социалистические» элементы. С искаженным багровым лицом подходит ко мне меньшевик Богданов и кричит: «Аврора» бомбардирует Зимний дворец! Слышите, товарищ Луначарский, ваши пушки разбивают дворец Растрелли!» Другой кричит: «Дума во главе с городским головой пошла грудью защищать осажденных министров. Ваши банды расстреливают представителей города!»

Когда заседание наконец открывается, настроение съезда выясняется вполне. Речи коммунистов принимаются с бурным восторгом. С горячим восхищением выслушиваются молодцы-матросы, являющиеся рассеять панику и рассказать правду о боях, идущих вокруг Зимнего дворца, которые кончились, как известно, потерей пяти человек убитыми с нашей стороны без хотя бы единой жертвы со стороны сдавшегося наконец противника. Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение, что Со-

ветская власть проникла наконец в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы. Между тем меньшевик поручик Кучин, игравший большую роль в армейской организации того времени, выйдя на трибуну, грозил нам немедленным нашествием на Петроград солдат всего фронта. Он читал резолюции против Советской власти от имени 1-й, 2-й, 3-й и т. д. до 12-й, включая особую, армий и закончил прямыми угрозами по адресу осмелившегося пойти на «такую авантюру» Петрограда!

Это никого не пугает. Никого не пугают также заявления, что все крестьянское море разверзнется перед нами и поглотит нас. В коридоре во время перерыва я встречаю одного журналиста, он новожизненец [1] и с иронической улыбкой говорит мне: «Неужели вы считаете это серьезным? Неужели вы думаете, что хоть одна держава станет с вами разговаривать? И вместе с тем я вижу за его иронической маской беспокойство и тревогу; не то чтобы это было ему так антипатично, а просто не вмещаются подобные вещи в его утлую душу. Безумием кажется ему наше дело, и вместе с тем он робеет перед той уверенностью, с которой мы ведем это «отчаянное», по его мнению, дело.

Владимир Ильич чувствует себя словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, которые когда-то сделаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне еще не подготовленными для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока... там посмотрим, нужны ответственные люди на все посты; если не пригодятся — сумеем переменить.

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости

[1] Новожизненцы — члены левоменьшевистской группировки, возникшей в годы первой мировой войны После Февральской революции группировались вокруг газеты «Новая жизнь».

приступили к поручаемому делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иного, конечно,— не только из зрителей, но и из участников переворота — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Больше всех других Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками, так как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода.

Вспоминаешь, как какую-то особенную музыку, как какой-то особенный психологический запах, эту тогдашнюю взрывчатую атмосферу. Это были часы, в которые все казалось гигантским и в которые все висело на волоске, часы и каждая минута которых приносили с собою огромные известия, знаменующие собой мгновение какой-нибудь смертельной опасности. Кто пережил это, тот никогда этого не забудет, для того Смольный останется центром его жизни. Я уверен, что когда-нибудь Смольный будет считаться храмом нашего духа, и с благоговением войдут в него толпы наших потомков, для которых каждая кроха воспоминаний о днях, годовщину которых мы празднуем, будет казаться драгоценностью.

* *
*

Александра Михайловна
КОЛЛОНТАЙ

Коллонтай А. М. (1872—1952 гг.),
участница Октябрьской революции в Петрограде,
деятель международного и российского
революционного движения, советский дипломат.
Родилась в семье генерала в Петербурге.
Училась в Швейцарии в Цюрихском университете,
затем в Великобритании изучала проблемы
английского рабочего движения.
В революционном движении с 1896 г.
Вела подпольную работу, писала статьи в защиту
марксизма, руководила рабочими кружками
за Невской заставой. В годы революции
1905—1907 гг. участвовала в нелегальной
большевистской печати, вела политическую работу
в массах, особенно среди женщин, была
инициатором создания «Общества взаимопомощи
работницам»

Александра Михайловна
КОЛЛОНТАЙ

С 1906 г.— член РСДРП, меньшевик; с 1914 г.— интернационалист. Член Коммунистической партии с 1915 г. В годы первой мировой войны в эмиграции (страны Европы, США) занималась антимилитаристской пропагандой. Выполняла важнейшие поручения партии и В. И. Ленина по сплочению левых революционных сил за границей.
После Февральской революции 1917 г. избрана в Исполком Петросовета, затем во ВЦИК. Член Военной организации при ПК РСДРП(б) Вела политическую работу среди солдат Петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота, выступала на митингах, в печати. В июле 1917 г. арестована властями, однако по настоянию революционных масс, особенно балтийских матросов, выпущена из тюрьмы. На VI съезде партии заочно избрана в ЦК РСДРП(б).
Участвовала в работе заседания ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г. Делегат и член президиума II Всероссийского съезда Советов; член ВЦИК. Вошла в состав СНК как народный комиссар общественного (государственного) призрения. В 1918 г. стояла на позициях «левых коммунистов», вышла из СНК, позднее признала свои ошибки. В дальнейшем — на дипломатической работе.

* * *

Путь к вершине [1]

Провинциальный швейцарский город Цюрих и предместье Христиании Хольменколлен были в те дни связаны незримыми узами. 17 марта 1917 года Коллонтай пишет Ленину и Крупской:

«Дорогие друзья...

Спешу кратко сказать: 1) что мы здесь делаем сейчас, 2) как понимают положение и задачи ближайшие рабочие...

Хотим прежде всего устроить живую цепь — Россия, Финляндия, Стокгольм или Христиания — Швейцария,— пока Вы там... Без директив Ваших, настою, чтобы никто не ехал. Момент слишком ответственный, чтобы действовать вразброд. В этом отношении я человек осторожный и осмотрительный, и на меня можете в этом смысле полагаться. В такие именно моменты нужна «Дисциплина», требую ее и от других.

Дальше: надеемся, что Вы пришлете обращение или воззвание, или вообще документ, который частью можно отпечатать здесь, а одновременно отправить туда и текст...

3) Необходима теперь литература в Россию. Шлю Вам на просмотр набросок популярно-агитационной брошюрки-воззвания: «Нужен ли нам царь?» или «Кому нужен царь?» Ес-

[1] Из книги: *Шейнис З.* Путь к вершине. М., 1984.

ли одобрите — телеграфируйте, тогда отправим для напечатания...

Перехожу к вопросу о том, как я понимаю положение и в каком духе работаю в смысле информации здесь в газетах и партии.

Переворот, революция в России (пока еще «буржуазная») стала возможна потому, что с самого начала войны партия, официальная партия, следовала Штутгартской резолюции. Ее лозунгом была «гражданская война», она не отступала перед пугалом — поражение...

Революцию совершил рабочий класс, только натиск громадной силы заставил кадетов и прочих выразителей империализма решиться на активные шаги. Но новое, Временное правительство сейчас не есть еще «народное» правительство — это представители как раз таких элементов общества, которые заинтересованы в империалистической политике и «в войне до конца»...

Задача социалистов остается прежняя — завоевание рабочим классом политической власти...

Это не конец, а только начало революции»[1].

Это первое письмо Коллонтай Владимиру Ильичу после Февральской революции. Содержание его и точка зрения автора предельно ясны: она полностью на ленинских позициях, ясно понимает задачи большевистской партии, полна решимости и неукротимой энергии все сделать для выполнения исторической задачи — подготовки социалистической революции.

Итак, за дело!..

Заметки Коллонтай на клочках бумаги дополняют сведения о событиях той поры, отражают ее настроение, показывают окружающую обстановку.

Первая записка: «Приезд Ганецкого из Стокгольма и Парвуса из Берлина ко мне в Христианию в первых числах марта 1917 года (после отречения царя) для переговоров о возвращении Ленина из Швейцарии в Россию через Германию».

Вторая записка: «Встреча в Петрограде. 18 марта меня встретила Танечка с мужем [2] и член Исполкома Совета депутатов рабочих и солдат.

Танечка неизменно обаятельна и мила ко мне. Николай Борисович красив и импозантен, но лицо осунувшееся — война сказалась и на нем.

[1] Новый мир, 1967, № 4, с. 235—236.

[2] Речь идет о Т. Л. Щепкиной-Куперник, ее муже Н. Б. Полынове и А. Г. Шляпникове.

А член Совета полон энергии и жизни. Обнялись. Он не разрешил таможенному чиновнику досматривать мой весьма скромный багаж:

— Это же товарищ Коллонтай вернулась по амнистии. Именем Петросовета вскрывать ее вещи не дозволено.

Таможенник сделал под козырек...

Приехали к Щепкиной.

— Как у тебя хорошо, Танечка, чувствую, что я наконец дома, в Петербурге,— вырвалось у меня.

— В Петрограде, Александра Михайловна,— перебил меня с улыбкой Николай Борисович.— Мы забыли слово «Петербург».

Таня предложила садиться за стол. Но я попросила разрешения раньше поговорить по телефону. Таня провела меня к телефону, я позвонила в «Правду», сказала, что только что приехала.

Спросили:

— Писать у нас будете?

Ответила:

— Еще бы!

— Разумно ли ты делаешь,— заметила Таня,— что сразу звонишь в «Правду». Временное правительство очень озлоблено на большевиков... Революция еще не кончилась.

— Вот именно поэтому я просила (оставить для меня место.— *З. Ш.*) в завтрашнем номере и считать меня в числе сотрудников «Правды».

— Все та же ты неугомонная,— засмеялась Таня».

Коллонтай сразу окунулась в водоворот событий. В Петербургском комитете партии взялись организовать «мандат в Совете» от деревообделочников, колеблющихся, но склонявшихся в сторону большевиков. Объяснили: нужно спешно увеличить фракцию большевиков в Совете. Когда с деревообделочниками не получилось, вышли на большевистскую Военную организацию. Спрашивали в Совете: почему женщина делегатом от военных? Но вскоре перестали удивляться: боевая...

20 марта. Солнечный, весенний день. «Настроение боевое, весеннее, полное смелого взлета надежд и напряжений воли». С утра Коллонтай спешит в «Правду» на заседание Бюро ЦК. Запомнилось ей единодушие присутствующих: «Никакой поддержки Временному правительству», никаких «сговоров» с мелкобуржуазными партиями. Потом митинг в городской думе. «Сразиться? — спрашивает себя Коллонтай.— Нет, не стоит, не та аудитория». В Таврическом — другое дело, в зале окопные солдаты, они поймут.

— Вы с ума сошли. Они вас на части разорвут за ваши большевистские лозунги.

Напрасно «доброжелатели» боялись за мужественную большевичку — солдаты ее поняли: «Долой империалистическую войну!», «Землю — народу!», «Да здравствуют Советы рабочих и солдат!..» Вышла из Таврического, видит — солдатки толпятся, шумно требуют вернуть мужей из окопов. Кто-то поднял Коллонтай, посадил на чьи-то плечи: мол, говори, большевичка... Потом митинг возле Таврического, на прилегающих улицах — не пропустила ни одного, и так до глубокой ночи.

Не заметила, как пролетел этот день, 20 марта, «солнечный, весенний».

Сразу по приезде в Петроград Коллонтай передала в «Правду» привезенные ею статьи Ленина, выступила в газете со своими статьями «Работницы и Учредительное собрание», «Наш памятник борцам за свободу» и многими другими публикациями.

Вот ее первое письмо, отправленное в Швейцарию В. И. Ленину:

«Петроград, 26 марта 1917 г.

Дорогой Владимир Ильич и дорогая Надежда Константиновна!

Вот уже неделя, что я нахожусь в водовороте «новой России», яркость и сила впечатлений, что передать ее даже не пытаюсь, поэтому пока ограничусь краткими, конспективными мазками.

Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю — народ, потому что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат, солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем. Среди лихорадочной сутолоки, среди стремления создать, построить что-то новое, отличное от прежнего, слишком громко звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, закончено.

Не только недооценивается притаившийся, но, конечно, далеко не добитый «внутренний враг», но, несомненно, не хватает у наших, и особенно у Совета Рабочих и Солдатских депутатов (Исполнительный комитет), решимости и политического чутья продолжать начатое, закрепляя власть за демократией».

В сущности, это письмо — ее политическое кредо, ее понимание событий и ясное изложение задач. Побоку все личные дела. Они для нее не существуют. Она все еще живет на квартире у Щепкиной-Куперник, но все дни проводит то в редакции «Правды», то в Исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, бывает и на заводах, фабриках, узнает настроение людей. И ждет приезда В. И. Ленина.

Приезд В. И. Ленина из эмиграции 3 апреля 1917 года, его речи, выступления дали ориентир всей партии большевиков: вслед за буржуазно-демократической грянет пролетарская революция. Это вызывает ярость не только буржуазных партий, но и меньшевиков. Крайне важно напомнить, как ведет себя в этой сложной обстановке Коллонтай. Она сразу же после приезда из эмиграции стала членом большевистской фракции Петроградского Совета, и это в то время, когда не все сумели сохранить ясность мышления и политической ориентации. В Таврическом дворце на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов — большевиков и меньшевиков — она безоговорочно выступила в защиту Апрельских тезисов Ленина. Позже так скажет о тех днях: «Буржуазные газеты ополчились против меня, писали обо мне не только злобные статьи, но и фельетоны в ироническом духе».

* * *

Из воспоминаний А. М. Коллонтай [1]

Против тезисов Ленина выступили меньшевики И. П. Мешковский-Гольденберг и В. С. Войтинский. Мешковский старался «доказать», что положения Ленина являются величайшей опасностью для судеб революции: Ленин хочет, мол, внести раскол в единство революционных сил, водрузить в России знамя гражданской войны (?!).

За Мешковским и Войтинским потянулись оппоненты — не только меньшевики и «межрайонцы» (К. К. Юренев), но и некоторые члены большевистской фракции Совета.

Я возмущалась и досадовала на себя, что бюро фракции не заставило фракцию проголосовать (за) солидарность с позицией Ленина и этим выступить за тезисы. В Совете знали, что

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. М., 1974.

я активный член бюро большевистской фракции, поэтому я решила выступить сама. Надо показать, что мы солидарны с положениями Владимира Ильича, надо дать отпор этим трусливым душам. Я была так возмущена, что даже не волновалась, как обычно, при выступлениях, хотя видела злобные взгляды, слышала неодобрительные выкрики по моему адресу...

Буржуазные газеты ополчились против меня, писали обо мне не только злобные статьи, но и фельетоны в ироническом духе. Иностранные газеты называли меня «Валькирией революции». Оглядываясь назад, я знаю, что это был один из решающих и выдающихся дней не только в моей жизни, но и для всего человечества.

Настала для пламенной «революционерки-ленинки», как ее нередко называли, страдная пора агитации за мир, за власть Советов, за братание на фронте, за раскрепощение женщин и признание их равноправия.

Из воспоминаний А. М. Коллонтай [1]

Меня любили слушать и тепло встречали рабочие на заводах и фабриках, солдаты в казармах, матросы с кораблей, солдатки и работницы на женских митингах.

Лозунги партии так близки, так понятны народу. «Лучше поражение империалистов на фронте, чем победа контрреволюции в тылу». Надо задушить в корне все попытки закрепления буржуазного господства и контрреволюции. Надо создать новую власть, власть самого народа. Надо помещичью землю передать землеробу. Надо установить контроль над производством. Надо взять власть в руки Советов. Только, только тогда приобретет народ свое отечество и сумеет сделать его (такой) силой, которую никто сокрушить не сможет. Большевики знают, чего хотят. Большевики сумеют прекратить империалистическую бойню...

Случалось, попадешь в воинскую часть, где еще крепко оборончество, где офицеры сидят в первых рядах, а солдаты жмутся позади. Тогда завоевать аудиторию дело непростое. Начнешь говорить — гудят, шумят... Зато такое торжество, когда к концу митинга офицеры спешат уйти незаметно в боковые стены, а нас, большевистских ораторов, окружают солдаты, засыпают вопросами и, конечно, принимают тогда нашу большевистскую резолюцию.

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы, с. 257, 258, 261.

И с удовлетворением спешишь дальше, в следующие казармы...

Первое мая... Светлое, солнечное, проникнутое теплом. Прекрасное, как заря летнего дня. Много большевистских знамен. Открытая борьба с соглашателями-оборонцами. Выступление за выступлением... Говорю то на Марсовом поле, то на площадях с грузовиков, с броневика или на чьих-то плечах. Говорю хорошо, зажигающе и понятно. Женщины плачут, а солдаты перебегают от трибуны к трибуне, чтобы еще раз послушать «вот эту самую Коллонтай». Говорю о мире, как его «добыть», о братании, о власти народа через Советы...

Потом военные корабли. Везут на катере. Узенькие, неудобные лесенки. Моряки заботливо помогают. На митинге на судах среди матросов есть и офицерство. Громлю социал-патриотов, керенщину, коалиционное министерство. «За Советы!», «За братание!», «За землю крестьянам!», «Долой империалистическую войну!» Возражают эсеры-оборонцы. Дискуссия. Я побеждаю не столько силой аргументации, сколько настроением матросов, тянувшихся к большевизму. И так с корабля на корабль.

Как бы ни была Коллонтай загружена, она всегда находила время для женщин-работниц, солдаток. Когда она, разгорячившись, сказала Ленину, что партия мало делает на этом участке, Владимир Ильич предложил:

— Набросайте планы, соберите партиек, обсудите, а пока работайте с солдатками «на свою голову», как вы говорите. Если они слушают вас да еще «Окопную правду» читают, стало быть, уже первый шаг сделан.

Коллонтай возглавляет забастовку 4 тысяч прачек Петрограда. Руководит демонстрацией солдаток, требовавших хлеба для детей и возвращения своих мужей с фронтов мировой войны.

«Правда» дала информацию о роли Коллонтай во время этого события: «По улицам Петрограда двигалась пятнадцатитысячная колонна солдаток со знаменами, на которых было написано: «Товарищи рабочие и солдаты, поддержите наши требования!», «Требуем увеличения пайка солдаткам до 20 рублей!»

Женщины шли в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, рассчитывая, что он поддержит их. Но первый выборный орган рабочих и солдат — в руках меньшевиков и эсеров, отсюда и «казенный ответ» представителей

Исполкома Совета, предлагавших измученным матерям голодных детей «ждать... до победы».

— Дайте мне слово! — послышался из толпы голос Коллонтай.

— В каком духе вы собираетесь говорить? — спросил меньшевик Дан.

— В духе той партии, к которой я принадлежу! — ответила Коллонтай.

— В таком случае мы вам слова не даем,— отрезал меньшевик Дан.

Недолго думая, Коллонтай взобралась на возвышение у забора возле ворот и обратилась к многочисленной толпе солдаток с речью:

— Не просительницами должны стоять у этих ворот солдатки, а борцами за скорейшее окончание кровавой бойни, за новый, социалистический строй...

Из толпы раздались одобрительные возгласы.

Мужчине, попытавшемуся выступить после Коллонтай с оборонческой речью, не дали говорить:

— Долой его! Если за войну, значит, подкупленный.

Учитывая популярность Коллонтай во многих странах Европы, ЦК дает ей ряд поручений за границей.

Из воспоминаний А. М. Коллонтай[1]

В мае на заседании нашего ЦК обсуждался вопрос — кого послать в Гельсингфорс? Владимир Ильич озабочен настроениями финских социал-демократов. «Левых надо оторвать от Второго Интернационала, пусть присоединятся к левому Циммервальду». Владимир Ильич вспоминает мои связи с финнами и мою работу со скандинавами. «Пошлем Коллонтай с мандатом от ЦК. Ехать надо завтра же. Резолюцию составите на месте. Основа — наша большевистская установка».

Я еду. Это весело, это «перебой» в питерском напряжении. Увидеть снова Гельсингфорс, друзей из социал-демократической партии: Хилью Пярссинен, Куусинена, Сиролу. Это хорошо!..

На съезде финской социал-демократической партии мое выступление. Удачное для дела. Резолюция предложена, проголосована. Ровио[2] поздравляет с победой...

[1] *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы, с. 265, 267

[2] Ровио Густав (1887—1938) — деятель финского и русского революционного движения. Член партии с 1905 года.

В Швеции собираются представители западногерманских социал-демократических партий — сторонники Циммервальда. И снова по предложению Ленина ЦК большевиков направляет в эту страну Коллонтай. Вместе с Вацлавом Вацлавовичем Воровским она должна добиться полного разрыва с оборонцами — сторонниками продолжения войны.

Конференция в Стокгольме не состоялась: прибыли далеко не все делегаты. Но на информационном совещании Коллонтай выполняет поручения своей партии.

В мае же Коллонтай принимает участие в издании возобновленного журнала «Работница», ставшего своеобразным центром, вокруг которого группировались силы работниц. Первое задание редакции — написать воззвание к работницам в связи с ростом дороговизны — выполнено на одном дыхании — так близки были автору нужды женщин-тружениц. Превзошел все ожидания митинг, организованный по предложению Коллонтай журналом «Работница»,— многие тысячи женщин собрались в цирке Чинизелли и в его саду, чтобы заявить решительный протест против нового (июньского) наступления на фронте, которое, как известно, закончилось жестоким поражением.

Июль начался важными событиями, переломом в развитии революции. Народ не желал дальнейшего продолжения империалистической войны, на котором настаивало Временное правительство. Стихийные выступления рабочих Петрограда и примкнувшего к ним гарнизона 3 июля переросли в течение двух дней во всеобщую демонстрацию против правительства Керенского, которое издало приказ ее расстрелять. На большевиков обрушились репрессии, террор. Коллонтай арестовали и отправили в Выборгскую каторжную женскую тюрьму, где она провела тяжелые дни. Об этом она рассказала в своей книге «В тюрьме Керенского». Ее настроение, переживания выражены также в письме, переданном ею на волю Зое Шадурской, возвратившейся из Стокгольма после многих лет эмиграции.

«Тюремная камера, 4 часа дня, 11 августа 1917 года.

Моя бесконечно любимая, дорогая, близкая моя! Ты только что ушла, только что кончился мой праздник, свидание с тобой. Но на душе как-то смутно, все кажется, что не сказала и половины того, что хотела, не дала тебе понять и почувствовать, как я рада тебя видеть, как много счастья в одном том, что ты здесь близко, в том же городе. Зоюшка, мой родной! Что бы я стала делать, если бы тебя здесь не было? Ведь я

с первого дня ощущала твою заботу, и было чувство: кто-то свой, близкий заботится, думает, делает все, что может...

...Первые дни мне казалось, что я участвую в американском фильме, там в кинематографе часто изображается тюрьма... Первые дни я много спала, кажется, выспалась за все месяцы напряженной работы... Трудно передать свое душевное состояние. Кажется, преобладающая точка была в те тяжелые дни, ощущение, будто я не только отрезана, изолирована от мира, но и забыта».

Не забыла ее партия. На VI съезде РСДРП большевиков, который проходил нелегально с 26 июля по 3 августа 1917 года, Коллонтай была избрана членом Центрального Комитета партии.

В конце августа по настоянию Максима Горького ее выпустили из тюрьмы под залог в 5 тысяч рублей. Однако она сразу же оказалась под домашним арестом. Но разве это могло удержать ее от участия в великих событиях осени 1917 года!

24 октября. Серенький, осенний день. В Смольном заседает ЦК. Приняты постановления: все члены ЦК обязуются находиться в Смольном безотлучно. Официально решено порвать с соглашательским ЦИК. Усилить караул в Смольном, установить пулеметы, командировать Дзержинского на почту и телеграф, чтобы обеспечить за революцией эти важные пункты связи. Направить большевистский контроль на железные дороги. Организовать запасной штаб в Петропавловской крепости на случай разгрома Смольного.

Таково положение дела. Оно ясно говорит о том, что вооруженное восстание за власть Советов — осязаемый факт...

25 октября...

Вечер. Темный, октябрьский вечер. Близится ночь.

Комната в Смольном, окнами на Неву. В комнате тускло светит электрическая лампочка над небольшим квадратным столом. На полу, на газетах расположился больной Ян Берзин, старый большевик. За столом — ЦК, избранный VI съездом, Ленин здесь. Ленин среди нас. Это дает бодрость и уверенность.

...Если меня спросят, какая была самая важная минута в моей жизни, ответ будет ясен: та ночь, когда русский пролетариат города и деревни голосами своих депутатов на II съезде заявил на всю Россию: Временное правительство низложено... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит

к Советам рабочих и крестьянских депутатов, которые должны обеспечить подлинный революционный порядок...

Многие в тот час не схватывали еще, что тут-то только теперь и начинаются все трудности и долгая, затяжная на годы, борьба с контрреволюцией, за социализм.

Схватывала ли она всю сложность и трудность предстоящей великой борьбы? Могла ли она прозреть в ней свое место?

...На второй день после Октября Владимир Ильич сказал Коллонтай: немедленно отправляйтесь в министерство государственного призрения и занимайте его.

Коллонтай помчалась в министерство. Швейцар не пустил ее в здание. Она все же проникла туда, и вот первый «Приказ народного комиссара государственного призрения. 17 ноября 1917 года.

Зачисляются на работу в народный комиссариат: А. Н. Аппус, И. И. Петров, И. Н. Васильев, С. С. Алексеева, Н. Г. Загловская...

Небольшой штат народного комиссариата подобран с трудом. Но Коллонтай призвала еще женщин с фабрик и заводов, политических эмигрантов-большевичек и мужчин, пришедших из окопов мировой войны,— мобилизовала всех, кого могла. И пишет приказы один за другим, пишет сама, на заседании Совнаркома, у себя в комнате, ночью в стареньком автомобиле по пути в наркомат, в коридорах Смольного, присев в углу. Стиль приказов «октябрьский», революционный. Вот один из них, от 31 января 1918 года за номером 1247: «Два миллиона едва затеплившихся на земле младенческих жизней ежегодно гасли в России от темноты и несознательности угнетенного народа, от косности и равнодушия классового государства. Два миллиона страдалиц-матерей обливали ежегодно горькими слезами русскую землю, засыпая мозолистыми руками ранние могилки бессмысленно погибших невинных жертв уродливого государственного строя! Веками искавшая пути человеческая мысль выбилась на простор лучезарной светлой эпохи свободного строительства руками самого рабочего класса тех форм охраны материнства, которые должны сохранить ребенку мать, а матери ребенка».

Далее она подвергает уничтожающей критике образчики капиталистической морали: «...воспитательные дома с их колоссальной детской скученностью и смертностью, с их отвратительными формами кормиличного и питомнического промыслов, с надругательствами над святыми чувствами обездо-

А. М. Коллонтай среди беспризорников

ленной рабочей-матери, превратившими гражданку-мать в тупое дойное животное,— все эти ужасы кошмарной ночи, к счастью России, при победе рабочих и крестьян погрузились в черный мрак прошлого. Настало утро чистое и светлое, как сами дети».

И наконец, на нескольких страницах — практические действия по охране материнства и младенчества, задачи врачей, акушеров и педагогов. Отдельный пункт приказа Коллонтай: создать в Петрограде Дворец охраны материнства и младенчества. Дворец действительно создали, отведя для него великолепное здание. Но все оказалось не так просто. Взбешенные мещанки, подосланные попами и ханжами, подожгли его, а Коллонтай пытались линчевать: рвали на ней одежду, таскали за волосы. Рабочие и матросы отбили ее от взбесившихся фурий.

Попы тоже внесли свой «вклад» в травлю Коллонтай — с амвона Казанского собора предали анафеме «за осквернение православной церкви». Александра Михайловна рассказала об этом Ленину. Владимир Ильич рассмеялся, сказал: «Позд-

равляю, вы попали в хорошую компанию вместе с Степаном Разиным, Емельяном Пугачевым и Львом Толстым».

В то «чистое и светлое утро», когда озверевшие мещанки пытались ее убить, Коллонтай разрабатывает программу практических действий. Поздно ночью при свете мигающей лампочки, которая то и дело гаснет, она делает наброски к статье «О творчестве женщин и материнстве, о материнстве в будущем коммунистическом обществе, о задачах по социальному воспитанию подрастающего поколения...»

На следующий день после поджога дворца Коллонтай издает еще один приказ — «Об устройстве в Уч-Дере Черноморской губернии санатория материнства», намечает несколько бывших барских особняков для организации там детских санаториев, поручает своим сотрудникам провести все это в жизнь, ибо сама уже не могла этим заниматься. Центральный Комитет партии поручил ей незамедлительно выехать с важнейшим политико-дипломатическим поручением за границу.

* *
*

Мария Ильинична
УЛЬЯНОВА

Ульянова М. И. (партийный псевдоним — Боевая)
(1878—1937 гг.), участница Октябрьской
революции в Петрограде, партийный деятель,
сестра и ближайший помощник В. И. Ленина.
Родилась в Симбирске.
Училась на Высших женских курсах в Москве.
Член Коммунистической партии с 1898 г.
Образование продолжала в 1898—1899 гг.
в Брюссельском университете.
С 1899 г. работала в Москве, член МК РСДРП.
С 1900 г.— агент «Искры»; с весны 1901 г.—
член бюро русской организации «Искры».
Вела партийную работу в Нижнем Новгороде,
Киеве, Саратове, Петербурге.
Неоднократно подвергалась арестам и ссылке.
С осени 1903 г.— в Секретариате ЦК РСДРП.
В 1904—1905 гг. находилась в Женеве.

В 1905—1907 гг. вела партийную работу в Петербурге, была секретарем и членом ЦК РСДРП. В 1908—1909 гг. в Женеве и Париже выполняла поручения В. И. Ленина. С конца 1909 г. работала в Мособлбюро ЦК РСДРП.
В 1910 г. вместе с матерью (М. А. Ульяновой) уехала в Саратов, где и вошла в руководящий состав местной организации РСДРП
В мае 1911 г. арестована и сослана в Вологодскую губернию.
После Февральской революции 1917 г. в Петрограде кооптирована в состав Русского Бюро ЦК РСДРП. С марта 1917 г. по 1929 г.— член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда».
Делегат VI съезда РСДРП. С 1929 г. занималась партийной и научной деятельностью. Похоронена на Красной площади у Кремлевской стены

* * *

С «Правдой» в борьбе за власть Советов [1]

«Правда» возродилась в февральские дни 1917 года,— писала Мария Ильинична Ульянова в своих воспоминаниях,— после первых серьезных побед восставшего народа. Еще потрескивали пулеметы, еще пылали на улицах против участков и охранного отделения костры, куда при содействии переодетых шпиков и полицейских, стремившихся «схоронить следы», сносились более горячими головами различные полицейские документы и сжигались при криках «ура!» и общем ликовании. По улицам сновали еще вооруженные отряды рабочих и матросов. Она возродилась 5 марта 1917 года».

Небольшая группа работников — среди них Константин Степанович Еремеев, который был тогда ответственным редактором «Правды», Мария и Анна Ульяновы — составляла этот первый послереволюционный номер. Его готовили спешно, материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. «Это делалось уже потом,— вспоминала Мария Ильинична,— в последующие дни, когда петербургские рабочие увидели возродившуюся «Правду» и потянулись в убогое помещение ее редакции на Мойке со своими резолюциями, запросами, с подпиской». Сейчас же, чтобы выпустить первый номер газеты, пришлось взять материал, уже подготовленный для другого издания. Мария Ильинична и Анна Ильинична написали свои впечатления о первых днях революции.

[1] Из книг *Кунецкая Л., Маштакова К* Мария Ульянова М 1979
Мария Ильинична Ульянова М , 1978

Ранним утром 5 марта Мария Ильинична шла в редакцию на Мойку и радовалась: на улицах бойкие мальчишки раздавали прохожим новую рабочую газету. Брали нарасхват. Сто тысяч экземпляров в короткое время были бесплатно распространены среди рабочих Петрограда, солдат Петроградского гарнизона. Нужно перенестись мысленно в обстановку тех революционных дней, чтобы понять, насколько выход газеты «Правда» был важен для партии...

О чем была эта публикация, другие материалы номера? В них подчеркивалось, что Февральская революция совершена рабочим классом в союзе с крестьянством. Говорилось о ходе боев в Петрограде, Москве, других городах России. Отмечалось: народ восстал не для того, чтобы буржуазия посылала рабочих и крестьян на убой в ее коренных интересах. Нет, в революционной борьбе народ будет добиваться свободы для победы социализма.

В хроникерской подборке «Ход событий», подготовленной главным образом М. И. Ульяновой и А. И. Елизаровой, дана яркая картина назревания и хода Февральской революции, показаны ее подлинные герои — рабочие, крестьяне, одетые в солдатские шинели. Каждым материалом номера подчеркивалась руководящая роль партии большевиков в революции, а вместе они являлись пламенным призывом к продолжению борьбы.

Придя в редакцию, Мария Ильинична села за свой рабочий стол и начала читать уже подготовленную для публикации во втором номере газеты статью «Наш привет рабочим и солдатским депутатам». Как сильно воссоздана в ней картина только что виденного Петрограда!

«Алеют знамена. Народное море шумит, как прибой. Лозунги демократической революции катятся, как волны,— из рабочих кварталов в Таврический дворец...

Сотни тысяч граждан сошлись на одном: прежнему нет возврата. Девятый вал революции взметнул высоко...»

Впечатляюще написано о мартовских днях в Петрограде, об образовании Советов, нарождающейся народной власти. Материал получился!..

Поступившие в редакцию резолюции митингов солдат и рабочих прямо требовали перехода всей власти в руки Советов. Нужно все эти резолюции подать таким образом, чтобы подчеркнуть: революционный народ, посылая своих представителей в Совет, смотрел на них как на орган народной власти.

С глубоким волнением Мария Ильинична держала в руках первое письмо брата «Из далека». Прочитала еще и еще раз,

потом передала его К. С. Еремееву, на которого, как и на других работников редакции, оно произвело огромное впечатление. Тут же письмо Владимира Ильича Ленина было подготовлено к печати. 21 и 22 марта под заглавием «Первый этап первой революции» его читала революционная Россия.

«Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского народного героизма в гражданской войне против царизма,— восклицал Ленин,— вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции».

Владимир Ильич, находясь в Швейцарии, пристально следит за первыми шагами газеты. Он требовал, чтобы партийный орган проводил правильную тактическую линию, разъяснял широким массам классовую природу Временного правительства и разоблачал антинародную сущность лозунга «Война до победного конца».

Мария Ильинична не только собирает, организует, редактирует материал, уже с первых номеров газеты регулярно публикуются ее собственные статьи. Так, 25 марта в 17-м номере «Правды» за подписью «М. И.» напечатана статья «Российская революция и война». Следуя прямому указанию Ленина, Мария Ильинична разоблачает грабительский, антинародный смысл мировой войны, вскрывает ее причины, показывает, кому она выгодна, дает марксистский анализ империалистической войны, показывает отношение к ней русского и мирового пролетариата. Требование справедливого мира, без аннексий и контрибуций,— такова воля пролетариата всех стран.

30 марта в «Правде» помещена статья М. И.-ной «Труд и борьба», посвященная работе крестьянского съезда, проходившего в Ярославле с 19 по 21 марта, на котором присутствовало полторы тысячи делегатов. Рассказывая о вопросах, обсуждавшихся на съезде, Мария Ильинична особо подчеркивает возросшую активность и политическую сознательность крестьян, не позволяющих Временному правительству забыть данные им обещания по крестьянскому вопросу...

С утра до глубокой ночи Мария Ильинична вместе с сестрой задерживались в редакции. Часами они разбирали письма с фронта — писали солдаты с Украины и матросы с Балтики, и все спрашивали одного совета: как быстрее кончить войну?

Мария Ильинична вспоминала: «Не разбиравшихся еще в политических партиях и их программах солдат влекло к большевикам главным образом горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только

один — тот, что указывала «Правда»[1]. И таких писем ежедневно приходили десятки: письма в конвертах, пропахших «дымом войны».

М. И. Ульянова: «Иногда в редакцию вваливалась запыленная, с обветренным и изможденным лицом фигура окопника, которого его товарищи делегировали в Петроград, чтобы запастись литературой, из первоисточника узнать, как нужно организоваться, и пр.»[2].

Мария Ильинична почти без правки предлагала в газету материал одного из ее корреспондентов, рассказывающий о любви фронтовиков к «Правде».

«Вечереет... Я выхожу из землянки, прохожу мимо пожелтевших от газов сосен и натыкаюсь на группу солдат. Лица возбужденные, в глазах какая-то светлая радость, у одного в руках газета... Всматриваюсь: родная «Правда» — чуть ли не вырываю ее из рук читающего и впиваюсь в знакомый формат листа.

А позади идут суждения:

— Вот это газета так газета,— говорит запасный, почесывая за ухом и ухмыляясь во всю физиономию.

— Да, это не то, что все эти буржуазные! Эта, брат, прямо говорит: мы, дескать, убивать не хотим.

— Вот это справедливо!.. А то, вишь, им земли мало, черти толстопузые!.. Их бы сюда, дьяволов, а то в Думу еще сажают да чаями поят.

— А откэль эта газета-то?

— Вестимо, с Петрограда, ее, брат, уж штрафовали и прикрывали, а она все свое и все наперекор толстопузым...

— Ишь ты, отчаянная!..»[3]

Шел народ в редакцию и с фабрик, заводов. В те бурные дни Мария Ильинична, как секретарь редакции, принимала ежедневно десятки посетителей, а то и делегации от рабочих самых различных предприятий...

Мария Ильинична была среди тех, кто 3 апреля на Финляндском вокзале встречал В. И. Ленина, вернувшегося в Петроград после почти десятилетней вынужденной эмиграции. И безмерно обрадовалась, когда брат сразу же вошел в состав редакции «Правды» и принял на себя непосредственное руководство центральным органом партии.

М. И. Ульянова, как секретарь редакции, одной из первых прочитала подготовленную для печати ленинскую статью «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские

[1] Мария Ильинична Ульянова, с. 37.
[2] Там же.
[3] Правда, 1917, 5 апреля.

тезисы), определившую курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Потом почти ежедневно через ее руки проходили статьи и заметки Владимира Ильича. Подсчитано, что только на протяжении апреля в «Правде» было напечатано более 60 статей, выступлений и других документов В. И. Ленина. Газету красной нитью пронизали призывы: «Никакой поддержки Временному правительству!», «Вся власть Советам!», «Мира! Хлеба! Земли!»

* * *

Из воспоминаний Марии Ильиничны Ульяновой

«Правдой» за первые месяцы Февральской революции проделана вместе с партийными организациями огромная работа в деле высвобождения трудящихся масс пролетариата и мелкой буржуазии из-под влияния соглашателей. Напряженную, усиленную борьбу вела «Правда» этого периода с меньшевиками и эсерами, бывшими тогда в большинстве в Советах, сурово бичевала она их половинчатость, их оппортунизм, их предательство интересов революции. Это была упорная борьба не на жизнь, а на смерть, ибо от победы большевистской линии в нашей революции зависела судьба всей революции»[1].

С какой радостью Мария Ильинична работала вместе с братом! Это было увлекательное и счастливое содружество выдающихся журналистов; это был один из самых блестящих периодов «Правды». «Определенность, четкость позиции, блестящие статьи наших лучших литераторов, в которых они откликались немедленно на все злободневные вопросы, делали ее крайне интересной. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда ни одну газету не читали с таким захватывающим интересом, как маленькую нашу «Правду» апреля — июля 1917 г.»[2].

Владимир Ильич поселился у Анны Ильиничны на Широкой улице, в доме № 53. Теперь по утрам все вместе собирались в большой комнате за чайным столом, обсуждали последние новости. Мария Ильинична торопилась рассказать о редакционных новостях, о встречах с фронтовиками и рабо-

1 Ленин в «Правде». М., 1970, с. 50.
2 Мария Ильинична Ульянова, с. 38.

чими. Вместе обсуждали содержание следующего номера. Как всегда, у Владимира Ильича утром был готов свежий материал. И Мария Ильинична, забрав его с собой, пешком отправлялась на Мойку, где находилась редакция. Владимир Ильич в редакцию приходил редко, народ там всякий бывал, и в целях конспирации он появлялся только на особо важных совещаниях, которые обычно собирались поздно вечером, когда помещение редакции пустело.

Условия для работы в редакции были очень сложные: тесно, шумно, не хватало денег, транспорта, не было бумаги, не было самого необходимого.

Мария Ильинична, вспоминая эти времена, писала:

«Невероятного труда стоило, например, добиться станции по нашему редакционному телефону... когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что — «Правда»? — «Нет, это ложь, а не правда»,— восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью относились к приходящим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань...»[1] На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у Невского, где жила такая публика, что на симпатии к большевикам нечего было рассчитывать.

Но «Правда» имела свой широкий круг друзей. Рабочие петроградских предприятий, солдаты-фронтовики, отдельные граждане отчисляли из своих скудных средств деньги и пересылали в редакцию «Правды» на нужды издательства.

Из номера в номер публикует «Правда» письма в газету, приветствия и названия организаций, приславших свою денежную помощь.

7 апреля 1917 года «Правда» опубликовала приветствие, в котором говорилось: «Мы, солдаты мотоциклетной команды, шлем привет честно мыслящей и свободолюбивой газете «Правда» и жертвуем в ее железный фонд 43 serебр. и 1 бронзовую медаль.

Мотоциклетная команда штаба 3-й армии».

Авторитет газеты неуклонно рос, но тучи над ней сгущались. Нередко враждебные демонстрации сворачивали с Невского на Мойку, к редакции «Правды». И хотя помещение редакции охранялось вооруженными рабочими, работать становилось сложнее и сложнее. Тем не менее Мария Ильинична никогда не покидала помещение редакции, даже когда под окнами шумели черносотенцы.

[1] Мария Ильинична Ульянова, с 38.

Однажды вечером, в разгар напряженной работы, вбежал взволнованный товарищ и сообщил, что недалеко в переулке собралась враждебно настроенная толпа. В редакции находился Владимир Ильич, он готовил очередной номер. Надо было немедленно уйти. Взяли первого попавшегося извозчика и тотчас уехали на квартиру одного очень надежного товарища на Невский проспект, 3, там в прихожей «ему навстречу выбежали две барышни с возгласом «Идем бить Ленина», направились к выходной двери. К счастью, в прихожей был полумрак, и В. И. остался неузнанным»[1].

И все-таки на другое утро Владимир Ильич вместе с Марией Ильиничной снова был в редакции.

Все эти дни Мария Ильинична очень волновалась за безопасность брата. Реакция наступала... Грандиозная июльская демонстрация насмерть испугала русскую буржуазию и ее англо-французских союзников. И вновь улицы и проспекты Петрограда обагрились кровью трудящихся.

Юнкера разгромили типографию «Труд», арестовали наборщиков. Нужно было ждать нападения на редакцию «Правды». События развертывались бурными темпами. Временное правительство торопилось расправиться с большевистским органом печати.

В ночь на 5 июля отряд юнкеров ворвался в помещение «Правды». Перевернули все вверх дном, выбили стекла, переломали мебель, разбросали все материалы, долго искали что-то...

После налета юнкеров Яков Михайлович Свердлов немедленно направился к Елизаровым на Широкую улицу. К счастью, он застал Владимира Ильича и настоял на необходимости для Ильича тотчас же покинуть дом сестры. Он набросил на Ленина свое пальто, и они, никем не замеченные, ушли на другую нелегальную квартиру...

15 июля «Правда» была запрещена, редакция разгромлена. Но прошло немного времени после ее разгрома, и вот уже рабочие читали свежие номера другой большевистской газеты — «Листок «Правды».

Когда был запрещен «Листок «Правды», тотчас на смену выходит «Рабочий и солдат», а позднее — «Пролетарий», «Пролетарское дело».

Большевистский орган печати еще и еще раз будет менять название: «Рабочий», «Рабочий путь», но ни на один день не прекратит своего существования.

Этим «Правда» была обязана и Марии Ильиничне.

[1] Мария Ильинична Ульянова, с. 38.

Положение в столице становилось все более напряженным... По улицам проходили патрули, проверяли документы. В центре окопались юнкера, повсюду стояли пушки, у которых дежурили офицеры и солдаты...

24 октября, тотчас после прибытия Ленина в Смольный, мотоциклисты доставили на фабрики, заводы, в воинские части приказы о выступлении. Восстание началось...

Мария Ильинична была в гуще октябрьских событий.

Из воспоминаний М. В. Ямщиковой [1]

Мы подымаемся по лестнице на третий этаж. По дороге я похищаю в коридоре маленький столик и тащу его наверх. И так со столиком влезаю в помещение, которое отныне должно быть нашим пристанищем.

У нас две комнаты: первая узенькая, как коридорчик, проходная, с одним окном, вторая огромная, в несколько окон, похожая на зал, перегороженная фанерной перегородкой: бывший дортуар воспитанниц Смольного института.

В комнате два стола: за одним — Мария Ильинична Ульянова с «Правдой», за другим — Вера Михайловна Величкина с маленькой газетой «Рабочий и солдат».

Оглядываться и разговаривать некогда; я водворяюсь со своим столиком посреди комнаты и погружаюсь в работу. Номера должны выйти во что бы то ни стало, как всегда... Наш зал похож на проходной двор. Приходят и уходят люди; приходят к Марии Ильиничне, к Вере Михайловне, ко мне, в «Солдатскую правду». Слышен знакомый голос В. Д. Бонч-Бруевича. Что-то обсуждают, спорят...

Стол «Правды», за которым работает Мария Ильинична, от меня на расстоянии протянутой руки...

С 27 октября центральный орган партии стал выходить под старым названием — «Правда».

Сотрудники редакции вынуждены были работать дни и ночи, чтобы газета не отставала от событий победно шагавшей социалистической революции.

Из «Правды» тех дней: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» (26 октября), «Открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов» (26 октября), «Зимний дворец взят» (27 октября), «Арест

[1] Ямщикова М. В. (псевдоним Ал. Алтаев) (1872—1959) — русская советская писательница.

Временного правительства» (27 октября), «Да здравствует революционное правительство Советов!» (27 октября). Крупно на первой полосе даны Декрет о мире (27 октября) и Декрет о земле (28 октября).

Из номера в номер «Правда» сообщала о триумфальном шествии социалистической революции из края в край страны, о повсеместном установлении Советской власти.

Мария Ильинична возвращалась домой к Елизаровым лишь под утро. После тяжелого рабочего дня в душных комнатах хотелось пройтись пешком. Нередко шла одна по безлюдным улицам, и только громкие шаги патрулей нарушали глухую тишину предрассветного часа...

Уходили последние дни и часы 1917 года. Первый Новый год встречала Республика Советов.

1 января Владимир Ильич выступил в Михайловском манеже на митинге, посвященном проводам на Западный фронт первого сводного отряда социалистической армии. Мария Ильинична вместе с Фрицем Платтеном сопровождала брата.

Ленин в своей речи перед добровольцами сказал:

«Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию... Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»[1].

Буря аплодисментов сотрясала своды Михайловского манежа. Под звуки «Интернационала» участники митинга — добровольцы социалистической армии проводили до автомобиля Ленина и Марию Ильиничну. «Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный,— вспоминала М. И. Ульянова.— Но не успели мы отъехать несколько десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют»,— сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, что эта была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 216.

живы?» — «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер.— Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались»,— говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича».

Через два дня, 4 января, Мария Ильинична подписала в набор вечерний выпуск газеты «Правда», где был опубликован краткий газетный отчет о выступлении Ленина на проводах первых эшелонов социалистической армии.

Из воспоминаний Н. П. Богданова [1]

Рабочие стали объединяться в союзы по профессиям. Только в феврале и марте (1917 г. — *Сост.)* в одном Петрограде возникло около 120 таких союзов. Это движение развивалось вширь, но его надо было направить вглубь — создать сильные союзы по производственному признаку: металлистов, текстильщиков, деревообделочников, строителей и т. п.

Эту важную политическую задачу помогла осуществить «Правда». М. И. Ульянова внимательно относилась к рабочим, приносившим в редакцию заметки, объявления о собрании или стачке. Она терпеливо разъясняла людям значение классовой солидарности рабочих, вред цеховой замкнутости, разобщения. Только сильные производственные союзы, писала «Правда», смогут сделать профсоюзы способными для классовых битв с капиталом, отвоевать 8-часовой рабочий день, добиться повышения заработной платы.

Сознательные рабочие вступали в ряды большевистской партии, записывались в отряды Красной гвардии.

В. И. Ленин внимательно наблюдал процесс роста профсоюзов, направлял их политическую активность против мел-

[1] Воспоминания хранятся в архиве Центрального музея Революции СССР.

кобуржуазных влияний, готовил рабочих к завоеванию власти. Как-то в середине мая Мария Ильинична, беседуя с нами, рабкорами «Правды», сказала:

— Видели, как Владимир Ильич отчитал меньшевика Скобелева? «Поет соловьем»,— сказал о нем Ильич. Фразерство и обман народа в стиле буржуазных парламентов. А ведь, по сути дела, меньшевики помогают буржуазии, выступающей против 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы.

В те бурные дни многие рабочие побывали в редакции «Правды». Мария Ильинична запросто, задушевно беседовала с ними, и каждый покидал редакцию с хорошим чувством.

Рабочим и работницам тяжело тогда жилось. Предприниматели, желая сорвать стачки и забастовки, объявляли локауты, увольняли людей под предлогом «разгрузки» или закрытия заводов и фабрик. Голод стучался в рабочие семьи. Мария Ильинична через «Правду» организовала материальную помощь бастующим. Однажды в «Правду» пришла большая группа каменщиков, бетонщиков, плотников и землекопов, объявивших забастовку в Гребном порту. Подрядчик их уволил, а на их место попытался нанять штрейкбрехеров. Рабочие обратились к Марии Ильиничне, попросили защитить их интересы. Тут же была подготовлена заметка, в которой профсоюз строителей извещал о стачке и объявлял места бастующих под бойкотом. Рабочие с волнением допытывались: законно ли их дело? Мария Ильинична объяснила:

— Стачка ваша основательна, и для ее защиты вы законно объявили свои места под бойкотом. По международному опыту стачечники выставляют свои пикеты и не допускают предателей.

Строители-сезонники зависели от «благодетеля»-подрядчика. Нелегко их было поднять на борьбу, стачку они часто именовали «тяжбой». «Правда» помогала им выиграть «тяжбу». Рабочие с любовью читали газету, хранили, посылали в деревню.

«Правда» помогла»,— писали они.

Так появлялись новые правдисты. И новые агитаторы среди крестьян.

Мария Ильинична по-ленински относилась к рабочим, будила в них веру в свои силы. Как-то к нам попали важные документы, изобличавшие Союз строительных предпринимателей. Написать статью об этом показалось нам делом трудным, невозможным. И мы попросили «Правду» опубли-

ковать материал. В разговоре я обронил фразу «стоном стонут рабочие». Мария Ильинична, улыбнувшись, сказала:

— Вот так и начните статью!

29 сентября 1917 года в «Правде», которая из-за преследования Временного правительства выходила под названием «Рабочий путь» (№ 23), была напечатана статья. В ней говорилось: «Стоном стонут строительные рабочие от неимоверно тяжелых условий жизни... Снова вековая удавная петля сатрапов-подрядчиков все туже и туже затягивается на шее рабочего-строителя...»

Союз строителей объединял в Петрограде около 16 тысяч человек. Выступление «Правды» подняло активность строителей. Они еще больше сплотились вокруг своего профсоюза, возросли их симпатии к партии большевиков и газете «Правда».

* *
*

Михаил Сергеевич КЕДРОВ

Кедров М. С. (литературные псевдонимы — К. Б. и М. К.) (1878—1941 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде. Родился в семье нотариуса в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета и в Демидовском юридическом лицее в Ярославле; исключен из них за участие в студенческом движении. Член Коммунистической партии с 1901 г. В 1901—1902 гг. состоял в Ярославской социал-демократической организации. В 1904 г. участвовал в организации подкопа под Таганскую тюрьму в Москве, чтобы освободить Баумана и других политических заключенных. В 1905 г.— один из организаторов боевых дружин в Москве и Костроме, затем нелегально

Михаил Сергеевич
КЕДРОВ

работал в Петербурге и других городах. В 1906 г. по заданию партии открыл в Петербурге легальное издательство «Зерно», вместе с Н. И. Подвойским в конце 1907 — начале 1908 г. осуществил публикацию первого собрания сочинений В. И. Ленина под названием «За 12 лет». В Швейцарии близко познакомился с В. И. Лениным. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета.

С 1916 г.— специальный доверенный ЦК по связи с местными партийными организациями в России. Накануне Февральской революции 1917 г. работал врачом-эпидемиологом на Кавказском фронте, вел большевистскую агитацию и пропаганду. В мае отозван в Петроград, где стал одним из руководителей Петроградской военной организации РСДРП(б); член Всероссийского бюро большевистских военных организаций при ЦК РСДРП(б). С конца мая 1917 г.— член редколлегии и руководитель издания газеты «Солдатская правда», а после ее разгрома в июльские дни — один из организаторов и редакторов газет «Рабочий и солдат», «Солдат».

После победы Октябрьской революции, в ноябре 1917 г., назначен товарищем (зам.) наркома по военным делам по отделу демобилизации старой армии. Летом 1918 г. был уполномоченным СНК в Архангельске по ревизии военного хозяйства и местных советских учреждений РСФСР. В этот период неоднократно встречался с В. И. Лениным. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на руководящей работе в ВЧК, Прокуратуре и Верховном суде СССР.

* * *

Член «Военки»[1]

Еще до Февральской революции солдатские массы видели в Кедрове не только врача-эпидемиолога, борца с тифозной эпидемией. Теперь врач-большевик встал во главе революционной борьбы воинского гарнизона и всего Шериф-Ханэсского района. Он создает единственный в то время Совет в Закавказье, объединявший армейские части и рабочих железнодорожного и водного транспорта. Вся власть перешла в руки этого Совета, председателем которого избрали Кедрова.

В качестве делегата он участвует в работе краевого съезда Кавказской армии в Тифлисе. Правда, на нем верховодили меньшевистские лидеры. Им не понравилось поведение «группы Кедрова». Когда она выступила против «займа свободы», выпущенного Временным правительством, меньшевики ехидно зашикали: «У, Шериф-Ханэсская республика!»

[1] Из книги: *Сбойчаков М. И., Цыбов С. И., Чистяков Н. Ф.* Михаил Сергеевич Кедров. М., 1969.

В мае 1917 года Михаил Сергеевич вернулся в Петроград и направился прямо к Ленину. На нем были офицерские погоны, а на груди красовалась красная полоса, на которой черными буквами напечатано: «Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Шериф-Ханэсского района». «Ой, как вы разукрашены!» — воскликнула Надежда Константиновна по поводу ленты.

Владимир Ильич встретил гостя радушно, интересовался положением на этом малоизвестном фронте.

А через несколько дней Кедров присутствовал на заседании ЦК партии уже как член только что созданной Военной организации при ЦК РСДРП(б), возглавляемой Н. И. Подвойским. Организация должна была вести работу в армии по разоблачению империалистической политики Временного правительства. Особенное значение она имела в Петрограде, где находились отборные запасные полки бывшей царской гвардии, гвардейские экипажи моряков, различные военные училища, специализированные части и прочие воинские формирования. Ведь численность Петроградского гарнизона с пригородами составляла не менее 460 тысяч человек [1].

Н. И. Подвойский не раз говорил: кто будет владеть Петроградским гарнизоном, тот будет диктовать свою волю.

16 июня 1917 года в Петрограде открылась Всероссийская конференция военных организаций большевистской партии.

Заслушав сообщения с мест и доклады В. И. Ленина по текущему моменту и аграрному вопросу, конференция призвала самым энергичным образом готовить силы пролетариата и революционной армии к переходу власти к Советам.

В резолюции конференции «Цели и задачи Военной организации» говорилось: «Военная организация РСДРП, будучи одной из частей общепролетарской организации, ставит в первую голову основной и главной задачей ту же задачу, что и всякая иная организация нашей партии: именно пропаганду и распространение в солдатской среде, состоящей в массе из крестьянской бедноты и рабочих, тех же принципов и идей революционного социализма, разъяснение тактических лозунгов, программных требований революционной социал-демократии» [2].

Конференция избрала руководящий орган военных организаций — Всероссийское бюро фронтовых и тыловых воен-

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия, с. 451

[2] КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 571

ных организаций при ЦК РСДРП («Военка») во главе с председателем Н. И. Подвойским. В бюро вошли Невский, Крыленко, Кедров, Мехоношин и другие.

* * *

Из воспоминаний М. С. Кедрова [1]

Значение июньской конференции, прежде всего, заключается в закреплении смычки между пролетариатом и солдатской массой, в создании базы единого рабоче-солдатского фронта.

Если многих делегатов привело в ряды нашей партии исключительно отношение к империалистической войне, то на конференции они имели возможность убедиться, что не только в вопросе о войне, но и в разрешении земельного и продовольственного вопросов, в вопросе о власти большевистская партия действительно защищает интересы трудящихся масс.

Для делегатов конференция явилась своего рода партийной школой, заложившей в них твердые основы большевизма, давшей им руководство к действию, осветившей им подлинное значение революции и происходивших событий и начертавшей устами Ленина ближайшие задачи и верный путь к захвату власти и победе социалистической революции.

Нужно было терпеливо, изо дня в день, рассеивать мелкобуржуазный туман в массах и помнить, что без привлечения их на сторону пролетариата победы быть не может. Нужно было строить и крепить большевистские организации, отметая колеблющиеся, чуждые и сомнительные элементы.

Никаких компромиссов, никаких соглашений с мелкобуржуазными партиями. Железная дисциплина. Военная централизация. Безоговорочное подчинение Центральному Комитету партии, направляющему все революционное движение и руководящему им.

Вместе с Н. И. Подвойским М. С. Кедров был одним из руководителей газеты «Солдатская правда», сыгравшей важную роль в сплочении солдатских масс вокруг партии большевиков. Ежедневный тираж ее достигал 50 тысяч экземпля-

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 81—82.

ров, а в отдельные дни — 75 тысяч. Более 25 тысяч ежедневно направлялось на фронт — в роты, батальоны и полки. А когда в июле Временное правительство закрыло газету, Кедров организовал выпуск другой — «Рабочий и солдат», ставшей после разгрома юнкерами редакции «Правды» центральным органом большевистской партии

Как издавался «Рабочий и солдат»[1]

...Июльский «мятеж» объединил в одну коалицию против большевиков и кадетов, эсеров, меньшевиков, и самых грязных черносотенцев из «Призыва» (Алексинский), и самых чистеньких «социалистов» из «Новой жизни».

Разгром «Правды», убийства рабочих-большевиков, закрытие партийных газет, разоружение революционных полков, массовые аресты, травля, самосуды — все это наглядные дела единого блока в первой половине июля.

Наша Военная организация понесла наиболее тяжелый урон. Большинство членов Всероссийского бюро и много рядовых членов были арестованы или вынуждены скрываться. За отсутствием штаб-квартиры нарушилась связь с ячейками в воинских частях. Дворец Кшесинской был занят самокатчиками и женским батальоном, «Солдатская правда» закрыта.

Удалось спасти несколько ящиков «германских миллионов», состоявших из бумажных копеек и другой мелочи не выше пятака, и обменять их после кропотливой сортировки на сотенные бумажки в районной столовой у Нарвских ворот. Так образовался основной фонд для новой газеты Военной организации. Предстояло самое трудное дело: найти типографа, который не убоялся бы напечатать нашу газету.

Почти совсем сговорились на этот счет с Кронштадтской организацией. Но по просьбе тов. Шведчикова, который по поручению ЦК также искал типографию для издания «Правды» («Пролетария»), пришлось от этого плана отказаться и уступить ему.

Сунулся было в «Новую жизнь» с предложением взять на себя печатание и нашей газеты.

«Как-никак,— думал я,— хоть и в белых перчатках щеголяют, все же большевиками себя именуют. Авось помогут!»

Однако новожизненцы такую истерику закатили, что и сейчас вспомнить стыдно.

[1] Статья Кедрова М. С. в газете «Пролетарская революция» (1927, № 7).

Один из «старых большевиков», Ладыжников, заявил:

— Ваше предложение — безнадежное дело. Скандалиться не хотим. К вашей организации примазался всякий сброд — германские шпионы, провокаторы, авантюристы. У нас в редакции убеждены, что и сам Подвойский — провокатор.

Выругался и ушел.

После долгих исканий тов. Подвойский наконец нашел типографа, который и боялся дать согласие на печатание газеты, и не решался вместе с тем отказать. Чтобы окончательно рассеять страхи у типографа, мы с Подвойским отправились вместе. Мои офицерские погоны и ученые знаки отличия должны были произвести должное впечатление и убедить его в солидности и благонадежности нашего предприятия.

Типография «Народ и труд» помещалась в центре города — Гороховая, 42,— и, как явствует из поведения администратора и самого названия, принадлежала одной из соглашательских партий — трудовикам.

В результате двухчасовой галантной беседы заговоренный администратор дал наконец согласие, условившись, что большевистская газета будет вполне безобидной и не вызовет никаких репрессий. День-два ушло на подбор материала, добывание бумаги и на выполнение разных формальностей по изданию.

Тов. Шведчиков при встрече ехидно улыбался.

— Ничего у вас, други,— говорил он,— не выйдет, на первом номере сядете.

Однако в назначенный день, в воскресенье 5 августа (23 июля), вышел первый номер газеты «Рабочий и солдат». 7 августа (25 июля) вышел номер второй, затем третий, четвертый... На наше счастье, ни в прессе, ни в правительственных, эсеро-меньшевистских, кадетских кругах на новую газету не обратили внимания. Некогда было, высокой политикой занимались: изгоняли большевиков из Советов, смертную казнь вводили на фронте, «Демократическое» совещание в Москве подготавливали. К тому же с газетой Петроградского Совета «Солдат и рабочий», вероятно, спутали. Только одна «Новая жизнь» отметила появление на свете нового соратника и не удержалась от того, чтобы не снабдить своего приветствия нравоучением.

«Мы надеемся,— поучала «Новая жизнь»,— что редакция «Рабочего и солдата» учтет уроки печальных (!) дней 3—5 июля (ст. ст.): не к чувству, а к разуму прежде всего должна обращаться революционная социал-демократия...» и т. д.

Совсем другой прием встретил «Рабочий и солдат» в пролетарской солдатской массе. В первых же номерах газеты, ра-

зосланных по всем войсковым частям, солдаты узрели свою родную «Солдатскую правду», перешедшую на нелегальное положение. Настроение уныния и подавленности стало понемногу рассеиваться: в редакцию посыпались письма, статьи, пожертвования. «Солдат и рабочий» заменил собой не только «Солдатскую правду», так как, несмотря на все старания товарищей-цекистов, долгое время никакой газеты на смену «Правде» выпустить не удалось (№ 1 «Пролетария» вышел лишь 26(13) августа).

«Правда» и «Солдатская правда» убиты,— говорилось в приветствии второго городского районного комитета нашей партии.— Да здравствует «Правда» и «Солдатская правда»!»

Газета приобретала громадную популярность в рабочей среде, тираж с каждым днем увеличивался и с 20 тысяч экземпляров дошел до 60 тысяч. Некоторые номера имели тираж даже 100 тысяч. С крупных заводов («Скороход», «Лоренц» и др.) стали поступать на поддержку газеты тысячные пожертвования, каковые передавались нами в кассу ЦК.

Даже через каменные стены тюрем и казематов проникала газета к томящимся там товарищам и вселяла в них бодрость и надежду на скорое освобождение. «Горячо приветствуем вас,— пишут 150 заключенных,— с воскресением из мертвых дорогой для нас газеты «Солдатская правда». Дай бог счастливой жизни новорожденному, имя которому «Рабочий и солдат». На крестины посылаем 87 р. 85 к.— посильную лепту, собранную от нас, солдат и матросов, заключенных на Ушаковской ул., д. 7, на доброе и долгое житие новорожденного».

По мере того как росла газета, все чаще стали наведываться товарищи, сотрудники «Правды», и принимать участие в газетной работе. Хорошо запомнился мне тов. Демьян Бедный, он же, если не ошибаюсь, и «Солдат Яшка — медная пряжка», приносивший с собой всегда неисчерпаемый запас веселья и юмора. Для связи и партийного контроля над газетой был назначен Центральным Комитетом нашей партии Я. М. Свердлов, а спустя некоторое время — тов. Бубнов.

Следует более подробно остановиться на нескольких эпизодах из жизни газеты.

Когда 4 августа (22 июля) во всех газетах был опубликован от прокурора петроградской судебной палаты акт расследования событий 16—18 (3—5 июля), а в некоторых газетах вдобавок упоминалось, что главный виновник июльского «мятежа» — Ленин скрылся за границу и, вновь приехав в запломбированном вагоне через Германию, прибыл в Швей-

царию,— в «Рабочем и солдате» спустя четыре дня появляется пространный ответ Ленина, разоблачавший всю ложь и издевательства правительства над правосудием. «Ответ» не только ошеломил правительственные круги своей неожиданностью, но и показал рабочим и солдатским массам, что их вождь и в дни тяжелых испытаний находится среди них.

На столбцах «Рабочего и солдата» появилась еще одна большая статья тов. Ленина — «О конституционных иллюзиях», устанавливающая новые вехи к Октябрю. В газете печатались все резолюции, извещения, постановления ЦК, ПК, Общегородской петроградской конференции, совещания ЦК совместно с ПК, Военной организации, МК, Московского областного бюро и Московского окружного комитета. Громадную службу принес «Рабочий и солдат» и VI съезду партии, состоявшемуся в Петрограде с 25 июля по 3 августа (ст. ст.). Это была единственная газета, в которой своевременно помещались протоколы заседаний и принятые съездом резолюции.

Когда «Рабочий и солдат», как могло показаться со стороны, прочно встал на ноги, ЦК объявил его центральным органом партии, принял на себя весь актив и пассив, а личный состав по газете зачислил в число сотрудников ЦК. Для приема отчета и денежных сумм был командирован тов. Дзержинский. Встреча произошла в Статистическом бюро Всероссийского союза городов, Невский пр., 2, где работало несколько товарищей из «Военки» и где находились негласная редакция и контора газеты.

Вся финансовая часть газеты помещалась в двух боковых карманах моей гимнастерки и состояла из целой серии бухгалтерских книг-лилипутов: главной, кассовой, мемориала и прочих, положенных по закону.

Помню, Феликса Эдмундовича поразила одна особенность составленного баланса. Кроме типографских расходов и на бумагу, никаких других расходов наше хозпредприятие не имело.

— Ну а заработная плата служащим, гонорар, экспедиция, транспорт, где они у вас показаны? — недоумевал тов. Дзержинский.

Я объяснил, что все без исключения сотрудники отдают партии свой труд безвозмездно и были бы обижены, если предложить им плату.

— Да ведь несут же они расходы,— не унимался Феликс Эдмундович,— тратятся же на извозчиков! Не понимаю, почему не брать денег? Это совсем ненужная, на мой взгляд, щепетильность.

Тов. Дзержинский был прав. То была щепетильность, но в этой мелочи сказалась бескорыстная и самоотверженная готовность партийцев перенести любые лишения во славу Коммунистической партии.

С ростом популярности газеты росли и трудности ее печатания. Заведующий типографией не раз уже проявлял нервозность: как бы чего не вышло.

Пришлось изыскивать всякие меры успокоения. Однажды для ответственных сотрудников типографии организовали блины с зернистой икрой и балыком, а в качестве прилагательного — при содействии тов. Демьяна Бедного — заполучили несколько бутылок «валерьяновых капель» с маркой «три звездочки».

Подействовало. Выпуск двух номеров прошел без нареканий. На третьем произошла загвоздка: по распоряжению какого-то начальства номер был объявлен конфискованным и отбирался у продавцов. Чтобы успокоить разгулявшиеся нервы типографщиков, пришлось повторить «лечебную» процедуру. Но дни жизни «Рабочего и солдата» были уже сочтены. В глухую ночь на 23(10) августа, когда только что был отпечатан № 16 газеты и два товарища спешно работали над завязкой газетных тюков для отправки их на заводы, в казармы и в провинцию, в типографию ворвалась милиция, конфисковала отпечатанный номер, рассыпала шрифт и, обязав заведующего прекратить дальнейшее печатание газеты, удалилась, никого не арестовав.

Несмотря на то что газета официально не была закрыта и можно было бы опротестовать произвольные действия милиции, мы признали более целесообразным, учитывая трусливость заведующего типографией, по этому поводу не шуметь, а перенести в другую типографию издание газеты, изменив ее название.

Типография, с которой заблаговременно сговорились, принадлежала Совету рабочих и солдатских депутатов Васильевского района (Тучков пер., д. 17), и встретила нас весьма радушно, но, к сожалению, к изданию газеты была совсем не подготовлена. Шрифт сбитый, пестрый и в недостаточном количестве. Ротационной машины нет, а на плоских машинах более 10 тысяч экземпляров не сработаешь.

Что делать? Пришлось комбинировать. После того как заведующего Гороховской типографией удалось убедить, что он ничем не рискует, если будет только набирать, а не печатать новую газету, возможно стало приступить к выпуску ее. 26(13) августа вышел № 1 нашей газеты «Солдат». В тот же день вышел и № 1 «Пролетария». Набор в гранках с Горохо-

вой улицы переезжал на извозчике в Тучков переулок, где и отпечатывался.

Снова закипела работа. «Привет газете «Солдат», незаменимой, неумирающей «Солдатской правде»!» «Солдат» оказался счастливее «Рабочего и солдата» и дожил до Октябрьской революции.

Закончим наш очерк описанием маленького эпизода, относящегося, правда, уже к послеоктябрьским временам, но который воскресил на минуту период издания «Рабочего и солдата».

В Смольный, в Революционный комитет, красногвардейцы доставили лицо, которое намеревалось нелегально печатать какую-то эсеровскую газету. Арестованный дрожал от страха и ссылался на свои заслуги перед большевиками. Не без труда мы узнали в нем заведующего типографией «Народ и труд», которого когда-то успокаивали «валерьяновыми каплями».

Во внимание к его «заслугам» он был освобожден из-под ареста, но одновременно и от заведования типографией. Стоящему у власти пролетариату «свобода» печати и подобные представители ее были не только не нужны, но и вредны.

* *
*

Мартын Иванович
ЛАЦИС

Лацис М. И. (настоящая фамилия
и имя — Судрабс Ян Фридрихович;
партийные псевдонимы — Дядя, Гарайс, Милнс)
(1888—1938 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде.
Родился в семье батрака в Вецпиебалгской волости
(ныне Цесисский район Латвийской ССР).
Член Коммунистической партии с 1905 г.
Активный участник революции 1905—1907 гг.
в Латвии, входил в боевую дружину.
Имел звание народного учителя.
Преподавал в приходском училище.
Работал пропагандистом в Рижском парткоме.
Подвергался аресту. Перешел на нелегальное
положение, переехал в Москву, где установил
связи с большевиками-латышами.
Организовал вместе с Е. Егоровой и Э. Берзиным

Тверскую латышскую социал-демократическую группу. Осенью 1915 г. Лацис и его товарищи были арестованы и сосланы в Иркутскую губернию. В 1916 г. бежал из ссылки в Петроград, где по заданию Русского бюро ЦК РСДРП занялся организацией подпольной типографии для издания газеты «Правда».

После Февральской революции 1917 г. возглавлял партийную организацию большевиков Выборгской стороны. Делегат 1-й Петроградской общегородской и 7-й (Апрельской) Всероссийской конференций РСДРП(б). Член ПК РСДРП(б). Один из организаторов Красной гвардии Выборгского района. Делегат VI съезда РСДРП(б), на котором выступил с докладом о работе мандатной комиссии. Часто выступал на митингах и собраниях рабочих и солдат, призывая их к вооруженной борьбе за Советскую власть. Участник расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16(29) октября 1917 г.

В дни октябрьского штурма — член ЦК РСДРП(б). С ноября 1917 г.— член коллегии Наркомата внутренних дел. В дальнейшем — на партийной и государственной работе.

* * *

«В нем звучало мощное напряжение масс»[1]

Вспоминая о своей жизни революционера в феврале — октябре 1917 года, Мартын Иванович Лацис выделял ряд особенно памятных ему событий.

Первое. Это когда после Февральской революции партия направила его работать на Выборгскую сторону Петрограда. «После побега из ссылки в 1916 году,— вспоминал Мартын Иванович,— я приезжаю в Петроград и приступаю к организации подпольной типографии. На этом деле меня застает Февральская революция. Я бросаю типографию и начинаю работать на Выборгской стороне в качестве организатора и агитатора, одновременно состоя членом Выборгского районного комитета и Петроградского комитета партии»[2].

Второе. Встреча В. И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 года.

Из воспоминаний М. И. Лациса

«Город с утра в напряженном настроении. Не только рабочий Петроград, но именно весь город.

Мы, выборжцы, ждем нашего вождя с наибольшим нетерпением: во-первых, нас упрекают больше всего за нашу строптивость по отношению к Временному правитель-

[1] Материалы подготовил И. Г. Лупало.
[2] Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 1, с. 284

ству. Мы те, кто 1 марта расклеил по городу резолюцию первого открытого массового собрания большевиков в Петрограде, отказывающую во всякой поддержке Временному правительству; мы те, кого заставили соскрести со стен эту резолюцию; мы те, кто от имени районного парткомитета выдает мандаты, действующие по всей территории города наравне с удостоверениями гражданских властей Временного правительства; мы те, кто самочинно арестовал офицеров Порохового района, мешавших осуществлению революционного права этой части города. Неужели Ленин заставит нас поддержать это правительство «постольку-поскольку»?

Во-вторых, на нас большая ответственность — встреча Ильича будет происходить на территории нашего района. На нас — ответственность за порядок, за устранение враждебных действий со стороны провокаторов, социал-предателей и прямых контрреволюционеров.

Вот почему мы направляем своих организованных рабочих к вокзалу уже к полудню. Платформа, площадь перед вокзалом и подступы должны быть заняты нами.

Но другие районы Петрограда тоже спешат туда же: кто дал выборжцам монополию на встречу вождя?..

Ильич на перроне...

Уже просыпался рабочий Петроград, когда мы (партработники.— *Сост.*) расходились (из дворца Кшесинской, в котором тогда находился Петербургский комитет партии.— *Сост.*) по домам с ясными ответами на злободневные вопросы и краткой программой для завтрашнего дня»[1].

Как руководитель организации большевиков Выборгской стороны, Лацис был ее делегатом на 1-й Петроградской общегородской и 7-й (Апрельской) Всероссийской партконференциях. Вернувшись в свой район, он теперь особенно часто выступает на митингах и собраниях рабочих и солдат, призывает готовиться к борьбе за победу социалистической революции. Когда перед большевиками-выборжцами встал вопрос, кого послать от их района в Петербургский комитет партии, проголосовали единогласно — Мартына Ивановича Лациса. Правдивое слово большевика-агитатора приобретало все больший вес.

Свидетельством действенности работы большевистских агитаторов, роста политической зрелости пролетарских масс Выборгской стороны явилось их массовое участие в демонст-

[1] Правда. 1927, 16 апреля.

рации 18 июня 1917 года: на улицы Петрограда вышли полмиллиона рабочих и солдат. Они требовали прекратить войну и передать власть в руки Советов. Перед демонстрантами выступили Лацис и другие большевики района. «Вам вбивают: терпите, терпите! — говорили ораторы.— Сколько можно терпеть?! Слов и обещаний — хоть отбавляй. О свободе толкуют везде и всюду. А у нас, рабочих, одна свобода: быть рабами и умереть с голоду; у солдат — проливать кровь за чуждое им дело. Хватит!»

И сотни демонстрантов отвечали: «Хватит!»

Выборгская сторона бурлила. С утра ее улицы заполняли рабочие и солдаты. Митинги... митинги... Революционная воля большевиков-выборжцев (и в их числе М. И. Лациса) направляла выступление масс в нужное русло.

Третьим событием, явившимся вехой в жизни Лациса, были июльские дни в Петрограде.

Из воспоминаний М. И. Лациса [1]

1 июля (18.VI).

День манифестации соглашателей и демонстрации революционных масс...

Меньшевики и эсеры блокировались и устроили свою манифестацию. Они идут по левой стороне улицы рядом с нашей бесконечной колонной. Идут они жалкой кучкой, всего человек триста. А кучка все тает и тает. В наших рядах слышатся возгласы: «Это двойное самоубийство! Хватило храбрости писать на своих плакатах: «Полная поддержка Временному правительству». Им не хватает только лозунга: «Мы требуем поливки улиц».

Рабочие краснеют, бросают знамена и переходят в нашу сторону. Скоро некому знамена нести. Когда их колонна подходит к Невскому, их осталась такая жалкая кучка, что теряется в массе народа. Они сами чувствуют свою ошибку выступления отдельной колонной и на Невском вклиниваются в наши ряды...

Да, это с их стороны было двойное самоубийство.

На Марсовом поле у братских могил выстроились лидеры соглашательских Советов...

Демонстрация уже на Троицком мосту, а на Литейном еще виднеется хвост ее. И это только один Выборгский район. А по остальным районам рабочие не отстают. Весь Питер ощетинился. Рабочие вынесли сегодня на улицу свою волю: «Долой Временное правительство. Вся власть Советам!»

Что в эту ночь думают соглашатели?

[1] В книге: За власть Советов. М., 1957.

2 июля (19.VI).

Рабочие заводов «Розенкранц», Металлического, «Феникса» и «Ст. Промет» целый день не работают. Ждут призыва выступать против Вр. правительства. От других районов являются делегаты разузнать правду. Звонят от всех заводов. Волнение общее. Массы приходится унимать.

По этому поводу сегодня в Таврическом дворце состоялось совещание заводских представителей и партийных делегатов. Приняли решение — требовать освобождения в 24 часа всех арестованных, за исключением уголовников, и выбрали следственную комиссию, которой поручено собрать материал в 24 часа.

Вечером экстренное заседание Совета Р. и С. Д.

Телеграф принес извещение о наступлении и победе наших войск на фронте. Виновники наступления не смогли скрыть удовольствия по поводу наступления и выпустили экстренный выпуск «Известий», в котором восхищались победой и храбростью Керенского. По центральным улицам манифестация. Несут портреты Керенского, убранные цветами. Чем не царь? Только короны недостает... В толпе слышатся возгласы: «Слава богу, началось! Теперь бы открыть поход на анархистов, а потом и на большевиков».

Но к вечеру солдаты на Невском рассеяли одну манифестацию.

Сегодняшняя манифестация как бы ответ на нашу демонстрацию. Черт возьми! Это наступление может разрушить все наши планы. Чего доброго, при удаче поднимется еще шовинистический угар, а тогда не скоро настанет наш час.

3 июля (20.VI).

Тревожный день. Рабочие завода «Розенкранц» обходят Московский и Пулеметный полки и приглашают к выступлению. Приходится приложить много усилий, чтобы унять разбушевавшиеся страсти. Создается такое впечатление, что не удастся удержать ни рабочих, ни солдат. Это я и высказываю в ПК, где принимаем решение созвать совещание из ПК и ЦК для выработки обращения к рабочим. Проводится та мысль, что надо стараться удержать рабочих от выступления, но если уж это не удалось бы и они все же вышли бы на улицу, то взять руководство в свои руки и стараться направить движение в сторону нажима на Советы, чтобы они взяли власть в свои руки.

4 июля (21.VI).

День проходит сравнительно спокойно. Только в Пулеметном полку волнение, так как уже хотят уменьшить состав рот, отправляя часть из них на фронт.

Управа районной думы переходит совсем в наши руки. Головой избран тов. Михайлов, членами — т. Ульянова (Крупская), Мансырев, Кучменко, Чугурин и другие.

5 июля (22.VI).

Настроение солдат настороженное. На Сампсониевский проспект заехал автомобиль С.Р.Д. с плакатами: «Вперед, за Керенского!» Московский полк его задержал, воззвания разорвал, а автомобиль отправил в Пулеметный полк.

На такие войска «опирается» власть...

К вечеру было созвано совещание из ЦК, ПК и Военной организации, но состоялось частное совещание. Пришли к заключению, что, несмотря на настроение солдат и рабочих масс, нам все же боя принимать еще нельзя, невыгодно. Лучше обождать, чтобы правящие партии опозорили себя окончательно начатым наступлением.

6 июля (23.VI).

Идут перевыборы в Совет Р. Д. На Ст. Барановском на место трех эсеров выбраны два большевика и один максималист. В городе сравнительно спокойно.

7 июля (24.VI).

Обрабатываю юношей, разъясняя текущий момент и задачи молодежи.

8—13 июля (25—30.VI).

Выборы в Совет Р.Д. Повсюду почти проходят наши кандидаты.

14 июля (1.VII).

Общегородская конференция. Что-то опять будет?.. Должно быть... Что-то должно случиться — это чувствуют все. Ведь не было же еще ни одной конференции, чтобы к этому моменту не разыгрались серьезные события.

Но день проходит спокойно в выслушивании отчетов ПК и Военной организации.

15 июля (2.VII).

Весь день уходит на конференцию. В районе тревога: изловили мясника-спекулянта и хотели кончить самосудом. Мертвая зыбь выходит наружу. Начинается...

18 июля (5.VII).

Два дня подряд не писал. Не до этого было. Жизнь бьет ключом. В понедельник с самого утра настроение в районе тревожное, Пулеметный полк волнуется.

Утреннее заседание конференции проходит напряженно. На вечернем заседании к 5 часам дня вдруг приносят известие, что Пулеметный полк выступает на улицу с требованием: «Вся власть Советам!»

Конференция принимает решение удержать пулеметчиков от выступления во что бы то ни стало.

Итак, снова нам быть пожарной кишкой... Докуда же это так продлится?

Конференция поручила эту миссию мне и тов. Розену. Мы срочно отправляемся в Пулеметный полк, но, приближаясь к баракам, видим, что уже поздно: по улице уже выстроились грузовики с пулеметами. Солдаты возбужденно беседуют.

Мы с трудом разыскиваем тов. Семашко, который пулеметчиками недавно избран командиром полка против воли правительства.

Но тут случается что-то неожиданное: нас задерживают и не хотят пропустить дальше. Меня это тем паче поражает, ведь я в Пулеметном полку свой человек... Наши препирания доводят пулеметчиков до бешенства, и они бросаются на нас со штыками. Нас спасает тов. Семашко, уговаривая нас пропустить к нему. Но пулеметчики не успокаиваются: «Знаем их: четыре месяца сюда ходят и отговаривают от выступления. Теперь будет с нас. Не поверим».

Мы начинаем разубеждать, но положительно не дают раскрыть рта. Тов. Семашко, выслушав постановление конференции, заявляет, что он бессилен остановить начавшееся движение, а после выхода пулеметчиков на улицу он считает своим долгом быть с полком.

Мы уходим ни с чем, и когда мы приближаемся снова к Петербургскому комитету, войска уже подходят к дворцу Кшесинской, и улица дает конференции ответ за нас.

Пулеметчики, как дьяволы, носятся по центральным улицам города. На Невском на них нападает вооруженный отряд, и начинается перестрелка. В результате допустившие к себе чересчур близко противника и не желавшие в толпе стрелять пулеметчики лишаются 10 пулеметов.

В это время конференция с участием районных представителей принимает решение устроить во вторник мирную демонстрацию.

На Невском трещат пулеметы, а здесь разговаривают о мирной демонстрации. Я высказываюсь за вооруженную демонстрацию. Но в конце концов решили не говорить ни про мирную, ни про вооруженную, а сказать просто — демонстрацию. Может быть, для внешнего употребления это и нужно, но для членов партии эта неопределенность вредна.

Следующий день, вторник, необходимо использовать для придания организационного характера вчерашнему бунтарству.

Пулеметчики возвращаются в бараки только к утру, усталые, продрогшие. С утра идет дождь. Поэтому демонстранты собираются только к 11 часам утра. Войсковые части двинулись только с часа дня.

Таврический дворец окружен народом. Улица хочет диктовать свою волю. От заводов избраны представители для составления делегации, направляемой в зал заседания ВЦИК. К ним присоединяются и партийные представители. Я — представителем от Выборгского районного комитета большевиков.

Мы, представители петроградских масс, собрались в переднем зале Таврического дворца и через большевистских членов ВЦИК требуем допуска в зал заседания.

Чхеидзе в этом категорически отказывает. Но мы не унимаемся, мы лезем на скандал. Избрали из своей среды шесть человек, долженствующих выступить с речью. Мы требуем себе слова.

Наконец нас впускают. Мы от лица рабочих предлагаем Советам взять власть в свои руки и обещаем нашу поддержку.

На улице нажим толпы, здесь категорические заявления представителей этих масс, но ВЦИК не решается на это предприятие. Выступают оратор за оратором, мямлят, малодушествуют и затягивают собрание до полуночи. Заводские представители все проникли в зал и уселись между членами ВЦИК. Их присутствие дает поддержку большевистской фракции. А вот и момент голосования. И в эту минуту в передний зал вводятся солдаты Преображенского полка...

ВЦИК отказался взять власть в свои руки. Но он побоялся и прямо отказаться от власти. Знаем эту тактику. Им нужно время, чтобы подготовиться к бою... с народом. Так заканчивается 4 июля. А 5-го утром контрреволюция переходит в наступление.

С раннего утра по распоряжению Половцева разводятся мосты Троицкий и Литейный. Ночью был налет полиции на ПК. Получаем предписание немедленно очистить дворец Кшесинской. Арестовали тов. Рахью. Повсюду вооруженные приготовления.

Выборгский районный комитет чисто инстинктивно поднимает на ноги район. Я лично разъезжаю по заводам и прошу держать Красную гвардию наготове. Разрабатывается даже план обороны района. Предполагается выставить заслон у Литейного моста и развести мост через Невку. Заводы не работают. Город в напряженном состоянии. Устраивается летучее заседание ПК, но кворум не собирается, часть аресто-

вана, часть не могла попасть через Неву. Стоит вопрос о выселении. Оказывается, что другого помещения комитету не предоставляют, но обещают дать охрану нового нами же найденного помещения из любого полка, не предавать никого суду, освободить арестованных, только бы мы без сопротивления выехали оттуда. Большинство приняло это предложение, поверив обещанию. Но что стоит обещание соглашателей! Наутро помещение ПК окружено солдатами; все разгромлено и разграблено. Наши кто перешли в Петропавловскую крепость, кто куда, а часть была арестована.

Думали опереться на Петропавловскую крепость, но пришлось ее сдать. А там последовал разгром наших районных комитетов, разгром «Правды», типографии «Труд». Разоружают Пулеметный полк. Арестована делегация гельсингфорсских матросов, приехавшая с требованием передачи власти Советам. Начинается разоружение рабочих.

Неужели Совет не чувствует, что военная клика забирает вожжи, что надо выбрать между большевиками и крайней реакцией? Ведь на Невском уже кричат: «Долой Чхеидзе и Советы!»

Он чувствует, но его природа не позволяет революционных действий, и Совет начинает военные действия против большевиков, против рабочих...

Рабочие Нарвского и Выборгского районов собирались ответить на репрессии Временного правительства всеобщей забастовкой. И большинство членов Петербургского комитета было за забастовку.

Из воспоминаний М. И. Лациса[1]

Я тогда тоже принадлежал к числу тех горячих голов, которые высказывались за забастовку. Все же у нас было намерение каким бы то ни было образом увидеться с Владимиром Ильичем и получить от него совет по данному вопросу.

Эта встреча с Владимиром Ильичем произошла в том же Выборгском районе на Большом Сампсониевском проспекте у завода «Русский Рено». Я изложил Владимиру Ильичу постановление партийного комитета и сказал, что мы ждем, что скажет нам Владимир Ильич. И в этот раз мы получили от

[1] В книге: Ленин. Октябрь семнадцатого, т. 2, с. 38.

Владимира Ильича ответ, что мы сейчас не в состоянии справиться с той силой, которая идет против нас, поэтому было бы глупостью призывать рабочих к забастовке.

— Отмените ваше решение,— сказал Владимир Ильич мне.

Слова Ильича не были для нас просто приказом, слова Ильича были для нас окончательным решением, которое заставило нас переменить свой взгляд.

Четвертое событие. VI съезд РСДРП(б). Мартын Иванович одновременно с работой в Выборгском районе был тогда членом Петербургского комитета партии, выступает на съезде с докладом о работе мандатной комиссии.

Известно, что VI съезд РСДРП(б) наметил курс партии на вооруженное восстание.

...Каждому делегату съезда вручалась работа В. И. Ленина «К лозунгам». М. И. Лацис к этому времени знал уже многие работы В. И. Ленина, написанные в подполье. Их в рукописи часто читала в Выборгском районном комитете партии Надежда Константиновна Крупская.

Н. Ф. Свешников, старый большевик, вспоминал:

«Помню, как сейчас, склонившуюся фигуру Надежды Константиновны в одной из комнат районной управы, где работали машинистки, тщательно сверявшую рукопись с оригиналом, и тут же рядом Дядя (партийная кличка М. И. Лациса.— Сост.) и Женя (Е. Н. Егорова, секретарь райкома.— Сост.), просящие по копии. Эти строки из первых рук служили как бы вполне заслуженной наградой за революционную четкость района, и члены районного комитета, читавшие эти копии, так это и понимали...

Ильич в своих статьях, которые мы, выборжцы, с удовольствием читали в рукописях, настаивал на решительных шагах, на решительных действиях...

Петербургский комитет отражал существующее настроение районов, и вполне подтверждал доводы Ильича, и стоял за них» [1].

Пятое событие. Историческое заседание ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 года. Оно состоялось в родном для Мартына Ивановича Выборгском районе. Члены ЦК собрались вместе с представителями Петербургского комитета и рабочих организаций.

[1] *Свешников Н.* Из эпохи Октября 1917 года — Красная летопись, 1923, № 6, с. 304, 305.

Мартын Иванович
ЛАЦИС

Из воспоминаний М. И. Лациса [1]

От Петроградского комитета мы участвовали втроем — тт. Бокий, Москвин и я.

Поздно вечером вместе с тов. Москвиным мы подкрадываемся к районной думе и встречаем там Калинина и еще двоих каких-то виданных и все же незнакомых людей.

Только подойдя вплотную и слыша говор, мы спохватываемся, что это бритый Ильич и бородатый Зиновьев, изменившие свою внешность после июльских дней.

Уже к полуночи все переходят в боковые комнаты, и начинается обсуждение вопроса — о восстании. Обсуждение начинается с информации по районам и организациям.

Картина получается недостаточно ясная. Ну как выразить на языке цифр состояние и настроение масс?

После информации Ильич берет слово и ясно формулирует свои мысли.

Его взгляд: или сейчас, или все будет упущено.

Потом начинаются длинные и скучные речи Каменева и Зиновьева, высказывающихся против восстания.

Собравшиеся как-то невнимательно слушают эти речи. Многие ходят по коридору, некоторые спят от усталости, а может быть, и скуки: ведь всем ясно, к чему вся эта болтовня? Под конец и Ильич выходит в коридор. Ему важно мобилизовать мнение. Ему ценны и голоса низов. Ему важна и тактика...

Из протокола заседания Центрального Комитета РСДРП(б) 16 октября

Тов. Дядя (Лацис). Печально, что резолюция в ход не пущена до сих пор. Я убежден, что резолюция будет принята. Я взял слово, чтобы внести корректив в оценку настроения масс. Показателем настроения является охота, с которой массы хватаются за оружие...

Большинство участников заседания ЦК поддержало написанную В. И. Лениным резолюцию, призывавшую «к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания».

Шестое событие. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде.

[1] В книге: Об Ильиче. Л., 1970, с. 355—356

М. И. Лацис. В Октябрьские дни состою членом Петроградского военно-революционного комитета и руковожу работой Бюро комиссаров...»[1]

Руководить работой комиссаров в дни Октябрьской революции — это значило взять на свои плечи неимоверно тяжелый груз. Нужно было знать, сколько их и в каких полках и частях они имеются, что и как делают, все ли отвечают своему назначению. М. И. Лацис крепко держал в своих руках нити связей ВРК с частями, постоянно информировал ЦК и ВРК о том, что происходило на его беспокойном участке. Трудно было, но Мартын Лацис был рад окунуться через «своих комиссаров» непосредственно в настроение солдатской и рабочей массы.

Несмотря на предельную нагрузку в ВРК, он находил время для ознакомления с положением дел на местах, особенно на своей Выборгской стороне. Как-то он прибыл в расквартированную там одну из частей.

— Ты к нам комиссаром? — встретили его солдаты.

— Скоро ли за дело? Чего медлят большевики?

— Да у вас есть комиссар. Я сам хотел повидаться с ним по этому вопросу. Дело-то начнем скоро, не долго ждать...

К 25 октября комиссары ВРК действовали почти во всех частях гарнизона, в ряде учреждений, на складах и военных заводах. Десятки преданных революции людей в полковых, флотских комитетах, в Петропавловке, арсенале, на Сестрорецком оружейном заводе, почте, телеграфе, телефонной и электрической станциях, во многих других особо важных пунктах столицы делали все от них зависящее, чтобы восстание скорее началось и завершилось победой.

Возвращался Мартын от выборжцев в Смольный удовлетворенный: они-то не подведут, надежный народ.

В коридоре Смольного сыро и темно. Поспать бы часок-другой... Да разве можно спать в такую ночь, ночь восстания...

Из воспоминаний В. А. Антонова-Овсеенко[2]

В Выборгском районе — громадное возбуждение, революционное нетерпение.

Как-то во дворце Кшесинской встретился мне впервые и так и врезался в память горячий патриот Выборгского райо-

[1] Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 1, с. 284.
[2] *Антонов-Овсеенко В.* В революции, с. 33.

на т. Лацис. Дядя, как его все звали, крупный бородач, крепыш, весь горел возбуждением. Он приносил с заводов своего района особую яркость настроений. В нем звучало мощное напряжение масс. Он говорил о неизбежности рабочих выступлений за власть Советов, о росте анархистских влияний из-за нашей медлительности, говорил о невозможности остановить массы от прямых действий, от захвата заводов, почты, арсенала. Движение, по его мнению, неминуемо должно было прорваться.

В других районах не было еще такого единодушия и нетерпения.

* *
*

Глеб Иванович БОКИЙ

Бокий Г. И. (партийные псевдонимы — Кузьма,
Дядя, Максим Иванович) (1879—1940 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде.
Родился в семье учителя в Тифлисе.
Учился в Горном институте в Петербурге.
Участвовал в революционном движении молодежи.
Член Коммунистической партии с 1900 г.
Состоял в петербургском «Союзе борьбы
за освобождение рабочего класса».
С 1904 г.— член Петербургского комитета РСДРП.
В годы революции 1905—1907 гг. сражался
на баррикадах Васильевского острова
в Петербурге, создавал боевые дружины
Был умелым организатором и страстным
пропагандистом, работал в большевистской
газете «Правда». За революционную
деятельность 12 раз подвергался тюремному

заключению, дважды был в ссылке в Восточной Сибири, более двух лет находился в крепости.
После Февральской революции 1917 г., в марте, кооптирован в Русское бюро ЦК РСДРП. С апреля 1917 г. по март 1918 г.— секретарь ПК РСДРП(б) и член его Исполнительной комиссии. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). Участник расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16(29) октября 1917 г. Вошел в состав ПВРК.
После победы Октябрьской революции — кандидат в члены ВЦИК. В феврале — марте 1918 г.— член Комитета революционной обороны Петрограда; затем — председатель Петроградской ЧК.
Участник гражданской войны. В дальнейшем — на ответственной партийной и государственной работе.

* * *

Человек из породы революционеров — «большевиков» старого несокрушимого закала. Я знаю почти всю его жизнь, всю работу, и мне хотелось бы сказать ему о моем уважении к людям его типа, о симпатии лично к нему.

М. ГОРЬКИЙ о Г. И. БОКИИ.

Секретарь ПК [1]

21 апреля 1917 года на заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б) избирался новый состав комитета и его секретарь.
Из протокола заседания:
«Слушали: Секретарь.
Приглашен тов. Глеб Иванович...»
Не избран, не назначен, а приглашен. И фамилия не указывается. Зачем? Большевикам Питера был хорошо известен Глеб Иванович Бокий за те качества, которые выделяли его среди многих.

Из воспоминаний В. Ф. Алексеевой [2]

Бокий был врожденным конспиратором, революционером-подпольщиком. Он обладал редкой выдержкой, бесстрашием, прекрасными организаторскими способностями и имел ог-

[1] Автор очерка — Алексеева Т. А.
[2] От конспиративной работы в подполье до Смольного.— В книге: В огне революционных боев. М., 1971.

ромный опыт подпольной революционной борьбы. На редкость скромный, тактичный, принципиальный человек. Ему были чужды карьеризм и личная корысть. На первом плане для него всегда стояла партия.

Незадолго до описываемых событий, в начале марта 1917 года, Глеб Иванович Бокий вернулся в столицу из Якутии — последней своей ссылки.

С дальней дороги мог бы и отдохнуть да разобраться что к чему — здесь, в давно ставшем родным ему городе. Не видно жандармов, на широких улицах Петрограда не протолкнуться — митинги, многотысячные колонны.

Происходящее Бокий начал анализировать еще в Сибири, потом многое увидел в дороге. Теперь же наступило время браться за дело, чтобы произошло то, о чем мечтали, за что боролись, страдали в ссылках, тюрьмах, на каторге, к чему готовились дни, месяцы, годы. Идя по бурлящим улицам, Бокий на какое-то мгновение испытал чувство радости, чувство свободы, грядущих революционных преобразований, которым, казалось, были охвачены все вокруг. Но сознание подсказывало не поддаваться этой иллюзии свободы. Впереди трудная борьба за истинное торжество пролетарских идеалов...

В Петербургском комитете партии, несмотря на поздний час, многолюдно. Глебу Ивановичу не нужно было представляться. Его знали. После приветствий, дружеских объятий ввели в курс дела.

4 марта состоялось заседание Русского бюро ЦК, членом которого он был. В повестке дня — издание печатного органа, отношение к Временному правительству, к войне. Члены бюро говорили об огромной организаторской и политической работе партии в массах. В центре России, на Кавказе и в Сибири, на Украине и на Урале большевики сплачивали и объединяли свои силы. Бюро приняло решение провести Всероссийское совещание партийных работников, на котором обсудить вопросы об отношении к Временному правительству, к войне, об организации революционных сил. Для этого надо срочно наладить связи с провинцией, со всеми партийными организациями страны. Эту сложнейшую задачу поручают Бокию.

Его так и называли: заведующий связями с провинцией.

— Где тут связи? — часто спрашивали в Таврическом дворце, одна из комнат которого стала своего рода его «резиденцией». Сюда ежедневно приходили десятки товарищей.

Сбросив пальто и шапки, они теснились возле небольшого стола, рассказывали, что происходит на Украине, в Новгороде, в Саратове, на Кавказе... Чего народ требовал повсеместно? Перво-наперво положить конец войне. Есть нечего — хлеба требуют. Землю получить — это постоянная забота крестьян. Временное правительство для народа чужое, буржуазное...

Бокий с интересом слушал рассказы с мест, разъяснял политику партии по всем волновавшим народ вопросам. Партийные работники уходили от него удовлетворенными. Литература, которую они уносили с собой, давала возможность вести пропагандистскую работу в массах более целенаправленно.

Бокий оставался в Таврическом допоздна. Даже очень усталый, он не торопился домой, а садился печатать телеграммы на места. За подписью «Максим» (такова была в тот период партийная кличка Бокия) шли письма, телеграммы. Потом Глеб Иванович вспоминал, что ему казалось, будто эта работа продолжалась много суток почти без сна. Зато уже вскоре он мог доложить Русскому бюро ЦК, что связи установлены с большинством партийных организаций страны. Все это способствовало консолидации революционных сил. Были подготовлены условия для того, чтобы Всероссийское совещание партийных работников собралось в намеченное время, стало широко представительным...

Оно состоялось 27 марта в Таврическом дворце. С самого раннего утра у Бокия побывали прибывающие с мест большевики. Его избрали в президиум совещания. Слушал Глеб Иванович товарищей с мест, видел, что не все сориентировались в сложившейся обстановке. Поэтому члены ЦК и Русского бюро ЦК еще и еще раз разъясняли ленинскую точку зрения по текущему моменту, по отношению к Временному правительству и войне.

А после совещания многие из них заходили к нему, и продолжались горячие споры.

Приближались решающие дни.

3 апреля Глеб Иванович вместе с тысячами питерцев встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале. А на второй день в Таврическом дворце слушал выступление Владимира Ильича «О задачах пролетариата в данной революции» и вместе с Ф. И. Драбкиной вел запись этой исторической речи вождя революции (позднее запись вошла в издание трудов В. И. Ленина).

21 апреля на Петроградской общегородской партийной конференции выступил В. И. Ленин с докладом о текущем

моменте и об отношении к Временному правительству. В конце конференции был избран новый состав Петербургского комитета партии. Состоялось заседание Исполнительной комиссии ПК. Глеб Иванович Бокий был избран секретарем Петроградской партийной организации.

Да, на сложнейшее дело «пригласила» партия «товарища Глеба Ивановича»: столичный комитет и его руководители играли роль политического и революционного центра страны. Под руководством В. И. Ленина действовал Центральный Комитет партии. В Петрограде большевистская организация насчитывала около 25 тысяч человек. «Роль Питера — руководящая, а иногда и решающая,— говорил тогда В. И. Ленин.— За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России»[1].

24 апреля открылась 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция большевистской партии — первая после выхода партии из подполья. За два дня до этого, 22 апреля, Центральный комитет партии принял написанную В. И. Лениным резолюцию о лозунгах момента, где в числе других был выдвинут и такой:

«Пропаганда и агитация от группы к группе *среди каждого полка,* на *каждом* заводе, особенно среди самой отсталой массы, прислуги, чернорабочих и т. п., ибо особенно на них пыталась в дни кризиса опереться буржуазия»[2].

Из воспоминаний А. Г. Соловьева [3]

Когда кончилась конференция, меня позвал Глеб Бокий; он стал теперь руководителем большевистского ПК.

— Тебе есть серьезное поручение,— сказал он.— Возьми у Лашевича разрешение Исполкома на занятие Морского корпуса, свяжись с Василеостровским райкомом, обеспечь надежный контроль над помещением корпуса. Мы созываем первое общестоличное партийное собрание. Ленин будет делать доклад о решениях Апрельской конференции.

Вместе с василеостровскими работниками я довольно быстро выдворил из Морского корпуса разные засевшие там комиссии. Кого тут только не было! И собрание попов, и засе-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 225.
[2] Там же, т. 31, с. 320.
[3] *Соловьев А. Г.* Записки современника. М., 1977, с. 176. Соловьев А. Г.— бывший питерский рабочий, участник трех революций, старый большевик, участник штурма Зимнего.

дание банковских служащих, и организационная комиссия Георгиевских кавалеров!

В воскресенье большевики со всех концов столицы потянулись к Морскому корпусу. Как ни огромен был зал, но вместить он мог только часть столичных большевиков. А слушать Ленина хотели все. Чтобы не было беспорядка, пропускали по квиткам райкомов...

Ввели тщательную проверку пропусков: надо было обезопасить Владимира Ильича от возможной расправы со стороны враждебных большевикам элементов. А. А. Андреев писал: «Яростным, злобным воем встретили ленинскую программу буржуазия, меньшевики и эсеры, поднявшие на страницах своей печати травлю большевиков и их вождя Ленина»[1].

Контрреволюция все более открыто призывала к расправе над Лениным. Бюро ЦК приняло решение установить охрану Владимира Ильича. Организацию ее поручили Г. И. Бокию.

Выполнить это задание оказалось непросто. Владимир Ильич постоянно бывал на заседаниях руководящих партийных органов, встречался с товарищами на частных квартирах, регулярно и часто выступал перед широкими рабочими массами. Затрудняло его охрану и то обстоятельство, что сам Ленин категорически возражал, чтобы его охраняли. И все же каждый раз, когда рабочие какого-либо завода или работники райкома приглашали Ленина на митинг (а все лучшие большевистские ораторы получали путевки на выступления от Петербургского комитета партии), Г. И. Бокий, другие члены ЦК требовали, чтобы были приняты необходимые меры для безопасности вождя. Случалось, что секретарь ПК, ни на кого не полагаясь, сам сопровождал В. И. Ленина на митинги.

Продуманно, тщательно организовывалась охрана Ильича и днем и ночью. Г. И. Бокий долго, обстоятельно инструктировал секретаря партийной организации завода «Старый Парвиайнен» Василия Шунякова.

— Подбери опытных революционеров-большевиков для охраны дома на Широкой, где живет Владимир Ильич,— говорил он Василию.— Считай это особо ответственным заданием и не забудь докладывать во всех экстренных случаях.

Множество партийных поручений успевал выполнить за день секретарь: выступал на митингах, разъяснял, призывал, агитировал.

[1] Ленин. Октябрь семнадцатого, т. 1, с. 92.

Глеб Иванович
БОКИЙ

...В его маленьком кабинете в два окна целый день толпится народ. Вот обступившие стол рабочие пропускают вперед молодую женщину.

— Молодец, что пришла,— и Глеб Иванович спешит с ней в редакцию «Солдатской правды».

Маргарита Владимировна Ямщикова, писательница, уже несколько лет печатавшаяся под псевдонимом Ал. Алтаев, была хорошо известна Бокию еще со времен 1905 года. И теперь он привлек ее для редактирования солдатских писем. Писательница будет вспоминать эти дни своей жизни как самые светлые, радостные.

Сложной и срочной задачей была организация агитации среди солдат. Еще в мае пришлось создать агитаторскую коллегию.

— Входящие в нее лица,— сказал на заседании ПК Глеб Иванович,— будут обслуживать все крупные и важные митинги, читать лекции»[1]. Тогда уже митинговая агитация не удовлетворяла, центр тяжести в работе с массами переносился на лекции. Нужны были партийные пропагандисты типа Володарского, Коллонтай, Слуцкой, Луначарского.

Многие вопросы волновали секретаря ПК. Но почти все они сводились к одному — организации и сплочению рабочих масс. Люди шли и шли к секретарю.

— Мы решили организовать в районе школу агитаторов...

— Что делать с нашей молодежью? Рвется в бой, организовать бы ее, объединить...

— Не поможешь ли, Глеб Иванович, литературой? Нужны листовки, большевистские газеты...

Шли за советом, с просьбами. Шли с Путиловского и с Охты, с «Русского Рено» и с Балтийского. Теснейшая связь с рабочими позволяла Бокию быть в курсе дел всех районов города. Поэтому мнение секретаря на заседаниях Петербургского комитета было всегда веским.

Когда в июне 1917 года Центральный Комитет принял решение отменить проведение намеченной ранее демонстрации, Бокий, несмотря на недовольство некоторых товарищей, сумел объяснить на заседании ПК, почему было принято такое решение, потом распорядился опубликовать в «Правде»: «ПК призывает всех членов партии, все районные коллективы приложить все усилия, чтобы ни один завод, ни под каким предлогом не выступил без призыва ЦК и Военной организации»[2].

[1] Первый легальный ПК большевиков в 1917 году. М.—Л., 1927, с. 108—111 (далее: Первый легальный ПК...).

[2] Первый легальный ПК..., с. 184.

К июлю, когда политическое положение в столице резко обострилось и стало ясно, что Временное правительство решило разгромить здесь революционные силы, рабочие обратились к Бокию:

— Глеб Иванович, начальство на заводе приказало собираться куда-то на Волгу. Станки и всякое оборудование оставляют здесь, а нашего брата хотят из Питера вышибить. Что делать?

— Завтра будет специальное заседание ЦК по этому вопросу,— отвечал Бокий.— Его решение вам всем сообщим. Собираться и выезжать рабочим из Питера ни в коем случае нельзя. Фабриканты сознательно бьют на закрытие и локаут. Кадеты норовят поскорее выкурить нас из столицы, чтобы крепче прибрать власть к рукам. Этого мы не допустим.

Временное правительство распорядилось вывести из Петрограда революционные полки, мобилизовать в армию революционных рабочих. Это еще больше усилило активность масс. Рабочие требовали организовать демонстрацию, делегаты от Пулеметного полка были за немедленный выход на улицу с оружием в руках. «Терпеть контрреволюционные действия Временного правительства больше не желаем»,— заявили они. А выходить на улицу в это тревожное время было нельзя: велик риск.

1 июля была срочно созвана общегородская большевистская конференция. Ее участники пошли на заводы, на фабрики, в казармы, чтобы удержать массы от выступления. Бокий выступил перед солдатами-пулеметчиками. Он сказал о сложной обстановке, просил возвращаться в казармы, соблюдать выдержку.

Представитель Пулеметного полка сообщил, что все пулеметчики направляются к Таврическому дворцу требовать, чтобы Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет немедленно взял всю власть.

Из воспоминаний А. Г. Соловьева [1]

Был уже вечер, когда я по поручению Бокия пришел в Таврический. На площади и на прилегающих улицах собралось много народу. В разных местах митинговали ораторы, в зале на заседании рабочей секции председательствовал меньшевик Анисимов. Гоц убеждал депутатов удержать рабочих и солдат от демонстрации, не обострять отношений с Временным правительством.

[1] *Соловьев А. Г.* Записки современника, с. 212—216

— Нет,— возразил ему вошедший Бокий,— теперь массы настолько возбуждены, что предотвратить их выступление уже невозможно. Сейчас главная задача — не допустить до вооруженного столкновения. Мы, большевики, решили возглавить массовую демонстрацию и провести ее завтра под лозунгом мирной передачи всей власти Советам.

4 июля Бокий послал в Таврический всех пропагандистов: там создалась острая обстановка — столичные улицы бурлили от многолюдных демонстраций. В одном месте Волынский и Преображенский полки слушали выступление большевика Крыленко. Другие ораторы звали всех к Зимнему и Мариинскому дворцам. Потоки людей стекались по разным улицам к Невскому. Откуда-то налетели казаки, стали плетками разгонять демонстрации.

Контрреволюция двинула все силы в наступление, арестованы многие большевики, разыскивается Ленин. Бокий делает все возможное, чтобы обезопасить вождя, чтобы городская партийная организация понесла минимальный урон.

5 июля Временное правительство направляет войска к особняку Кшесинской.

Из воспоминаний старой большевички Н. Танхилевич-Богословской [1]

Постепенно, шаг за шагом, солдаты начали смыкать кольцо вокруг здания. Там находилась часть матросов.

Рано утром в Петербургский комитет приехал Свердлов. Оставив в столе свой пухлый красный портфель, Яков Михайлович вместе с Подвойским и секретарем Петербургского комитета Бокием уехал выяснять положение.

Из воспоминаний М. Л. Сулимовой [2]

5 июля к Владимиру Ильичу приходили члены ЦК. Было одно небольшое совещание — присутствовали Свердлов, Бокий, Сталин...

6 июля у Владимира Ильича были товарищи Свердлов, Бокий, Крупская...

[1] В книге: Летопись Великого Октября. М., 1958, с. 132.
[2] В книге: Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1967, с. 119.

Пролетариат Петрограда не только дал достойный отпор проискам контрреволюции, но и сохранил за собой роль авангарда. На заседании ПК 10 июля в кратких докладах представителей районов было отмечено, что антибольшевистской агитации поддалась лишь незначительная часть политически отсталых рабочих.

Глеб Иванович Бокий подвел итоги: «Наша работа не парализована последними событиями.— Движения секретаря неторопливы, уверенны, голос тверд.— Комитет надеется, что и в будущем работа будет вестись так же успешно, как и до сих пор»[1].

Из протокола VI съезда РСДРП(б):

«Бокий: — Предлагаю выбрать почетным председателем тов. Ленина (аплодисменты).

Председатель (тов. Ольминский): — Принято единогласно».

«Этим мы лишний раз подчеркнули,— писал потом М. С. Ольминский,— что наша партия неотделима от тов. Ленина, как в свою очередь он неотделим от партии»[2].

— Вы бы отдохнули,— говорит Глебу Ивановичу помощник секретаря ПК Нина Августовна Подвойская, хотя и сама едва держится на ногах.

Глеб Иванович согласно кивает головой, не отрывая усталых глаз от бумаг. Когда было совсем невмоготу, уходил, и все, кто оставался в комитете, знали — на особенно близкий ему Васильевский остров. Здесь он жил, здесь в стенах Горного института проходила его революционная юность, прочными нитями многолетней совместной подпольной работы был он связан с рабочими здешних заводов. Как и в прежние годы, он оставался активным членом Василеостровской партийной организации. От нее же он всегда избирался в Петербургский комитет и на городские конференции.

25 августа, когда пришло известие о контрреволюционном заговоре Корнилова, Бокий срочно выехал на Выборгскую сторону. Там народ особенно стойкий, их, выборжцев, надо в первую очередь бросить на защиту Петрограда. Оттуда — на Васильевский остров. А через день на экстренном заседании ПК Бокий будет предостерегать товарищей от повторения июльских ошибок, скажет о том, как важно подробно разъяснять массам всю серьезность положения. «Завтра же необходимо поместить в «Рабочем и солдате»

[1] Первый легальный ПК..., с. 214
[2] Ленин. Октябрь семнадцатого, т. 2, с. 83

все сведения, которые мы имеем о контрреволюционном заговоре»[1].

В течение нескольких дней под непосредственным руководством районных и заводских комитетов партии большевиков из рабочих были созданы боевые отряды. Они насчитывали около 40 тысяч человек. Их ядром стала вышедшая из подполья Красная гвардия. Большевики столицы старались укрепить свои позиции и в муниципальных органах, в Советах. В августе Глеб Иванович стал членом большевистской фракции городской думы.

Именно в тот период Петроградский Совет стал большевистским.

Из воспоминаний А. Г. Соловьева [2]

Помню, сразу же после разгрома корниловщины, 31 августа, было назначено заседание Совета... Атмосфера на заседании накалилась до крайних пределов. В этих условиях поступило два проекта резолюции: один от фракции меньшевиков с одобрением политики Временного правительства; второй — от фракции большевиков, в котором вскрывался контрреволюционный характер Временного правительства и предлагалось создать революционное рабоче-крестьянское правительство без участия буржуазии...

Председатель большевистской фракции Лашевич крикнул:

— Депутатов-большевиков прошу сейчас же пройти в комнату фракции.

Когда все собрались, слово взял Бокий.

— Товарищи,— сказал он,— меньшевики и эсеры примут все меры, чтобы сорвать начавшийся перелом и большевизацию Совета. Предстоящее совещание будет решающим. Примите необходимые меры для извещения наших депутатов: все, как один, должны присутствовать на заседании. Постарайтесь привлечь на свою сторону беспартийных депутатов. Поговорите по-товарищески и с рядовыми меньшевиками и эсерами, докажите им, что их обманывают вожаки. Действуйте, товарищи, энергично...

Да, работа проводилась огромная, сложная, с колоссальным напряжением духовных и физических сил.

Вспомним, что в сентябре В. И. Ленин, вынужденный

[1] Первый легальный ПК..., с. 243.
[2] *Соловьев А. Г.* Суровая юность. М., 1959, с. 227—231.

скрываться в Финляндии, но регулярно получавший точные сведения о положении дел в Петрограде и Москве, писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»[1].

В этот ответственнейший момент главной проверкой для всех стало отношение к восстанию. Позиция петроградских большевиков была особенно важна. Во многом она зависела от секретаря ПК. А Бокий был глубоко убежден в правоте вождя. Эта убежденность была основана на знании политической ситуации, теснейшей связи ПК с массами.

М. И. Лацис писал: «Петербургский комитет через своего представителя в ЦК тов. Бокия поднимал свой голос за решительность в действиях. Правда, очень часто в таких случаях проводилась просто ранее нам подсказанная мысль Ильича. Но были случаи, когда Владимир Ильич вынужден был черпать поддержку у Петербургского комитета»[2].

5 октября 1917 года секретарь ПК большевиков Г. И. Бокий написал в Центральный Комитет письмо: «Считая настоящий момент критическим для революции, полагая, что на нашу партию падает сейчас чрезвычайно большая ответственность за дальнейший ход событий, И(сполнительная) К(омиссия) П. К. считает необходимым немедленный созыв совещания ЦК с питерскими и московскими работниками для намечения политической линии нашей партии». На обороте этого документа рукой Я. М. Свердлова написано: «ЦК до получения предложения И.К.П.К. решил созвать совещание ЦК с работниками с мест. О времени и месте совещания исполнительная комиссия будет своевременно извещена. Предполагается приурочение совещания к Северному областному съезду Советов»[3].

Уверенность Глеба Ивановича в том, что Петроград был готов к вооруженному восстанию, подтвердила открывшаяся 7 октября 3-я Петроградская общегородская партийная конференция. В ее работе принимали участие делегаты и от ближних к Петрограду опорных военных пунктов — Кронштадта, Гельсингфорса и Нарвы. В. И. Ленин написал тезисы для основного доклада, а в день открытия конференции обратился к ее делегатам со специальным письмом для прочтения на закрытом заседании, в котором он стремился убедить их в необходимости немедленной организации восстания.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239
[2] Петроградская правда, 1922, 5 ноября.
[3] См.: *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. М., 1965, с. 81—82

«Надо признать,— писал Владимир Ильич,— что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского»[1].

Глеб Иванович, стремясь максимально точно выполнить ленинские указания, открывая конференцию, сказал: «Вопрос о текущем моменте стоит теперь так остро, что даже потребуется конспирация, а посему допуск гостей может быть до некоторой степени рискованным»[2]. По предложению секретаря ПК конференция приняла решение закрыть свои заседания.

А 15 октября в Смольном по инициативе ЦК партии собирается экстренное закрытое заседание Петербургского комитета с целью обсудить практические вопросы подготовки вооруженного восстания.

Глеб Иванович огласил резолюцию ЦК о восстании. Потом один за другим выступили товарищи с мест.

Все заявляли: массы готовы к бою, формирование Красной гвардии идет успешно...

Из воспоминаний М. И. Лациса [3]

Да, мы ждали сигнала. И вот... я получаю от тов. Бокия шепотом переданную весть: «Сегодня в одиннадцать часов вечера в помещении Лесной районной думы — совещание ЦК с Московской и Петроградской организациями и с представителями профсоюзов. Необходима величайшая осторожность!»

На расширенном заседании ЦК от Петербургского комитета присутствовали Г. И. Бокий, И. М. Москвин и М. И. Лацис.

Обсуждение вопроса о восстании началось около полуночи.

[1] *Ленин В. И.* Полн собр. соч., т. 34, с. 347
[2] Первый легальный ПК.., с. 312.
[3] В книге. Об Ильиче, с 355

Из воспоминаний В. А. Антонова-Овсеенко [1]

Был Ленин. Резко, внятно поставил вопрос о восстании. В густо набитом помещении Яков Михайлович Свердлов говорил о гигантском росте партии и ее влияния в Советах, в армии, во флоте и о лихорадочной подготовке ее революционных сил.

Следом — высокий и тонкий, с лицом схимника, Бокий бесстрастно докладывал о положении и боевой подготовке районов. Он излагал факты, выявившиеся на состоявшемся накануне собрании Петербургского комитета.

Г. И. Бокий вошел в боевой штаб восстания — Петроградский Военно-революционный комитет в качестве представителя Петербургского комитета. Он готовил постановление Петербургского комитета большевиков от 24 октября о необходимости немедленного свержения буржуазного Временного правительства и передачи всей власти в стране Советам рабочих и солдатских депутатов. В нем говорилось: комитет «считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока контрреволюция уменьшит шансы нашей победы»[2].

25 октября... Все революционные силы собраны в единый мощный кулак, все подчинено одной цели: взять в эту ночь Зимний дворец и арестовать Временное правительство.

Из воспоминаний А. Г. Соловьева [3]

В Павловских казармах был расположен штаб первого участка штурмующих войск... У Адмиралтейства балтийские матросы занимали часть Александровского сада и набережную Невы... Из штаба левого участка, расположенного в казармах балтийского экипажа, Глеб Бокий, поговорив с Антоновым [4], направился к матросам... Антонов приказал балтийцам оттеснить юнкеров с моста и начать наступление на Зимний.

[1] *Антонов-Овсеенко В.* В революции, с. 130.
[2] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1980, с. 409.
[3] *Соловьев А. Г.* Записки современника, с. 250—251.
[4] В. А. Антонов-Овсеенко.

А потом была радость победы.

И когда вместе с ликовавшими рабочими, солдатами, матросами, вместе со своими товарищами по партии Глеб Иванович Бокий аплодировал Владимиру Ильичу Ленину, провозгласившему на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов победу революции, он был счастлив. Свершилось то, за что он боролся на протяжении многих, многих лет, в чем был смысл всей его жизни.

* *
*

Иван Дмитриевич
ЧУГУРИН

Чугурин И. Д. (партийный псевдоним — Товарищ Петр) (1883—1947 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде. Родился в семье рабочего в Сормове. В 1902 г. участвовал в первомайской демонстрации сормовских рабочих, вошел в рабочий кружок, созданный нижегородскими марксистами. Член Коммунистической партии с 1902 г. В дни революции 1905—1907 гг.— один из вожаков сормовских рабочих. В 1905 г. арестован. Находился в заключении вместе с Я. М. Свердловым, который оказал большое влияние на молодого рабочего. После выхода из тюрьмы вел нелегальную партийную работу в Киеве, Москве, Сормове. В 1911 г.— слушатель партийной школы в Лонжюмо. Четыре месяца обучения в этой школе

Иван Дмитриевич
ЧУГУРИН

под руководством В. И. Ленина оставили неизгладимый след в жизни Чугурина. В феврале 1912 г. в России арестован и выслан в Нарымский край. Здесь вновь встретился со Свердловым, которому помог бежать из ссылки. В 1916 г. в Петрограде введен в нелегальный Выборгский райком партии, затем в Исполнительную комиссию ПК большевиков. После Февральской революции 1917 г.— секретарь Выборгского райкома РСДРП, по поручению которого 3(16) апреля вручил на Финляндском вокзале в Петрограде В. И. Ленину, вернувшемуся из эмиграции, партийный билет № 600. Работал среди молодежи, участвовал в создании ССРМ Петрограда.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде вошел в районный штаб Выборгской стороны по подготовке восстания. После победы Октябрьской революции возглавил первый Выборгский продовольственный отряд, отправившийся в Казань за хлебом для голодающего Питера. Участник гражданской войны. В дальнейшем руководил рядом крупных промышленных предприятий.

* * *

Сормовский рабочий, питерский большевик [1]

О возвращении из нарымской ссылки в Нижний, где в охранке на него имеется довольно пухлое дело, нечего было и думать. Товарищи помогли достать явку в столицу. И вот он в Питере. Не приходилось раньше видеть стольный град, осенью 1916 года увидел...

Выборгская сторона! Раскинулась она на правом берегу Невы. Это крупнейший индустриальный центр, где немало промышленных предприятий. Неплохо жили их владельцы, имея роскошные особняки и дворцы. Нет, о рабочих тоже не забыли, буквально в центре увидел он знаменитую русскую Бастилию — тюрьму «Кресты». Рядом с ней не менее грозная военная тюрьма.

И чем ближе окраина, тем резче меняется облик города. Приземистые домишки, ну что твое Сормово. Вот и Новая Деревня. Большая Невка тихо несет мутные воды, за поворотом в нее должна впадать Черная речка. Недалеко от Строгановского моста и быть этой Сердобольской улице. Посмотрим, много ли в ней сердоболия?!

Дом 30, второй этаж. С волнением позвонил в дверь, на которой висела табличка с номером 4. Сколько лет не виделись? Больше двенадцати. Узнают ли они друг друга?

Открыл сам Дмитрий, Павлов, свой, сормович, большевик. Сразу же бросились в объятия друг другу. Долго стояли так,

[1] Из книги: *Батаков В. Е.* Иван Чугурин. Горький, 1975.

не стыдясь навернувшихся слез. Павлов познакомил гостя со своей женой. Марией Георгиевной. Она оказалась тоже причастной к революционной работе, в отца пошла, питерского рабочего, члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Егора Афанасьевича Климанова-Афанасьева.

На столе появился самовар, как-никак встретились нижегородцы. Расспросам, казалось, не будет конца...

Пошел Чугурин работать на «Промет», довольно крупный завод, трудилось тут около 3 тысяч человек. Однако партийной организации на заводе не было. Чугурин быстро выявил революционно настроенных рабочих. По его инициативе вскоре состоялась забастовка, но самому пришлось уволиться.

Товарищи помогли устроиться на машиностроительный завод «Айваз». Завод был покрупнее, а главное, имелась, хоть и небольшая, партийная ячейка. Вскоре Чугурин кооптируется в состав нелегального Выборгского райкома партии, а затем в Исполнительную комиссию Петербургского комитета РСДРП.

Голод брал в тиски Питер. На заседаниях Государственной думы, городских дум и земских управ велись бесконечные дебаты по продовольственным вопросам. А очереди у булочных становились все длиннее. Сначала трудно было купить только белый, а вскоре и черный хлеб.

Выборгский райком видел возмущение масс. Активисты района обычно собирались на квартире Павлова. Теперь уже на практическую ногу встал вопрос о революции, а в том, что она близка, ни у кого сомнений не было.

В наступившем 1917-м первую пробу сил решили провести 9 января, в годовщину Кровавого воскресенья. Но неожиданно провалилась нелегальная типография Петербургского комитета, и не было возможности широко оповестить об этом решении весь Питер. Лишь Выборгскому райкому удалось выпустить листовки с призывом к всеобщей забастовке. И 9 января Выборгская сторона организованно бастовала, к ней присоединились Невский, Петроградский и Московский районы. Всего в забастовке участвовало около 200 тысяч человек.

Успех окрылил большевиков. Члены райкома снова на предприятиях. Чугурина послали на «Феникс». На заводской площади собрались сотни рабочих и работниц. С революционными песнями участники митинга пошли к центру города. Вскоре к ним присоединились рабочие с других заводов. Раздавались возгласы: «Долой самодержавие!», «Конец войне!», «Хлеба!» И хотя пробиться к Невскому не удалось, демон-

страция вызвала у ее участников подлинный революционный энтузиазм, готовность довести борьбу до победного конца.

24 февраля... Райком принимает решение как можно шире охватить забастовкой заводы и фабрики, организовывать антивоенные демонстрации на Невском, усиливая одновременно агитацию среди солдат, а основными лозунгами считать свержение царской монархии и прекращение войны.

25 февраля. Из листовки Российской социал-демократической рабочей партии:

«Все на борьбу! На улицу! За себя, за детей и братьев! Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа! Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая революция! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!»

26 февраля — второй день всеобщей стачки. День был воскресный. С утра рабочие со всех концов Петрограда направились на Невский. Охраняемые мосты обходили, кордоны солдат прорывали, и все двигались в центр города.

Офицер, когда увидел приближающихся выборжцев, во главе которых шел Чугурин, дал сигнал солдатам. Раздался предупредительный залп, за ним другой. Демонстранты остановились, потом шумно бросились вперед. Солдаты сделали еще залп...

События показали: надо вооружить рабочих. С этой мыслью Чугурин направился к представителю Бюро ЦК. Тут он узнал, что утром на одной из квартир по Большому Сампсониевскому проспекту был арестован почти весь Петербургский комитет РСДРП(б).

Срочно собрался Выборгский районный комитет. На квартиру Павлова прибыли Чугурин, Каюров, Лебедев, явился Шляпников, представитель Русского Бюро ЦК.

Шляпников коротко рассказал о случившемся и предложил от имени Бюро Выборгскому райкому, как наиболее оперативному, взять на себя обязанности Петербургского комитета и совместно с Бюро Центрального Комитета руководить начавшейся революцией.

Революция... В городе слышались ружейные и револьверные выстрелы. Поступали сведения о новых стычках рабо-

чих с полицией и войсками. Только на Знаменской площади было около 40 убитых рабочих и примерно столько же раненых.

За свою Выборгскую сторону Чугурин не беспокоился. Полиция вообще боялась показаться у них, но в других районах города дело обстояло далеко не так. Все чаще представители заводов обращались к нему за оружием.

26 февраля поздно вечером по инициативе Чугурина на станции Удельной состоялось заседание руководящего революционного центра. В комнате на втором этаже собрались члены Выборгского райкома, представители заводов и фабрик. Вначале были сообщения с мест. Потом выступил Чугурин:

— Необходимо перевести забастовку и демонстрации в вооруженное восстание! Нужно расширять братание с солдатами, надо разоружать полицейских, захватывать склады с оружием...

Лавина двинулась с гор, и ничто теперь ее не остановит...

27 февраля... В райкоме Чугурин определил пункты, где можно достать оружие, и сам во главе с группой вооруженных револьверами молодых рабочих отправился в Лесное, на военный склад. Угрожая оружием, заставили охрану открыть ворота. Взяли большое количество винтовок и револьверов.

Другая вооруженная группа выборжцев захватила боеприпасы на Патронном заводе. Были выбиты стражники из полицейского участка — и там взяли оружие и патроны.

Около полудня И. Д. Чугурин и Д. К. Кондратьев во главе большого вооруженного отряда направились к казармам Московского полка. Из-за забора раздался оружейный залп. Рабочие залегли. Когда подошло подкрепление, начали наступление на казармы. Предъявили ультиматум о присоединении к революционным полкам. Не дождавшись ответа, открыли огонь, ворвались в казармы. Солдаты не оказали сопротивления. Арестовав офицеров, выразили готовность выступить на стороне революции.

Затем этот же отряд выборжцев захватил полицейский участок, освободив большую группу арестованных. В «Крестах» и предварилке рабочие были встречены радостными возгласами содержавшихся там арестованных большевиков.

28 февраля, днем, рабочие-выборжцы и присоединившиеся к ним солдаты приступом взяли Главный арсенал, из которого забрали около 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов.

Иван Дмитриевич
ЧУГУРИН

...На грузовике вместе с вооруженными рабочими Чугурин возвращался в райком. Увидев на заборе большой лист, попросил остановить машину. Сердце учащенно забилось, когда прочитал крупно набранные слова Манифеста ЦК РСДРП:

«Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск встали на сторону восставших...

По всей России поднимается Красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу. Вперед! Под знамя революции!»

Выборгская сторона создала свой легальный райком партии. Вся текущая организационная работа была поручена Евгении Николаевне Егоровой, только год как бежавшей из ссылки. Агитацией и пропагандой занимался М. И. Лацис, И. Д. Чугурин отвечал за работу с молодежью, одновременно являясь членом президиума райсовета.

...3 апреля Питер просыпался неохотно. День был нерабочий, пасхальный. Но на Выборгской стороне многие поднялись, едва забрезжил рассвет. Секретарь райкома партии Женя Егорова постаралась, чтобы о приезде из эмиграции Владимира Ильича узнало как можно больше выборжцев. Только окончила она очередной телефонный разговор, как в комнату ворвался возбужденный Чугурин. Сам на себя не похож. Шапка сдвинута на затылок, длинное пальто расстегнуто, серые глаза радостно блестят.

Собрали экстренное заседание райкома вместе с активом, пока рассаживались, каждый спешил рассказать о том воодушевлении, с каким повсеместно была встречена волнующая весть. Народу набралось много. Пришли сормовичи Василий Каюров и Николай Свешников, сейчас по праву считавшие себя питерцами. К столу подсел Василий Виноградов с Металлического, рядом с ним — руководитель красногвардейцев Александр Юркин. Помощница Егоровой по райкому Шура Токарева, или, как все ее звали, Шура маленькая, заняла свое место у окна. Подошли представители с заводов «Айваз», «Промет», «Старый Лесснер» и с других предприятий.

— Начнем, пожалуй,— встала из-за стола Егорова.— Вопрос один. О приезде Владимира Ильича. Всем известно, что пролетариат осуществил эту революцию, но, кроме обещаний, ничего не получил. За нашей спиной происходит сговор Временного правительства и Петроградского Совета... Мы готовы к новым битвам. Эту готовность и должен увидеть, почувствовать Ильич, как только вступит на нашу землю...

— Поступило предложение,— продолжала Егорова,— вручить партийный билет Ленину. А что, если сделать это не в райкоме, а прямо на вокзале?!

В комнате зашумели.

— Правильно, пусть будет билет номер один!

— Какой первый! Уже выписано более пятисот.

— Жаль. Может, дать номер шестьсот?

— А кому вручать?

— Чего думать! Чугурину Ивану Дмитриевичу! Он ученик Владимира Ильича.

Чугурин понимал, какая почетная, ответственная задача выпадала на его долю. Вручить вождю партийный билет, от имени всего рабочего класса Питера, всей России пожать ему руку...

— Иван Дмитриевич,— повернулась Егорова к Чугурину,— получай билет...

Колонны выборжцев во главе с членами райкома партии подошли к Финляндскому вокзалу и влились в бескрайнее людское море. Егорова и Чугурин на перроне встретились с Подвойским, Скороходовым и другими членами Петербургского комитета, рассказали им о решении райкома вручить партийный билет Ленину здесь, на вокзале.

Вдруг раздался возглас: «Едут!» Егорова надела Чугурину алую ленту через плечо, и они прошли вперед.

Уже можно было различить очертания паровоза. Оркестр музыкантов Гренадерского полка заиграл «Марсельезу». Молодцевато щелкнув шпорами, навстречу Ленину вышел начальник почетного караула, морской офицер, и начал докладывать. Чугурин заметил, как Ленин несколько растерялся от такого внимания к своей особе и вообще от такой встречи. Но это замешательство длилось какое-то мгновение. Вот он надел на голову фуражку и приложил к ней правую руку.

В этот момент Чугурин почувствовал легкий толчок в спину. Он сделал шаг вперед.

— Владимир Ильич! — стараясь говорить как можно спокойнее, начал Чугурин.— Мне поручили в ознаменование вашего возвращения на родину вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей районной организации.

Ленин с нескрываемым интересом слушал Чугурина. Еще никогда ему не приходилось получать партийного билета, а тут хотят вручить документ, удостоверяющий его принадлежность к партии, которой он посвятил всю свою жизнь.

Владимир Ильич взял из рук Чугурина билет, быстро пробежал глазами напечатанное и написанное на нем и затем внимательно посмотрел на выборжца.

— Благодарю вас,— лицо Ильича озарила улыбка.— Мы с вами встречались в Лонжюмо?

— Да, да,— обрадованно закивал головой Чугурин.— Я был одним из учеников.

Ильич обхватил руками плечи своего бывшего ученика и прижался к нему. Чугурин сначала несколько растерялся, затем тоже крепко обнял Ленина, и они расцеловались...

Вышли на площадь, до предела заполненную людьми.

На всю жизнь осталось у Чугурина ленинское: «Да здравствует социалистическая революция!»

Заглушая радостные возгласы, оркестр заиграл «Интернационал». И, как клятва, раздалось: «Это есть наш последний и решительный бой!»

Чугурин пел вместе со всеми и не замечал, как слезы заливали лицо. Чего только не пришлось вынести ему: и нагайки полицейских, и трескучие морозы в ссылке, и голод, но никогда никто не видел у него слез...

Пронеслись напряженные до предела апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь.

Октябрь... Однажды, когда заседание Выборгского райкома подходило к концу, в комнату зашла Крупская и, подозвав сидевшего с краю Каюрова, передала письмо Ленина к членам ЦК, Петербургского и Московского комитетов партии.

На другой день в доме на Лесной в небольшой комнатушке исполкома Выборгского райсовета собрались Е. Егорова, А. Куклин, И. Гордиенко, И. Чугурин, Н. Кучменко — всего 12 человек. Зачитали письмо Ленина, в котором настоящий момент определялся как наиболее подходящий для захвата власти. Успех обеспечен в девяноста девяти случаях из ста, писал он, причем тут же излагал подробный план действий.

Письмо ошеломило людей. Некоторые стали было высказывать сомнения, но поступили предложения не дискутировать, а обсудить конкретный план действий для выборгских большевиков. Тут же перераспределили некоторые обязанности. Красная гвардия была переведена на казарменное положение. Членам райкома предложено не уходить домой.

Один за другим поступают приказы Военно-революционного комитета.

25 октября... Красногвардейцы Выборгского и Петроградского районов получают боевое задание занять исходные позиции у Конюшенной площади и Певческого моста, выхо-

дящего на Дворцовую площадь. Затем поступает новое распоряжение: перекрыть проходы для посторонних лиц, левому флангу отряда продвинуться на охват Главного штаба, правому — на охват Зимнего дворца.

21 час 40 минут... Революционные полки и рабочие отряды, среди которых находился и Чугурин, сормовский рабочий, питерский большевик, пошли на последний штурм...

* *
*

Евгения Николаевна
ЕГОРОВА

Егорова Е. Н. (настоящие фамилия и имя — Лепинь Марта-Элла) (1892—1938 гг.), участница Октябрьской революции в Петрограде. Родилась в семье рабочего в г. Руиене (Латвия). Член Коммунистической партии с 1911 г. Занималась транспортировкой из-за границы нелегальной литературы и распространением ее в Рижской партийной организации. Спасаясь от ареста, бежала в Москву, где вошла в социал-демократическую организацию (под именем Эллы Крастынь). В августе 1915 г. арестована и приговорена к ссылке в Иркутскую губернию. Бежала из ссылки и с паспортом на имя Е. Н. Егоровой приехала в Петроград. По заданию Русского Бюро ЦК и ПК РСДРП участвовала в организации подпольной типографии для газеты «Правда».

Евгения Николаевна ЕГОРОВА

После Февральской революции 1917 г.— секретарь Выборгского райкома РСДРП. Участвовала в организации встречи В. И. Ленина на Финляндском вокзале. Ближайшая помощница Н. К. Крупской в ее работе в культурно-просветительной комиссии Выборгской районной думы.

По предложению Егоровой рабочие-большевики завода «Старый Парвиайнен» весной и летом 1917 г. организовали негласную охрану квартиры В. И. Ленина в доме 48/9 по Широкой ул. на Петроградской стороне. После июльских событий 1917 г. подыскала новую нелегальную квартиру для В. И. Ленина — у члена РСДРП(б) М. В. Фофановой. Накануне Октябрьского вооруженного восстания участвовала в организации вооруженных сил Выборгской стороны.

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) 1917 г., как член Выборгского районного революционного штаба, сообщила в Смольный, в ПВРК, об успешном развитии в Выборгском районе вооруженного восстания. После победы Октябрьской революции — на ответственной партийной и профсоюзной работе.

* * *

Товарищ Женя [1]

В конце 1916 года Жене Егоровой удалось вырваться из сибирской ссылки. Приехав в Петроград, она обосновалась на Выборгской стороне. Помогли старые связи да и то, что многих подпольщиков она знала в лицо по прежней партийной работе.

Главное, ради чего они с Мартыном Лацисом приехали в Петроград, тогда только начиналось. Тревожным был Невский. В центре города попадалось много людей в потрепанных фронтовых шинелях. Слышались разговоры о неудачах на фронте.

Рабочие окраины мрачны. Видно было, что у людей уже и сил не хватает терпеть.

Когда в феврале 1917 года вспыхнули волнения, Бюро ЦК и ПК большевиков приняли решение немедленно начать открытую борьбу за свержение самодержавия.

Женя поспевала всюду. Как агитатор Выборгского райкома партии, она приходила и в Литовские казармы. Убеждала солдат: «Не стреляйте в рабочих. Они же ваши братья!..»

К вечеру 27 февраля восставшие рабочие и солдаты овладели почти всем Петроградом — мостами, вокзалами, Главным почтамтом, телеграфом, Главным арсеналом.

У Финляндского вокзала, первого из захваченных народом, бурлила толпа рабочих. Кто-то крикнул: «Где же вож-

[1] Из книги: *Вечтомова Е.* Женя Егорова. Л., 1981

ди?» Михаил Иванович Калинин, стоявший недалеко от Жени, отозвался: «Если хотите иметь вождей, то вот рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить».

Восставшие двинулись к «Крестам». Топорами, ломами, бревнами взломали ворота тюрьмы. Из окон тюремной канцелярии летели бумаги, книги. Запылал на дворе огромный костер. Рабочие освободили из Дома предварительного заключения на Шпалерной улице арестованных друзей — Петра Бояршинова, Николая Комарова, Тараса Кондратьева. «Да здравствует свобода!» — неслись восторженные крики. «Да здравствует революция!»

...Об Иване Чугурине ей много рассказывали. Он был сыном кровельщика, боевым парнем, любимцем рабочей слободки в Сормове. Вместе с Заломовым и Свешниковым участвовал в той самой маевке, о которой писал Горький в повести «Мать». Скитался по ссылкам. Партия направила его в партийную школу Лонжюмо к Ленину. Петр (партийная кличка И. Чугурина) в 1916 году работал на заводе «Промет». После ссылки был уволен за забастовку и осенью поступил на «Айваз». Там он был избран в райком, потом в Исполнительную комиссию Петербургского комитета большевиков. Когда Чугурина схватили жандармы, он, с виду такой невзрачный, дрался с троими, вырвался, бежал. В него стреляли. Ранили в руку, поймали. Так избили, что начальник тюрьмы, увидев его, пришел в отчаяние: «Господа... надо бы того... потише. Хуже, чем конокрада, исполосовали. Он же не допрошен еще, а теперь кто же его допросит, неживого?»

Но Иван Чугурин выжил. Уроки Ленина в школе Лонжюмо не прошли даром. У Жени Егоровой этот человек вызывал большое уважение и зависть. «Видел Ленина, учился у Ленина»,— думала она. Работать вместе с такими людьми, как Калинин, Свешников, Чугурин, было счастьем. Они надеялись друг на друга, верили в одно дело, которое считали святым.

В марте большевики Выборгской стороны единогласно избрали Женю Егорову секретарем райкома партии.

Райком еще 1 марта занял большую квартиру, хозяева которой бежали за границу,— на Лесной, 13. «Аппарат» состоял из одной машинистки. В этом же доме расположились штаб Красной гвардии и районный Совет рабочих и солдатских депутатов. Женю Егорову избрали и в президиум райсовета.

Жить в Петрограде в те времена для партийца значило постоянно быть начеку. От Временного правительства можно было всего ждать.

5 марта пленум Петросовета принял решение возобновить работу заводов.

— А как же с восьмичасовым рабочим днем? — поинтересовалась Женя.

— Никак,— ответил ей один из членов Петросовета.— Не посчитались. Решили не вводить.

— Душат главную идею.

Отношения с Петроградским Советом, где большинство в то время составляли эсеры и меньшевики, и так были обострены. Собрался райком. Не потребовалось и спорить. Возмущенных слов, правда, хватало.

Резолюцию, написанную Женей, приняли единогласно. Редактировать было некогда. «... Считать решение преждевременным ввиду того, что не было учтено настроение масс, но, не желая раздроблять сил в настоящий ответственный момент, подчиняется этому решению и со своей стороны настоятельно рекомендует Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов при решении таких вопросов считаться с мнением на местах.

Выборгский райком РСДРП(б), обсудив вопрос о 8-часовом рабочем дне, постановляет осуществить его явочным порядком... причем заработная плата не должна от этого понизиться...»

Сутками работала Женя. С рассвета усаживалась за небольшой, когда-то «стильный», но уже обшарпанный стол в комнате, которую никому в голову не приходило назвать кабинетом, и строчила на обрывках бумаги, на обороте листов каких-то кассовых книг. Во все вникала сама. К этому привыкли. Когда попадала домой (попросту поднималась на второй этаж, где организовали Выборгскую коммуну, где все делилось между всеми), то сразу же засыпала.

...Телеграмму Мария Ильинична Ульянова получила рано утром 3 апреля 1917 года. Владимир Ильич просил сообщить «Правде» о его возвращении в Петроград. Надо людей оповестить: на пасху-то заводы и фабрики не работают!.. Охрану наладить.

— Удачно, что Финляндский вокзал на Выборгской стороне,— сказала Анна Ильинична.

— Секретарь райкома Женя Егорова. Какой прекрасный человек! — говоря это, Мария Ильинична улыбнулась.— Не человек, а сто человек в одном лице!

— Да, очень дельная партийка,— подтвердила Анна Ильинична.

— Ты права! А Выборгская сторона,— Мария Ильинична сделала энергичный жест рукой,— твердыня.

В особняке Кшесинской, где помещались ЦК и ПК партии, Женя при Марии Ильиничне переписала текст ленинской телеграммы. Тут же остановила проходившего мимо солдата и повела его к столу, на котором лежали куски обоев, тетрадочные листки, оберточная бумага. Подошли еще несколько человек. Поговорив с ними, Женя набросала несколько строк на каком-то обрывке и отправилась в райком. А из-под пера «мобилизованных» ею «художников» стали появляться короткие сообщения: «Сегодня приезжает Ленин!», «Привет вождю рабочего класса товарищу Ленину!», «Сбор у Финляндского вокзала в 9 часов вечера!»

Пока дошла до райкома, сложился и план встречи Ленина. Женя взялась за ручку телефона. Много пришлось поработать аппарату в то утро. Позвонила Подвойскому, потом Мартыну Лацису, отыскивая его на заводе, Чугурину, Кодацкому, Свешникову. Кстати, в тот день проходило собрание членов партии предприятий Выборгской стороны. На этот раз собрание шло в помещении правления Сампсониевского общества трезвости. На этом собрании было сообщено о приезде Ленина, и началась подготовка к встрече вождя.

— Мы же вручим Ленину партбилет нашей Выборгской районной партийной организации!

...Уже стемнело, когда поезд подошел к перрону. Ленина встретили звуки «Марсельезы», играл оркестр военных моряков. Прокатилось громовое «ура!».

Перрон был слабо освещен. Владимир Ильич вглядывался в лица встречавших.

Выйдя на площадь, он обратил внимание на одного человека: тот стоял с широкой красной лентой через плечо. Это был Иван Чугурин, слушатель школы в Лонжюмо. Рядом высокая молодая женщина в темном костюме, видном из-под распахнутого пальто, в белой кофточке, без шапки, без платка. В очках, за которыми сияли большие светлые глаза. Она сделала шаг вперед и как бы пригласила Чугурина с его красной лентой. Тот подошел к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич! По поручению Выборгского районного комитета партии большевиков приветствую вас. Вручаем вам партийный билет. Мы, выборжцы, считаем вас в своих рядах.

Ленин принял партбилет. Поблагодарил Чугурина, пожал ему руку и ясно увидел перед собой просиявшее лицо молодой женщины в очках.

— Секретарь Выборгского райкома партии Женя Егорова,— негромко сказала Ленину Мария Ильинична.

Выборжцы сразу же после приезда Владимира Ильича в Петроград, его выступления на Финляндском вокзале, опубликования Апрельских тезисов вождя — гениального плана перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической — наметили программу действий. Был подготовлен проект создания отрядов Красной гвардии. На заводах и фабриках рабочие и работницы изучали оружие, упражнялись в стрельбе. Райком организовал краткосрочные курсы медицинских сестер. Проект устава рабочей гвардии рассмотрели на заседании президиума райсовета и 17 мая утвердили:

«I. Рабочая гвардия ставит своей задачей:

а) борьбу с контрреволюционными противонародными происками господствующих классов;

б) отстаивание с оружием в руках всех завоеваний рабочего класса;

в) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан, без различия пола, возраста и национальности.

II. Состав.

Членом рабочей гвардии может быть всякий работник и работница, состоящие членами социалистической партии или членами профсоюза, по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской...»

Все секретарь райкома Женя Егорова считала чрезвычайно важным, неотложным.

Нужно было учесть всех неграмотных на заводах. Создать школы для них. Открыть клуб, библиотеку. Помогла в этом Надежда Константиновна, пришедшая к выборжцам почти сразу же после приезда. Ее вскоре выбрали в управу, и она организовала нечто вроде отдела народного образования.

Хотя Надежда Константиновна была почти вдвое старше Жени, они подружились.

Готовясь к празднованию 1 Мая, они часто вместе бывали на заводах и фабриках. Находили людей, которые могли рисовать плакаты. Отыскались искусные мастерицы — они вышивали знамена. Женя собрала оркестрантов и певцов — возобновились занятия близких ее сердцу заводских хоровых кружков. Разучивали революционные песни. Колонны вышли 18 апреля (по новому стилю 1 мая) с нарядными знаменами и плакатами: «Вся власть Советам!», «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует социализм!» Подростки с «Розенкранца» сшили свое знамя с зубчатыми краями, отделанными бахромой. На нем было написано: «Долой эксплуататоров! Да здравствует детский социализм!»

Свободно и радостно дышали люди, впервые открыто идущие на свой праздник.

Но не все было просто. На Марсовом поле раздельно стояли грузовики и даже телеги ломовиков, заменявшие трибуны большевиков и других партий.

Как гордился весь выборгский пролетариат тем, что Владимир Ильич, состоявший на партийном учете в Выборгском райкоме, шел в первой шеренге колонны Выборгской стороны. Для Жени это был двойной праздник.

Шли через Литейный мост, по Литейному проспекту, Пантелеймоновской, мимо Летнего сада. На Марсовом поле по церемониалу, заранее разработанному и опубликованному в «Правде», место посланцев Выборгского района было возле Мраморного дворца.

Ленин пришел с выборжцами и выступил от имени ЦК партии большевиков.

Солнце заливало Марсово поле.

Слова Ленина о значении международного праздника, о задачах русской революции рабочие ловили, затихнув так, что каждая фраза запечатлевалась в памяти навсегда.

Позже, оценивая первомайскую манифестацию, Владимир Ильич писал: «Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма» [1].

Случалось, Надежда Константиновна уводила Женю к себе. Владимир Ильич не раз расспрашивал их о формах «политпросветской» работы. А формы были весьма интересными: каждую неделю собирались представители сорока фабрик и заводов и обсуждали, что надо делать. Что решали — проводили в жизнь, каждый на своем предприятии раздобывал средства. Уполномоченные следили за каждой мелочью в работе школы, вплоть до приобретения букварей и мела. И так во всем.

— Вот по такому типу, как культкомиссии, должна будет складываться работа нашего государственного аппарата, наших будущих министров,— по типу комиссий из рабочих, работниц, стоящих в гуще жизни, знающих быт, условия работы, то, что в данную минуту всего более волнует массы...— Владимир Ильич «ругал «паршивый» бюрократизм, лезущий во все щели»[2].

Женя росла, работая рядом с такими людьми, как Ульяновы. А Надежду Константиновну радовало, что управа нахо-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 361.
[2] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 340.

дилась «сначала в одном помещении с партийным районным комитетом, секретарем которого была Женя Егорова, там же работал Лацис». Она пишет в своих воспоминаниях: «Работа в Выборгском районе дала мне чрезвычайно много — это была хорошая школа партийной и советской работы»[1].

Влияние большевиков так усилилось, что можно было решать вопрос о перевыборах президиума райсовета. Перевыборы провели. Председателем избрали Николая Осиповича Кучменко. В президиум вошли Чугурин, Мансырев, Гордиенко. Это был первый районный Совет в Питере, полностью руководимый большевиками.

Зато и работать приходилось так, что в доме на Большом Сампсониевском проспекте большевики дневали и ночевали, неделями не бывая дома.

Райком потребовал, чтобы продовольственная управа бесперебойно снабжала рабочих хлебом. Стали учитывать централизованные фонды муки. «Использовать пока придется по-прежнему частные пекарни, частную торговую сеть,— думала Женя.— Но организуем надежных инспекторов-общественников из рабочих. Особенно помогут работницы и домохозяйки, им это дело знакомее всех».

На больших заводах открыли столовые, прикрепили к ним рабочих с мелких предприятий. А продовольственные комиссии выезжали в разные губернии... Чугурин, которому было поручено коммунальное хозяйство, энергично взялся за дело. Заботился о водопроводе, отоплении. Мобилизовал рабочих подходящих специальностей. Все эти дела управы не могли не волновать райком.

Надежда Константиновна была душой Выборгской районной управы. Требовательная к себе, она высоко ценила традиции Выборгской стороны. И во всем ей помогала Женя Егорова. О ней Н. Ф. Свешников [2] много лет спустя вспоминал: «Женя была душой райкома. Большая дружба связывала ее с В. И. Лениным и Н. К. Крупской».

Егорова и Лацис, Петр Алексеев и Крупская, казалось, забыли о сне. С заводов, из полков приходили взволнованные люди. «Когда?» — спрашивали они. И нелегко было сдерживать народный гнев. Еще раз Женя убеждалась, как трудно бороться с демагогией меньшевиков и эсеров. Они делали все возможное, чтобы спровоцировать преждевременное, недостаточно подготовленное восстание большевиков и погубить его. Недостаточно подготовленное — вот в чем дело! Как ни-

[1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине, с. 309—310.

[2] Свешников Н. Ф. (1888—1969) — ветеран партии, участник Октябрьской революции, после победы которой — на партийной и советской работе.

когда, возросла роль агитаторов. От них требовалась не только теоретическая грамотность и преданность делу революции — нужны были находчивость, остроумие, знание человеческой психологии.

Женя была зрелым, опытным работником. И не было никого, работавшего с ней, кто бы не испытывал ее обаяния.

«...3, 4, 5 июля,— писала Женя Егорова в «Ленинградской правде» в 1926 году,— Выборгский район представлял из себя пролетарскую твердыню. Этот район первым начал июльское выступление и очень организованно провел его.

Я помню еще рабочую демонстрацию. Мы шли ровными колоннами. Впереди районный комитет партии. На углу Садовой и Невского нас встретили залпами юнкера. Колонны чуть-чуть подались, но быстро выровнялись. Шли с красным знаменем и революционными песнями... Настроение у всех демонстрантов было — ни на шаг не отступать!»

26 июля (3 августа) 1917 года на Выборгской стороне, на Большом Сампсониевском проспекте, 37в, в Народном доме Сампсониевского общества трезвости открылся VI съезд РСДРП(б) [1].

Можно представить, какая ответственность лежала на районном комитете, на Жене Егоровой в частности, при подготовке съезда. Не случайно при аресте членов большевистского ПК в феврале функции ПК временно были возложены на Выборгский райком — самый проверенный, сильный, опытный.

Я. М. Свердлов, выступая на съезде, особенно подчеркнул энергию и опыт Выборгского райкома и предложил выразить благодарность Выборгскому красному району за помощь и гостеприимство: ведь подготовка съезда проходила в условиях строжайшей конспирации.

Женя Егорова и Надежда Константиновна после закрытия съезда направились к Фофановой. Почти всю дорогу молчали. Обе думали о близости решающих дней. Съезд обратился с манифестом к рабочим, солдатам и крестьянам России, призывая их готовиться к решительной борьбе, схватке с буржуазией.

Придя на Сердобольскую, Женя сказала Фофановой:

— Подготовь-ка квартиру на всякий случай...

А вот совсем другой день и другие заботы. Из соседней комнаты управы заглянула Крупская. Вид у нее был озабоченный и немного смущенный.

[1] В стенограмме съезда ее фамилии в списках делегатов нет, но в анкете делегата XVII съезда КПСС Е. Н. Егоровой отмечено, что она была на VI съезде партии.

— Помогай теперь мне, Женя. Должна я съездить к Ильичу. Ты же знаешь — он теперь в Финляндии.

Женя снарядила ее на следующий день. Она и не ожидала, до какой степени сумеет преобразиться Надежда Константиновна, всегда одинаковая, неторопливая, не менявшаяся в разговорах с кем бы то ни было. Крупская повернулась перед Женей: юбка и кофта с баской, концами назад повязанный темный платок на голове, перед Женей стояла немолодая работница и лукаво поглядывала на нее.

Поездка прошла благополучно.

Надежда Константиновна получила письмо от Ленина и принесла в Выборгский райком. Сразу решили собраться в райисполкоме на Лесном, 13. Совершенно секретно. Были только Н. Кучменко, И. Чугурин, А. Скороходов, К. Орлов, ведавший военными делами, Ильин — всего человек пятнадцать. Проводила совещание Женя. В письме было долгожданное: «...мы захватим власть сейчас или вовсе не захватим...»

— Письмо мы прочли и ахнули,— рассказывала Елизавета Драбкина,— подняли шум.

Наконец-то! Можно выйти на улицы. Дать волю клокотавшему, едва сдерживаемому народному гневу.

В присутствии Надежды Константиновны Женя Егорова позвала к себе Фофанову.

— Маргарита Васильевна, вашу квартиру просим подготовить для Владимира Ильича.

И вот Ленин появился на Сердобольской, неузнаваемый в парике, бритый, в очках...

19 октября Женя Егорова сама размножила на машинке письмо Ленина и разослала в райкомы обращение: «Штаб Красной гвардии, районный комитет РСДРП (большевиков) и исполнительный комитет СР и СД Выборгского района доводит до сведения всех заводских комитетов, коллективов, отрядов Красной гвардии о том, чтобы все заводы были немедленно приведены в полную боевую готовность. Все рабочие должны находиться при заводах и ждать директив от Совета, штаба и районного комитета. Постановление обязательно для всех».

24 октября разослали всем завкомам новое постановление о немедленной реквизиции всех автомобилей, запасных частей, бензина, о взятии на учет всех перевязочных средств, о дежурствах в амбулаториях.

В ночь на 25-е Женя не отходила от райкомовского телефона. Говорила и смотрела в темное окно, за которым лежал полный грозной тревоги город.

Потом Женя увидела Надежду Константиновну. Крупская много позже вспоминала: «Пришла на квартиру к Фофановой, постучала условным стуком. Она сказала, что Ильич ушел. Тогда мы с секретарем района, с Женей Егоровой, прицепились к какому-то грузовику и поехали в Смольный».

Здесь узнали: свершилось!..

Временное правительство арестовано. Керенский бежал. Но 27 октября генерал Краснов во главе казачьих полков захватил Гатчину и 28-го Царское Село.

Выборгский район — военный лагерь. Конные и пешие отряды двигались на позиции. Грохотала артиллерия. Торопились обозы. Женщины с кирками и лопатами шли рыть укрепления. Санитарки готовились перевязывать раненых...

* *

*

Вера Климентьевна
СЛУЦКАЯ

Слуцкая В. К. (настоящее имя — Берта Брониславовна) (1874—1917 гг.), участница Октябрьской революции в Петрограде. Родилась в семье ремесленника в Минске. По профессии зубной врач. В революционном движении с 1898 г., в 1901 г. примкнула к Бунду. Член Коммунистической партии с 1902 г. Занималась подпольной деятельностью. После революции 1905—1907 гг. выехала за границу. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.). Возвратившись после съезда в Россию, работала в Петербургской организации большевиков, но в 1909 г. вновь была вынуждена эмигрировать. Жила и училась в Германии и Швейцарии, несколько раз встречалась с В. И. Лениным. В 1913 г. вернулась в Петербург, работала

в партийном подполье. Неоднократно подвергалась арестам (6 раз), тюремному заключению, ссылке.
После Февральской революции 1917 г.— член ПК РСДРП, руководила женотделом при ПК. Секретарь Василеостровского райкома партии. Участвовала в организации встречи В. И. Ленина 3(16) апреля на Финляндском вокзале в Петрограде. Делегат 2-й и 3-й общегородских конференций большевиков Петрограда, VI съезда РСДРП(б), на котором дважды выступала.
В октябрьские дни 1917 г.— участница заседания ПК РСДРП(б) 15(28) октября 1917 г., где сообщила о ходе подготовки красногвардейцев Василеостровского района к восстанию. Одна из руководителей районного революционного штаба. В ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 г. выполняла задания ПВРК. Во время контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова Слуцкая направлена ЦК РСДРП(б) на фронт. 30 октября (12 ноября) 1917 г. убита на Пулковских высотах.

* * *

Секретарь райкома [1]

Сдержанную, скупую на улыбку Веру Климентьевну Слуцкую никогда еще не видели такой откровенно счастливой.

— Наконец-то, наконец-то пришла пролетарская революция! — повторяла она при встрече друзьям-василеостровцам.

Вечером 26 октября 1917 года Вера, надев маленькую круглую шапочку и темно-серую накидку, вышла из старого дома на 16-й линии, где помещался Василеостровский райком партии большевиков. День был трудный. Она, секретарь райкома, выступала перед рабочими, солдатами, матросами. Василеостровский пролетариат выполнял ответственные поручения Петроградского военно-революционного комитета — охранял Николаевский и Дворцовый мосты, поддерживал связь с боевыми кораблями Балтийского флота, участвовавшими в штурме Зимнего.

Вера торопливо взглянула на часы — скорее в Смольный. Там на II Всероссийском съезде Советов выступает Ленин. Стремглав вбежала она в белоколонный зал. Успела все-таки! В громадном зале революционные матросы, рабочие, красногвардейцы — делегаты съезда. И вдруг овация, да такая, что окна в зале зазвенели: на трибуне — Владимир Ильич. Вера с трудом протиснулась вперед, поближе к Ленину, жадно слушала каждое его слово. Стоявшая рядом Конкор-

[1] *Зимонина С.* Секретарь райкома.— В книге: Славные большевички. М., 1957.

дия Самойлова шепнула: «Если нам всем даже придется погибнуть, сегодняшний вечер стоило пережить».

— О да, конечно,— горячо отозвалась Вера и пожала ей руку.

На следующий день, 27 октября, Слуцкая была, как всегда, деловой, энергичной. Нахмурив брови, сидела она на заседании городской думы, в которую была избрана от большевиков еще до Октября. Многие делегаты обливали грязью и клеветой большевиков и пролетарскую революцию. Молодой американский журналист Джон Рид, присутствовавший на этом заседании, в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир» правдиво, с присущей ему документальностью поведал о том, что там происходило.

«...Один из юнкеров, защищавших Зимний дворец, рассказывал сильно приукрашенную легенду о героизме его самого и его товарищей, а также о бесчестном поведении красногвардейцев. Собрание, безусловно, верило каждому его слову. Кто-то прочел отчет эсеровской газеты «Народ», в которой подробно говорилось о разгроме и разграблении Зимнего дворца и о том, что причиненный ему ущерб исчисляется в 500 миллионов рублей...

...Тут взошел на трибуну престарелый городской голова: «Товарищи и граждане! Я только что узнал, что все заключенные в Петропавловской крепости находятся в величайшей опасности. Большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам четырнадцать юнкеров Павловского училища. Один из них сошел с ума. Стража угрожает расправиться с министрами самосудом». Раздался рев ужаса и возмущения, еще больше усилившийся, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была Вера Слуцкая, старая революционерка и член думы от большевиков.

— Это ложь и провокация! — сказала она своим резким, металлическим голосом, не обращая внимания на поток оскорблений.— Рабоче-крестьянское правительство, отменившее смертную казнь, не может допустить подобных действий. Мы требуем немедленного расследования этого сообщения: если в нем есть хоть малейшая доля истины, правительство примет самые энергичные меры!

Тут же была назначена особая комиссия из представителей всех партий во главе с городским головой. Она отправилась в Петропавловскую крепость».

Вера же пошла в райком. Уже полночь. Нужно продумать план действий на завтрашний день, добиться того, чтобы не пропала даром ни одна минута. Неожиданный телефонный

звонок. На проводе Урицкий. Он рассказал Вере Климентьевне, как клеветники из городской думы, в качестве обследователей ходившие по камерам Петропавловской крепости, своими глазами увидели, что бывшие министры и юнкера в добром здравии. Как ни юлил городской голова, ему все-таки пришлось признаться во лжи.

Вера улыбнулась. Что поделаешь: факты — неотразимая вещь.

Возле Пулково в боевой готовности замерли орудия красногвардейцев. Плотный парень с лицом, густо обсыпанным веснушками, возится у пушки. Лукаво подмигивая, он говорит напарнику, похлопывая пушку по стволу:

— Старайся, Ванюша, чтобы прислужникам Керенского от нее не поздоровилось. Гляди-ка, да это, никак, наша Вера! — вдруг прервал он разговор. И, обращаясь к подошедшей женщине, сказал как-то по-особому тепло и приветливо:

— Здравствуйте. Считай, дня три не видели мы вас, уже забеспокоились, не случилось ли что неладное.

— Мы тоже спешили к вам, товарищи.— Вера пожимала руки обступившим ее бойцам.— Привезли вам медикаменты.— Она передала ротному пакет с лекарствами.— А как у вас с питанием? Слышала, что не всегда вовремя провиант на позицию доставляют.

— Интенданты у нас нерасторопные,— жаловались солдаты.

— А кто? Кто именно? В чем еще, на ваш взгляд, наибольшие трудности? — допытывалась Вера.

Прокопченные пороховым дымом, усталые после затяжного боя, люди неторопливо выкладывали ей все неполадки: раз за дело взялась Железная, толк будет. В этом они убеждались не раз.

Железная... Так за огромную работоспособность и выдержку (зачастую она спала по два часа в сутки) товарищи называли Слуцкую. А была она невысокая, большеглазая; нежный овал лица обрамляли темные волосы, вьющиеся на висках и затылке. Сторонний человек мог бы принять ее за учительницу, и совсем не железную.

30 октября 1917 года Вера Слуцкая в сопровождении двух товарищей особенно тщательно проверяла передовые позиции в районе Пулково и деревни Александровской. Именно здесь близилась решительная схватка с войсками генерала Краснова.

Ветер швырял под колеса машины увядшие листья. Небо было такое низкое, что, казалось, подними руку — и ненароком заденешь его. Осенняя непогода пронизывала до костей.

Но словно вызов этой хмури, этому ветру, у Веры в глазах затаилась озорная усмешка.

Старый друг, поэт Илья Ионов, поглядел на нее:

— Лучистые у тебя глаза, как у толстовской княжны Марьи...

— Ну что у меня общего с княжнами? — возразила она. И неожиданно мечтательно: — Я не прошу тебя слагать вирши о глазах. А вот о парнях под Пулковом, у которых мы только что были, об их стойкости ты, Илья, напиши...

Вера Климентьевна умолкла на полуслове. Неподалеку от Красного Села белогвардейский бронепоезд начал обстреливать их машину. Шофер слился с рулем, стараясь выжать из старенького мотора предельную скорость.

Снаряд попал в машину. Вера Слуцкая убита.

Мгновенная смерть. Ужасная. Немыслимая. Всего полчаса назад она пожимала руки красногвардейцам, расспрашивала их о походном житье-бытье. Всего несколько минут назад говорила о стихах и мечтала. И вот теперь ее нет. Нет больше ее лучистых глаз. Нет больше ее резковатого смеха...

Горькая весть — погибла Железная — мгновенно облетела Петроград...

Скорбью и мужеством были проникнуты строки статьи, посвященной памяти Веры Слуцкой, опубликованной в «Правде»: «Только что украшенный венками и цветами вырос холм над могилой Веры Климентьевны Слуцкой. К многочисленным жертвам павшего царизма прибавилась еще одна дорогая могила, которые с помощью казаков множит авантюрист Керенский...

У свежего холма, где лежит неутомимый и преданный революции работник, каждый из нас чувствовал, какую мы понесли потерю, каждый знал, что великая любовь к людям двигала Верой, когда она ехала в Царское Село... Товарищи рабочие и работницы, вы все, знавшие ее, не размыкайте своих сплоченных рядов, помните, что в стойкости и в борьбе можно выковать свободу и счастье для всех трудящихся.

Пусть перельется в вас ее не знавшая покоя энергия, и пусть той же верой, верой в торжество великих свободолюбивых идеалов человечества, загорятся ваши глаза».

Трудовой Петроград провожал в последний путь Веру Слуцкую. Толпы людей стояли на всем пути траурного шествия от 16-й линии Васильевского острова до Преображенского кладбища.

В первых рядах шла девушка с траурной повязкой на рукаве. На голову ее был наброшен черный газовый шарф, сквозь который золотом отливали русые косы. То была Лиза

Осьминская. Девушка считала Веру Климентьевну своей духовной матерью: Слуцкая дала ей рекомендацию в партию. Это было совсем недавно, всего несколько недель назад.

В затуманенных слезами глазах застыла безмерная тяжесть горя. Откуда-то из глубин памяти всплывали штрихи, воскрешавшие облик Веры, ее немногословную заботу о людях.

— Ну, как твои занятия на курсах? Как здоровье? Что-то ты осунулась, девочка? — тревожно спросила ее в тот день Слуцкая. Лизе запомнились глаза Веры Климентьевны — такие добрые в ту минуту.

Лиза очень волновалась. Но наконец решилась. Тихо, не очень уверенно спросила:

— Вера Климентьевна, вы можете дать мне рекомендацию в партию?

Слуцкая внимательно поглядела на девушку.

— Могу. Обязательно дам.

Навсегда запомнила Лиза эти слова. Навсегда. Как и первое свое знакомство с Верой Климентьевной.

...Декабрь 1916 года выдался снежный, морозный. Лиза потуже завязала серую пуховую шаль, надела бабушкины валенки. Прижавшись к заиндевевшему вагонному окну, девушка мысленно повторяла наказ Барона, так звали все подпольщики Эдуарда Эдуардовича Эссена: «Поедешь поездом в Новгородскую губернию, в Любань. Недалеко от вокзала найдешь квартиру зубного врача Слуцкой. Передашь ей вот эту коробочку с фарфором. Скажешь: «Вы обещали поставить мне пломбу, если я принесу вам фарфор». Послезавтра увидимся. Будь осторожна, Лиза».

Вот и Любань. Сугробы такие высокие, что, казалось, скоро погребут под собой одноэтажные приземистые дома. Стараниями хозяев крохотный пятачок возле каждого дома был расчищен, и на нем аккуратно уложены поленницы дров. А вот и скромная табличка на старом деревянном доме: «Зубной врач Вера Климентьевна Слуцкая».

Зябко кутаясь в шубку, Лиза негромко постучала. Дверь рывком отворилась, и женщина в белом халате пристально и строго оглядела ее.

— Чем могу быть полезна?

Переминаясь с ноги на ногу, Лиза сказала:

— Вы обещали мне поставить пломбу, если я принесу вам фарфор.— Женщина улыбнулась, и лицо ее неожиданно преобразилось.

— Проходите,— пригласила она,— раздевайтесь. Вам придется немного обождать — у меня пациент.

Вновь став суровой, хозяйка ушла в соседнюю комнату, служившую ей кабинетом. Лиза осмотрелась. Стол, покрытый свежей скатертью, скромная вазочка, пушистые ветки сосны, пропитавшие всю комнату бодрящим хвойным запахом. Судя по книгам, здесь живет человек широких интересов: медицинская литература, работы по истории и экономике на немецком, английском и русском языках. На стенах висели портреты Герцена, Чернышевского, Некрасова.

— Извините, что заставила вас ждать,— напомнила о себе Вера Климентьевна.

Лиза сразу же отметила, что в этой женщине нет и тени жеманства. Ее манера держаться очень проста. Красавицей ее не назовешь, но глаза... Они придают ее облику неотразимое обаяние, и руки, тонкие, красивые, очень интеллигентные руки.

Эти руки быстро вскрыли пакет: коробочка с фарфором, а на дне крохотная записка.

И вдруг тепло и искренно, словно не она полчаса назад предстала перед Лизой такой неприступной, сказала:

— Спасибо, товарищ, за добрые вести, спасибо! — и обняла девушку.

Лиза готова была расплакаться от гордости. Слуцкая назвала ее товарищем. То-ва-ри-щем. А как она произнесла это слово — твердо, ясно и нежно. Да, да, нежно.

Вера Климентьевна тем временем суетилась у широкой русской печки:

— Рада бы попотчевать вас чем-нибудь вкусным, да нечем. Зато такой картошки, как здесь, в столице не найдете.

Она поставила на стол деревянную солонку с крупной желтоватой солью, тарелки и хлебницу. От чугунка с пахучей рассыпчатой картошкой шел пар.

Слуцкая радушно угощала гостью и расспрашивала ее о столичных новостях. Лиза, прихлебывая сладкий чай, на каждый вопрос старалась ответить как можно подробней.

— Скажите, ваши коллеги — курсистки-бестужевки интересуются общественной жизнью? Какие газеты они предпочитают? — спрашивала Вера Климентьевна.— Как они отнеслись к аресту большевистской фракции? Как они относятся к войне?

Лиза подумала, что другого человека жизнь в глуши могла бы и надломить, ослабить силу его духа. А Вера Климентьевна не жаловалась. Только вскользь, словно полемизируя с незримым оппонентом, заметила: «Думали, что ссылка заставит меня поколебаться в убеждениях. Напрасно возлагали надежды».

...За беседой незаметно настал вечер. Пора было возвращаться в Петроград. Вера посмотрела на тяжелые русые косы Лизы, посоветовала:

— А косы все-таки спрячьте — не надо привлекать внимание шпиков. Передайте мою благодарность и привет Барону.

Три долгих года провела Вера Слуцкая в последней ссылке.

Едва до нее дошли вести о Февральской революции, она примчалась в Петроград. Непривычно было идти по улицам, расцвеченным знаменами, запруженным народом. Около Московского вокзала Вера остановилась: рабочие-железнодорожники в промасленных куртках сбивали со стены царский герб. Минута — и двуглавый орел распластался на земле.

10 марта Слуцкая уже участвовала в заседании Петербургского комитета партии большевиков. Как опытный революционер, она сразу же включилась в работу. Петербургский комитет партии поручает ей трудное дело — агитацию среди женщин-работниц. Вера предложила создать при Петербургском комитете бюро по работе среди женщин, возобновить издание журнала «Работница», выпускать специальные листовки и брошюры. В протоколе заседания Петербургского комитета партии большевиков от 13 марта 1917 года записано: «Постановили: 1) поручить т. В[ере Слуцкой] составить проект организации Бюро работниц при П[етербургском] К[омитете] и 2) в «Правде» поместить заметку об организации этого Бюро»[1].

Проект решения, разработанный Слуцкой, был принят Петербургским комитетом.

Среди работниц Вера чувствовала себя в своей стихии. Многие знали ее в лицо, останавливали на улицах. Для каждой у нее находилось приветливое слово. С ней делились мыслями, личными невзгодами и скудными радостями.

Вскоре Слуцкая стала секретарем Василеостровского райкома. Ей частенько приходилось работать допоздна вместе с двадцатилетней Бертой Ратнер, членом Василеостровского райкома партии большевиков, партийным организатором в Гавани, на Васильевском острове. Так было и в тот вечер, который навсегда остался в памяти Б. Ратнер... В соседних домах уже давно погасли огни, когда они захлопнули райкомовскую дверь и вышли на пустынную улицу.

— Вам далеко идти, Берта. Ночуйте у меня,— пригласила Вера Климентьевна.

Девушка сначала заколебалась.

[1] См.: Первый легальный ПК..., с. 40

— Пойдемте, пойдемте. Еще вдруг простудитесь,— по-матерински забеспокоилась Вера.

Переступив порог комнаты Слуцкой, Берта удивилась, до чего же здесь было уютно, аккуратно, и когда только успевала секретарь райкома наводить такую чистоту. Однако не это было главным «открытием» молодой девушки в ту ночь... Она узнала, какой Слуцкая душевный человек, познакомилась с ее революционным прошлым, о котором знали совсем немногие.

Берта жадно слушала взволнованный рассказ Веры Климентьевны и ясно представляла себе маленький полуразрушенный домишко на окраине Минска, который занимала семья Слуцких. Немало горя и нищеты хлебнула дочь мелкого разорившегося ремесленника. 1898 год... Во время работы I съезда РСДРП она была в родном городе.

Сразу же после съезда минские подпольщики принялись за создание нелегальной типографии с филиалами в Бобруйске, Белостоке и Гродно. Это было сложное и опасное дело, требовавшее колоссального напряжения сил. Много дней Вера и ее друзья подыскивали для типографии дом. Наконец арендовали подходящее помещение, завезли туда шрифт, станки. Однако полиция не дремала. Ее агентам удалось выследить организаторов подпольной типографии. Как стало потом известно, 11 августа 1898 года Минское жандармское управление торжествующе сообщало в департамент о том, что обнаружены две подпольные типографии, одна в Бобруйске, другая в самом Минске. В минской типографии при обыске было изъято несколько пудов шрифта. Работников ее поймали с поличным, когда они печатали прокламации. Арестовали 17 человек. Среди них Веру Слуцкую и ее брата.

Веру переправили в Москву. Девять нескончаемых месяцев просидела она в пересыльной тюрьме. Для Слуцкой это первая тюрьма. Сколько их, предварилок, пересылок, предстоит еще впереди!

Как о самом дорогом, вспоминала Вера о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Ленин высоко ценил ее революционную деятельность. В письме в редакцию «Правды» от 8 сентября 1912 года он специально просил посылать в Берлин Слуцкой по одному экземпляру «Правды» и «Невской звезды».

...Так прошла та памятная Берте Ратнер ночь в комнате Слуцкой. Утром они шли в райком рядом: старая большевичка Слуцкая и ее молодая помощница. Торопились на работу, работу небывалую в истории человечества...

Не только крупные политические события волновали Веру.

— Для большевиков нет мелочей,— повторяла она и с энтузиазмом выполняла любую работу.

В число ее многочисленных обязанностей входило и наблюдение за столовыми. Заботу о питании рабочих Слуцкая считала ответственнейшим партийным поручением — голод душил трудовой Петроград. Каждый день около полудня Вера, как бы ни была занята, заходила в столовые, осматривала котлы и посуду.

Поварихи и судомойки удивлялись: «И как только наша Вера для всего время выкраивает?»

Да, для нее не было мелочей. Бывшая слушательница Бестужевских курсов Елена Гилярова вспоминала о том, как в июне семнадцатого Слуцкая поручила ей организовать в помещении кадетского корпуса, где проходил I Всероссийский съезд Советов, стол большевистской литературы и наладить доставку брошюр делегатам.

— Наш стол должен возможно шире показать революционную марксистскую литературу, пропагандировать ее,— говорила Вера.

При встречах с Гиляровой она не забывала интересоваться тем, как идет выполнение задания.

Войдя в здание, где шло заседание съезда Советов, Вера немедленно подошла к столу, на котором лежала отлично подобранная марксистская литература. Потом кивнула в сторону меньшевистского стенда и с торжеством сказала:

— Ну, у них оппортунистическая пустота. А вы молодцы,— похвалила она Елену и ее подруг...

Май одел Васильевский остров в нежно-зеленую листву. Похорошела от этого наряда и 16-я линия. На рабочем столе Веры Климентьевны — ветка сирени с едва распустившимися листочками. Слуцкая быстро вошла в кабинет, следом за ней как вихрь ворвалась Шура Жигарева.

— У нас на заводе тысячи людей,— продолжая начатый разговор, горячилась Шура,— а большинство в заводских организациях захватили эсеры и меньшевики.

— Это я все знаю, Шура,— сказала Слуцкая,— но, я думаю, скоро придет этому конец.

Они подробно обсудили, что нужно предпринять, чтобы изменить настроения отсталых рабочих, поддавшихся меньшевистской агитации.

И действительно, в первой половине мая часть трубочников потребовала отзыва прежних районных депутатов — представителей завода, «тормозивших дело революции».

Другие, более достойные люди были избраны и в заводской комитет. Эсеры и меньшевики не хотели, конечно, уступать своих позиций и в воскресенье 17 мая решили организовать митинг для обсуждения вопроса о перевыборах.

Как ни ораторствовали меньшевики, как ни распинались их вожаки Яковлев, Пошехонов и иже с ними, как ни выставляли себя эсеры защитниками рабочего класса, правда-таки взяла верх.

И пусть не блистала красотами речь Шуры Жигаревой, но когда она звонко крикнула: «Будем же, товарищи, готовиться к решительному бою за власть Советов!» — в ответ раздалось многоголосое: «Молодец, Шура! Правильно говоришь!»

Рабочие-трубочники ждали Владимира Ильича Ленина. Они просили его приехать к ним на собрание. Ильич обещал и обещание свое выполнил. Рабочие его сразу узнали. Возгласы: «Просим, просим товарища Ленина!» — заглушили меньшевистскую болтовню.

Ленин попросил слова. Он гневно клеймил империалистов, развязавших мировую войну.

Женщины плакали, слушая Владимира Ильича,— всю боль матерей и солдаток, все надежды народные высказал он.

Ленин призывал не верить правителям, желающим затяжки бедствий народных, требующим войны до победного конца. Он говорил, что только рабочий класс во главе с большевистской партией сможет свергнуть власть капиталистов и помещиков и начать строительство новой жизни.

Ленинские слова все слушали затаив дыхание.

Мудрая ленинская речь помогла оторвать от меньшевиков даже самых отсталых рабочих.

— Ведь это счастье, что у нас такой вождь,— с гордостью сказала Слуцкая, обращаясь к Шуре Жигаревой.

* * *

С массами и для масс [1]

В. К. Слуцкая, прикрепленная Петроградским комитетом к нашему Василеостровскому району, вскоре стала секретарем райкома. Это был настоящий большевик, живший с массами и для масс. Среди рабочих и работниц она чувствовала

[1] Из воспоминаний Петриковского С. И.— В книге: Славные большевички М., 1958.

себя в своей стихии. Очень многие в районе знали ее лично, останавливали на улице, радостно приветствовали.

Я иногда поражался, как обширен круг знакомых Веры Климентьевны в нашем районе, как много людей она помнит, знает их имена, их нужды.

Она была очень требовательна. Но она искренне любила людей, и люди отвечали ей тем же.

Мягкая, душевная, чуткая, она была непримирима к врагам. Дралась она с ними беспощадно, но всегда была выдержана и тактична.

Враги люто ненавидели Веру Слуцкую, друзья горячо любили ее.

Живую работу с людьми Вера всегда предпочитала всяким заседаниям, хотя никогда ими не пренебрегала. Она постоянно была на фабриках, заводах, в казармах и в то же время поспевала на все важные заседания райсовета, райкома, ПК. Всем своим существом она понимала значение непосредственного общения, связи с массами.

В том, что нам на Васильевском острове в период между Февралем и Октябрем удалось прочно завоевать рабочие и солдатские массы, вырвав их из-под влияния меньшевиков и эсеров, большая заслуга принадлежала Вере Слуцкой.

Вера Слуцкая была другом молодежи. Бывший рабочий завода «Сименс — Гальске» Г. Ф. Петров рассказывал, как она организовывала молодежь на Васильевском острове.

«Опыта у нас, молодых рабочих, не было никакого. Она часто бывала у нас, учила нас, что надо делать, чтобы укрепить влияние партии среди молодежи».

Роль Веры Слуцкой в сплочении рабочей молодежи и усилении большевистского влияния на нее не ограничивалась Василеостровским районом. Как делегат 2-й общегородской конференции большевиков в июле 1917 года и VI съезда партии она принимала активное участие в обсуждении вопроса о работе среди молодежи, рассказывала о работе молодежных организаций за рубежом.

Вера Климентьевна была горячим сторонником создания социалистического союза молодежи, который работал бы под идейным руководством партии.

Вера Климентьевна была в числе тех, кто вел энергичную борьбу за исторические Апрельские тезисы Ленина, ориентировавшие партию на переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, на переход всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов.

Вера Слуцкая присутствовала и выступала на историческом заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 16 октяб-

ря 1917 года, когда решался вопрос о вооруженном восстании.

Руководимый В. К. Слуцкой Василеостровский район в предоктябрьские дни был одним из наиболее сплоченных, большевистски настроенных районов столицы и организованно принял участие в вооруженном восстании.

Когда войска контрреволюции, возглавляемые Керенским и Красновым, начали наступление на революционный Петроград и стали угрожать существованию только что завоеванной власти Советов, Вера Слуцкая целиком отдается работе, направленной на разгром керенщины.

Она выезжает на фронт, организует снабжение солдат продовольствием; пламенными речами воодушевляет бойцов на героические подвиги...

Я был в Петрограде в день ее смерти. Известие о ее гибели моментально облетело весь город и вызвало глубокую скорбь трудящихся.

«Безумству храбрых поем мы песню» — написали василеостровцы на венке, возложенном на могилу мужественной большевички.

* *
*

Маргарита Васильевна ФОФАНОВА

Фофанова М. В. (1883—1976 гг.), участница Октябрьской революции в Петрограде. Родилась в с. Зырянка Соликамского уезда Пермской губернии в семье капитана Камского пароходства. Была сельской учительницей. Установила связь с Пермской организацией РСДРП, вела революционную пропаганду. В 1903 г. арестована. Затем занималась революционной работой в Архангельске, Симферополе, Уфе. С 1910 г.— в Петербурге, училась на Стебутовских Высших сельскохозяйственных курсах. После Февральской революции 1917 г. слушатели курсов избрали Фофанову депутатом Петросовета. Член Коммунистической партии с 1917 г. Работая в Выборгском районе по организации внешкольного образования, познакомилась

и подружилась с Н. К. Крупской. На квартире Фофановой на Выборгской стороне (Сердобольская ул., д. 1/92, кв. 41, ныне проспект К. Маркса, д. 1, кв. 20) останавливались многие большевики, возвращавшиеся из ссылки, тюрем, эмиграции. После июльских дней 1917 г. в этой квартире скрывался В. И. Ленин и провел там узкое совещание членов ЦК РСДРП(б). Вновь В. И. Ленин нелегально жил на квартире Фофановой в октябре 1917 г. (с. 1938 г. в квартире — Мемориальный музей В. И. Ленина).

Накануне Октября Фофанова была одним из связных между Лениным и ЦК РСДРП(б). 24 октября (6 ноября) она доставила в Выборгский райком для пересылки членам ЦК ленинское письмо, в котором указывалось, что «промедление в выступлении смерти подобно» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 435, 436). В дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Фофанова работала в Смольном. Затем — член коллегии Наркомзема, на административно-хозяйственной работе.

* * *

Энергичная и преданная большевичка[1]

М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире.

В. И. ЛЕНИН

Первый раз Маргарита Васильевна Фофанова увидела Владимира Ильича Ленина, когда он выступал с броневика у Финляндского вокзала. Могла ли она, находясь в толпе, запрудившей всю площадь перед вокзалом, предполагать, что Ильич станет вскоре ее жильцом и ее квартира окажется его последним подпольем...

Тогда она жила и училась на Выборгской стороне. Заканчивала Стебутовские Высшие сельскохозяйственные курсы. От этих курсов она была избрана депутатом Петроградского Совета.

А когда образовалась районная дума, или, как еще говорили, управа, то и здесь ей нашлось дело. Управа была в руках большевиков. В ее помещении находился и Выборгский комитет партии, занимал две маленькие комнатушки. Секретарем этого комитета была Женя Егорова. Она близко знала безотказную в работе Фофанову и как-то познакомила ее с Надеждой Константиновной Крупской, которая почти сразу после возвращения с Ильичем из эмиграции пришла в Вы-

[1] Материал подготовлен И. Г. Лупало.

боргский район и организовала при управе нечто вроде отдела народного образования.

Новая знакомая Крупской понравилась — рассудительная, деятельная, хорошо разбиралась в революционной ситуации. Она оказалась просто незаменимой, когда решили провести на заводах учет неграмотных, создать для них школы, в организации лекций для населения. При непосредственном участии Фофановой на Сердобольской улице был открыт клуб для рабочих подростков.

Маргарита Васильевна жила на этой же улице, в четырехэтажном угловом доме, выходившем и на Большой Сампсониевский проспект. Это был один из многих питерских так называемых доходных домов, густо населенных рабочим и мелкослужилым людом.

Надежда Константиновна чуть не ежедневно бывала в молодежном клубе. Проделывала пешком довольно длинный путь от управы, находившейся в начале Сампсониевского проспекта, близ Невы, до своего дома на Петроградской.

Маргарита Васильевна, возвращаясь однажды вместе из клуба, пригласила к себе ее передохнуть, выпить чайку. С тех пор Надежда Константиновна часто заходила сюда и несколько раз оставалась ночевать. Шутя она называла эту квартиру на Сердобольской «транзитной станцией». Часто бывали здесь и другие работники клуба, нередко собирался педагогический совет. Наведывалась и Женя Егорова. Особенно зачастила под конец июня. Как-то зашли вместе с Крупской, заглянули во все три комнаты, в кухню, и Надежда Константиновна сказала: «Да, очень удобная квартира». Хозяйка «удобной» квартиры не уловила тогда смысл сказанного...

Маргарита Васильевна к тому времени несколько раз слышала Ленина, встречалась с ним в особняке Кшесинской, когда вместе с Крупской была там по делам Выборгского комитета. Владимир Ильич заезжал в комитет за Надеждой Константиновной. В июле, еще до того, как он стал ее квартирантом, когда в самый разгар июльских событий потребовалось провести конспиративное совещание членов Центрального Комитета, они собрались у Фофановой. Заседали в столовой, и Маргарита Васильевна ухаживала за «гостями» — угощала яичницей, разливала чай. Ильич сидел в легком летнем пальто у маленького круглого столика, стоявшего слева у стены, остальные — за обеденным. Выйдя, она плотно закрыла дверь столовой. Участники совещания разошлись поодиночке. Позже ей стало известно, что на совещании речь шла о клеветническом обвинении, выдвинутом меньшевика-

ми против Ленина, и о том, как реагировать на это обвинение.

Вскоре в газетах был опубликован приказ Временного правительства об аресте Ленина. Ильич перешел в глубокое подполье. Он жил в Разливе, в шалаше, а затем перебрался через границу в Финляндию. В эти дни Женя Егорова попросила Маргариту Васильевну подготовить квартиру «на всякий случай». Хозяйка квартиры догадывалась, что придется кого-то прятать, но не знала еще кого. Потом пришла Надежда Константиновна и сказала, что здесь, наверное, будет скрываться Ильич: съезд партии принял решение о подготовке вооруженного восстания, и Ленину нужно находиться в Петрограде. Дом, в котором жила Маргарита Васильевна, на окраине города, близ полотна Финляндской железной дороги, в районе, где живет рабочий класс. Это удобно во многих отношениях.

— Словом, готовься,— сказала Надежда Константиновна.

Что это значило? Нужно было подумать о детях. К 1 сентября они должны были вернуться с дачи. Галя училась в коммерческом училище, а Сережа пойдет в первый класс. На время, когда Ильич будет находиться на квартире, их можно было отправить на Николаевскую, к тете. Нет, сказала Надежда Константиновна, ребят нельзя оставлять в городе. Предстоит напряженная работа, связанная с риском, они будут отвлекать. И Маргарита Васильевна решила отправить детей к родителям в Уфимскую губернию. Написала им, что в Питере голодно и что она сама, как только получит диплом, переберется поближе к ним.

Где поместить Владимира Ильича? Решили, что лучше всего в отдаленной от входа комнате. Из передней вел туда длинный коридор, в который выходили двери еще двух комнат и кухни.

Когда Надежда Константиновна, приехавшая к Ильичу в Гельсингфорс, рассказала, где предполагается его поселить в Петрограде, он одобрил выбор. Правда, его смущало отсутствие черного хода. Но это компенсировалось тем, что окна квартиры выходили не на улицу и даже не во двор, а в сторону птичьего питомника, который примыкал непосредственно к железнодорожной насыпи. Надежда Константиновна оставила Владимиру Ильичу ключи от квартиры, план местности с двумя маршрутами, которыми можно идти на Сердобольскую.

Ильич задерживался. Прошла неделя, другая. Вдруг Маргарита Васильевна слышит: кто-то отворяет дверь с лестницы. И сразу же быстрые шаги по коридору. Вышла в коридор,

тускло освещавшийся керосиновым ночником. Навстречу шел человек в темном пальто с поднятым воротником, в кепке. С лестницы в переднюю вошел еще кто-то. Обрадовалась, увидев Надежду Константиновну...

* * *

Из воспоминаний М. В. Фофановой [1]

Ильич прошел в приготовленную для него комнату, закусывал вечером у себя в комнате, и только лишь наутро, за чайным столом, состоялось наше знакомство. Была и Надежда Константиновна. Помню, вышел Владимир Ильич, забыв надеть парик, и с первого же дня показался настоящим Ильичем, и как он ни учил меня каждое утро называть его новым именем (было у него тогда удостоверение с карточкой сестрорецкого рабочего), я всегда забывала, а Ильич забывал надевать свой парик, хотя условились, что за мной остается твердое и настойчивое напоминание о парике. Последний, кстати сказать, так мешал Ильичу, что если он и надевал парик, то все время его поправлял или спрашивал, хорошо ли он его надел.

С париком дело обстояло настолько неблагополучно, что когда Ильич ушел 24 октября (6 ноября) в Смольный и в комнате 100 (кажется, я не ошибаюсь) стал раздеваться, то, снимая шляпу, снял и парик и вместе со шляпой засунул его в карман пальто, и когда с разных концов раздались голоса: «Ильич! Ильич!», он тогда только сообразил и пощупал свою голову, но было уже поздно. На этом и закончилась конспирация Ильича с париком.

Вначале Ильич не выходил из квартиры даже и погулять и отклонил мое предложение выходить по вечерам на балкон (в третьей комнате нашей квартиры был небольшой балкон). На балконе он был только раз, на второй день своего приезда. Когда мы остались вдвоем, он попросил меня показать ему всю квартиру, чтобы ориентироваться на случай, если придется воспользоваться окном, а не дверью для ухода из квартиры.

Вначале я даже не поняла, что этим хотел сказать Ильич. Показываю квартиру. Когда пришли в третью комнату и я указала на балкон, смотрю, Ильич радостно улыбнулся и сказал:

[1] В книге Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине М., 1979, т. 2.

— Прекрасно, теперь можно точно определить, как идет водосточная труба, близко ли от моей комнаты,— на случай, если придется по ней спускаться.

Зашел на балкон, просчитал окна и сказал:

— Комната выбрана правильно, удачно. Второе окно в столовой закрывать не нужно, так же как и балкон. А вот сегодня вечером возьмите молоток, спуститесь во двор и вот из этого забора (он указал на забор, который отделял двор нашего дома от соседнего) отбейте две доски как раз против водосточной трубы, как будет вам сподручно, от верхней или от нижней слеги. Это надо сделать на случай, если нельзя будет выйти из дома обычным путем.

Как правило, Владимир Ильич просматривал решительно все газеты, какие только выходили тогда в Петрограде. На моей обязанности лежало еще до ухода на работу, к 8 часам, приобрести все газеты, и этим делом я должна была заниматься с 7 часов утра. Зачастую всех газет в Лесном купить было нельзя, надо было ехать в город, да и там еще разыскивать, и приходилось иногда доставку газет заканчивать уже после завтрака, который был всегда в половине девятого утра.

Владимир Ильич так быстро по газетам ориентировался в общественной жизни, что уже следил четко за ходом событий и был крайне недоволен, когда почему-либо не удавалось приобрести ту или иную газету, и с вечера обыкновенно предупреждал меня о моих долгах по газетам, давая мне шпаргалочку с номерами недоставленных газет.

Помню, как-то он мне дал задание достать все вышедшие номера «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов», что мною, конечно, было выполнено. Не помню, сколько этих номеров я достала, но что-то очень много, словом, внушительный материал для изучения. Два дня Владимир Ильич занимался очень долго, даже по ночам, а потом наутро как-то и говорит:

— Ну, кажется, насквозь всех эсеров изучил, осталось сегодня читать только наказ их мужичков.

А когда я вернулась домой перед обедом (мы всегда обедали в 5 часов вечера), то увидела, что все газеты уже были разложены на столе в столовой, а он, увидев меня, радостно говорит, ударяя рукой (вижу, у него в руках номер «Крестьянских известий») по газете:

— Шутка сказать, наказ подписан 242 депутатами с мест. Мы его положим в основу закона о земле и посмотрим, как левые эсеры задумают отколоться.

Показывает мне номер, в разных местах расчерканный синим карандашом.

М. В. Фофанову я знаю, как энергичного и преданного большевика с весны 1917 года. Осенью этого года, перед переворотом, в самое опасное время, она меня укрывала у себя на квартире.

Автограф отзыва В. И. Ленина
о М. В. Фофановой

Еще несколько дней много и долго говорил Ильич об этом примерном наказе 242 крестьянских депутатов.

В первые же дни после 25 октября (7 ноября) — помнится мне, что это было 26 октября (8 ноября),— Владимиру Ильичу понадобился этот номер «Известий» уже в Смольном, когда II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов прибыл в Смольный. Владимир Ильич спешно поручил доставить ему этот номер из моей квартиры. Меня долго разыскивали и не могли найти, и поручение это взялась выполнить Мария Ильинична. У Владимира Ильича оставался ключ от квартиры, которым Мария Ильинична и воспользовалась, но не нашла нужного номера в той массе газет и журналов, которые были в комнате Владимира Ильича, а уже часов в 11 вечера, когда меня разыскали, мы с Марией Ильиничной поехали за этим номером и привезли его Владимиру Ильичу. Это был № 88 «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 августа 1917 года.

День 24 октября (6 ноября). Часам к четырем, сидя на одной из своих служб — в издательстве Девриена, на Васильевском острове, узнаю, что разведен Николаевский мост. Я немедленно оставила работу и прежде всего пошла с 4-й линии к Николаевскому мосту убедиться, разведен ли мост, что и подтвердилось. Тогда я направилась на Петроградскую сторону, прошла здесь спокойно, попала к Сампсониевскому мосту, но он оказался занят красногвардейцами Выборгской стороны, и пройти было невозможно. Тогда я направилась через Гренадерский мост на Выборгскую сторону, чтобы попасть как можно скорее домой. Предварительно решила зайти в Выборгский комитет и получить информацию о происходящих событиях.

В комитете удалось получить лишь очень смутные сведения, о которых я рассказала Владимиру Ильичу. Выслушав меня, он ушел к себе в комнату и через некоторое время вышел ко мне с письмом в руках. Он направил меня немедленно в комитет проверить, сведены ли мосты, вручил мне письмо и просил передать его только через Надежду Константиновну, сказав, что... сегодня он должен быть в Смольном...

Около восьми часов вечера я вернулась и сообщила, как сказали мне в комитете, что мосты сведены. Он тут же опять послал меня с запиской к Надежде Константиновне. Вскоре я принесла от нее ответ, который его не удовлетворил.

Снова он меня направил с запиской к Надежде Константиновне и сказал, что если к одиннадцати часам я не вернусь, то он поступит так, как считает нужным.

Получила в Выборгском комитете снова отрицательный ответ и, взяв уже извозчика, торопилась попасть к 11 часам. Приехала раньше минут на 10, но Владимира Ильича уже не застала в квартире. Вначале я даже растерялась, попав в неосвещенную квартиру. Зажгла огонь, осмотрела квартиру — раскрыты все двери во всех комнатах, на столе в столовой оставлен незаконченный ужин и третий чистый прибор, на котором я уже потом разглядела узенькую длинную записочку, в которой было написано, что он ушел туда, куда я не хотела, чтобы он уходил. И подпись.

Увидав подпись — не конспиративную подпись Владимира Ильича, а его лаконическое «Ильич», я как-то совершенно успокоилась, никакой боязни за Ильича у меня не стало. Я просто сказала себе: Ильич знает, что делает. Но все же решила направиться вслед за Ильичем в Смольный. Здесь я увидела его в тот момент, когда он снимал с себя пальто и шляпу вместе с париком.

Часам к пяти утра я добралась обратно к себе на квартиру и только что поела, в первый раз за весь день, и улеглась в постель, как раздался условный звонок — короткий, два раза. В первый момент у меня блеснула мысль: не может быть, чтобы это был Ильич! Кто же это тогда? Вышла спросить и забыла захватить ключ от двери. Это оказалась Надежда Константиновна, которой я через дверь сообщила, что Владимир Ильич уже давно в Смольном. Она не стала заходить и отправилась обратно в Выборгский комитет.

* *
*

Александр Васильевич
ШОТМАН

Шотман А. В. (1880—1939 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде,
советский партийный и государственный деятель.
Родился в с. Александровском (ныне в черте
Ленинграда) в семье слесаря Обуховского завода.
С 16 лет работал токарем на заводе «Нобель».
С 1899 г.— член Коммунистической партии,
а также петербургского «Союза борьбы
за освобождение рабочего класса».
В 1901 г.— один из руководителей «Обуховской
обороны». Затем член ПК РСДРП.
В 1903 г. был делегатом II съезда РСДРП.
Впервые встретился с В. И. Лениным в Женеве
и стал его преданным и горячим последователем.
В период революции 1905—1907 гг. занимался
партийной работой в Петербурге, затем в Одессе.
Неоднократно подвергался арестам, ссылке,

совершал побеги, вел нелегальную партийную деятельность.
В 1913 г. на Поронинском совещании ЦК РСДРП кооптирован в состав ЦК и Русского Бюро ЦК партии. В ноябре 1913 г. арестован и сослан в Нарымский край.
Освобожден в дни Февральской революции 1917 г. Был избран членом Томского комитета РСДРП(б) и Исполкома Совета. Позднее вел агитацию среди рабочих, в солдатском клубе «Правда», среди финских пролетариев, проживавших в столице. Делегат VI съезда РСДРП(б) от Петроградской организации большевиков. После июля 1917 г. участвовал в организации подполья Ленина, поддерживал связь Ленина, находившегося в Разливе, с ЦК РСДРП(б): через день-два приезжал к Ленину, информировал его о положении дел в ЦК и ПК, получал указания, которые передавал Я. М. Свердлову, доставлял ленинские статьи в большевистские газеты. В августе по заданию ЦК организовал переезд Ленина из Разлива в Финляндию, обеспечивал безопасность жизни Ленина. Участник расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16(29) октября. С октября 1917 г.— член Петроградского окружкома РСДРП(б).
В дни Октября по заданию партии большевиков вел подготовку вооруженного восстания в Петроградской губернии. После Октябрьской революции зам. наркома почт и телеграфов, затем на партийной, государственной и хозяйственной работе.

* * *

Тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживает абсолютного доверия.

В. И. ЛЕНИН

Ленин в подполье (июль — октябрь 1917 года) [1]

Вернувшись числа 10(23) или 12(25) июля в Питер, я встретил в Таврическом дворце нескольких членов Центрального Комитета партии, в том числе Орджоникидзе, который передал мне постановление ЦК о том, чтобы я переправил Ленина и Зиновьева в безопасное место.

До этого момента я, как и многие другие партийные работники, не знал, где находились Ленин и Зиновьев, хотя все с беспокойством спрашивали об этом друг друга, тем более что мы знали об аресте Каменева, Троцкого, Раскольникова, Луначарского, Коллонтай и многих других.

Получив столь ответственное поручение, я в тот же день поехал по указанному адресу. Орджоникидзе направил меня

[1] Из воспоминаний Шотмана А. В.— В книге: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1979, т. 2, с. 422—430.

к Зофу (ныне комиссар Военного флота республики). Зоф свел меня с молодым рабочим, который должен был меня проводить на квартиру, где скрывались Ленин и Зиновьев. Под вечер мы отправились с молодым товарищем в Новую Деревню, где сели на сестрорецкий поезд. Уже смеркалось, когда мы приехали на станцию Разлив около Сестрорецка. Недалеко от станции, на одной из глухих улиц, среди дач, заселенных петербургскими дачниками, указал он мне домик Емельянова — сестрорецкого рабочего, и мы расстались. Это был одноэтажный домишко с тремя окнами, выходящими на улицу.

Войдя туда и сообщив хозяйке пароль, я спросил Константина Петровича (так назывался по имевшемуся у него чужому паспорту Ленин). Я сел и огляделся. Домик состоял всего из двух комнат, битком набитых ребятишками. Хозяйка — мать семерых детей — знала, что Константин Петрович — Ленин, и, несмотря на огромный риск, которому она подвергалась, укрывая Ленина и Зиновьева, не выражала ни малейшего волнения и на мой вопрос, как их здоровье, весело сообщила, что оба чувствуют себя превосходно и что Владимир Ильич на одно лишь жалуется, что газеты приходят неаккуратно.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Владимира Ильича и Зиновьева ради их безопасности пришлось переселить в лес, так как тут их могли бы встретить шпики, которые, по ее сведениям, шныряют кругом. Так как мне нужно было видеть Владимира Ильича в тот же день во что бы то ни стало, то хозяйка позвала своего сынишку и предложила ему отвести меня. Несмотря на поздний час (было около 11 часов вечера), мальчик лет 12—13 с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега залива, мы спустили на воду лодку и — я на веслах, мальчик на руле — поплыли среди зарослей при лунном свете к месту жительства Ленина.

После путешествия около получаса по заливу и десятиминутной ходьбы среди болотного кустарника мы подошли к огромному стогу сена, сложенному на прогалине.

После данного мальчиком сигнала к нам вышли два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал закутанные в зимние пальто фигуры, в которых я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. После горячих приветствий мы уселись у стога сена, и меня засыпали вопросами.

Перед тем как ехать к Ленину, я зашел в Петербургский комитет партии большевиков, в то время помещавшийся на Выборгской стороне; там шла беседа о дальнейшем

развитии революции, и Лашевич, между прочим, сказал: «Вот посмотрите, Ленин в сентябре будет премьер-министром!»

Сидя у стога и сообщая Ленину петербургские новости, я передал ему и слова Лашевича, на что Ленин очень спокойно ответил: «В этом ничего нет удивительного». От такого ответа я, признаться, немного опешил и поглядел на него с изумлением. Заметив мое удивление, Владимир Ильич стал обстоятельно мне объяснять, как будет развиваться русская революция. Я очень сожалею, что не записал тогда всего, что говорил он о судьбах революции. Но теперь я вспоминаю беседу на берегу залива у стога сена и убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, Владимир Ильич предвидел еще тогда...

Вспоминается забавный случай с напечатанной наспех брошюрой Ленина «К лозунгам». Отвезя в город для напечатания рукопись, я через несколько дней вез к нему готовую брошюру, которую, сидя в вагоне, прочел. В ней, в одном месте, я нашел такую фразу: «В России в настоящее время нет ни одной партии, которая последовательно защищала бы интересы рабочего класса» (цитирую на память.— *А. Ш.)*. Когда я приехал к Владимиру Ильичу и, показав ему это место, спросил: «А как же большевистская партия?» — он сначала схватился за голову, потом рассмеялся и сказал: «Ну, в следующем издании исправим».

Долго мы беседовали, сидя у стога сена, в мой первый приезд. Но, несмотря на июль месяц, ночные болотистые испарения давали себя знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода. Спать легли мы в стоге, где заботливая рука Емельянова устроила нечто вроде спальной. Я долго не мог уснуть от холода, несмотря на то что лежал покрытый зимним пальто.

После этого я в продолжение двух с лишним недель через день-два приезжал к ним из Питера, носил провизию, газеты и проч., организуя в это же время надежное убежище для более продолжительного и приличного существования. Кроме меня, насколько мне известно, провизию, белье и проч. возила из города только А. Н. Токарева — петербургская работница.

При первой же встрече было принято решение переехать в Финляндию, где с помощью финских товарищей мы рассчитывали устроиться более или менее безопасно и удобно. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, которая в то время охранялась с необычайной тщательностью.

Несмотря на то что со времени перехода Ленина на нелегальное положение прошло около месяца, газеты продолжали травлю с неослабевающей энергией, и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеною у рта требовали ареста Ленина и Зиновьева во что бы то ни стало. Не только контрразведка и уголовные сыщики Керенского были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка Треф, были мобилизованы для поимки неуловимых Ленина и Зиновьева. Наряду с охранниками и собаками в поисках Ленина принимали участие сотни добровольных сыщиков из среды буржуазных обывателей. Однажды в газетах появилась заметка, что 50 офицеров «ударного батальона» поклялись или найти Ленина, или умереть.

Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работой VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда Я. М. Свердлов, председательствовавший на съезде, ставя на голосование написанные рукою В. И. Ленина резолюции, имел неосторожность сообщить, что, хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, он невидимо участвует и даже руководит его работой, все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина. За делегатами съезда была усилена слежка, и мне, как делегату съезда, пришлось быть очень осмотрительным и обставлять свои поездки в Сестрорецк чрезвычайными мерами предосторожности, чтобы не навести шпиков на след.

Вместе с тем надо было торопиться с переездом в Финляндию, так как дальнейшее пребывание на болоте становилось опасным. Появлявшиеся время от времени вблизи убежища охотники могли случайно наткнуться на скрывающихся; сидеть же целые дни внутри шалаша и выходить только ночью становилось невыносимым. Общая же обстановка и атмосфера, созданные в городе арестами, газетной травлей и зловещими слухами, были таковы, что рассчитывать на убежище у прежде сочувствовавшей революции интеллигенции, имевшей удобные квартиры, не приходилось. Большинство активных, испытанных партийных работников было или арестовано, или разъехалось по постановлению ЦК партии в провинцию. За теми же товарищами, которые остались в Питере на свободе, была установлена тщательная слежка. В выборе людей, помощь которых была необходима, квартиры, способа переезда и проч. надо было быть чрезвычайно осторожным, ибо малейшая неосмотрительность могла по-

вести к аресту, а в то время арест для Ленина был равносилен убийству его озверевшими агентами Керенского. Все это чрезвычайно затрудняло мою задачу и задерживало переезд.

Проектов перехода через границу было несколько. Каждый проект подвергался тщательному обсуждению и проверке. В конце концов было решено перейти финляндскую границу под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на финляндской территории и для перехода через границу пользовались упрощенными паспортами). Емельянову было поручено достать такие паспорта у своих товарищей по заводу. Паспорта были получены; осталось только переменить на них фотографические карточки. Неожиданное затруднение встретилось при розысках парика для Ленина. Охранка Керенского, озабоченная поимкой Ленина и Зиновьева, запретила парикмахерским прокат и продажу париков кому бы то ни было без предъявления удостоверения личности. Во избежание каких-либо недоразумений я заручился удостоверением театрального кружка финляндских железнодорожников Выборгской стороны и таким образом беспрепятственно получил два парика в парикмахерской на Бассейной улице.

Ленин в парике без усов и бороды был почти неузнаваем. Приехавший с фотоаппаратом Лещенко сфотографировал Ленина в его «нелегальном виде».

Прежде чем переправиться через границу, мне было поручено проверить, насколько тщательно пограничники просматривают документы. С этой целью мне пришлось раздобыть для себя через генеральный штаб Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу туда и обратно, каковое мне, как финляндскому гражданину, было выдано без особых затруднений. Для большей верности я решил взять себе помощника. В качестве такового я пригласил беззаветно преданного революции Эйно Рахью, рабочего-финна, впоследствии знаменитого комиссара финской Красной гвардии. Он исхлопотал себе такое же удостоверение в штабе, и мы отправились «проверять границу». Перейдя пешком в нескольких местах границу — от Белоострова на юг до Сестрорецка, мы убедились, что этот способ ненадежен, так как при каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши физиономии с наклеенными на удостоверениях фотографическими карточками. При докладе Ленину и Зиновьеву о результатах рекогносцировки этот способ перехода был отклонен, и остановились наконец на предложенном мною и Рахьей.

План, выработанный нами на всякий случай еще до «проверки границы», заключался в следующем: Ленин поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара, а т. Зиновьев останется в Петрограде, где для него уже приготовлена комната в Лесном, недалеко от станции Удельная Финляндской железной дороги в квартире айвáзовского рабочего Эмиля Кальске.

Было решено перебраться сначала с болота на квартиру Кальске, там переночевать и оттуда пойти вечером на станцию Удельная, где Ленин сядет на паровоз, а мы с Рахьей в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции Териоки, где в нескольких верстах от станции была приготовлена надежная квартира. Машинист Г. Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства. И когда я ему рассказал, какому большому подвергается он риску, он с истинно финским хладнокровием только улыбался и уверял, что «все пойдет очень хорошо».

Когда все было подготовлено, мы с Рахьей поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывезти Ленина и Зиновьева с болота. Емельянов с сыном был уже у стога и укладывал в лодку накопившиеся за три недели пребывания в стогу газеты, пальто, одеяла и проч.

Согласно нашему плану, мы с Рахьей предлагали добраться до квартиры Кальске таким путем: по Сестрорецкой железной дороге до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе или полотну Финляндской железной дороги до квартиры (около шести верст). Емельянов предложил другой путь: пройти пешком до станции Левашево, а оттуда поездом по Финляндской железной дороге проехать до станции Удельная (от станции Удельная до квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив «за» и «против», большинством было принято предложение Емельянова.

Наконец вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро, побрели вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской железной дороге. Идти нужно было верст 10—12. Было около девяти с половиной часов вечера, уже смеркалось. Шли гуськом, молча, Емельянов впереди, как знающий дорогу. По выходе на проселочную дорогу стало веселей, дорога пошла хорошая, навстречу — ни души. Следом за Емельяновым свернули с дороги на тропинку. В одном месте перешли вброд, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и

едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрели на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились. В полной темноте, ощупью, руководимые Емельяновым, который утешал нас тем, что он здесь первый раз заблудился, мы двигались вперед.

Наконец где-то прогудел паровозный гудок, Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. Съели так. Минут через 10—15 вернулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ станции, кажется, Левашево. Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу, ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку, почему предварительно не изучили дороги и проч. За «разведку» тоже досталось: почему «кажется», а не точно узнали, какая станция? Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции. Станция оказалась не Левашево, а Дибуны, находящаяся всего в 7 верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу мы могли каждую минуту нарваться на разведку пограничной стражи и быть арестованными как подозрительные лица, ибо не будут же порядочные люди шляться в час ночи в стороне от жилых мест около границы. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 час. 30 мин. ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав Рахью на станцию проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил Ленину, Зиновьеву и Рахье уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то дал ответ, который, по-видимому, юнкера не удовлетворил, так как после фантастических объяснений Емельянова он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетая, по-видимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли поезда, идущего в Петроград, что я ему тоже очень вежливо подтвердил. Затем он молодцевато звякнул шпо-

рами, повернулся и повел с собой арестованного Емельянова. Не успел я очухаться, как подошел поезд. «Как же мне быть?» — думал я и решил остаться, чтобы завтра, проведя остаток ночи и день в лесу, увезти их в Удельную. Только я успел прийти к этому решению, как передо мной появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: «Это последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?» Мне ничего больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, до того ошеломлен, что выскочил из поезда не на станции Удельная, где я должен был сойти, чтобы предупредить Кальске о случившемся, а на станции Озерки, то есть не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Около трех часов утра я добрался до Кальске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как меня реалист чуть ли не штыком подсаживал в вагон. Они сели вместе со мною в поезд, и так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до станции Удельная, а пока я плелся от Озерков, они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел.

Теперь предстояло как можно скорей предупредить жену Емельянова об аресте ее мужа (наутро, впрочем, его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывания в Разливе Ленина и Зиновьева. Так как времени терять было нельзя, я, кое-как перекусив, пошел к Полуян, знавшей квартиру Емельянова. Был уже шестой час, когда я доплелся до ее квартиры. Рассказав, что надо сделать, я поспешил на Выборгскую сторону к машинисту Ялаве, который должен был отвезти Ленина в Финляндию.

Наступил вечер. Оставив Зиновьева на квартире Кальске, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем мы у перрона прихода поезда. Наконец подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста, жмем Владимиру Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ленин, бритый, в парике, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, он берет полено за поленом и бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с Рахьей выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом, сердце екает. Поезд подходит к Белоострову, предстоит двадцатиминутная остановка и тщательная проверка документов, а иногда и обыск. Поезд едва остановился, как находчивый

Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту за станцию... набирать воду. Мы чуть не аплодируем. И пока жандармы проверяли документы, Ялава «набирал воду». Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории. Мы с Рахьей спешим к паровозу, радостно жмем руку Владимиру Ильичу. У станции Териоки приготовлены лошади, а в 14 верстах — квартира.

Я оставляю Владимира Ильича на попечение Рахьи и со следующим же поездом еду в Гельсингфорс приготовить квартиру и дальнейший переезд по железной дороге до Гельсингфорса. Посланные на другой день [1] из Гельсингфорса в Териоки два товарища-финна доставили Ленина в небольшой городок Лахти, в 130 верстах от Гельсингфорса. При помощи депутата финляндского сейма устраиваю дальнейшую переправу и наконец встречаю Владимира Ильича в Гельсингфорсе на квартире... гельсингфорсского полицмейстера.

В то время, еще при буржуазном правительстве, социал-демократы, получив при коммунальных выборах большинство голосов, назначили полицмейстером социал-демократа Густава Ровио. Это мой старый друг, петербургский рабочий, ныне финский коммунист, назначенный впоследствии, при красном правительстве, начальником милиции г. Гельсингфорса. Более надежной квартиры нельзя было придумать.

После водворения Владимира Ильича в столь надежном месте я счел свою миссию выполненной и по приезде в Петроград получил от ЦК командировку на Урал. По возвращении с Урала я застал Владимира Ильича уже в Выборге, а затем в конце сентября в Петрограде [2]. С сентября по 24 октября (6 ноября) Владимир Ильич непосредственно руководил подготовкой Октябрьской революции.

[1] По свидетельству Л. П. Парвиайнен, жены Э. Рахьи, В. И. Ленин прожил у ее отца в деревне Ялкала несколько дней.— *Ред.*

[2] К сожалению, нет документов, прямо подтверждающих точную дату приезда В И Ленина из Выборга в Петроград. Воспоминания современников Владимира Ильича по этому вопросу противоречивы. Некоторые из них утверждают, что Владимир Ильич прибыл в Петроград в конце сентября, и даже называют дни прибытия — 22 или 29 сентября (5 или 12 октября), другие считают, что Ленин приехал 7(20) октября. Разные точки зрения существуют и в настоящее время Документальными источниками по этому вопросу являются протоколы ЦК РСДРП(б) от 3(16) и 10(23) октября. Поэтому предполагается, что В. И. Ленин мог приехать в Петроград в один из дней между 3 и 10 (16 и 23) октября 1917 г — *Ред.*

И когда наконец было решено взять в руки рабочих государственную власть, Владимир Ильич 24 октября (6 ноября) переехал из Лесного в Смольный. А на другой день, 25 октября (7 ноября) 1917 года, Владимир Ильич легализовался вновь, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

* *
*

Эйно Абрамович
РАХЬЯ

Рахья Э. А. (1885—1936 гг.), деятель российского и финляндского революционного движения. Родился в Кронштадте в семье плотника. Член Коммунистической партии с 1903 г. Во время революции 1905—1907 гг. работал слесарем в Петербурге на Финляндской железной дороге, помогал транспортировке из-за границы в столицу оружия и революционной литературы. В 1908—1910 гг.— секретарь, а затем председатель русского отделения СДПФ. В 1911—1917 гг. работал на заводе Серебрякова за Невской заставой. В феврале 1917 г. возглавил отряд Красной милиции из рабочих-финнов. По заданию ПК РСДРП принял меры по обеспечению порядка во время встречи В. И. Ленина 3(16) апреля на Финляндском вокзале в Петрограде. После июля 1917 г.

Эйно Абрамович
РАХЬЯ

участвовал в организации нелегального переезда Ленина в Финляндию, а затем, в октябре, обратно в Россию; был связным между ЦК РСДРП(б) и Лениным. Вечером 24 октября (6 ноября) сопровождал Ленина на пути из квартиры М. В. Фофановой в Смольный. С 27 октября (9 ноября) 1917 г. Рахья — комиссар Финляндского вокзала и железной дороги.
В 1918 г. во время рабочей революции в Финляндии командовал отрядом Красной гвардии. Один из основателей Компартии Финляндии (1918 г.).
В 1919—1931 гг.— на военно-политической работе в Красной Армии.

* * *

«Старый надежнейший партийный товарищ»[1]

Шалаш и сенокосная полянка в Разливе, в 32 километрах от Ленинграда, навечно вошли в историю. Здесь с 10 июля по 6 августа 1917 года скрывался от преследования контрреволюционного Временного правительства В. И. Ленин.

Стал памятником истории и дом в Финляндии, Гельсингфорсе, где нашел Владимир Ильич убежище после Разлива, до октября 1917 года.

В сентябре 1917 года в Петрограде сложилась такая напряженная обстановка, что присутствие В. И. Ленина в столице было крайне необходимым.

Центральный Комитет РСДРП(б) 3 октября принимает решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь.

Э. А. Рахья вспоминал: «Однажды ко мне на квартиру пришла Надежда Константиновна, передала привет от Владимира Ильича и записку, в которой была изложена просьба устроить ему безопасный проезд до станции Удельная как можно быстрее. Я пошел к Ялаве».

Пренебрегая опасностью, Гуго Эрикович Ялава, паровозный машинист, перевозил В. И. Ленина в Финляндию под видом кочегара. («Мне вручили жизнь самого дорогого трудящимся человека».)

Теперь новое чрезвычайно важное поручение партии. Г. Э. Ялава и Э. А. Рахья условились, что высадившийся на станции Райвола Владимир Ильич пересядет на паровоз Гуго Эриковича.

И вот Эйно Рахья с поручением от ЦК партии приехал в Выборг к Владимиру Ильичу, чтобы доставить его в Петроград.

[1] Материал подготовлен И Г. Лупало на основе воспоминаний Э. А. Рахьи в книге: Ленин. Октябрь семнадцатого.

«Я застал его,— рассказывал он потом,— очень взволнованным, так как, по его мнению, все сообщения, которые он получал из России, приходили к нему слишком поздно, и потому он решил выехать в Петроград, несмотря на грозившую ему смертельную опасность.

Ленин сказал:

— Революция должна произойти в течение ближайших недель, и если мы к этому не подготовимся, то потерпим поражение... потому что буржуазия изо всех сил старается удушить революцию, и она сделает это с такой жестокостью, какой еще не знает мировая история...

Я предполагал выехать отсюда, с тем чтобы к вечеру прибыть на станцию Райвола... На этой станции будет ждать Ялава с поездом, идущим в Петроград. Владимир Ильич согласился с планом.

Я предложил ему как-нибудь замаскироваться, так как между Выборгом и Петроградом ездит много русских, в числе которых могли быть и шпики... Владимир Ильич надел крахмальную сорочку, черный галстук, очки, на нем были парик и фетровая шляпа...

В этом костюме, в осеннем пальто он удивительно стал похож на лютеранского пастора.

Поглядев на себя в зеркало, Ильич остался очень доволен. В особенности благочестивый вид ему придавали сорочка с галстуком и очки...

Мы отправились на станцию, где я еще заранее купил билеты: для себя — до Петрограда, а для Владимира Ильича — до станции Райвола. По дороге мы уговорились в самый вагон не входить, а стоять все время на площадке. В случае же, если на площадке будет находиться публика, мы должны между собой разговаривать, причем я буду говорить по-фински, а Ильич должен мне отвечать односложными словами тоже на финском языке: «я» или «ей». По-русски это означало «да» и «нет». Этим мы должны были показать, что мы оба — финны.

В поезд мы сели благополучно, оставшись на площадке. Стала набираться туда и публика, говорящая большей частью по-русски. Я начинаю нести по-фински какую-то пустяковину. Ильич подает реплики, но очень неудачно: где нужно по смыслу разговора сказать «да», он говорит «нет», а где «нет», он говорит «да». Но все же, несмотря на это, мы под вечер благополучно прибыли на станцию Райвола.

Выйдя из вагона, мы с Владимиром Ильичем двинулись к тому месту, где Ялава следил за погрузкой на паровоз дров,— в полутора километрах от станции. Подойдя к паро-

возу, я оставил Владимира Ильича в кустах, а сам влез на паровоз. Ялава встревоженным голосом заявил мне, что напротив сидят два каких-то типа и, похоже, следят за паровозом. И действительно, всмотревшись, я заметил двух субъектов, которые сидели по другую сторону пути в кустах и о чем-то говорили. Возможно, что это были случайные прохожие, но у страха глаза велики, и я очень встревожился, не зная, что предпринять дальше. Спасибо, выручил Ялава. Он предложил мне идти с Владимиром Ильичем к станции и, не доходя до нее, дожидаться, когда он поедет на своем паровозе к поездному составу. Проезжая мимо нас, он на ходу захватит и меня и Владимира Ильича, прицепит паровоз и сейчас же тронется в путь. Так мы и сделали.

Я слез с паровоза и вместе с Ильичем отправился к условленному месту — дожидаться Ялавы. Наконец до отхода осталась всего одна минута, мы начинаем нервничать. Вдруг видим: мчится Ялава полным ходом. Вот он уже около нас... Мгновенный тормоз, паровоз замедлил ход, момент... и мы на паровозе. Опять полный ход... затем поездной состав, плавный толчок буферами в передний вагон, и мы благополучно трогаемся. Что сталось с типами и кто они такие, так и осталось неизвестным...

Теперь нам предстояло миновать самое опасное место — Белоостров, где было полно всевозможных шпиков. Я сидел в первом от паровоза вагоне с двумя заряженными револьверами наготове, чтобы, если потребуется, стрелять. В вагоне было много дачников и несколько рабочих. Пассажиры говорили о политике. По мнению буржуазной публики, рабочих надо было наказывать, так как они выступают против войны и поддерживают немецкого лазутчика Ленина, который получил миллионы денег на подготовку восстания в России.

Рабочие утверждали, что Ленин ниоткуда не получал никаких денег, а что он борется за интересы рабочих. Буржуи единодушно считали, что Ленина нужно убить. Один из них высказал пожелание, что Ленина, мол, надо в цепях провести по Невскому и чтобы каждый имел право бить и плевать ему в глаза. А затем, когда вся эта радость кончится, тогда, дескать, его повесить и тело сжечь. Не догадывались эти жалкие люди, что тот, кого они собирались вешать, был так близко.

Прибыли в Белоостров, где производилась проверка паспортов. Проверку проскочили благополучно. Ялава поехал набирать воду и вернулся оттуда к моменту отправления поезда, так что проверять документы на паровозе было уже некогда. И поезд поехал в Петроград...

Была уже ночь, когда мы приехали на станцию Удельная».

В Петрограде прибывшего туда В. И. Ленина партия скрыла в «ужасно законспирированной» (Н. К. Крупская) квартире М. В. Фофановой, в доме № 1/92 на Сердобольской улице Выборгской стороны.

О местонахождении Ленина кроме Н. К. Крупской и Э. А. Рахьи знали два-три человека.

Особые меры предосторожности принимались, когда Владимир Ильич участвовал в заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября или встречался с членами ЦК по не терпящим отлагательства вопросам и вынужден был на время уходить из своей последней конспиративной квартиры.

Историческое заседание ЦК 10 октября состоялось на Петроградской стороне, в доме № 32 по набережной Карповки.

«Привести Ленина на эту квартиру было поручено Рахье, он стал связным и провожатым Владимира Ильича во всех его выходах из конспиративной квартиры» (М. В. Фофанова).

* * *

Из воспоминаний Э. А. Рахьи

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу... Принимал некоторых товарищей... Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК... На этих собраниях Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

Я на все эти собрания сопровождал его в качестве «телохранителя», «конвоира»...

За все время, пока Ленин находился под моей опекой, он ни разу не проявил страха по поводу того, что его могут схватить, хотя такая опасность была велика. Он постоянно лихорадочно работал, писал статьи в газеты и письма товарищам, давая указания, и нервничал лишь в тех случаях, когда долго не было ответов на письма или когда газеты не приходили вовремя. Если я порой пытался его успокоить, предлагая подождать часок-другой, он всякий раз говорил мне, что время нас ждать не будет, мы должны опередить время, должны заранее рассчитывать, как сложится обстановка, если мы этого не научимся делать, то никогда не добьемся победы.

Такой энергии и умения, с какими Ленин руководил партией, наверно, вообще не было ни у кого.

Деятельность Ленина ради достижения победы рабочего класса была настолько страстной, что он забывал об опасности, постоянно грозившей ему со стороны буржуазии.

Узнав от М. В. Фофановой, что по указанию Временного правительства разводят мосты через Неву, В. И. Ленин воскликнул: «Ага, значит, начинается».

Я было не понял его и спросил:

— Что начинается?

— Революция начинается,— пояснил Ильич,— а с ней и революционные бои...

Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал...

Владимир Ильич... категорически заявил:

— Едем в Смольный.

Для безопасности решили все-таки замаскироваться. В меру возможности переменили на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной повязкой, на голову напялили завалявшуюся кепку.

У меня было в кармане припасено на всякий случай два пропуска в Смольный. Пропуска были очень грубо подделаны: резинкой подчищены бывшие надписи и взамен их написаны несуществовавшие фамилии членов Петроградского Совета, причем чернила расплылись, так что явно бросалась в глаза подделка. Все-таки за неимением лучшего решено было пробраться с имеющимися липовыми пропусками.

...Отправились, надеясь, что в таком виде его не очень-то узнают на улицах...

Дойдя до угла, мы встретили совершенно пустой трамвай, идущий из села Гражданка. Владимир Ильич предложил вскочить в него. Я согласился с условием, что Ильич ни с кем не будет разговаривать. Кондуктором была женщина. К моей досаде, Владимир Ильич начал спрашивать ее, куда она едет, почему и т. д. Она сперва было отвечала, а потом говорит:

— Вот чудак, откуда ты только выискался? Неужели не знаешь, что в городе делается?

Владимир Ильич ответил, что не знает. Кондукторша его упрекнула:

— Какой же ты,— говорит,— после этого рабочий, раз не знаешь, что будет революция? Мы едем буржуев бить!..

К моей досаде, Ильич начал рассказывать ей, как надо делать революцию, а я сидел как на иголках до тех пор, пока на углу Боткинской и Нижегородской трамвай свернул в парк, а мы пошли дальше пешком.

У Литейного моста мы увидели группу солдат и красногвардейцев. Они стояли и не пропускали публику через мост. Я посоветовал Владимиру Ильичу не подходить к ним.

— Ничего,— ответил он,— где солдаты и красногвардейцы вместе, там нет опасности.— И быстро пошел вперед.

Подойдя к толпе, окружавшей красногвардейцев, мы смешались с нею. Я шепчу Владимиру Ильичу, чтобы он не вступал в разговор, а то, мол, пропадем. Смотрю: он бочком, бочком — и быстро зашагал через мост, а я за ним.

Дойдя до середины моста, мы заметили на другом конце его солдат Керенского. Это была также охрана, требовавшая у прохожих пропуска.

Солдат окружили рабочие и вели с ними оживленный спор. Владимир Ильич, заметив рабочих, которых не пускали через мост, все-таки решил попытаться пройти. Подошли к группе спорящих. Оказалось, солдаты требуют пропуска, а у большинства... таковых не было. По словам солдат, пропусками нужно было запасаться в штабе. Рабочие были возмущены и отчаянно ругали солдат. Мы воспользовались спором и прошмыгнули мимо часовых на Литейный проспект, потом свернули на Шпалерную и направились к Смольному.

Мы прошли уже порядочное расстояние по Шпалерной, когда навстречу показались два верховых юнкера. Поравнявшись с нами, они скомандовали:

— Стой! Пропуска!

Я шепнул Владимиру Ильичу:

— Идите, я с ними сам разделаюсь.

У меня в кармане было два револьвера. В грубой форме я вступил с ними в пререкания...

Подъехавшему юнкеру, спросившему у меня пропуск, я вызывающим тоном ответил: что еще, мол, за пропуск им нужен! Он тоже повысил голос. Владимир Ильич тем временем зашагал дальше. Я решил, что, если только юнкера погонятся за Владимиром Ильичем, я буду стрелять.

К счастью, мне удалось отвлечь их внимание от Ильича своим вызывающим поведением. Один из них хотел было вытянуть меня нагайкой, но, видимо, не решился, так как я напустил на себя слишком независимый вид. Поговорив о чем-то, они дали шпоры своим лошадям и умчались, а я пошел догонять Владимира Ильича.

Когда мы дошли до Смольного, нас в него не впустили. Оказалось, что меньшевики переменили мандаты делегатов Петроградского Совета. Вместо белого цвета они сделали билеты красными и выдали их в первую очередь своим сто-

ронникам, большевиков же оставили с белыми билетами.

Я, признаться, в этот момент испугался за Владимира Ильича больше, чем когда-либо, но сам Ильич сохранял удивительное спокойствие. По всему было видно, что он обладает глубокой и непоколебимой уверенностью в положительном исходе начавшейся революции и не сомневается в победе рабочих и солдат.

Его уверенность передалась и мне. Смешавшись с толпой «белобилетников», споривших с караулом, я поднял невероятную бузу. В один момент толпа была взбудоражена и стала напирать на охрану. Та не выдержала напора, подалась в сторону, и толпа хлынула внутрь. Мы поперли вслед за ней. Я — впереди, размахивая своим липовым пропуском, а за мной шел Владимир Ильич, смеясь и приговаривая:

— Где наша не берет.

Мы вошли в Смольный, прошли во второй этаж... отправившись в одну из комнат... куда к нам вскоре пришло много товарищей из руководящего ядра партии, приступив без лишних слов к делу — обсуждению создавшегося положения.

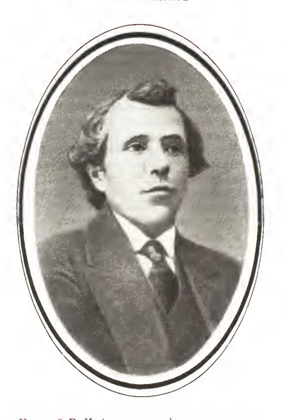
В это время в городе шел бой. Отлично слышна была ружейно-пулеметная пальба...

Пройдет несколько месяцев, и В. И. Ленин напишет в удостоверении на имя Э. А. Рахьи: «Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, полнейшего доверия»[1].

* *
*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 131.

Владимир Иванович
НЕВСКИЙ

Невский В. И. (настоящие фамилия и имя — Кривобоков Феодосий Иванович; партийные и литературные псевдонимы — Вл. Язвин, В. Н. Васильев, В. Н-ский и др.) (1876—1937 гг.), участник Октябрьской революции в Петрограде, советский государственный и партийный деятель, историк, публицист.
Родился в семье купца в Ростове-на-Дону. В революционном движении с 1895 г. Член Коммунистической партии с 1897 г. Один из организаторов социал-демократического кружка в Ростове-на-Дону. Учился в Московском университете на естественном факультете. Исключен из университета в 1899 г. за революционную деятельность. В 1900 г. занимался революционной работой в Москве. В 1901 г. выслан в Воронеж, где участвовал

в создании «Кассы борьбы» — организации искровского направления. В 1904 г. выехал за границу, где в Женеве встретился с В. И. Лениным. По заданию Ленина в 1905 г. вернулся в Россию как агент Бюро комитетов большинства. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. В декабре 1905 г. был делегатом 1-й конференции РСДРП в Таммерфорсе. В период революции 1905—1907 гг. как член ПК РСДРП руководил боевыми дружинами. В апреле — мае 1906 г. участвовал в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП. С 1910 г. вел партийную работу в Ростове-на-Дону, Харькове, где в 1911 г. окончил университет. Сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В 1913 г.— член Русского Бюро ЦК РСДРП; участник Поронинского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. После Февральской революции 1917 г., в марте, был вызван в Петроград. Член Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б), один из создателей Военной организации при ПК и ЦК РСДРП(б), член редакций большевистских газет «Солдатская правда», «Солдат», «Деревенская беднота» и др. 11(24) октября 1917 г. участвовал в работе 3-й Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). Накануне Октябрьской революции утвержден членом ПВРК. Провел большую работу по большевизации Петроградского гарнизона. По заданию ЦК побывал в Гельсингфорсе и Выборге и договорился с местными военными организациями о едином плане действий. По указанию В. И. Ленина вместе с Н. И. Подвойским и Г. И. Чудновским руководил боевыми операциями в столице. 24 октября (6 ноября) 1917 г. участвовал в операции по взятию штаба Петроградского ВО, Петроградского железнодорожного узла. После Октябрьской революции — член коллегии, зам. наркома, затем нарком путей сообщения РСФСР. В дальнейшем — на советской работе, занимался научной деятельностью.

* * *

Лучшие воспоминания моей жизни [1]

Мы все — члены наших центральных революционных органов — ЦК, ПК, ВО и члены наших заводских и фабричных организаций — все, начиная от руководящих верхов и кончая пролетарием, стоявшим у станка, прекрасно понимали, что выступление пролетариата неизбежно.

Все прекрасно понимали, что наш классовый враг не спит и деятельно готовится к удушению революции. Фактов, подтверждающих это, было множество: правительство Керенского приступило к осуществлению плана вывода революционно настроенного гарнизона из столицы; наоборот, в столицу приходили реакционно настроенные казачьи части; на

[1] Из воспоминаний Невского В. И. — В книге: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956.

фронте также принимались меры — расформировывались неспокойные революционные части, подавлялись малейшие попытки протеста. Правительство лелеяло мечту сдачей Петрограда задушить революцию в корне.

Между тем из провинции приходили все чаще и чаще вести о нараставшем движении крестьян, захвате помещичьих земель, стихийном процессе самочинно разрешить вековой земельный вопрос.

Все понимали, что всеобщий взрыв не за горами, что к нему нужно быть готовым, если мы не хотим остаться за бортом истории.

Нужен был чей-то авторитетный призыв, указание, определение того главного и существенного, что характеризует текущий момент.

И такое указание было дано в резолюции ЦК, где говорилось о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» и что «ЦК предлагает всем организациям руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...».

Под влиянием всей обстановки дня и принимая для руководства резолюцию ЦК, наша Петербургская организация (ПК) и созвала то историческое заседание, которое произошло 15 октября 1917 года, то есть за 10 дней до переворота.

На этом заседании были заслушаны доклады от ЦК т. Бубнова и от Военной организации мой. Бубнов так формулировал свое мнение: «Мы стоим накануне выступления... Что касается нашего положения, то мы должны сказать, что все висит на волоске. Шесть месяцев революции привели к развалу. Вследствие этого народные массы начинают набрасываться на всех и на все... Чтобы спасти революцию, надо взять власть в свои руки... Все элементы для восстания даны, и если мы в этом убеждены, то все силы должны подготовить к выступлению».

Я в своем докладе также исходил из того положения, что «назрел момент вооруженного выступления».

Это было, конечно, ясно, как ясно было и то, что рабочие Питера встанут по нашему призыву, как один человек. Но мы, то есть организаторы и руководители революционного гарнизона столицы, трезво отдавали себе отчет и в том, какое огромное значение имеет для успеха нашего дела всесторонняя и тщательная подготовка к восстанию.

«Нужно помнить,— говорил я,— о том, что наше наступление только тогда выиграет, когда в первые дни мы будем иметь огромный перевес».

Приглашал я товарищей учесть и ту роль, какую должно играть в революции революционно настроенное беднейшее крестьянство и вообще провинция.

Нам, стоявшим в самой гуще солдатских масс, руководившим гарнизоном через наши партийные ячейки, организованные нами в каждой части, хорошо были видны как наши сильные, так и слабые стороны.

Мы, конечно, прекрасно понимали, что рабочие встанут по призыву нашей партии, но мы понимали, что нужна еще и вооруженная сила, та физическая сила пулеметов и винтовок, броневиков и артиллерии, без которой победить нельзя.

Насколько я помню, наша Красная гвардия обладала небольшим количеством винтовок. Более всего их было, конечно, на крупнейших заводах, например на Обуховском заводе насчитывали штук 500 ружей, в Лесновском подрайоне было 84 винтовки, а в Городском районе были заводы, имевшие по сотне, по 20 винтовок. Красная гвардия располагала даже пулеметом и блиндированным автомобилем (на том же Обуховском заводе). В лучшем случае в нашем распоряжении было тысяча или две винтовок, в то время как враг располагал всеми родами оружия. Правда, в ряды Красной гвардии записывались сотнями; на крупных заводах красногвардейцы числились тысячами.

Для победы революции вооруженные отряды рабочих, конечно, имели огромное первенствующее значение.

Но за всем тем гарнизон, войска решали дело. Я разумею, конечно, военную силу, которой руководила в конечном счете партия.

Вот почему Военная организация, хорошо знавшая настроение всех военных частей, наших и враждебных, знавшая все роды войск, какими мы располагали, призывала, учтя малейшие детали, тщательно подготовиться, насколько это возможно, обеспечить себе перевес в первые моменты восстания. Это было важно в особенности потому, что из докладов представителей районов получалось, что настроение далеко не во всех районах боевое.

Из 19 районов представители только восьми высказывали твердую уверенность в том, что районы по первому призыву выступят твердо и решительно; представители шести (и в том числе такого, как Выборгский) заявляли, что настроение масс нерешительное и выжидательное, а представители пяти прямо говорили, что готовности к выступлению нет. В числе этих последних были такие, как Васильевский, Нарвский и Охтинский.

Действительность показала, что представители районов ошибались, что, лишь только партия и Петроградский Совет призвали рабочих к восстанию, они всей своей массой выступили на борьбу. Уже накануне восстания это стало ясно всем, но тогда, за 10 дней до восстания, казалось не так. Вот почему мы призывали к особо серьезной подготовке, к тщательному учету сил, к накоплению их для перевеса над противником, к развитию усиленной организационной и агитационной деятельности на отсталых участках фронта.

Некоторым товарищам казалось тогда, что мы слишком осторожны. Заподозрить же нас в том, что мы против выступления, никто бы не посмел, потому что мы неоднократно доказывали, что по призыву партии мы готовы выступить когда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

Но наш опыт (особенно в июльские дни) показал нам, что значит отсутствие тщательной подготовки и перевеса сил. И вот почему мы так настаивали на учете всех наших сил и сил противника. Это обстоятельство казалось некоторым нетерпеливым нашим товарищам непонятным упрямством и доктринерством. Некоторые же товарищи, не верившие в успех, надеялись на то, что призыв ВО к тщательной подготовке вообще затянет вопрос о выступлении и оно, пожалуй, не состоится.

И вот эти-то товарищи добились того, что на нас начали «действовать». Как-то ночью мне сообщили, что меня хочет видеть Зиновьев. Это было за несколько дней до выступления.

Ко мне пришел товарищ от М. И. Калинина и просил меня повидаться с ним по важному делу. Я согласился, и мы отправились, приняв меры, чтобы нас не проследили шпионы. Попав к товарищу Калинину и дружески поздоровавшись с ним, я, к своему удивлению, вдруг увидел входящего Г. Е. Зиновьева. Несмотря на то что он изменил свой наружный вид, я тотчас узнал его. Сердечно пожав мне руку, он стал расспрашивать меня о состоянии и настроении Петроградского гарнизона. Несмотря на то что я обрисовал боевое настроение гарнизона, выслушав меня, Зиновьев пришел к заключению, что победа наша не обеспечена и что поэтому выступать едва ли следует.

Я высказал свое мнение, что, хотим мы или не хотим, дело зашло настолько далеко, что выступление все равно произойдет и революция нас сметет, если мы не сумеем руководить движением. Калинин, все время молчавший, теперь горячо поддержал меня и советовал готовиться к борьбе еще усиленней, так как восстание не за горами.

Однако переубедить Зиновьева нам не удалось.

А между тем волны революции вздымались все выше и выше.

Мне приходилось каждый день бывать почти во всех наших главных полковых частях, хотя в каждом из полков работал кто-либо из наших выдающихся товарищей. Так, помню, что дня за три до переворота я был в Гренадерском полку... Часть его командного состава и солдат была судима Керенским за то, что будто бы (они) отказались наступать под Тарнополем [1].

В результате суда Дзевалтовский был оправдан, но свыше ста солдат-большевиков попали в каменец-подольскую тюрьму и просидели там до самой Октябрьской революции.

Когда я приехал в казармы, полк шумел, как улей. Дело в том, что на собрании докладывали товарищи — солдаты, делегаты Петроградского Совета.

Некоторые из них, крестьяне, рассказывали своим товарищам, таким же крестьянам, как и они сами, своим простым языком о том, что правительство преступно медлит с разрешением земельного вопроса и что все рабочие, солдаты и крестьяне убедились в одном: надо свергнуть Керенского и взять власть в свои руки.

Солдаты шумели, некоторые из них предлагали выступать немедленно, и стоило большого труда успокоить эту бушующую массу.

Не успел я приехать к себе на Литейный из Гренадерского полка, как меня вызвали в Егерский полк. Там была такая же картина. Затем пришлось побывать в Волынском полку, в Павловском, у броневиков.

И это приходилось делать не только мне, но и другим товарищам. Нам удавалось все же сдерживать массы. Удавалось это потому, что почти во всех полках мы имели очень прочное ядро солдат-большевиков.

Помню, как-то, уже, кажется, числа 23-го, меня вызвали в Волынский полк. Здесь было много украинцев-крестьян. Когда я приехал, выяснилось, что товарищи просто хотели демонстрировать свою готовность выступить по первому приказу Военной организации.

В Волынском полку у нас была прочная организация, и мы воспользовались ею, чтобы произвести разведку в стане врага. Еще до 25 октября, но уже в момент образования Военно-революционного комитета, членами которого были я, Подвойский и другие наши товарищи, мы решили отправить от

[1] Ныне город Тернополь.

некоторых полков, и в том числе от Волынского, где команда пулеметчиков и 8-я рота целиком были наши, делегации солдат в штаб военного округа с требованием признать контроль Военно-революционного комитета над штабом.

Рассказ вернувшихся из штаба делегатов я и выслушал, приехав в Волынский полк. По словам товарищей, в штабе царила неразбериха и растерянность: до полковника Полковникова добраться было очень трудно, по-прежнему дежурные генералы и адъютанты свысока разговаривают со штабными отдельных частей, но чувствуется, что их величие — это плохо скрытый страх перед надвигающимися событиями: никто ничего не знает, даются распоряжения, уничтожающие одно другое, свои силы то преувеличиваются, то вдруг преуменьшаются, о приготовлениях большевиков говорят то с ужасом, то презрительно пожимают плечами, а в общем царит неуверенность, страх и одно безумное желание — поскорее покончить с таким неопределенным, промежуточным положением.

Таких разведок было сделано несколько, и мы убедились, что настоящей, военной власти у Керенского уже нет. Аппараты ее разложились, это был уже только механически связанный организм, дух, оживляющий его, уже отлетел от него.

Помню, что дня за два до переворота я был в Павловском полку. Хотя я ходил в военной куртке защитного цвета, какой-то капитан задержал меня.

— Я знаю, что вы агитатор-большевик,— сказал он мне,— я вас отпущу, но скажите мне, чего вы хотите? Ведь то, что вы обещаете народу,— это безумие, это анархия...

Я вместо ответа, чего мы хотим, нарисовал ему в ярких красках разложение страны — хозяйства, транспорта и, главное, армии.

В конце я постарался показать, что и власти уже нет, есть только фирма и актер Керенский.

— Да! — живо согласился капитан.— Вот это верно. Лучше уж какую угодно власть, да только твердую. Создадут ли ее темные, невежественные рабочие?

— О, об этом не беспокойтесь,— ответил я,— не пожалеете.

В это время человек 10 солдат-большевиков, членов нашей организации, узнав, что меня задержали, пришли требовать моего освобождения. Я успокоил товарищей и, иронически поклонившись капитану, сказал:

— За твердую власть большевиков!

В противовес разложению и расхлябанности аппарата правительства, неуверенности и безнадежности его агентов,

у нас, начиная от Смольного с его Военно-революционным комитетом и кончая каждым заводом, каждой фабрикой, каждой полковой частью, каждой самой маленькой ячейкой, царило всеобщее воодушевление, уверенность в успехах, твердая решимость действовать до конца.

Теперь... люди, не принимавшие участия в борьбе, не понимают, как это из того всеобщего хаоса, брожения, бесчисленных толп народа, наполнявших Смольный, заводы, клубные залы, казармы, как будто бы внезапно создалась действительно могущественная власть, сумевшая внести в волнующееся человеческое море порядок и организованность.

Эти люди не понимают главного, именно того, что мы, партия революционного пролетариата, были выразителями всего многомиллионного народа трудящихся, его чаяний, его надежд, что каждый из нас, выдвинутый событиями наверх, выдвигался именно потому, что умел лучше, полнее и совершеннее других выражать эти чаяния масс: потому что каждый из нас не думал о себе, в любую минуту готов был умереть за эти интересы трудящихся, потому что масса это видела и понимала и, идя на жертву сама, верила нам, верила этой готовности каждого из нас раствориться, умереть в этом океане героического, невиданного самопожертвования.

Каждый рабочий, каждый солдат, все трудящиеся видели и понимали, что мы боремся за власть не для себя, не за свои узкоэгоистические интересы, не за то, чтобы самим сладко пить и есть, когда голодают десятки миллионов, а, живя так же, как эти десятки миллионов, в случае нужды сложить свою голову за их интересы и нужды.

Повиновались нам и шли за нами не потому, что мы угрожали тюрьмами, пытками и ссылками, а потому, что мы были выдвинуты этими массами, чтобы покончить и с тюрьмами, и с пытками, и ссылками и создать невиданное еще царство трудящихся с безграничной свободой и счастьем.

Мы деятельно готовились к восстанию. Работы было так много, что теперь частенько приходилось оставаться и на ночь в «Военке» на Литейном. Нас, то есть Подвойского и меня, очень тревожило то обстоятельство, что мы не были особенно хорошо обеспечены со стороны Выборга и вообще Финляндии, а там, между прочим, находились моряки и артиллерия.

Как-то ночью, вскоре после свидания с Зиновьевым, я собирался прилечь отдохнуть в «Военке», как передо мной, точно из земли, вырос Шотман А. В.

Он пришел сообщить мне, что В. И. Ленин желает срочно видеть меня.

Нечего и говорить, что я с огромной радостью последовал за Шотманом.

Со всяческими предосторожностями мы добрались до того места, где ожидал нас Владимир Ильич...

Обсудив с Владимиром Ильичем состояние наших военных сил, мы пришли к заключению, что я должен немедленно отправиться в Гельсингфорс и Выборг с целью выработки с нашими товарищами Дыбенко и Смилгой [1] единого плана действий и, главное, обеспечения поддержки со стороны расположенных в Выборге артиллерийских частей.

Поездка моя должна была состояться быстро и срочно и притом с таким расчетом, чтобы я мог вернуться к 24-му, дню, который был намечен как день начала восстания.

Эта беседа с учителем и вождем, его советы, мудрость, твердость, предусмотрительность и вместе с тем товарищеская простота и задушевность навсегда останутся в моей памяти лучшим воспоминанием моей жизни...

Я как-то ясно до очевидности почувствовал, что вот здесь, рядом со мной, сидит тот вождь, тот могучий интеллектуальный центр, от которого идет тысяча нитей ко всем нам и к которому, в свою очередь, сходятся невидимо и таинственно те организационные связи, та воля, без какой невозможно никакое великое действие.

Я вернулся в Петроград 24-го, и в ту же ночь, с 24-го на 25-е, началось восстание.

...Трудно теперь восстановить в памяти точный ход событий, великих событий, какие потрясли мир... Расскажу о нескольких эпизодах, которые сейчас всплыли в памяти.

Одним из первых важнейших актов Военно-революционного комитета было выполнение приказания нашей Военной организации занять штаб Петроградского военного округа.

Н. И. Подвойский быстро организовал сводный боевой отряд из наших солдат и рабочих. В этом отряде большую роль играл член нашей организации, солдат и бывший рабочий завода «Розенкранц» тов. А. А. Анохин. Под его руководством, а также с участием Склянского [2] отряд, разделившись на две части, занял штаб.

Склянский вошел в штаб по главной лестнице, а тов. Анохин занял все остальные выходы и тоже быстро с товарищами проник в помещение. Бывшим в штабе ничего не остава-

[1] Смилга И. Т. (1887—1937) — член КПСС с 1907 года. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции.

[2] Склянский Э. М. (1892—1925) — член КПСС с 1913 года. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции.

лось, как подчиниться тяжелой необходимости и сдать своё оружие.

Я уж не помню, кто был комиссаром штаба в первое время, но что фактически на деле там распоряжался тов. Анохин, я это хорошо удержал в памяти.

Отряд, занимавший штаб, организовался из сил Военной организации.

Вечером я вместе с некоторыми товарищами находился на территории Марсова поля, где Павловский полк и его Павловские казармы были одной из наших баз. Отправившись в Смольный, я принял участие в обсуждении планов наступления, в выработке которых деятельнейшее участие принимал Н. И. Подвойский, и к 8 часам был снова на Марсовом поле.

К 9 часам на Марсово поле подошли волынцы в количестве нескольких сот человек и другие части. В Павловском полку находился Дзевалтовский и другие наши товарищи. Поминутно подходили к казармам на Марсово поле другие военные части и рабочие отряды. Павловцы и волынцы отлично организовали связь.

Темная северная ночь с холодным ветром способствовала нашей подготовке.

Ночью началось наступление, и первый оплот Керенского — Зимний дворец — был взят.

Я был в Зимнем дворце в момент его взятия и должен засвидетельствовать, что торжествующий победивший народ не запятнал себя ни одним плохим, антисоциальным поступком, ни мародерством, ни насилием. Наоборот, мне врезался в память такой эпизод: какой-то солдатик, по-видимому из крестьян, пораженный роскошью обстановки, решил пощупать руками шелковую занавеску. Стоявшему тут же рядом рабочему показалось, что он хочет ее сорвать, и рабочий с гневом прицелился и выпалил в солдатика. Если бы не удар моей руки в руку рабочего, солдатик был бы убит...

На рассвете, оставив свой карабин в «Военке»... с одним револьвером я направился в Смольный, и уже 25 или 26 октября мне было поручено вместе с тов. Беляковым из «Военки», а также с тов. Москвиным захватить железнодорожный узел.

В то время как другие товарищи, и в том числе, кажется, тов. Бубнов, занимали Центральное управление железных дорог, я с тов. Беляковым орудовал на отдельных частях узла.

Я уже теперь не помню, сколько дней, как и с кем мне пришлось заниматься всем этим, помню только, как в тумане, заседание Военно-революционного комитета, его быстрые и

решительные распоряжения во время борьбы на фронте Царского Села, во время ликвидации восстания юнкеров, помню, как мы все дня через два, через три, без сна, без еды, часто без табаку доходили до умопомрачения.

Как сейчас, помню фигуры тт. Галкина и Скрыпника, потерявших силы от напряжения и бессонницы, но еще державшихся на ногах.

— Товарищи! — обращался я к ним.— Нужно распоряжение накормить наш отряд на Николаевской дороге.

— А что? — спрашивает с помутившимися глазами Скрыпник.— Расстрелять его!

— Что ты! Что ты, Микола! Очухайся! Это Невский! — говорит ему, смеясь, Галкин.

— А, Невский! — отвечает Скрыпник и, круто поворачиваясь, идет куда-то давать распоряжение.

Помню Подвойского, радостного, как солнце, кипучего, энергичного и всякий раз успевавшего быть в тысяче местах, ничего не оставить без внимания, без указания.

Помню сотни других товарищей, фалангу молодежи, затем старых большевиков, ту старую гвардию, которая не только сумела воспитать молодое поколение борцов, начиная с 90-х годов, но которая и сама оказалась в авангарде этих борцов Октября 1917 года.

Члены ЦК и ПК, члены районных комитетов, рядовые члены организации, рабочие из районов, солдаты, наша революционная молодежь, наши старики, цвет нашей старой гвардии, рабочий класс столицы — все были на своих местах.

Грузовые автомобили, наполненные рабочими заводов, солдаты, идущие эшелонами, броневики, походные кухни, артиллерия, работницы, даже подростки — хаос движения и людей, хаос мыслей и положений, и над всем этим огромная воля к победе у рабочего класса, сумевшего своим энтузиазмом, самоотвержением и героизмом и в столице, и под Царским, и во время восстания юнкеров, и на почте, и на электрической станции, которые пытались бастовать, и на железных дорогах — кого зажечь жаждой борьбы, кого увлечь, убедить, кого подавить силой оружия.

Измученный и усталый, как и все, обезумевший без сна, я через несколько дней, шатаясь, шел по коридорам Смольного с одним желанием — лечь и уснуть.

Вдруг навстречу идет огромного роста человек, а за ним человек 15 молодых людей с винтовками.

— А, вот вы где! — вопит великан, и через минуту он душит меня в объятиях.

Я узнаю доктора Исполатова, революционера-большевика.

— Вот узнал о восстании,— вопит доктор,— вынул спрятанные мною винтовки еще от 1905 года, собрал ребят и айда сюда! Сегодня приехал и уже был у Ленина.

«Ребята» улыбаются, у них блестят зубы и дула, и все их фигуры дышат готовностью умереть за дело Советов. Уславливаемся о встрече с доктором, примчавшимся из глубины Тамбовья, и я бегу спать.

Проснувшись на другой день, я снова бросился в водоворот борьбы; 14 ноября Ленин подписал распоряжение о назначении комиссаром путей сообщения М. Т. Елизарова[1] и второе распоряжение — о назначении меня членом коллегии. Я не хотел этого. Мне не хотелось занимать никаких высоких должностей, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Я всячески старался уклониться от этого назначения.

Но вызванный В. И. Лениным, выслушав его доводы, я беспрекословно подчинился приказанию.

...Чтобы закончить эти беглые беспорядочные заметки, хочу рассказать один маленький эпизод.

Мы, напрягая все свои усилия, вели борьбу с нашими врагами, мы взяли власть, опираясь на монолитную готовность всей нашей партии идти всем до конца. И вдруг группа ответственных старых товарищей выступает против общей линии партии. Все мы помним, как отнеслась к этим товарищам партия: она осудила их и сказала, оценив их поступок: «Партия сильна и крепка и без вас».

Как-то идя по коридору Смольного, я встретил одного из лидеров группы, моего старого товарища, когда-то работавшего вместе со мной в Питере. Он остановил меня и, поговорив о создавшемся положении, сказал:

— А что вы скажете, Владимир, если я начну издавать газету для отстаивания нашей линии?

Я хотел было ответить моему старому приятелю, как вдруг... не удержался и расхохотался. За спиной моего приятеля стоял Владимир Ильич и, добродушно улыбаясь, говорил:

— Газету? Так-с! Так-с!

Мой приятель обернулся, и густая краска покрыла его лицо. Как пуля, он умчался в другую часть коридора.

Владимир Ильич поздоровался со мной и добродушно заметил:

— Ничего. Снова придут к нам. Больше некуда.

[1] Елизаров М. Т. (1862—1919) — профессиональный революционер, член партии с 1893 года. После Великой Октябрьской социалистической революции — нарком путей сообщения

Мне почему-то вспомнился этот маленький эпизод, когда я задал себе вопрос, почему мы победили в Октябре.

Я знаю, что исторические причины закономерного общественного процесса привели рабочий класс всего мира к борьбе против буржуазии, что особые условия нашей истории раньше других передовых стран привели нас к социалистической революции и социализму, что наличие такой партии, как партия Ленина, и, наконец, работа, руководство и гений такого вождя, как Ленин, обеспечили нашу победу.

* *
*

Георгий Иванович БЛАГОНРАВОВ

Благонравов Г. И. (1896—1938 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде.
Родился в семье служащего в г. Егорьевске
Московской губернии. Учился в Московском
университете. Установил связь с подпольной
большевистской организацией и по ее заданию
распространял партийную литературу. В годы
первой мировой войны призван в армию (1915 г.).
Февральскую революцию 1917 г. встретил
в г. Егорьевске, где служил прапорщиком
в пехотном полку. Избран председателем полкового
солдатского комитета. Член, а затем
председатель Егорьевского Совета.
Был членом ВЦИК.
Член Коммунистической партии с марта 1917 г.
Накануне Октябрьского вооруженного восстания
в Петрограде входил в Военную организацию

при ЦК РСДРП(б). 23 октября (5 ноября) 1917 г. ПВРК назначил Благонравова комиссаром Петропавловской крепости. Вместе с гарнизонным комитетом комиссар привел Петропавловскую крепость в полную боевую готовность.
После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, с 29 октября (11 ноября) 1917 г.— чрезвычайный военный комиссар по охране Петрограда; сыграл важную роль в подавлении контрреволюционного юнкерского мятежа. Участник гражданской войны. В дальнейшем — на партийной и советской работе.

* * *

Верность принятому решению [1]

23 октября в Смольном Благонравова встретил член ВРК А. Д. Садовский.

— Где это вы запропали? — спросил он.— Идите! Скорее — вы очень нужны в ВРК.

— Бегу!

Вот и комната № 79... А в ней — Подвойский, Мехоношин, Еремеев и другие члены ВРК. Георгий Иванович не успел с порога всех разглядеть, как услышал возглас обернувшегося к двери Николая Ильича Подвойского:

— А! Вот вы очень кстати!

Стремительным шагом, высокий, худой, он подошел к Благонравову, взял под руку, отвел в сторонку.

— За время вашей поездки положение крайне обострилось,— начал быстро Николай Ильич, как всегда, глядя собеседнику прямо в глаза.— Керенский стягивает силы: под видом оперативных перевозок с фронтов вызвана пехота, кавалерия, ударные и офицерские батальоны. Около Гатчины — казаки из бывших корниловцев... ВРК назначает комиссаров в части гарнизона, на корабли флота и важнейшие объекты города... Наши комиссары направились и в штаб округа, но Главнокомандующий отказался их признать. Вчера здесь, в Смольном, состоялось совещание представителей гарнизона. Они призвали всех солдат выполнять только те распоряжения, которые подписаны комиссарами ВРК.

— Да ведь это прямой конфликт между Советом и штабом!

— Правильно! — согласился Подвойский.— А за штабом стоит Временное правительство. Есть сведения, что Керен-

[1] Из книги: *Палант М.* Гроза на рассвете. М., 1980.

ский готовится объявить ВРК незаконным и начать репрессии.

— Николай Ильич! — позвали Подвойского.— Срочное дело!

— Сейчас, одну минуту! Так вот, товарищ Благонравов, у нас нет еще комиссара Петропавловской крепости. Мы пока послали туда Тер-Арутюнянца комиссаром Кронверкского арсенала и Вишневского — временно — для работы в гарнизоне. Нужен комиссар для руководства всей Петропавловкой — это сейчас особенно важно! Настроение гарнизона крепости далеко не ровное. Пойдете?

— К выполнению задания готов,— коротко ответил Благонравов.— Когда отправляться в крепость?

— Иного ответа и не ожидал,— улыбнулся Подвойский.— Отправитесь прямо сейчас, вот только мандат оформим.

Присев за стол, он быстро написал текст мандата комиссара ВРК в Петропавловской крепости.

Вручая мандат, он на ходу дал последние указания:

— Первым делом свяжитесь с председателем большевистской ячейки крепости солдатом Павловым. Держите связь с нами, с Советом Петроградской стороны, с комитетами соседних воинских частей. На телефон пока особенно не надейтесь — барышни на станции могут саботировать, так что выделяйте посыльных. Ну, в добрый час!..

В канун Октябрьского восстания старая Петропавловка [1] приобрела совершенно исключительное значение.

Расположенная напротив Зимнего, она в то же время лежала на стыке двух боевых рабочих районов — Выборгской и Петроградской сторон. Стволы ее пушек были обращены прямо на резиденцию правительства. Отсюда устанавливался контроль над Невой, над важнейшими мостами — Троицким и Николаевским. Здесь, в Кронверкском арсенале, хранились 100 тысяч винтовок и множество другого оружия, а также боеприпасы.

Прочные крепостные стены не боялись снарядов даже от трехдюймовок. Недаром Владимир Ильич Ленин в своем письме «Марксизм и восстание», направленном Центральному Комитету партии в середине сентября 1917 года, указывал на необходимость обязательного овладения Петропавловской крепостью в числе самых важных объектов Петрограда.

Петропавловка, всегда бывшая опорой власти эксплуататоров, на этот раз должна была заставить сдаться Зимний!

[1] Петропавловская крепость заложена Петром I в 1703 году как основа для обороны Петербурга. В соборе погребали русских императоров, сырые бастионы были политической тюрьмой с особо жестоким режимом.

В ночь с 22 на 23 октября на экстренном заседании Военно-революционного комитета о Петропавловке шел особый разговор. Конечно, всем было ясно, что этот ключ к Петрограду должен находиться в руках большевиков. Но гарнизон крепости, насчитывающий около 8 тысяч человек, весьма разнороден. Что делать? В. А. Антонов-Овсеенко предлагал: немедленно ввести в Петропавловку несколько рот надежного Павловского полка, таким путем попытаться овладеть крепостью. Но большинство ВРК высказалось за другой вариант: Петропавловку надо брать изнутри — провести в гарнизоне митинги, склонить его на сторону Военно-революционного комитета. Так и решили. Оставалось подобрать подходящего комиссара. Выбор Подвойского пал на Благонравова не случайно. Вот что писал он впоследствии в своих заметках председателя ВРК о тех, кто составлял кадры Военной организации большевиков:

«Благонравов Георгий. Его испытанности, уму, выдержке, твердости, верности до смерти раз принятому решению отдано было командование Петропавловской крепостью и в случае отреза контрреволюционерами Смольного организация в крепости центрального штаба для продолжения руководства восстанием»[1].

Партия оказывала Георгию Ивановичу высокое доверие. И он должен был его оправдать.

Иван Васильевич Павлов посланцу ВРК обрадовался и проводил его в клуб гарнизона крепости. По дороге коротко рассказал о состоянии частей гарнизона. Благонравов тут же предложил Павлову созвать экстренное собрание членов партии и самых надежных из сочувствующих ей солдат.

Договорились: вечером, в 8 часов, созвать собрание представителей всех частей гарнизона. А пока решено поближе познакомиться с главной опорой — с пулеметчиками-кольтистами.

— Товарищ Павлов, где и когда соберем кольтистов?

— Давайте сейчас в казармах.

— Пошли!

В небольшом помещении казарм яблоку негде упасть. Солдаты на нарах, в проходах между нарами, на подоконниках. Сначала выступает Павлов. Затем — очередь комиссара ВРК.

«Никогда, кажется, не чувствовал себя я так хорошо,— писал впоследствии Благонравов в воспоминаниях.— Слова

[1] Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1967, т. 4, с. 157.

льются свободно. Солдаты громко приветствуют Петроградский Совет и Военно-революционный комитет и до жуткости внимательно слушают. Ставлю вопрос резко. Указываю, что только с боем мы можем вырвать власть из рук Временного правительства; призываю беспощадно расправиться с теми, кто выступит против нас и останется по ту сторону баррикад. Вижу, что не сказал ничего нового, а лишь выразил общее настроение. Понимаю, что собравшиеся здесь не только умеют громко хлопать, но и будут хорошо стрелять. После меня выступают ораторы из среды солдат. Все, как один, заражены общим настроением, все готовы к выступлению по первому призыву Военно-революционного комитета»[1].

Стрелки часов приближаются к восьми — скоро собрание. В гарнизонный клуб стягиваются представители всех подразделений. Офицеры и некоторые солдаты из батальона самокатчиков вытягиваются и козыряют немолодому полковнику, уверенным шагом следующему к столу гарнизонного комитета.

— Полковник Васильев, комендант крепости,— негромко пояснил Павлов.

Первым говорил Вишневский, за ним Павлов. Сразу выяснилось настроение: против Временного правительства — большинство, за — явное меньшинство. Тогда поднялся Васильев. По тому, как сразу оживились офицеры и часть самокатчиков, было видно, что комендант — главная надежда здешних сторонников Керенского. Зычно, самоуверенно полковник выпустил всю стандартную обойму:

— В то время, когда наши братья-фронтовики гибнут в окопах и ждут помощи, безответственные лица — комиссары Военно-революционного комитета... поверьте моим сединам и старым ранам... всемерно поддержим Временное правительство...

В ответ — весьма жидкие аплодисменты тех, кто приветствовал полковника при его появлении.

Благонравов встал, поправил пояс, загнал складки гимнастерки назад и решительно начал:

— Товарищи! Позвольте прежде всего внести ясность в вопрос о том, кто не на словах, а на самом деле взял на себя историческую ответственность за судьбы родины и революции! Я оглашу принятое сегодня Военно-революционным комитетом воззвание «К населению Петрограда».

[1] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции, с. 112

Георгий Иванович достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок, аккуратно развернул его и начал читать ровным, твердым голосом: «К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем:

В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары как представители Совета неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов».

Подписано: «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов»[1].

— С этим вопросом все ясно, товарищи?

Затем Благонравов говорит о значении образования ВРК, о сути грозных событий, о долге каждого, кому дорога подлинная свобода...

Звонит телефон: говорят из Смольного, интересуются положением в крепости. Комиссар делает краткий доклад о всех событиях дня.

— Как? Не спим ли? Ну, знаете, чем-чем, а уж сном здесь и не пахнет! — смеется в заключение разговора Благонравов.

И в самом деле: разве скажешь, что приблизилась ночь? Кругом огни, шум, движение: идут представители из соседних воинских частей, с заводов, из Совета Петроградской стороны — устанавливается связь, рычат грузовики — прибывают люди за оружием из арсенала. Тут и красногвардейцы с заводов и фабрик, и делегации от солдат и моряков — все готовятся к решительному бою, всем нужны винтовки, патроны, гранаты, пулеметы «максим» и кольт...

Ночь проходит — быстро, без сна, как будто ее и не было...

Учитывая возможность нападения контрреволюционных войск на Смольный, Центральный Комитет принял решение: организовать запасный штаб восстания в Петропавловской крепости, выдать пропуска в нее всем членам ЦК. Осуществление постоянной связи с крепостью было поручено Я. М. Свердлову, общее наблюдение — М. М. Лашевичу и Г. И. Благонравову.

Центральный Комитет партии поручил Военно-революционному комитету форсировать восстание.

[1] Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы (далее Петроградский ВРК...). М., 1966, т. 1, с. 67.

Своим комиссарам и солдатским комитетам в воинских частях ВРК направил предписание № 1 с требованием привести революционные силы в боевую готовность, выслать двух связных в Смольный и поддерживать с ВРК непрерывную связь. Революционные полки обязывались быть готовыми к вооруженному выступлению по приказу ВРК.

В соответствии с решением Центрального Комитета партии самое первое предписание № 1 ВРК отправил в Петропавловку. Утром 24 октября курьер из Смольного вручил Благонравову срочный секретный пакет. С тревожным предчувствием Георгий Иванович надорвал конверт, достал листок бумаги с написанным на машинке текстом. Побежали торопливо напечатанные строчки: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность... Ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей в Петроград юнкеров и ударные батальоны. Нападение на газету «Рабочий путь».

Благонравов нахмурил брови: ну, это, бесспорно, открытое объявление войны! Что же в связи с этим приказывает ВРК? Вот, вот: «Незамедлительно привести Петропавловскую крепость к решительному отпору, выставить секреты, выставить к воротам самый решительный караул. В крепость и из крепости никого не выпускать, кроме частей и лиц, которые предъявят ордер Военно-революционного комитета.

Выслать немедленно связь в Смольный институт...»[1]

Все пришло в движение. К воротам крепости отправился усиленный караул, а за ее стены разошлись в разных направлениях патрули. Пулеметчики принялись за чистку кольтов и под руководством своих офицеров-большевиков стали устанавливать их на крепостной стене — для обстрела Троицкого моста и набережной. Отряд кольтистов занял и вышку Народного дома.

Как будто все в порядке, но на душе у комиссара все же становится тревожно. «А вдруг ночью юнкера попытаются овладеть мостом или учинить какую-нибудь другую пакость?» — думает Благонравов и решает сам осмотреть подступы к крепости.

Взяв фонарь, вместе с группой солдат-большевиков Георгий Иванович вышел за ворота. С Невы по-прежнему дул холодный ветер. Встреченные Благонравовым патрульные не дремали, но комиссар решил на всякий случай увеличить число караулов...

Георгий Иванович нетерпеливо прикидывал: когда же начнется наступление на Зимний? Решил сам поехать в ВРК.

[1] Петроградский ВРК..., с. 86, 87.

В Смольном при входе на второй этаж Благонравов столкнулся с Антоновым-Овсеенко.

— Товарищ Благонравов! Как раз вовремя,— обрадовался тот и потащил комиссара Петропавловской крепости в комнату ВРК. Здесь, у большого плана Петрограда, утыканного флажками, работала специальная «тройка», выделенная ВРК для руководства операцией по занятию Зимнего дворца: В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский и Г. И. Чудновский. К ним присоединился Благонравов.

«Наскоро мы начали разрабатывать план военных действий и произвели приблизительный подсчет наших сил,— рассказывал впоследствии Георгий Иванович.— Главным опорным пунктом и базой должна была быть Петропавловская крепость, которая связывалась с соседними частями и с «Авророй» (Антонов должен был ехать на «Аврору»). Воинские части должны были со стороны Миллионной улицы, Невского и других прилегающих к Зимнему улиц изолировать плотным кольцом Зимний дворец и затем по первому сигналу постепенно суживать это кольцо вокруг дворца. Против предполагаемого выступления ненадежных казачьих частей и юнкерских училищ были выставлены заслоны от ближайших большевистских воинских частей и заводов. Эти заслоны должны были парализовать возможный удар в тыл наступающим на Зимний дворец нашим частям. Провести этот план в жизнь нужно было немедленно. Общее наступление и бомбардировка Зимнего дворца должны были начаться сегодня же не позднее 9 часов вечера, после того как все будет готово, по особому сигналу из крепости. Подробности плана должны были выработать я и Антонов на месте»[1].

Договорившись о переводе полевого штаба по руководству восстанием в Петропавловку, участники совещания приступили к немедленным действиям.

Вернувшись в крепость, Благонравов занялся решением самой важной теперь задачи: подготовкой к артиллерийскому обстрелу Зимнего.

На Нарышкинском бастионе крепости стояли 11 шестидюймовых медных пушек образца 1867 года, сменившие лет 10 назад орудия еще более древнего образца. Из этих пушек четыре использовались до Февральской революции для торжественных салютов (после свержения самодержавия салюты прекратились). Одна пушка — вестовая — производила

[1] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции, с. 118—119

традиционный ежедневный полуденный выстрел. Обслуживались эти пушки Петроградской отдельной крепостной артиллерийской ротой, размещавшейся непосредственно в Петропавловке.

Подумав, что от пушек «времен очаковских и покоренья Крыма» толку будет мало, Благонравов вместе с Павловым и Кондаковым отправился в Кронверкский арсенал, на дворе которого после недолгих поисков обнаружилось несколько обычных полевых трехдюймовых пушек.

По внешнему виду они выглядели вполне пригодными, и тут же было решено изготовить их к бою.

— Сейчас вычистим — все будет как положено,— подхватывают сразу несколько артиллеристов.

— Что ж, действуйте!

В это время Благонравову сообщают: в крепость с «Авроры» прибыл Антонов-Овсеенко. Благонравов спешит навстречу:

— Что нового, Владимир Александрович?

— Все в порядке! Скоро прибудут кронштадтцы. Хочу подвести «Аврору» еще ближе к Николаевскому мосту, а может, и за мост, поближе к Петропавловке... Для связи с вами крейсер вышлет паровой катер. Давайте уточним детали штурма, пора!

Антонов-Овсеенко и Благонравов договариваются: как только все окружившие Зимний войска будут готовы к бою и орудия Петропавловки выдвинутся к Неве, на флагштоке крепости появится сигнал — красный фонарь и будет сделан холостой выстрел из пушки. По этому сигналу «Аврора» откроет огонь — тоже холостыми, для устрашения.

В начале седьмого в Петропавловке был готов перепечатанный на машинке окончательный текст ультиматума:

«Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Авроры», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета
Антонов.

Комиссар Петропавловской крепости
Г. Б.»[1].

Ультиматум вложили в конверт, адресованный главнокомандующему Петроградским военным округом. Пакет взяли самокатчики В. Фролов и А. Галанин, чтобы доставить его в штаб округа. Уточнили маршрут — через Троицкий мост и по Миллионной улице,— после чего оба самокатчика сели на свои велосипеды и отправились в путь.

Получив в 7 часов 5 минут вечера подписанный Антоновым-Овсеенко и Благонравовым ультиматум, члены Временного правительства обсуждали: сдаваться или не сдаваться?..

Пока министры совещались, отведенные им 20 минут истекли. Парламентеры, ждавшие в штабе, потребовали ответа. Потом вышли из штаба и подозвали находившийся неподалеку сводный отряд из солдат Павловского полка и красногвардейцев. Бойцы сводного отряда спокойно вошли в здание штаба и приказали бывшим здесь юнкерам сдать оружие. Офицеров штаба арестовали и отправили в Петропавловку.

Вернувшись в крепость, Георгий Иванович первым делом осведомился: подготовлена ли пушка для сигнала «Авроре»?

Оказалось, что солдаты-артиллеристы не только могут произвести сигнальный выстрел, но и изготовили еще три шестидюймовых орудия с Нарышкинского бастиона для огня по Зимнему холостыми, а если понадобится, то и боевыми зарядами. Снаряды для этого — гранаты — имеются в крепости, в складе порохового погреба, и за ними уже пошли...

Примерно в 9 часов 30 минут вечера на Дворцовой площади вспыхнула ожесточенная перестрелка. Как только ее звуки донеслись до Петропавловки, здесь поняли: пора!

— Подать сигнал «Авроре»! — отдал команду Благонравов.

[1] Исторический архив, 1960, № 6, с. 46

И вот 25 октября 1917 года в 9 часов 40 минут вечера на сигнальной мачте Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости появляется поднятый каптенармусом артиллерийской роты Крыловым красный фонарь. И вслед за этим канониры Смолин, Вилланен, бомбардир Сколотнев и другие артиллеристы той же роты дают холостой выстрел из вестовой пушки — шестидюймового медного орудия № 5181 [1].

* *
*

[1] Ныне это историческое орудие можно увидеть в Центральном военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде.

Григорий Исаакович ЧУДНОВСКИЙ

Чудновский Г. И. (1890—1918 гг.),
участник Октябрьской революции в Петрограде.
Родился в семье адвоката в Екатеринославе
(ныне Днепропетровск). В 1905 г. исключен
из гимназии за участие в революционном движении.
В 1908 г., будучи студентом юридического
факультета Петербургского университета,
вступил в группу меньшевиков-партийцев.
Вел пропаганду в рабочих кружках.
В 1911 г. вместе с большевиком Г. А. Усиевичем
приговорен на вечное поселение в Восточную
Сибирь (Минусинский уезд). Из ссылки бежал,
эмигрировал в Вену.
После Февральской революции 1917 г., в мае,
вернулся в Петроград, примкнул к «межрайонцам»,
вместе с которыми на VI съезде РСДРП(б)
принят в партию большевиков.

Ушел рядовым в действующую армию. Был избран членом корпусного комитета Юго-Западного фронта. Талантливый агитатор, Чудновский в своих выступлениях перед солдатами разоблачал антинародную политику Временного правительства, разъяснял большевистскую платформу по вопросам революции. Вошел в состав Всероссийского бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), член ПВРК, комиссар ВРК в Преображенском полку. По поручению ПВРК 25 октября (7 ноября) 1917 г. Чудновский вместе с Н. И. Подвойским и В. А. Антоновым-Овсеенко руководил операциями по взятию Зимнего дворца, участвовал в аресте министров Временного правительства и сопровождал их в Петропавловскую крепость. Первый советский комендант Зимнего дворца. Делегат II Всероссийского съезда Советов от частей Юго-Западного фронта. Участвовал в разгроме мятежа Керенского — Краснова, был ранен. Сражался как чрезвычайный комиссар Юго-Западного фронта против контрреволюционных войск Центральной рады на Украине. Погиб в бою на Юго-Западном фронте в мае 1918 г.

* * *

Комендант Зимнего [1]

Я не только историк, а свидетель того, что произошло в 1917-м, друг Григория Чудновского с юности...

В один солнечный майский день — это было 4 мая 1917 года — передо мной появился Григорий, смеющийся, оживленный, загорелый после морского путешествия из Америки. Поставив чемодан на пол, он широко раскинул руки. Казалось, Гриша хочет сразу обнять всех друзей, всех близких, всю всколыхнувшуюся Россию...

Запомнился мне вечер, один из первых по приезде, когда Григорий читал Апрельские тезисы В. И. Ленина. Он взволнованно потрясал номером «Правды», где они были напечатаны, и возбужденно говорил: «Вот, вот как надо действовать!»

Григорий, успешно испробовавший свои силы в журналистской и в теоретической работе, неожиданно для самого себя становится пламенным агитатором, популярным среди масс оратором. Он выступал ежедневно, а нередко и по нескольку раз в день. Его можно было услышать на митингах в казарме, на заводе и на Якорной площади в Кронштадте.

[1] Из книги: *Корольчук Э. А.* Григорий Чудновский. Л., 1969.

Энтузиазм, пылкость, сила убеждения, искренность, звучавшие в сильном голосе, приковывали внимание.

Чудновский был выдвинут кандидатом по общему списку большевиков и «межрайонцев» в Александро-Невскую районную думу, а затем избран в нее. Позднее Григория избрали и в городскую думу.

Рассказывая мне о результатах выборов, Григорий засмеялся: «Не шути со мной: я теперь занимаю видное общественное положение — гласный думы, освобожден от мобилизации и даже жалованье буду получать». Но он так ни разу и не удосужился получить это свое «жалованье».

Очень скоро наступил момент, когда жизнь Чудновского круто изменилась.

Однажды на заседании районной думы после речи Чудновского один из оборонцев грубо крикнул ему: «Трус! Дезертир!» Григорий ощутил это как пощечину, как оскорбление, нанесенное всем большевикам.

Д. З. Мануильский, часто встречавшийся в то время с Чудновским, вспоминал, как больно задела Григория эта клевета: «В той схватке с эсеровской тыловой сволочью он, преданный революционер, готовый в любую минуту положить свою жизнь за торжество дела трудящихся, слышит утробное рычание: «Вы, большевики, не хотите идти на фронт. Вы трусы, вы — дезертиры».

Я помню тот день, когда он, взволнованный, красный, пришел с заседания, кажется, Невской районной думы после горячей перепалки с эсерами, меньшевиками и кадетами. На лице его было неподдельное возмущение.

— Вы подумайте только,— говорил он гневно группе своих друзей,— эти негодяи хотят уверить массы, что мы боимся свиста пуль и смерти. Я завтра же, хотя и освобожден как гласный думы от мобилизации, вступаю добровольцем в воинскую часть, в первую маршевую роту, отправляемую этими лицемерами на фронт. Я покажу массам, что и под грохот орудий мы умеем делать наше революционное дело».

27 июня 1917 года «Правда» опубликовала его «Письмо идущего на фронт»: «...мы — революционеры. Мы не боимся ни пули врага, ни клеветы и грязи отечественных мошенников пера и слова, и там, где смерть будет свистеть над ухом наших братьев, она будет грозить и нам. Но мы не забудем, что мы оставили позади нас. И мы не устанем твердить нашим братьям правду о войне, о свободе, о врагах революции!

Революционеры, мы не увеличим опасность, грозящую братьям в траншеях. Но мы усилим мощь революции, ведя

всюду и всегда свою пропаганду: вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Да здравствует мир!

Да здравствует братство рабочих!

Да здравствует революция!

Ибо мы — солдаты пролетарской революции».

Чудновский уехал на фронт в день опубликования письма, 27 июня 1917 года, как рядовой маршевой роты гвардии Преображенского полка.

Д. З. Мануильский считал, что правительство Керенского преднамеренно услало Чудновского на самый отсталый в политическом отношении Юго-Западный фронт.

Преображенский полк входил в 11-ю армию Юго-Западного фронта. Чудновский попал на фронт в самый тяжелый момент. Наступление, начатое 18 июня по воле Временного правительства, быстро захлебнулось. Уже 6 июля австро-германские войска перешли в контрнаступление и прорвали оборону на участке 7-й и 11-й армий. Россия понесла тяжелые потери: с 18 июня по 21 июля они составили около 150 тысяч человек.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов, представитель наиболее реакционной части генералитета, и комиссар Временного правительства эсер Б. Савинков, направленный Керенским на этот фронт, начали кампанию жесточайших репрессий. Корнилов отдал приказ расстреливать из пулеметов и артиллерии отступающие части.

В одном из писем ко мне Григорий писал: «Вряд ли в армии был более трудный и ответственный момент, чем сейчас. И вот все свои силы я трачу на улажение всяких конфликтов и трений, на успокоение возбужденных людей, на медленное и кропотливое внедрение революционного сознания в пробудившиеся, но не установившиеся головы».

Для того чтобы завоевать доверие и авторитет среди солдат, нужно было разделять с ними все тяготы окопной жизни, вместе идти в бой, сжиться с массой, не выделяться среди нее. В то же время нужно было вести массу за собой, получить ее признание.

Но ни разу ни одной жалобы на трудную задачу, на тяжкие условия окопной жизни не прозвучало в письмах Григория и в его маленьких записочках, которые он часто присылал мне с фронта с «оказией» — с кем-нибудь из солдат.

Один из этих посланцев, преображенец Завьялов, сказал, что Чудновский «стал любимцем всего 1-го гвардейского корпуса».

В последних числах июля Чудновский приехал на короткое время в Петроград. В эти дни на VI съезде в ряды партии были приняты члены «межрайонки». Оформилось и его положение: он был теперь большевиком...

В первых числах августа Чудновский снова на фронте. 3 августа он председательствует на заседании комитета 1-й гвардейской пехотной дивизии, входившей в 1-й гвардейский корпус 11-й армии. По его настоянию был поставлен вопрос о реабилитации полков 1-го корпуса, которые подверглись гонениям после провала июньского наступления.

5 августа 1917 года Григорий написал мне: «У нас образован комитет 1-й пехотной гвардейской дивизии, и я выбран его председателем. Несмотря на все мои упирания, мне придется, вероятно, проживать при штабе дивизии, а не в полку».

Как и прежде, Григорий опасался, что его, большевика, могут заподозрить в желании уклониться от опасности. И он прибавляет: «Я ставлю, однако, условием разрешение присоединяться к моему полку всякий раз, как он будет отправляться в бой».

В августе Чудновского избрали председателем комитета 1-го гвардейского корпуса. 11-я армия, куда входил этот корпус, получала пополнения из Петрограда, и большевиков в сравнении с другими армиями Юго-Западного фронта там было больше. Революционизированию солдат этой армии способствовало и то обстоятельство, что они, в частности многие полки 1-го корпуса, подверглись жестоким репрессиям после провала июньского наступления.

В августе 1917 года обстановка на Юго-Западном фронте чрезвычайно усложнилась: вспыхнул давно подготовлявшийся мятеж, возглавленный генералом Корниловым.

Бесстрашная агитация, которую вели большевики среди солдатских масс, в тылу врага, давала ощутимые результаты; этой работе много сил отдавал Чудновский. Он разъяснял солдатам, что цель корниловщины — удар по революции, затеянный кадетами и царскими генералами, и одновременно разоблачал предательское поведение соглашательских солдатских комитетов.

Генеральский заговор потерпел полный крах.

Среди солдатских масс возрос авторитет большевиков. Все больший отклик стали получать их призывы положить конец войне, передать всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Большую роль в этот период сыграл Областной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края. Под его руководством в сен-

тябре 1917 года находилась Военная организация, которая вела работу и на фронте. 12 сентября комитет созвал в Киеве областное партийное совещание, обсудившее предложения, необходимые для усиления партийной агитации среди солдатских масс.

Активное участие в этом совещании принял Григорий Чудновский, как представитель большевистских организаций Юго-Западного фронта. Он выступил с докладом о состоянии партийной работы в воинских частях и отметил ее недостатки.

Совещание разработало меры для издания фронтовых большевистских газет и политической литературы для солдат, а также для подготовки агитаторов. С этой целью комитет 11-й армии организовал в начале сентября курсы агитаторов. На этих курсах Григорий читал лекции.

Вопрос о курсах рассматривался на заседании корпусного комитета под председательством Чудновского 8 сентября. Здесь же была принята резолюция, осуждавшая введение смертной казни на фронте. «В свободной России,— говорилось в ней,— не должно быть смертной казни для детей народа. Пусть Корнилов будет последней жертвой ее. Смертная казнь, являясь плохим оружием защиты свободы, служит лишь интересам контрреволюции».

Доверие солдатских масс, которое завоевал на Юго-Западном фронте большевик Чудновский, выразилось в том, что 9 октября 1917 года в местечке Тарноруде на объединенном заседании корпусного, дивизионных, полковых, бригадных комитетов (где присутствовало 235 человек) его избрали делегатом от 65 тысяч человек на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

...Когда рано утром раздался знакомый продолжительный звонок и вошел Григорий, я отступила назад. Он был опять какой-то новый, другой. Помятая, видавшая виды солдатская шинель с оторванным, болтающимся сзади хлястиком, темное, похудевшее, но возбужденное радостное лицо и неистребимый окопный запах.

Отдохнув немного, Григорий с головой ушел в работу. Большую часть времени он уделял Военной организации при ЦК РСДРП(б). Настали бурные дни, очень сложные и трудные для него. Таких тихих, задушевных бесед у нас в ближайшие недели уже не было. Григорию пришлось немало передумать и пережить за это время. Он неоднократно выступал на собраниях, нередко ошибался в оценке момента, готовности страны к вооруженному восстанию, но умел мужественно исправлять свои ошибки.

Григорий выступил на ночном заседании Петроградского Совета 18 октября с гневной отповедью меньшевикам и эсерам. Это выступление описал Джон Рид в своей замечательной книге «10 дней, которые потрясли мир»: «Поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в июльском [1] наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых». Хотя Джон Рид допустил ошибку (он писал, что Чудновский говорил о 5-й армии, а не об 11-й, в которую входил 1-й гвардейский корпус), в целом речь Чудновского передана им правильно. В отчете, напечатанном в газете «Рабочий путь» (в № 41 за 1917 год), она изложена так: «Солдатские массы требуют мира. Они изверились в бумажные резолюции так называемых вождей революционной демократии. Все свои надежды солдаты возлагают теперь на съезд Советов. Они требуют, чтобы власть была взята в руки Советами». Дальше Чудновский с возмущением рассказал, как оборонцы препятствуют большевистской работе в армии: «Большевикам грозят арестами... На фронте нет свободы печати и слова. На основании каких правил и законов делается все это, неизвестно. Но, несмотря на все это, движение в массах в пользу партии большевиков растет и ширится».

18 октября в Смольном состоялось широкое собрание актива Петроградской большевистской организации. На этом собрании снова разгорелись споры о сроке восстания.

Собралось около 150—200 человек. Здесь были члены ЦК, работники ПК, «Военки», представители партийных районных организаций Питера, крупных заводов. Доклад о подготовке вооруженного восстания сделал Ф. Э. Дзержинский. В прениях «одним из первых выступил Чудновский,— пишет К. Т. Новгородцева-Свердлова.— Он был замечательным оратором, на редкость горячим и темпераментным человеком. Чудновский только что вернулся с фронта и еще недостаточно разобрался в обстановке, слабо ориентировался в настроениях рабочих и солдат Питера, не знал, что творится во всей стране. Ему казалось, что начинать восстание рано, и он выступил против восстания».

Н. К. Крупская писала позднее: «Помню, выступал за вооруженное восстание Дзержинский, против — Чудновский... Волнуясь, он доказывал, что мы потерпим неминуемо поражение, что нельзя торопиться». Надежда Константиновна

[1] Джон Рид имеет в виду, очевидно, июньское наступление, но это ошибка — Чудновский приехал на фронт, когда наступление окончилось

запомнила даже слова Григория: «Ничего нет легче, как умереть за революцию, но мы повредим делу революции, если дадим себя расстрелять».

Чудновскому на собрании возражали многие, и особенно резко А. Слуцкий, популярный в то время партийный пропагандист. Не зная лично Григория, он сказал, что выступать против восстания может только трус.

Участница этого собрания Р. А. Ковнатор вспоминает, каким ударом были для Чудновского слова Слуцкого: «Чудновский стоял у самой двери. Он очень страдал все эти дни. Его тонкое лицо еще более обострилось. Похудевший, он казался выше и стройнее в туго затянутой ремнем простой солдатской рубашке. Он стоял вполоборота, но на последние слова Антона Слуцкого обернулся. Краска залила его лицо, и с какой-то смущенной, почти детской улыбкой он вскрикнул: «Да что вы говорите? Ведь я же буду солдатом на первой баррикаде!»

Рядом с Ковнатор сидел Гавриил Жигарев, член Петроградского райкома. «Он, разумеется, не был согласен ни с одним доводом речи Чудновского. Но сейчас он наклонился,— пишет далее Ковнатор,— и сказал восхищенно: «Чудновский — это мужественный, верный товарищ».

Очень верно охарактеризовал душевное состояние Григория И. П. Флеровский, который сдружился с ним в те дни и считал его «на редкость хорошим, кристально чистым» товарищем. «Чудновский не был трусом и не страдал пороком близорукости,— писал И. П. Флеровский,— это был исключительно смелый человек, что он показал в боях у Зимнего дворца и в гражданской войне. В наших настроениях лишь отражалась разница опыта. Тогдашний фронт еще не был Кронштадтом и заставлял в прогнозе событий быть осторожным. Отсюда и точка зрения Чудновского».

Но прошло два дня, и у Чудновского, оказавшегося в самой гуще октябрьских событий, все сомнения были сметены.

12 октября на заседании Исполкома Петроградского Совета было принято решение о создании Военно-революционного комитета.

Григорий Чудновский участвовал в его первом организационном заседании. Вернувшись с этого заседания, Григорий сказал мне, что он вошел в состав ВРК и будет послан комиссаром в один из петроградских полков.

Одним из важных вопросов, которые обсуждались на этом заседании, был вопрос о проведении Дня Петроградского Совета, назначенного на 22 октября. Целью этого мероприятия была мобилизация революционных сил столицы. Однако

контрреволюционеры решили сорвать проведение Дня Петроградского Совета и назначили на этот день «крестный ход» казаков «для моления о спасении родины». В церквах произносились погромные проповеди, в казармах контрреволюционеры настраивали казаков против рабочих, против «безбожников-большевиков». Необходимо было прекратить эту злостную провокацию, проводившуюся с благословения Временного правительства.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил 21 октября воззвание к казакам, в котором разъяснял им провокационный характер готовящейся авантюры контрреволюционных сил.

В числе агитаторов, направленных Военно-революционным комитетом в казачьи казармы, был и Григорий Чудновский. Он выступил во дворе казармы на Морской улице на митинге 4-го казачьего полка. Ему удалось найти доходчивые, понятные казакам и взволновавшие их слова. К концу этого митинга большая часть 4-го казачьего полка решила отправить делегацию в Военно-революционный комитет с заявлением, что 4-й казачий полк «отказывается участвовать в «крестном ходе» и никаких враждебных действий по отношению к революционному народу проявлять не будет». Агитация, которую вели в казачьих казармах большевики, возымела действие. Вечером 21 октября представители обоих казачьих полков — 4-го и 14-го — заявили на гарнизонном совещании, что их полки не примут участия в «крестном ходе». Временное правительство было вынуждено в ночь на 22 октября отменить казачий «крестный ход».

В. И. Ленин в письме к Я. М. Свердлову отметил большое значение этой победы революционных сил.

Еще 20 октября Военно-революционный комитет стал назначать своих комиссаров в воинские части Петроградского гарнизона. Комиссаром в резервный лейб-гвардии Преображенский полк был направлен Григорий Чудновский.

Во время разговора с В. И. Лениным 20 октября Н. И. Подвойский сказал, что войсковые части, бывшие ранее реакционными (Семеновский и Преображенский полки), требуют проверки. «Преображенский полк — еще не наш, но мы уверены в том, что и его завоюем»,— заверил Подвойский Владимира Ильича.

Несомненно, значительную роль в большевизации Преображенского полка сыграл комиссар ВРК Чудновский.

Но все же этот полк, казармы которого находились возле Зимнего дворца (на Миллионной улице, у Зимней Канавки), внушал тревогу. Оставалось неизвестным, как поведут себя

в момент восстания полковой комитет и особенно офицерство. Поэтому задание, которое получил от Военно-революционного комитета Чудновский, было ответственным и трудным.

Почему ВРК направил в Преображенский полк Чудновского? Выбор пал на него не только потому, что Григорий был рядовым-преображенцем. О нем слышали в резервном полку как о председателе комитета фронтового Преображенского полка, а затем дивизионного и корпусного комитетов. Однополчане-фронтовики, часто приезжавшие в Петроград за литературой, махоркой, за новостями, рассказывали преображенцам о Чудновском, который пользовался на фронте большой популярностью. Ему было легче, чем кому-либо другому, сагитировать преображенцев.

Назначая Чудновского комиссаром в Преображенский полк, ВРК руководствовался и тем, что Чудновский к этому времени уже прошел немалую военную выучку, бывал под пулями, ходил в атаки, умел руководить солдатами. Такие большевики в дни восстания были особенно нужны, и партия использовала их боевой опыт, доверяя им наиболее опасные и ответственные участки.

Получив назначение, Григорий сразу же отправился в солдатские казармы, сначала на Кирочную улицу, где находился основной контингент полка.

В тот же день в казармах преображенцев было проведено полковое собрание. 23 октября Антонов-Овсеенко сообщил на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что Преображенский полк на собрании, устроенном комиссаром тов. Чудновским, заявил протест по поводу утверждения буржуазной печати, будто преображенцы стоят за Временное правительство.

И все же Чудновский вернулся из полка неудовлетворенный. «Офицерство там вообще ненадежное,— сказал Григорий Еремееву.— Я сейчас там был. Упарился. Никакого толка. Но категорически обещали нейтралитет. Полковой комитет говорит: «Мы не о двух головах».

И Чудновский снова возвращается в полк. Надо гарантировать хотя бы нейтралитет полкового комитета и офицеров.

Как показали дальнейшие события, Григорий нашел удачный выход из создавшегося положения. Уже днем и вечером 24 октября, используя свои полномочия комиссара полка, он начал рассылать караулы преображенцев в различные пункты. Так, когда Временное правительство наложило арест на типографию газеты «Копейка», где печаталась газета «Рабо-

чий и солдат», Чудновский направил туда охрану из двух взводов Преображенского полка. Таким образом, он выводил солдат из-под непосредственного подчинения офицерам и полковому комитету. К вечеру 25 октября в полковых казармах солдат почти не осталось. Но преображенцы несли не только караульную службу — Чудновский направил их на Дворцовую площадь, где они заняли позиции напротив Зимнего дворца, находясь в тесном соприкосновении с революционными войсковыми частями. Н. И. Подвойский писал: «На центральном участке были части Литовского, Волынского, Павловского и Преображенского полков».

...Поздно вечером 24 октября Ленин пришел в Смольный и возглавил восстание. Для оперативного руководства восстанием была выделена «тройка»: Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский.

Чудновский всю ночь провел в Смольном. В маленькой комнате № 10 на первом этаже члены «тройки» уточняли на карте Петрограда детали предстоящих операций. План разрабатывался подробно, с указанием частей, их расположения и направления ударов, которые предстояло в первую и во вторую очередь нанести по объектам, занятым Временным правительством.

Позднее, во второй половине дня 25 октября, план уточнили на совещании «тройки» в Петропавловской крепости, куда был переведен полевой штаб. Дело не обошлось без споров. По воспоминаниям очевидцев, Чудновский доказывал Подвойскому, что необходимо создать третью линию оцепления Зимнего дворца в виде отдельных баррикад в наиболее важных опорных пунктах. Часть этих баррикад была сразу же сооружена.

Во время подготовки восстания Григорий забежал домой на несколько минут. У него было бледное, но радостное и какое-то вдохновенное лицо. Он почти ничего не сказал. Только жестом дал понять: все идет как надо! И убежал.

К утру 25 октября все важнейшие опорные пункты Временного правительства в Петрограде были взяты и власть его низложена. Однако министры Керенского под охраной почти 3 тысяч юнкеров, казаков и частей женского батальона продолжали заседать в Зимнем дворце. В Мариинском же дворце с утра 25 октября началось заседание «предпарламента»— «Временного совета Российской республики». В. И. Ленин требовал к открытию II съезда Советов, назначенному на 25 октября, во что бы то ни стало взять Зимний дворец, арестовать членов Временного правительства, разогнать «предпарламент».

Для лучшей организации наступления и взятия Зимнего дворца кроме полевого штаба ВРК в Петропавловской крепости, который возглавлял Антонов-Овсеенко, были созданы еще два штаба: один в Павловских казармах, под руководством Еремеева, и штаб Чудновского, размещавшийся в казармах 2-го флотского экипажа.

Прежде чем начать штурм Зимнего дворца, необходимо было занять здание штаба Петроградского военного округа на площади, а также разогнать «предпарламент».

Мариинский дворец было решено занять в первую очередь. Осуществление этой задачи выпало на долю Чудновского.

25 октября отряды солдат Кексгольмского полка, матросов гвардейского флотского экипажа и красногвардейцев начали окружать Мариинский дворец с 9 часов утра. Все они находились на левом фланге линии наступления, которым командовал Чудновский.

К. С. Еремеев приводит в своих воспоминаниях яркий рассказ Григория Чудновского о том, как был занят Мариинский дворец.

«С Мариинским кончено,— сказал Чудновский Еремееву.— Все как по-писаному: окружили, поставили броневики, вошли туда и предложили разойтись. Юнкеров разоружили... Что там было — в Мариинском!.. Растерянность, паника, представить себе не можете, ушли как в воду опущенные. Протесты? Жалкий лепет: «Покоряемся грубой силе»... Автомобили все поарестовали... Совет республики просил дать им хотя бы в автомобилях разъехаться, напоследях, так сказать. А матросы им кричали: «Не велики господа, пешком дойдете. Полезно к аппетиту!» Как нравится — «Полезно к аппетиту»!?

После разгона «предпарламента» и занятия Мариинского дворца Григорий помчался в Смольный, чтобы доложить об этом Военно-революционному комитету. Он попал как раз на экстренное заседание Петроградского Совета, где было объявлено о победе восстания. Из Смольного Чудновский вернулся около 3 часов дня, полный решимости как можно скорее покончить с Зимним дворцом.

Ему было поручено предъявить Временному правительству ультиматум и, как пишет Еремеев со слов Чудновского, «по результатам переговоров контактировать все наступление».

В ультиматуме, подписанном В. А. Антоновым и комиссаром Петропавловской крепости Г. И. Благонравовым, говорилось: «Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему

войскам капитулировать... Для ответа вам предоставляется 20 минут... Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь...»

...Темнеет. Во второй линии наступающих зажигают костры. Ответа на ультиматум Военно-революционного комитета нет.

Тогда в Зимний дворец, чтобы предъявить ультиматум, отправляется Чудновский. Он волнуется. Встретив Еремеева, говорит: «Еду в Зимний парламентером... Когда вернусь, будем наступать... Пожмите мне руку!»

За линией баррикад Чудновский встретил юнкера, делегата Ораниенбаумской школы, который сообщил ему, что «юнкера не желают драться со своими братьями» и хотят уйти из Зимнего дворца.

И тут: «Арестовать, арестовать!» Чудновский рассказал потом: «Под стражей в одном из коридоров дворца я был сейчас же окружен толпой юнкеров. Разъяснил юнкерам, что весь город, все опорные пункты Временного правительства — в руках восставших, убедил их, что участь сторонников Керенского предрешена».

Окружившая парламентера возбужденная, протестующая толпа юнкеров потребовала его освобождения. Юнкера настаивали так же, чтобы и их немедленно выпустили из дворца, так как они не желают участвовать в безнадежной игре и кровопролитии.

В то время как Чудновский находился в Зимнем дворце, руководители штурма волновались: кто-то позвонил по телефону из Зимнего дворца в штаб Антонову-Овсеенко и сообщил, что с Чудновским расправляются. «В штабах восстания считали минуты...— писал Подвойский.— Открывать огонь из орудий, когда заложниками у врагов наши товарищи, было рискованно — заложники могли быть расстреляны».

Наконец из Петропавловской крепости был дан сигнал к началу штурма. Над площадью повисает густой гул: стреляет «Аврора». Гремят и орудия Петропавловки. Орудийные выстрелы порождают смятение в рядах защитников Зимнего. Стрельба с баррикад на время стихает.

Штурмующие части открывают пулеметный и винтовочный огонь. Цепи наступающих в полной тьме, прорезаемой лишь вспышками выстрелов, продвигаются к дворцу.

Впереди — Антонов-Овсеенко и Чудновский. Григорий знал уже самый короткий путь к помещению, где укрылись министры Временного правительства, и направил главные силы штурмующих через левый подъезд дворца. Юнкера перестали оказывать сопротивление. Только недалеко от Ма-

лахитового зала и малой столовой цепь юнкеров с винтовками преградила путь наступающим. По воспоминаниям солдата-преображенца А. И. Спицына, Чудновский кинулся к юнкерам, схватил за штык винтовку одного из них и отвел ее в сторону. Юнкера опустили оружие и расступились.

Стоящий у двери побледневший юнкер нерешительно произносит: «Здесь правительство».

«А здесь — революция!» — раздается крик одного из матросов.

Путь в малую столовую и кабинет — убежище министров — был открыт.

Вокруг стола сидят 15 членов Временного правительства.

Антонов-Овсеенко громко произносит: «Объявляю вам, что вы арестованы! Я представитель Военно-революционного комитета». Антонов-Овсеенко и Чудновский записывают фамилии арестованных министров Керенского, составляют протокол. Происходит сдача оружия. Чудновский забирает со стола бумаги, папки, портфели министров и связывает их в пачку.

Григорий рассказал потом, что ему и Антонову-Овсеенко понадобилась вся решительность, твердость и энергия, чтобы предотвратить самосуд над министрами Керенского.

...В телефонограмме, полученной Петроградским районным Советом, говорилось: «(В) 2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего дворца (назначен) Чудновский».

Потом, когда контрреволюционные силы, собранные Керенским, начали угрожать красному Петрограду, В. И. Ленин, убедившись в необычайной выносливости и энергии Чудновского, подписывает ему «Полномочия» для немедленного действия по обороне Петрограда — первый документ, подписанный Владимиром Ильичем как Председателем Совета Народных Комиссаров. Потом была борьба с контрреволюцией на Украине. Чудновский, раненный в ноги (8 апреля 1918 г.), застрелился, не желая попасть живым в руки врага.

* *
*

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Г25 **Гвардия** Октября. Петроград /Сост. И. Г. Лупало.— М.: Политиздат, 1987.— 461 с., ил.

Эта книга о тех, кто в октябре 1917 года возглавил вооруженное восстание в Петрограде. В ней помещены очерки и воспоминания о В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, М. И. Калинине, Ф. Э. Дзержинском и других соратниках вождя революции.

Некоторые материалы публикуются впервые.

Книга иллюстрирована. Рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{0505030101-071}{079(02)-87}$ 130—87

ББК 63.3(2)711.1

ГВАРДИЯ ОКТЯБРЯ

Петроград

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
Редактор Н. С. Гудкова
Младший редактор Т. А. Ходакова
Художник А. А. Кузнецов
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Е. В. Васильевская

ИБ № 7169

Сдано в набор 18.11.86 Подписано в печать 17.04.87. А 00072 Формат 60×90[1]/[16]. Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Усл. кр.-отт 58,50. Уч.-изд. л. 26,84. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз. Заказ № 4783. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат, 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда»,
603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

1 р. 20 к.
ПОЛИТИЗДАТ